

В.В. Сорокин

**ПРАВО
И ПРАВОСЛАВИЕ**

Монография

Министерство образования
и науки Российской Федерации

В.В. Сорокин

ПРАВО И ПРАВОСЛАВИЕ

Монография

Барнаул
2007

ББК – 67.0

С 65

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор
Уральской государственной юридической академии
В.М. Корельский;

доктор юридических наук, профессор
Красноярского государственного университета
С.А. Дробышевский.

С 65 Сорокин, В.В.

Право и православие. Монография / В.В. Сорокин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 547 с. – 500 экз. – ISBN 5-93957-148-5

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой серьезный научный острополюемичный труд, посвященный проблеме правопонимания. С общетеоретических позиций автор разрабатывает синтетическую теорию права на основе духовно-культурологического подхода. В монографии рассматриваются проблемы понятия и сущности права, актуализации религиозных и нравственных оснований права, особенностей российской правовой культуры в потоке мировой и отечественной истории. Книга адресована как специалистам в области юриспруденции, студентам и преподавателям юридических факультетов, так и широким читательским кругам, интересующимся историей русской духовной культуры.

ISBN 5-93957-148-5

© Сорокин В.В., 2007



Введение

В России позже, чем в других странах произошел обрыв преемственности многовековой традиции, питающей духовно-культурную связь многих поколений. В начале XX столетия и в нашей стране была разрушена целостность восприятия мира, осуществился исход в беспочвенный модернизм, паразитирующий на негативных энергиях безнравственности. Правовая система России утратила иммунитет против разрушительных тенденций распада.

К началу XXI века население России уже не имело единого мировоззрения, всенародного согласия по принципиальным вопросам общественной жизни. У нас отсутствуют необходимое духовное содержание государственной и правовой форм, действенные механизмы согласования правомерных интересов различных социальных групп, здоровый инстинкт самосохранения народа и государства, прочное государственное единство и территориальная целостность страны.

В такой исторической обстановке актуализируется проблема правопонимания, которая носит не только общетеоретический, но и очевидный прикладной характер. Господствующий тип правопонимания становится жизненно важным в перспективе дальнейшего развития отечественной культуры.

Понимание, по В. Далю, есть постижение умом, познание, разумение, поиск в чем-либо смысла, толка, видение причин и последствий¹. По С.И. Ожегову, понимание представляет собой уяснение значения чего-нибудь, способность постигать смысл слов и поступков². Весьма показательно, что в «Новейшем философском словаре» понимание определяется как

¹ Даль В. Толковый словарь в 4-х тт. Т.3. М., 1990. С. 286-287.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 510.

процедура не только постижения, но и порождения смысла. Именно новое и новейшее время отличается интенсивным стремлением человечества породить новый смысл для исконных терминов. То же случилось с термином «право», изначальный смысл которого был так искусно выхолощен, что современникам непросто его восстановить и принять.

Сейчас существует множество определений понятия права, но нет ни одного, которое бы считалось общепризнанным. Ученые-правоведы продолжают, рассуждая о праве, говорить о разном; не о разных проявлениях одного и того же явления, а именно о разных явлениях. В результате предметом научных исследований о понятии права оказывается не одно явление, а различные явления, причем далеко не всегда позитивные. Немалое число правоведов приветствуют такое положение. Е.А. Лукашева отмечала, что «право – явление столь сложное и многозначительное, что нет и не может быть единственно верного ответа на вопрос: что такое право. Существует множество попыток определения понятия права, каждое из них подчеркивает важнейшие, по мнению его сторонников, свойства и признаки права, однако единого понятия нет, да и не должно быть»³. С.С. Алексеев в одной из своих фундаментальных статей счел возможным такой финал: «Не хотелось бы подытоживать характеристику права как явления цивилизации и культуры какой-либо строгой дефиницией»⁴. У ряда ученых-юристов стало «правилом хорошего тона» вообще обходить вопрос определения понятия права либо присоединяться к единосущным иностранным теориям позитивизма и «естественного права». В результате подобного правопонимания право превращается в нечто виртуальное, а теоретическое правоведение обрекается на стагнацию.

³ Основные концепции права и государства в современной России (Круглый стол журнала) // Государство и право. 2003. № 5. С. 110.

⁴ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 7.

Замечание И. Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, нельзя признать констатацией нормального положения. Пока нет адекватного общепризнанного определения понятия права, невозможно правильно воспринимать ценность права. Общее определение понятия права, если оно правильно сформулировано, имеет теоретическую и практическую значимость, поскольку ориентирует на главные и решающие признаки, характерные для права вообще и отличающие право от других общественных явлений. Именно тип правопонимания определяет содержание теоретической модели правовой системы и принципы ее построения. Процессы правообразования и правореализации, правосознание бессмысленны в отрыве от правопонимания. От верного раскрытия понятия права зависит правильная постановка научных исследований, ибо остальные юридические понятия образуются в связи с тем или иным пониманием права. Общая ориентация юридической практики ставится в зависимость от того, как трактуется право. Состояние правовой культуры общества обусловлено господствующим правопониманием, потому что правовая культура является оценочной категорией. Квалификация будущих юристов зависит от уяснения студентами юридических факультетов теоретических представлений о роли, сущности, содержании и форме права, что позволит им адекватно толковать правовые нормы и разрешать юридические казусы при пробелах в нормативно-правовых актах. Вот почему правопонимание является исходным, ключевым вопросом, в зависимости от решения которого понимаются и трактуются все другие правовые явления, определяются перспективы развития правовой системы и юридической науки.

В понятии права в научно-абстрактном (сжатом и концентрированном) виде содержится определенная теория права. Если понятие права – это концентрированная правовая теория, то правовая теория есть развернутое, конкре-

тизированное понятие права. Только вся система понятийного знания о праве и государстве и есть полное и конкретное раскрытие понятия права в виде определенной целостной теории.

Все это налагает на теоретиков права, обращающихся к проблеме правопонимания, немалую социальную ответственность. Осознание таковой не позволяет нам приветствовать перепроизводство определений понятия права ради плюрализма подходов в юридической науке как такового. Подобный плюрализм настоящую науку обедняет, т.к. отвлекает ученых от Истины. Обращение к теме правопонимания может быть оправданным постольку, поскольку у автора есть возможность высказать принципиальные суждения, основанные на истинном и сокровенном смысле права.

О теоретической основе данного исследования. В центре оживленных дискуссий проблема правопонимания была не одну сотню раз, переживая обострение и охлаждение интереса к себе. Весьма значительным было обсуждение данной темы на страницах журнала «Советское государство и право» в 1979 г.⁵ Именно тогда после долгого перерыва в отечественной юридической науке была проведена крупномасштабная инвентаризация имеющихся подходов к пониманию права. Широкий научный резонанс вызвали статьи правоведов Алексеева С.С., Бабаева В.К., Васильева А.М., Бобровой Н.А., Кудрявцева В.Н., Марченко М.Н., Матузова Н.И., Нерсесянца В.С., Рабиновича П.М., Тененбаума В.О., Халфиной Р.О., Явича Л.С. и др.⁶

⁵ О понимании советского права (Круглый стол журнала) // Советское государство и право. 1979. № 7, 8.

⁶ См., например: Бабаев В.К. Советское общенародное право: сущность и тенденции развития // Советское государство и право. 1980. № 6; Боброва Н.А. О понятии права, его значении в категориальном аппарате правоведения // Советское государство и право. 1981. № 11; Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7; Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и

В 1990-е гг. к данной дискуссии подключились многие видные ученые, среди которых можно назвать М.И. Байтина, В.М. Баранова, В.Г. Графского, И.Ю. Козлихина, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, В.Д. Перевалова, А.С. Пиголкина, В.В. Оксамытного, В.Н. Синюкова, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, В.А. Четвернина, Б.С. Эбзеева. Именно с этого времени в российской правовой доктрине стали доминировать идеи «естественно-правовой школы» правопонимания. В последние пятнадцать лет официальные декларации и учебные программы по юриспруденции явно тяготеют к «естественно-правовой» теории, а правоприменительная деятельность в основном склоняется к позитивизму. В результате студент-юрист выносит из учебного процесса смутное и весьма путаное представление о праве вообще. Приходится признать, что у отечественной теории права и государства нет пока общего, единого мировоззренческого фундамента. Это означает, что российские правоведы пока далеки от истины в вопросе понимания права.

Отмеченная проблема является выражением утраты российским обществом и государством согласного понимания высшего смысла своего существования. Отечественная юридическая мысль оторвалась от своих корней и дрейфует в лоне западничества. Российская юриспруденция пользуется понятиями и категориями западной юридической теории, оперирует либеральными ценностями. В итоге правовую систему России пытаются строить в основном на деятельности законодательных органов. Дефицит права (в собственном смысле этого слова) невозможно заполнить обильной и рыхлой законодательной массой. Из-за увлечения западными

единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10; Рабинович П.М. О понимании и определении права // Правоведение. 1982. № 4; Тененбаум В.О. О сущности права // Правоведение. 1980. № 1; Халфина Р.О. Что есть право: понятие и определение // Советское государство и право. 1984. № 11.

концепциями права в России слишком много внимания уделяют формальному праву, которое начало абсолютизироваться еще в период реформ Петра I, а сейчас неконтролируемо расплзается по регионам страны. Бесперывно растет и усложняется законодательство страны, множатся юрисдикционные органы, увеличивается затратность правоохранительного аппарата, но все это слабо влияет на укрепление правового порядка в обществе. Из негативного опыта советского законодательства уроков не извлекли – в нем тоже было много норм, в основном подзаконных, но серьезной проблемой был вопрос их реализации.

На протяжении всего XX века отечественное правоведение не могло выйти за рамки так называемых основных типов понимания права, суть которых всегда противоречила российской правовой культуре. Отечественные ученые в массе своей смирились с мыслью, будто определение права возможно лишь в русле естественно-правовой либо позитивистской традиций.

Нами отстаивается тезис о том, что соперничество естественно-правовой и позитивистской школ не может выступать в качестве главного предмета общетеоретической дискуссии относительно правопонимания. Также как противостояние марксизма и либерализма, о котором много пишут с конца XX века, представляет собой всего лишь альтернативу подходов в рамках единого западного мировоззрения эпохи Просвещения, *естественно-правовое и позитивистское течение юридической мысли по сути тождественны. Это две детерминистские школы, игнорирующие культурно-историческую составляющую проблемы понимания права. Упомянутые концепции правопонимания фактически отражают лишь европейскую юридизированную, но отнюдь не правовую, культуру.*

В таких обстоятельствах явно ощущается дефицит подлинно правовых идей. **Смысл современной познавательной**

ситуации заключается в поиске новизны методологии, а не в выборе между известными интерпретациями права. Методологический ресурс естественно-правовой и позитивистской доктрины давно выработан даже в условиях Запада, а применительно к условиям России – он и вовсе показал свою несостоятельность.

Одна лишь возможность выживания и воспроизводства ростков самобытной российской правовой культуры потенциально угрожает обоим универсалистским подходам западной юриспруденции. Идеологизированность юридической науки не позволяет даже поставить вопрос о формировании собственно российской, а тем более – русской национальной правовой культуры. Поэтому давно назрели пересмотр господствующих доктринальных установок и развенчание многочисленных мифов современной юридической науки.

Несмотря на неприятие Западом и отечественной интеллигенцией России как равновеликой Западу в целом геополитической силы с собственным поиском смысла мироздания, рано или поздно у нас укрепится движение к уважению и всемерному учету национальных правовых традиций. Уже сейчас ощущается потребность в защите России от мессианского проекта либеральной глобализации, превращающей нашу страну в культурно-экономическую провинцию англо-американского мира.

Еще Н.Н. Алексеев в начале XX столетия писал: «Наше государствоведение являлось ничем иным, как политикой европеизации русского государства... Отправной его точкой было изложение западного политического строя как строя нормального. Затем с этим нормальным строем сравнивались наши государственные институты, подвергались критике, отвержению. Это был типичный пример смешения науки с политикой, смешения одинаково недопустимого ни с точки

зрения первой, ни с точки зрения последней»⁷. Отечественная теория права и в течение всего советского периода оставалась заметно западнической. *Но вряд ли исторично через одну и ту же призму оценивать западноевропейскую и русскую государственность, в основание которых положены различные духовные ценности. Однако в современном правоведении так и не разработана методология, с помощью которой можно адекватно изучать феномен русского права.* К такому выводу приводят научная добросовестность и анализ теоретической основы настоящего исследования.

Большинство ученых-юристов даже не подозревают, что русское право есть нечто в высшей степени специфическое и, справедливости ради, только оно и может именоваться правом в исконном значении этого слова.

Представляется не случайным, что угроза разрушения национально-культурной идентичности народов Российской Федерации наиболее ярко проявляется сегодня в сфере права. *Российское право перерождается в сугубо юридический (нормативный) регулятор в духе «лучших» европейских образцов, отчего возрастает его формализм, но уменьшается духовно-культурная роль в воспитании нации.*

К сожалению, свою негативную роль в распылении уникального российского правосознания и русского национального самосознания сыграла наша юридическая и политическая наука. Возросшая на ниве европейского «Просвещения», она не только не рождает новых идей, но и не представляет свидетельств самостоятельного философского подхода к изучению общественных явлений. Десакрализованная, светская юридическая мысль, начиная с XVIII столетия, пыталась создать не столько русскую философию права, сколько негативный образ отечественных правовых традиций. Неудовлетворительные результаты нашей правовой реформы

⁷ Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи. СПб, 1910. С. 396-397.

во многом связаны с неверно избранной стратегией правового развития, ориентированной на формалистику закона и декларативность прозападной идеологии. В этом заключается печальный итог игнорирования традиционного для России типа правопонимания и прочих констант духовного опыта нашего народа.

По мнению В.Н. Синюкова, российское право «все более вырождается в наукообразное законодательство – замкнутое и непонятное обществу. При всей усложненности оно поверхностно, эклектично и мало кого в России по-настоящему трогает. К концу XX века мы не имеем ни одного оригинального, не говоря уже эпохального, правового памятника – не считать же таковыми действующую Конституцию или новый Гражданский Кодекс»⁸.

Юридическая наука оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества. И не потому только, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей идеологии, уравнивая истину с получением пользы, что вывести ее из этого состояния можно лишь разрушив мифологемы современности – утилитаризм, рационализм, индивидуализм, свободу как абсолютную ценность, демократию как цель. *Правоведение утратило статус подлинной науки – служительницы истины и превратилось в наукообразную сферу практической политики и идеологии, которые зависят от изменчивых указаний конкретного момента. Отсюда – создание целой системы канонизированных мифов и идеологем, в рамках которых и проводится конвейер конференций, круглых столов и семинаров с бесплодными обсуждениями и дискуссиями.* Например, какую важную роль выполняют права человека в обеспечении устойчивости общества; сколько признаков у правового госу-

⁸ Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К вопросу о российской правовой доктрине в XXI веке // Ежегодник Российского права. 2000. С. 13.

дарства; каковы основы федерализма; что есть достоинство личности как конституционно-правовой принцип и т.п. Подобного рода «проблемы» стали определять перспективу развития юридической науки. Видимость движения теоретической мысли создается полными изошренной схоластики трудами. *В действительности ширится разрыв между наукой, юриспруденцией и жизнью.*

Общая теория права в продолжение всего XX столетия претендовала на чистоту эмпирической методологии и попросту отказывалась объяснять свою исходную познавательную позицию. Она стала неспособной объяснять правовые явления за пределами законов. В своем упрощении объекта она отказывается от познания сущности правовых явлений. В теоретической юриспруденции наблюдается торжество софистики. Это, в частности, проявляется в апологетической направленности науки в рассмотрении государственно-правовой действительности. Е.Л. Поцелуев в своей обстоятельной статье «Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности?» констатировал, что современное правоведение сводится к совокупности практически значимых данных, посвященных преимущественно «оформительским» либо иным сугубо прагматическим функциям права и служению сильным мира сего⁹. Однако цель юридической науки нельзя понимать сугубо утилитарно.

Цель науки и главный долг ученого – это поиск истины. Поэтому пора отвергнуть многочисленные попытки поставить науку на службу не истине, не потребностям гармоничного устройства жизни, а частным корыстным интересам, и в первую очередь – интересам господства и наживы.

Ограниченность нашей юридической науки, неспособность к методологическому прорыву во многом обу-

⁹ Поцелуев Е.Л. Современное состояние теории государства и права: кризис и поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 5. С. 104.

словлены самозоляцией фундаментального правоведе-
ния от правовой традиции России. Имея значительную до-
революционную философскую основу, теоретическая
юриспруденция не смогла использовать для целей своего раз-
вития этот богатейший пласт мысли, фактически выведя
научное осмысление права и государства за скобки русской
духовной традиции. Парадоксально, но именно в сфере духа,
где отечественная культура всегда имела мировые позиции,
мы не можем отстоять самобытность своего национально-
го самосознания (включая специфику правосознания и право-
понимания), показываем слабость. В наши дни
оживляющееся национальное самосознание титульной нации
России третируется как проявление национализма.

Переломить ныне существующую неблагоприятную си-
туацию в отечественной юридической науке возможно путем
возврата к исконному смыслу права в духе глубинных рус-
ских традиций с одновременным отказом от ошибочных кон-
цепций, научных революций, плюралистического понимания
права и т.п.

Концепция научных революций Т. Куна подразумевает
смену парадигм. Утверждение данной концепции в правове-
дении приводит, как минимум, к перепроизводству типов
правопонимания, потому что понятие права ставится в зави-
симость от исторической конъюнктуры, а вечные духовные
ценности, содержащиеся в праве незыблемо, игнорируются.
По этой причине преобладает плюралистический подход к
пониманию права, которого придерживался, в частности, О.Э.
Лейст: «В философии права различие мнений неизбежно и
неустранимо, поскольку оно выражает многообразие миро-
воззренческих позиций исследователей, отражение их ценно-
стных ориентиров, а также различные общеправовые
установки исследователя. В этом нет ничего плохого. История
человечества доказывает, что именно нестандартность, разно-
образие способов мышления были и остаются основой интел-

лектуального развития, а тем самым и общественного прогресса»¹⁰. Эти слова выдающегося теоретика права О.Э. Лейста можно было признать справедливыми, если бы в науке и в познаваемом нами мире истин было множество, но истина всегда одна и компромисс по поводу истины невозможен. *Признание плюрализма подходов в правопонимании предполагает девальвацию истины в этой сфере научного познания, отказ от целостного восприятия права в пользу его фрагментации, одобрение разнообразных заблуждений.* К тому же, нестандартность мышления полезнее всего обнаруживать не в ересях, а в русле истинного знания. А истинная наука, будь то физика, биология, история или юриспруденция ничего не выдумывает, а лишь выявляет изначально существующие в природе и обществе явления и феномены, их закономерности и суть.

Для плюралистического понимания права принципиален отход от старых традиционных воззрений, которыми сопровождалось рождение и становление права в человеческом обществе. С утверждением плюрализма мнений в теории права представители разных школ определяют право многообразно: как меру свободы, как меру справедливости и равенства, как систему норм, исходящих от государства, как воплощение консенсуса, как определенный фактический порядок и т.д. При таком положении представителям отраслевых юридических наук и практикующим юристам неясно, что понимать под правом, что является объектом исследования в отраслевых науках. В результате страдает методологическая функция теории права и государства.

А.К. Черненко полагает, что «правовая действительность только тогда может быть верно воспроизведена научной конструкцией, когда понятия столь же изменчивы и пластичны, как и сами правовые явления... Закон лишь постольку может быть признан правовым, поскольку адекватно отражает по-

¹⁰ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 263.

требности и противоречия развития общества»¹¹. С таким «плавающим», сверхгибким определением права можно будет определять что угодно, оправдывая любой произвол и рецидивы несправедливости.

Многие труды по проблеме правопонимания страдают концептуальной беспомощностью, отражая стагнацию фундаментальной юридической науки. *Мы дошли до полного забвения того исторического факта, что живем в стране, являющейся родиной термина «ПРАВО» во всем богатстве и самобытности его содержания. У нас зародились не «LAW», не «JUS», не «LEX», а именно ПРАВО, адекватных аналогов которому в других странах не было и нет. Нам же внушается мысль о том, будто «особенность нашей страны – в отсутствии традиций правового мышления... Мы строим теоретическое правоведение там, где еще нет правовых традиций...»¹². Данный миф весьма живуч и очень востребован сторонниками плюралистического правопонимания. А подлинная беда фундаментальной юриспруденции в России заключается не в отсутствии правовой традиции (с этим-то как раз все благополучно), а в игнорировании духовной ценности русского права, коммерциализации юриспруденции, превращении правоведения в набор казуистических положений и рекомендаций.*

По вышеизложенным соображениям, теоретический фундамент данного монографического исследования составляют не труды европейской традиции либеральной мысли (И. Канта, И. Бентама, Дж. С. Милля, Р. Дарендорфа, О. Хеффе и их современных отечественных последователей В.С. Нерсисянца, О.Э. Лейста, Р.З. Лившица, В.А. Четвернина, А.П. Семитко и др.). Мной отстаивается тот христианский взгляд на право, к которому приходили еще в начале XX в. такие ученые как

¹¹ Черненко А.К. Теоретические проблемы построения правовой системы общества. Новосибирск, 2004. С. 27-28.

¹² Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 279.

И.А. Ильин, В.Д. Катков, Н.А. Захаров, И.В. Михайловский, К.А. Неволин, Е.В. Спекторский, Л.А. Тихомиров, И. Солоневич, Г. Флоровский, А.С. Яценко и, отчасти, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин, С.Л. Франк. Среди современных правоведов, близких к христианской традиции правопонимания, можно назвать А.М. Величко, Р.С. Байниязова, В.М. Баранова, В.М. Корельского, Н. Нарочницкую, Р.А. Папаяна, В.А. Полякова, В.Н. Синюкова, В.А. Томсинова, О.И. Цыбулевскую, В.А. Цыпина, И.Л. Честнова.

Для спасения отечественной правовой культуры необходимо восстановить преемственность русской религиозно-философской и правовой мысли. Особенно это касается правоведения, которое вообще редко рассматривается на фоне эволюции религиозно-философской картины мира.

Правовая традиция России описывается нами в терминах и выражениях не только современного русского языка, но и в выражениях, характерных для тех исторических эпох, в которые они были сформулированы. Описание истории русского права и правопонимания основано в данной монографии исключительно на оригинальных текстах различных правовых памятников, летописей, произведений отечественных мыслителей. Предлагаемая книга вводит читателя в мир образов и архетипов русской истории и культуры. Поиск истинного правопонимания в России представлен нами через историю ее духовного опыта.

О методологической основе данного исследования. В настоящее время методология общей теории права носит в основном позитивистский характер. Господствует представление, будто научное исследование должно быть позитивистским, рационалистическим и материалистическим, иначе оно не научное. Эта идея существенно обеднила научные результаты многих трудов по юриспруденции. Господство юридического позитивизма и догматизма основательно критиковал

еще Б.Н. Чичерин: «Вместо того, чтобы строить здание по общему плану эмпиризм воздвигает здание на основании чисто практических соображений. Метафизику эмпиризм отвергает как бред воображения, единственным руководящим методологическим началом всякого знания он признает опыт. В результате само понятие права низводится до степени практического интереса. Более того, оно понимается как политика силы. В условиях такой дезорганизации правосознания, - пишет Б.Н. Чичерин, - молодые юристы, которые и хотели бы восстановить старое право, при полном недостатке философской подготовки даже не знают, как к этому приступить»¹³.

Проблему правопонимания трудно разрешить в условиях отрицания духа, духовной культуры, веры, сведения человеческой жизни к материальным процессам, материальным мерилам и материальному благополучию. «Находясь некоторое время под влиянием естественно-правовой доктрины, - признавался А.М. Величко, - внешне сориентированной на признание личности нравственной, духовной и неповторимой субстанцией, мы вскоре пришли к выводу о ее несостоятельности именно в духовном плане. Существо идеи права не может основываться на нравственном императиве, определенном рационально. И дело не в истинности отдельных научных методов и погрешностях других, а в том, что сам метод, основанный на принципах логики и духе рассудочного объяснения правовых явлений, не может быть признан единственным»¹⁴. Представитель исторической школы права Г.Пухта утверждал, что «не из понятия разума можно прийти к понятию права»¹⁵.

Научное сознание в разное время догадывалось о неполноте как эмпирической, так и рациональной картины мира.

¹³ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 2.

¹⁴ Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб, 1999. С. 3.

¹⁵ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 4-5.

Так, И.В. Михайловский обосновывал такую мысль: «чистый материализм уже сдан в архив науки, его в настоящее время могут признавать лишь полные невежды»¹⁶. И.А. Ильин писал о том же: « За последние века человечество оскудело внутренним духовным опытом и прилепилось к внешнему чувственному опыту; сначала верхние, ученые слои утвердились на том, что самое достоверное, драгоценное знание идет к нам от внешних, материальных вещей...»¹⁷. Очевидно, это происходило из-за перехода правового мышления к материалистическим критериям, в которых роль религиозного фактора для генезиса права не идентифицируется сознанием.

Мы исходим из методологической традиции отечественного правоведения, согласно которой наука и религия не противоречат друг другу. Истинными реалистами следует считать именно тех ученых, которые адекватно воспринимают мир, имеющий как материальное, так и духовное измерение, и познаваемый двумя дополняющими друг друга способами. Выдающиеся ученые, сделавшие в свое время крупный вклад в мировую науку, не скрывали, что были верующими людьми.

Противостоящий христианству материализм не является наукой в собственном смысле слова. По своей природе это квазивера, то есть вера в материю. Сторонники материалистического мировоззрения веруют, что материя абсолютна и кроме нее ничего нет. Этот постулат квазиверы ни эмпирически, ни логически доказать невозможно.

Нами признается вечная идея права, что является тезисом идеализма. Мы защищаем в своей работе вывод о том, что **право как духовное явление не поддается сугубо рационалистическим, причинным методам познания и не исчерпывается условиями среды.** Природа права самым органическим и естественным образом связана с феноменом

¹⁶ История русской философии права. СПб, 1998. С. 314.

¹⁷ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт.М., 1994. Т. 1. С. 336-337.

правосознания, исходным пунктом которого служит правопонимание. Поэтому всякая трактовка природы права оказывается под прямым влиянием духовных факторов. Право представляет собой форму духовного освоения мира.

К истине в вопросе правопонимания можно прийти через религию и мораль. Такая методологическая позиция вызовет отторжение у ряда современных исследователей. Л.А. Зеленов, как многие в наше время, определяет науку как систему знания, а религию как систему веры¹⁸. Но как верующий, так и не верующий авторы в процессе исследования используют сравнительно-правовой, исторический, функциональный методы, поэтому по данному критерию нельзя наделить светское познание особыми свойствами. Существует весьма распространенное мнение о том, что научное знание объективно, а религиозное – субъективно. Но как быть с тем фактом, что созданное наукой есть порождение прикровенной религиозности? Во многих сферах светского научного знания получают распространение теории, подтверждающие истины, давно описанные в Библии. Наука, лишенная глубинной нравственной основы, может быть опасной и разрушительной силой, вести к бедствиям и безысходности. Такая наука может разрушить не только окружающую природную среду, но и человека. Мышление, основанное на элементарной логике, не позволяет ощутить реальной сложности и многоцветности мира. К тому же, религиозная философия права не уступает светской науке в трех главнейших критериях: во-первых, в максимально полном и всестороннем изучении права; во-вторых, в анализе и синтезе полученных фактов на основе определенной методологии; в-третьих, в наличии целостной системы мировоззрения, позволяющей объяснить смысл изучаемых правовых явлений как в историческом, так и в сущностном аспектах.

¹⁸ Зеленов Л.А. Философия права: вера или знание? // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 133.

Настоящая монография подготовлена в рамках духовно-культурологического, а не формально-юридического подхода. *Духовно-культурологический подход дает возможность акцентировать внимание не на поверхностных, а на глубинных, общекультурных, первичных, фундаментальных, духовных основаниях права. С помощью этого подхода правовая реальность интегрируется в духовно-ментальный, нравственный, культурологический страт социума, синтезирует разнообразные юридические явления в один, общий контекст.*

Без понимания духовно-культурных основ права все типы правопонимания обречены на неполноту, фрагментарность. Духовно-культурологический подход позволил нам рассматривать правовые реалии не в виде самодовлеющих, изолированных социальных величин, объединенных лишь в правовую систему, а в форме их органической включенности в единый дух и культурную традицию российского общества, в виде их всеобщей связанности с иными феноменами человеческой цивилизации. Движение юридического духа в данном общекультурологическом контексте не является хаотическим и бессмысленным, а представляет собой лишь составную часть общего развития духа общества.

Духовно-культурологический подход позволяет сформировать модель бытия права сквозь мировоззренческие и ментальные предельные смыслы. Дух права при этом открывается через все его метафизические измерения (истина, добро, красота) в диалектике личностной и надличностной духовности, через весь комплекс духовности русской национальной культуры. Нам не пристало стыдиться своей культуры, ведь сколь бы однополярным не становился мир, Америка так и не стала резервуаром вселенской духовности. Между тем опыт дискуссий на международных форумах демонстрирует значительное превосходство эрудиции и широты мышления российских ученых, в то время как

западная юридическая мысль застыла в упрощенных стереотипах.

Импульс возрождения отечественного правоведения нам видится в использовании богатейшего религиозно-философского наследия. Сопоставление категорий и ценностей современной юриспруденции с религиозно-нравственным наследием имеет огромное научное значение и не может не интересовать ученого-правоведа, поскольку правоведение изучает воплощение в историческом процессе тех или иных идей.

Древнерусская правовая мысль может быть идентифицирована как религиозно-философская, православная. Возвращение в научный оборот произведений святоотеческой литературы, трудов русских религиозных философов права позволило нам под новым углом зрения взглянуть на проблему понимания права. Поразительно, *как можно было не замечать семантическую и смысловую родственность слов ПРАВО и ПРАВОСЛАВИЕ в русском языке! И если мы захотим подойти к изначальному, исконному пониманию права, сформировавшемуся у русского народа еще в древности, то обязательно должны будем исходить из того понятийного пространства, которое очерчивается христианской философской мыслью и складывается из взаимосвязи проблематики добра и зла, вопросов, касающихся порядка бытия и его отношения к воле Бога.*

«Все глубочайшие русские мыслители и философы, - заметил С. Франк, - были одновременно религиозными философами и богословами»¹⁹. Не случайно самые глубокие работы по правоведению до 1917 г. оставили нам воцерковленные люди С.Н. и Е.Н. Трубецкие, А.С. и Д.А. Хомяковы, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев и др. Их имена возвращены в науку сравнительно недавно, но именно они и составляют ту русскую правовую культуру, наследниками которой мы явля-

¹⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 487.

емся. Они воспроизводили и поддерживали *Идею права*, припадая к непреходящим правовым памятникам и вечному источнику подлинно правового учения.

В XX в. правовой идеал русской философии поддерживался в полной мере, пожалуй, лишь в трудах подвижника Русской Православной Церкви митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева)²⁰. Впрочем, общетеоретической юридической науке в советский период удавалось не быть полностью марксистско-ленинской. Правовая традиция России оказалась сильнее идеологических влияний. Теория права и государства оставалась в некоторой степени эмансипированной от грубых политических заказов тогдашней конъюнктуры.

Таким образом, *мы переводим проблему религиозно-философской традиции в плоскость методологии. С этой точки зрения традиция предстает как универсальный познавательный принцип в понимании права. Ожидаемое возрождение юридической науки нами связывается не с плюралистической методологией, рассчитанной на деконструкцию права и его фрагментарное изучение. Именно обращение к русской философии права, как философии преимущественно религиозной, обеспечивает целостное восприятие права с учетом его изначального предназначения в человеческом сообществе. Такое методологическое решение приводит к почти недоступному для европейской юриспруденции осмыслению права на основе непреходящих ценностей мироздания.*

Целью настоящего монографического исследования является обоснование синтетического правопонимания, основанного на традициях русской национальной культуры и духовно-культурных ценностях Православия.

²⁰ См.: Мтрп. Иоанн (Снычев). Русская симфония: Очерки русской историсофии. СПб, 2004. 494 с.

Парадигма синтетического понимания права может представлять собой теоретический фундамент всех отраслей правовой науки, правового регулирования, юридической практики, подготовки юридических кадров, укрепления правопорядка.

Синтетическая теория права принципиально отличается от широкого и плюралистического подходов к правопониманию. В методологическом смысле синтетическая линия в правопонимании означает не включение результатов и выводов известных школ права в общее определение понятия права, но признание единого, целостного, хотя и многоуровневого, иерархического бытия права, пронизанного предельно общими, но едиными духовными идеями и принципами, а также единство форм постижения многообразного бытия права.

Западная юридическая наука уже давно занимается дроблением юридических знаний, акцентирует внимание на сугубо практических вопросах того или иного довольно узкого участка деятельности или юридических интересов. Отсюда – утрата мировоззренческой и духовной ценности права²¹. Стало привычным говорить о принципиальной ограниченности и о «плюральности» любого познания права; о том, что научные выводы зависят от исторического контекста, от личности исследователя и т.д. Эта позиция имеет разные формы выражения – от отрицания чьих-либо претензий на обладание истиной и утверждением бесконечности познания, до полного отрицания истины как таковой. Причина этого в утере целостного познания права. Утеря одной из сторон целостного познания делает исследователя буквально слепым в этом аспекте, более того, вынуждает полностью отрицать духовную ценность права.

²¹ Показательно, что в отечественной юриспруденции существует немало трудов по социальной ценности права, но о духовной ценности права писать не принято.

Синтетический тип правопонимания есть тип философствования, которому давно следовало дать название (памятуя о том, что «философия» есть любовь к мудрости). Синтетическая парадигма применима к любой ступени познания и доступна любому исследователю права. Наши предложения подтверждаются тем, что русская философия на деле продемонстрировала именно эту, синтетическую, практически единую, методологию познания. У синтетической теории права есть серьезный объяснительный потенциал, в особенности относительно духовно-культурных феноменов, к каковым относится само право.

Наши рассуждения о синтетическом единстве разных граней познания права отражают лишь предельно упрощенную схему этого сложнейшего и всегда индивидуально-творческого процесса. Механистическое представление о синтезе уже породило множество редуccionистских концепций, в которых ратуют за широкое понимание права, на деле подбирая в общее определение понятия права исключительно формальные его признаки.

Синтетическая теория права видит не только общие закономерности права, но и их Первоисточник – не только в непосредственной форме, в идее трансцендентного опыта, но часто и в ощущении безусловности высших ценностей и идеалов. Такая теория совершенно несовместима с редуccionизмом. Ведь проблема редуccionизма, на наш взгляд, заключается не просто в невозможности синтеза разных подходов – философского, религиозного, нравственного. Она состоит в подмене истинного синтеза неоправданными и поспешными обобщениями, «усековением» бесконечной реальности до простейших выводов поверхностного свойства. Синтетическая парадигма предполагает «одухотворение» права, внесение в его формалистику той доли духовности, которая призвана коренным образом усовершенствовать его смысл и содержание.

Цель настоящей монографии – обоснование синтетического типа правопонимания – можно конкретизировать постановкой следующих познавательных задач:

– выявление и изучение духовного синтеза права, правды (традиционной нравственности русского народа) и православия (традиционной религии русского народа);

– конструктивная критика имеющихся типов правопонимания;

– демифологизация истории права и расшифровка лжеценностей, скрытых за «общечеловеческими» мифологемами;

– признание права национальным достоянием России.

Результатом нашей исследовательской работы хотелось бы видеть ясную и доступную теорию, которая отстаивала бы высокий моральный статус права и содействовала изучению соответствующих проблем в отраслевых юридических науках. Синтетическая теория права может быть использована в системе правового образования и воспитания, в формировании у студентов и практиков нравственно-юридического мировоззрения, имеющего аксиологическим ядром высшие духовные ценности нашего народа. Если общество в целом и его отдельные представители будут осознавать духовную ценность права, то достижение более высокого уровня правотворчества и правореализации окажется вполне реальным.

Богословское осмысление права также несомненно будет способствовать изменению духовного климата в юридическом сообществе. Оно выразительно продемонстрирует антихристианскую природу многих новомодных течений юридической мысли.

В своей работе я попытался разработать концепцию о русском праве как философский идеал, который раскрывается нам в содержании христианского православного учения и традиционной морали российского общества.

Глава 1.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВА: ОПЫТ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ

1.1. Критика основных типов правопонимания

«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4,3).

Особенность современного правопонимания заключается в плюралистичности. В юридической науке существует множество школ понимания права, каждая из которых претендует на формулирование как собственной теоретической парадигмы, так и особой онтологемы правопонимания. Каждая из школ опирается на различные исходные философские и методологические основания.

О.Э. Лейст все концепции правопонимания свел к трем основным типам: нормативному, социологическому и естественно-правовому²². По мнению В.К. Бабаева, длительная дискуссия о праве в нашей юридической науке выявила три основных подхода к определению его понятия: узконормативное, социологическое и философское²³. В.С. Нерсисянц также выделяет три типа правопонимания: легистский (позитивистский), естественно-правовой (юснатуралистический) и

²² Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3.

²³ Бабаев В.К. Понятие права // Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 21-22.

разработанный им либертарно-юридический²⁴. О.В. Мартышин к основным типам правопонимания относит четыре: нормативизм, социологическую юриспруденцию, теорию естественно-го права и философское понимание права²⁵.

Очевидно, что у ведущих ученых-юристов страны достигнут относительный консенсус по поводу перечня основных типов правопонимания. К *юридическому позитивизму (нормативизму)* они относят взгляды на право как совокупность общеобязательных предписаний, установленных либо санкционированных государственной властью в виде формально-определенного официального документа. В *естественно-правовой тип понимания права* включают воззрения, согласно которым право выводится из разума человека или природы в качестве неотчуждаемых прав и свобод, существующих у человека независимо от государства. *Философское понимание права* пытаются обособить от естественно-правового подхода, апеллируя к учениям Канта и Гегеля, понимавшим под правом возведенную в закон свободу, но такое обособление несостоятельно по содержательному критерию. *Социологическую школу права*, равно как *историческую и психологическую школы*, редко признают самостоятельными типами понимания права, поскольку они не образуют именно правового мировоззрения и никакой мировоззренческой линии в юриспруденции не составляют.

Считается, что все определения права появившиеся в отечественной юриспруденции в последние десятилетия, не выходят и не могут выйти за рамки этих основных типов правопонимания. А так называемый широкий (или интегративный) подход представляет собой лишь комбинацию названных типов.

²⁴ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3.

²⁵ Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13-21.

В.Н. Карташев попытался разработать более дифференцированную классификацию типов правопонимания. Он выделяет теологический подход, связанный с учениями различных конфессий; философский подход; социологический; формально-логический; психологический; исторический; лингвистический, выявляющий проблему языкового оформления права; этический и юридический²⁶. Очевидно, В.Н. Карташев не нашел общего критерия для своей классификации. Той же методологической ошибкой характеризуется классификация типов правопонимания Е.Л. Поцелуева, который называет следующие типы: этатизм, нормативизм, позитивизм, социологическую юриспруденцию, естественное право (философское понимание права), интегральный и его разновидность коммуникативный (диалог), феноменологический, герменевтический, антропологический, синергетический, легистский и юридический²⁷. Причем к последнему, юридическому типу, он относит уже упоминаемые им естественно-правовой и либертарно-юридический.

В.В. Лазарев предложил различать «профессиональное определение права» и «научное понимание права»²⁸, что напоминает философское и прикладное понимание права у Гегеля. Это предполагает разработку двойного стандарта правопонимания, что некорректно по причине единой сущности права, которую одинаково необходимо представлять и теоретикам и практикам.

К числу научно приемлемых определений права Л.С. Явич относил следующие:

²⁶ Основные концепции права и государства в современной России (Материалы круглого стола) // Государство и право. 2003. № 5. С. 111.

²⁷ Поцелуев Е.Л. Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2003. № 11. С. 25.

²⁸ Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 11.

1) Право есть юридическое выражение общественных отношений;

2) Право – масштаб свободы, который официально признан государством;

3) Право – это абстрактные правовые отношения, вне зависимости от того, как они поддерживаются силой государства;

4) Право представляет собой нормативный регулятор поведения людей, выражающий возведенную в закон волю господствующих классов, охраняемую государством²⁹. Но даже такой пространственный перечень определений не учитывает того духовно-культурного статуса права, которым предопределяются все иные характеристики этого феномена.

Автор *психологической теории права* Л.И. Петражицкий предложил оригинальный подход, который, впрочем, не может претендовать на универсальность. Он привлекал внимание к психологической составляющей права – взаимным переживаниям сторон правоотношений по поводу взятых ими на себя обязательств³⁰. Л.И. Петражицкий выходил на категории совести и долга, но не сумел адекватно объяснить их происхождение в правосознании и душе человека.

Согласно *исторической школе права*, право подобно языку представляет органическое явление народного духа и развивается не искусственными и произвольными мерами, а по мере развития народных потребностей и сознания. Г.Пухта предлагал юристам сосредотачивать внимание не на создании нового права, а на изучении органического развития права существующего³¹. По его мнению, право возникает невидимым путем, оно предшествует житейской практике в виде общенародного убеждения. Житейская практика есть лишь

²⁹ Явич Л.С. Сущность права. М., 1985. С. 108-109.

³⁰ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 2000.

³¹ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 201.

последний момент юридического процесса, в ней лишь выражается и воплощается возникшее право, живущее в убеждении сынов данного народа. Г. Гуго, Ф. Савиньи и Г. Пухта абсолютизировали обычное право, в котором находят выражение веками сложившиеся обычаи и воззрения народа. Возможности законодателя они воспринимали как весьма ограниченные.

Правоведы либерального течения критиковали историческую школу права за то, что в ней нет доверия к свободному творчеству личности; человек там – не творец, а орудие исторического процесса. Либералов всегда привлекают в человеке лишь революционная, сокрушающая традицию энергия и возможность противопоставлять свое «Я» окружающему миру. Мы же с одобрением отметим уважение исторической школы к старине, к вековым преданиям и обычаям, унаследованным от предков. Вот только Источник этих преданий сторонникам данной школы не удалось раскрыть. Ведь люди не случайно объединяются друг с другом: их влечет друг к другу сходство материальных и духовных интересов; из этого сходства возникает общение; длительное общение носит творческий характер и увеличивает взаимное подобие, и если общение носит творческий характер, то крепнут общественные взаимные связи. Эти связи закрепляются традицией, передающейся из поколения в поколение. Так постепенно возникает единая и общая культура, в том числе правовая. Самое же глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из единой веры, из общей судьбы, из сходной любви к единому и общему. Но так происходит не от стихийной практики разных народов, как считали сторонники исторической школы права, а у всех народов, несмотря на разные государственные инстинкты, различные нравственные идеалы и разнообразие чувства права. Так всем народам дано от Бога. И у каждого народа особая, национально-зорожденная и национально вы-

страданная культура. И духовный религиозный фактор оказывается решающим в сравнении с преходящими субъективными интересами людей и ценностями их материального быта.

Социологическая школа права тоже претендовала на неординарное видение права, но в своем законченном виде уподобилась позитивизму. Социологическая юриспруденция понимает под правом реальные социальные отношения, имеющие юридические последствия и возникающие в различных общественных объединениях или создаваемые решениями судебных и административных органов государства.

Настоящим, «живым» правом сторонники социологической школы считают не нормы законов, а субъективные права и обязанности, установленные судьями или полицейскими по конкретным делам. Но это разновидность позитивизма, поскольку право отождествляется с судебными и административными официальными решениями независимо от их содержания. Социологическая школа права соответствует юридической традиции стран общего права (Англия, Австралия, Канада) и США. Теоретиками социологической юриспруденции считаются Е. Эрлих, Э.Дюркгейм, Дж. Грей, Н. Луман, Т. Гайгер. Позитивистски социологическую юриспруденцию представляли и ее российские сторонники С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов. Ими очень обстоятельно изучено именно позитивное право. Так, по мнению представителей этой школы, норма, не воплощающаяся и не способная воплотиться в реальном правоотношении, не является правовой. Тогда получается абсурд: если в обществе действует Уголовный кодекс, но правопослушные граждане его не нарушают, Уголовного кодекса для них не существует, его нет? Узкопозитивистский подход социологической школы права заключается в ее догме: только через восстановление нарушенных правоотношений и наказание нарушителей проявляется и «работает» настоящее право. А воспитание правопослушного поведения подавляющего большинства членов общества как

результат духовного воздействия на общественное и индивидуальное правосознание игнорируется. А между тем, в этом духовном воспитании состоит едва ли не главная функция права. Карательная функция подключается при неэффективности правового воспитания, которое устремлено, главным образом, в глубины сознания и чувств субъекта, а не на механическое повторение предложенного штампа поведения. Другими словами, подлинное результативное право обращено не столько к внешнему поведению человека (как считается в юридической литературе), сколько к душе человека.

Американизированная версия социологической юриспруденции под названием «американский правовой реализм» (О. Холмс, Дж. Фрэнк, Б. Кардозо, Дж. Грей, К. Левеллин) настаивает на том, что право рождается в процессе разрешения споров, возникающих в конкретных жизненных ситуациях³². В данном случае игнорируется, что юрисдикционный процесс представляет собой форму материального правового отношения по выяснению истины по делу. Судебная практика как процессуальная форма не является источником права, потому что не порождает права непосредственно. Судья даже в англосаксонской правовой системе обращается своим правосознанием к *идее права*, в соответствии с ней взвешивает аргументы сторон процесса. И в этом случае мы выходим на духовно-культурную природу права.

В советский период П.И. Стучка определял право как порядок общественных отношений, выгодный и удобный правящему классу³³. За ним А.А. Пионтковский и С.Ф. Кечекьян обращались к инструментарию социологической юриспруденции, привлекая внимание коллег не только к нормам писаного права, но и к регулируемым ими правоотношениям.

³² Armstrong D. Law, Justice and the Idea of World Society // International Affairs. Vol. 75. P. 34.

³³ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 86.

Позднее Д.А. Керимов писал, что «право следует понимать отнюдь не только как сумму законов, установленных государством, а значительно шире, усматривая его сущность в более глубоких пластах социальной действительности. Право и генетически и функционально, и с точки зрения развития – это определенная система общественных отношений, тех именно отношений, природа которых объективно имеет правовой характер, которые запрограммированы именно как правовые, требуют правового выражения»³⁴. Имея задачей доказать, что право далеко не всегда имеет своим источником государство и порождается им, Д.А. Керимов вышел на любопытную догадку: феномен права скрывается глубже писанных государственно-властных предписаний. Но пойти дальше позитивистская методология социологической юриспруденции не позволила и подлинный источник права был подменен авторами системой общественных отношений, генетически запрограммированных быть правовыми. И тогда возникают закономерные вопросы: в чем выражается критерий (источник) такой запрограммированности? как идентифицировать те отношения, которые «генетически запрограммированы быть правовыми», но фактически правовыми пока не стали?

При таком подходе право вообще лишается какой бы то ни было постоянной, неизменной основы, ведь общественные отношения отличаются динамизмом развития. Что видят в праве сторонники социологической юриспруденции для управления динамикой общественной жизни, что предложат в качестве вечных ценностей, не подверженных конъюнктуре? В сущности, ничего. У них право отождествляется с самим предметом правового регулирования. И в этом узле нет ни начала, ни конца. Вот к чему приводит позитивистский расчет на всемогущество человеческого разума и подмена духовных оснований права формальными либо субъективными факторами.

³⁴ Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992. С. 79-80.

Российский правовед Ю. Гамбаров в начале XX в. полагал, что «в существе права как исторического образования лежат разнообразие, подвижность и изменчивость. Юридические понятия так же изменяются в условиях времени и пространства, как юридические нормы. Объяснение напрашивается само собой: юридические понятия представляют собой не простые логические категории, а живые исторические образования, которые возникают из социальных отношений и лишь после этого овладеваются юридической диалектикой. Юридические понятия обусловлены в своем содержании регулируемыми ими отношениями и подвержены изменениям вместе с изменениями тех же отношений»³⁵. При всей наукообразности данных тезисов, практическое последствие их реализации одно – приспособление принципов нравственности под сиюминутные интересы господствующих социальных сил. Право из духовной ценности, кумулирующей набор вечных нравственных истин, превращается в инструмент, орудие, обслуживающее оборотистых дельцов, временщиков всех мастей.

Ю. Гамбаров сводил право к техническому инструментарию, пригодному для использования в любых целях: «В меньшей степени, чем техника, право является продуктом истории, и как природа не вкладывает в душу человека представления о корабле, паровом котле и т.д., так же она не дает ему понятия права»³⁶. Упомянув душу человека и в качестве творца – эфемерную природу, Ю. Гамбаров тем не менее глубоко рационалистически отождествляет право с паровым котлом.

Один из родоначальников социологической школы права Е. Эрлих учил, что «живое право динамично. Его возможно

³⁵ Гамбаров Ю. Право в основных его моментах // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 118.

³⁶ Гамбаров Ю. Право в его основных моментах // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 118.

обнаружить только в результате эмпирического анализа внутреннего порядка в каждый данный отрезок времени. Более того, нравственные ценности должны отражаться в живом праве»³⁷. Складывается стойкое впечатление, что сторонники социологической юриспруденции говорят не о праве, а о чем-то другом – практике реализации права, эффективности и целесообразности права, правопорядке, предмете правового регулирования, необоснованно отождествляя все это с правом. В результате у адептов данной школы получается, что право – это любой порядок социальных отношений, рожденный из них же самих и не имеющий никакого постоянного прочного фундамента. Такое право всегда дрейфует вслед отношениям в качестве ведомого спутника. Тогда не право задает образ и смысл для общественных отношений, а социальные связи непрерывно формируют и деформируют некое «гумозное» содержание права на потребу дня. Таким образом, социологическая юриспруденция, будучи одной из скрытых разновидностей юридического позитивизма и догматизма, нарушает логику в определении права, игнорирует духовный авторитет права в регулировании общественных отношений и выдает под «живым правом» явления к нему в действительности не относящиеся.

Позитивистская школа права (Дж. Остин, К. Бергбом, К. Гербер, П. Лабанд, А.Цительман, Г.Ф. Шершеневич, Е.В. Васильковский и др.) и неопозитивистская теория нормативизма Г. Кельзена и Х. Харта сохраняет широкие позиции в отечественной юридической науке, несмотря на увлечение большинством ученых (в особенности молодых) доктриной естественного права. Даже С.С. Алексеев, едва ли не возглавлявший нормативистов в 1970-е и 1980-е гг., в начале 1990-х полностью солидаризировался с теорией естественного права. А М.И. Байтин, Ф.М. Раянов, Р.Г. Миннихметов и многие

³⁷ Цит. по: Радько Т.Н. Хрестоматия по теории права и государства. М., 2006. С. 205.

другие известные российские правоведы продолжают придерживаться нормативистских взглядов. Так, М.И. Байгин утверждает, что право – «это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения, являются властно-официальным регулятором общественных отношений»³⁸.

Правом нормативисты признают любую норму, исходящую от государственной власти. Вне позитивного (писанного, официально- и документально-выраженного) законодательства права, по их мнению, не существует. Г. Кельзен объявил свою теорию «чистой», потому что стремился подчеркнуть позитивистскую идею о том, что право абсолютно автономно и самодостаточно³⁹ и его действительность определяется исключительно юридическими нормами, а не нравственными принципами или какими-то иными духовными ценностями. Социальную вредность такого суждения трудно переоценить, ведь на практике это неизменно оборачивается изданием аморальных законов либо несправедливых судебных решений, безнравственностью правоприменителей и формалистическим подходом к чужой беде.

Юридический позитивизм во всех своих проявлениях всегда был способен оправдать любые юридические установления, исходящие от государства. Эта традиция восходит к древним легистским воззрениям, придающим праву сугубо этактический характер. Согласно легистскому и нормативистскому подходам под правом понимается продукт государства (его воли, произвола и усмотрения), а точнее – приказ, который нужно неукоснительно исполнять независимо от его со-

³⁸ Байгин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. С. 331.

³⁹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сборник переводов. Вып. 2. М., 1988. С. 68.

держания. Здесь понятие право существенно обедняется, выхолащивается и сводится к писаному закону. Не случайно легистское (позитивистское) правопонимание присуще авторитарным режимам управления.

Р.Г. Миннихметов полагает, что право и закон не должны противопоставляться, а только соединяться как форма с содержанием. «Нужно не противопоставлять закон и право, а видеть их неразрывное единство, — пишет он. — Законы не следует объявлять неправовыми (неправовых, т.е. не содержащих правила поведения, законов не бывает), а нужно раскрывать их суть. И если законы несправедливы, антинародны, то нужно стремиться к их отмене или изменению»⁴⁰. Но, во-первых, закон не исчерпывает всего многообразия форм, какие может принимать право; во-вторых, право некорректно сводит к системе конкретных правил поведения, потому что в нем содержатся еще правовые идеалы и принципы, имеющие регулятивное значение; а в-третьих, нормативисты сами признают существование несправедливых законов, тогда проблема заключается не в технической отмене таких законов, а в обнаружении духовно-культурного критерия несправедливых законов во избежание их принятия и тиражирования.

Нормативисты занимаются выстраиванием логической мыслительной конструкции права и при этом дают определение не праву в собственном смысле слова, а закону. Для них право остается неоткрытым феноменом, а потому недоступным для адекватного понимания. В юридических вузах России еще не изжита инерция говорить студентам о праве, а подразумевать под ним законодательство, отсюда — невразумительность предмета преподавания права.

Наконец, как быть с угрожающим тезисом нормативистской теории о том, что законность и стабильный порядок могут быть достигнуты лишь при позитивном понимании права,

⁴⁰ Основные концепции права и государства в современной России (Материалы круглого стола) // Государство и право. 2003. № 5. С. 113.

восходящем к его официальному установлению и единообразному пониманию?⁴¹ Этим подтверждается тот факт, что нормативисты не различают право и силу, право и произвол. Еще Дж. Остин, развивая теорию юридического позитивизма, полагался на санкцию (угрозу причинения боли индивиду) и достижение тем самым той степени подчинения, которая рассматривалась им в качестве первоосновы права⁴². Только сила и страх, по общему мнению легистов, позитивистов и нормативистов, могут обеспечить законность и правопорядок. Опыт человеческой истории показывает, что это малонадежные основания для правового порядка. Человеческое общество, опутанное страхом, следует закону неискренне и недолго, стремясь при любой удобной возможности обойти пугающее препятствие. При торжестве подобного юрицизма субъекты механически воспринимают нормы права, а само право выступает только в качестве средства, как своеобразное «механическое устройство» (по кантовскому выражению). Такое право может в любой момент уступить властной силе, отойти в сторону, когда это требуется государству. А такая законность означает ни много, ни мало – попрание права в его высочайшем гуманистическом понимании.

Право способно сохранить себя только в известном противоборстве с государством – это факт, демонстрирующий истинную природу права. К сожалению, в позитивистской методологии на это мало обращается внимания.

Европейская юридическая школа «свободного времени» в поисках оригинального взгляда на право фактически воспроизводит идею примата позитивного права с его холодным юрицизмом. Так, Г. Канторович предложил метод «концепту-

⁴¹ Раянов Ф.М. Юридическое право: время разобраться по существу. Уфа, 2001. С. 24.

⁴² См.: Мицкевич А.В. Общее «нормативное» понятие права и его место в марксистском правопонимании // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 15.

ального прагматизма» и сформулировал следующее определение права: «право – не что иное, как совокупность норм, предписывающих внешнее поведение, являющихся подходящими для применения юридическими органами»⁴³.

Ганса Кельзена, видимо, посетила догадка о метафизических основаниях права, которую он частично выразил в своих тезисах об *Основной норме*, которая венчает «лестницу норм». Но Основная норма Г. Кельзена была вписана им в иерархию формально-определенных предписаний, поэтому вопрос о ее реальном существовании для него не имел значения. Гипотетическая Основная норма позволила ему создать рационалистическую формальную конструкцию законодательства.

Позитивизмом юриспруденция отрывалась от целого пласта общественной жизни, становилась безразличной к духовным ценностям, сводилась к юридической логике и юридической технике. Концентрация внимания на одном лишь писаном формализованном праве значительно сужает горизонт его практического применения и теоретического осмысления.

Апологетика позитивного законодательства превращает право в человеческое изобретение, механическую конструкцию, которую общество создает для своей пользы, для решения задач, определяемых им самим. Тогда любые изменения права законны. Но в этом случае писаное законодательство лишается подлинно правовой основы, что и случилось во многих странах. Для позитивистского типа правопонимания законна любая революция, силой отвергающая традиции, законно и отрицание нравственной нормы, если таковое одобряется обществом или государством. Так, если современное общество не считает аборт убийством, оно не является таковым и юридически. Апологеты позитивного права полагают, что общество может нарушать вечные истины, законы приро-

⁴³ Kantorowich H. The Definition of Law. Cambridge, 1958. P. 79.

ды, а любой закон государства признают легитимным уже в силу его существования.

Всеобщие начала мироздания – Истину, Добро, Красоту – позитивисты игнорируют, отрицая их онтологический статус. Позитивисты XIX в. О. Конт, Дж. Милль, Г. Спенсер призывали науку отбросить метафизические умпостроения и сосредоточиться исключительно на критических исследованиях права и понятийного аппарата юриспруденции. «Важным было и отграничение позитивизмом сферы юриспруденции от области морали», – сообщается в Энциклопедическом словаре «Всемирная история государства и права»⁴⁴. Последующая тенденция рационального познания права привела к отрицанию христианства и попытке его замены идеалами либерализма. Наиболее ярко это проявляется в трудах О. Конта – основоположника научного позитивизма. Если метафизическая философия еще сохраняла понимание права как Божественной сферы, то позитивизм, отрицавший любые метафизические идеалы и признающий только опытные данные, добытые человеком, не мог прийти ни к чему другому. В учении О. Конта культ Бога исчезает и его место занимает фигура человека, как высшего и совершенного существа.

«Конт одинаково отвергает и теизм, и политеизм, так как это метафизические построения. Позитивизм допускает только один культ, культ человечества, почитаемого как Высшее существо», – писал Н.М. Коркунов⁴⁵. Любопытно проследить, как, с какой последовательностью О. Конт проводил культ Высшего для него Существа – человека – и как христианские догматы заменялись публичными культурами.

«Чистая теория права» Г. Кельзена намеренно отвлекается при изучении права от всех внешних связей и факторов для того, чтобы во имя «объективного подхода» замкнуться на

⁴⁴ Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 253.

⁴⁵ Коркунов Н.М. История философии права. СПб, 1912. С. 474-475.

одной лишь юридической оболочке, форме, к тому же понимаемой в виде одной лишь юридической догматики. До Г. Кельзена о «чистом праве» писал И. Кант и понимал под ним право, рассматриваемое «независимо не только от опыта, чувственных факторов, но и от цели...»⁴⁶. При таком подходе право берется не только автономно от чувственных факторов, но и помимо духовно-культурного содержания. «Очевидно, такой подход – кажется, единственный, позволяющий представить право в качестве самостоятельной сущности, независимой от всего того, что «примешивается», – такой отзыв дает методу Канта С.С. Алексеев⁴⁷.

Юридический позитивизм индифферентен к духовному, аксиологическому измерению права, уходящему к истокам Вселенной ценностному единству нравственности и права. Он обуславливает рассмотрение права как замкнутой самодостаточной системы, препятствует изучению феномена права в координатах смысла, сущности, действительной ценности человеческой жизни. Тем самым юридико-позитивистский подход делает невозможным формирование целостного (синтетического) мировоззрения, объективно отражающего бытие права.

Рассматривая право (при всех существующих различиях между отдельными позитивистскими течениями) как систему правил поведения и принудительный порядок общественных отношений, позитивисты ограничивают задачу правопонимания «познанием и описанием правовых норм и установленных ими отношений между определенными фактами»⁴⁸ и неизменно уклоняются от субстационально-ценностного обоснования действующего правопорядка. В этом состоит

⁴⁶ Кант И. Сочинения на немецком и русских языках. Т. 1. М., 1994. С. 449.

⁴⁷ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 145.

⁴⁸ Hart H. The Concept of Law. Oxford, 1961. P. 201.

поверхностность и ненаучность позитивистского правопонимания.

Позитивистская юриспруденция превращает национальный правопорядок в инструмент для решения каких-либо внешних, социальных задач, которые ставят перед собой государство и общество, то есть приписывает праву исключительно прикладное значение, а не воспринимает его мерилом, по которому может судиться само общество. С точки зрения Божественного миропорядка, позитивное «право» способно олицетворять сущее беззаконие, глубоко компрометирующее принципы подлинного права. Отрекаясь от Бога, от абсолютной Божественной Истины, позитивисты отрекаются и от собственной человеческой личности ради плоского иллюзорного мировоззрения.

Вступив на историческую арену, как наследник и заместитель христианского учения о морали и праве, позитивизм сеял семена деградации человека и нравственных ценностей. «Допустимо все, что выгодно», – стало принципом Нового и Новейшего времени. Неверие дополняется болезненной озабоченностью утилитарными ценностями: «Если вера в Бога полезна, то он существует, если нет – то нет и Бога». Новая аристократия либерального общества состоит из удачливых стяжателей. Отсюда допущение, что нравы условны и варьируются у разных социальных групп и отдельных индивидов. Русскому народу всегда был свойственен антипозитивистский склад национальной души, отчего шансы нашего народа преуспеть в жестокой борьбе за чувственные блага рыночной экономики довольно низки.

Когда общество освобождается от Бога и его Абсолютов и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается физическая сила, организованное насилие государства. Такой урок дает практика воплощения в жизнь установок юридического позитивизма.

Такова цена законности и стабильности порядка в позитивистском варианте.

Расцвету формальной юриспруденции предшествовало разложение правосознания. Можно подчеркнуть, что позитивистское правопонимание выражает довольно низкую ступень в разложении правосознания. Позитивистское правопонимание на самом деле просто отрицает право как проявление духа и утверждает механический произвол. Общество оказывается жертвой открытого физического насилия и обмана. Оно достигает крайней точки моральной деградации и трагически расплачивается за свое безрассудство. Рекламируемые утилитаризм, практицизм и прагматическая целесообразность обернулись самой непрактической гуманитарной катастрофой.

Школа естественного права тоже начиналась с поиска права в собственном смысле слова, но и ее опыт оказался неудачным. Уже в античный период греки отличали «юриспруденцию закона» и «юриспруденцию справедливости от природы», и среди римских юристов возникли аналогичные термины – *jus civil* и *jus naturale*. Первое, подвижное и изменчивое, порождалось самими людьми, а второе, вечное, – будто бы самой природой⁴⁹.

Варианты теории «естественного права» в разные периоды приобретали различное содержание, но общим стремлением ее сторонников было ценностно-целевое обоснование устанавливаемого правом порядка, то есть найти некое надпозитивное право, выступающее по отношению к праву позитивному в качестве критерия его правовой или неправовой оценки.

⁴⁹ Поскольку сторонникам «естественно-правовой доктрины» не удалось адекватно раскрыть суть категории «естественное право», а сама доктрина к подлинно естественному праву не имеет отношения, мы используем для обозначения данной школы более подходящее название – «юснатурализм».

Теория юснатурализма строится на принципе, что понятия добра и зла естественно присущи человеческой природе, и потому право вырастает из самой жизни, основываясь на общечеловеческих ценностях свободы, частной собственности и стремления к счастью. Идеи юснатурализма сыграли решающую идеологическую роль в обосновании великих буржуазных революций и становлении капитализма. В XX в. эти идеи обрели «третью молодость» после Второй мировой войны с принятием ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. К концу столетия доктрина «естественного права» стала мерилом основных законов практически всех стран Запада, а также большинства стран Восточной Европы и СНГ. Достоинство и права человека (к которым сводится «естественное право» сторонниками юснатурализма) стали фиксироваться в конституциях как непосредственно действующие юридические нормы и как рамки, за пределы которых не может выходить ни одна из ветвей власти. Так, Конституция Германии гласит: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти. Нижеследующие основные права обязательны для законодательной, исполнительной и судебной власти как непосредственно действующие права» (ст.1)⁵⁰. В Конституции Польши сказано: «Естественное и неотчуждаемое достоинство человека является источником свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью публичных властей» (ст. 30)⁵¹. Конституция Российской Федерации подчеркивает: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосу-

⁵⁰ Конституции государств Европейского Союза. М., 1997. С. 254.

⁵¹ Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 57.

дием» (ст.18)⁵². Очевидно, что эти и им подобные положения современных конституций писались по единому образцу.

Самыми видными юснатуралистами в России последних десятилетий являются В.С. Нерсисянц, Л.С.Мамут, Р.З. Лившиц, Е.А. Лукашева, В.Г. Графский, Н.С. Малеин, Г.В. Мальцев, Г.И. Муромцев, А.П. Семитко, В.А. Четвернин. Так, В.Г. Графский предлагает следующее определение понятия права: «право есть желательная и общепринятая (законная и незаконная, основанная на обычае) свобода в осуществлении справедливого регулирования индивидуального и группового общения и возможных конфликтов, осуществляемая на началах равенства (равнодостоинного обращения) общепризнанного порядка судебно-властного разбирательства и гарантированной (авторитетной или принудительной) защиты личных, групповых и общественных интересов и притязаний в целях продолжения мирной, безопасной, благой совместной жизни в семье, обществе и государстве»⁵³. Только апелляцией к институту семьи приведенное определение отличается от классических определений права, даваемых юснатурализмом (нынешняя либеральная мысль институт семьи отвергает как архаику консервативной традиции). А сам В.Г. Графский признает, что предложенное им определение «ближе всего так называемому либертарному правопониманию»⁵⁴. С.С. Алексеев делает любопытное признание: «В условиях развертывающихся (по всем параметрам – экономическим, политическим, духовным) либеральных цивилизаций право раскрывает свои потенции, заложенные в нем именно как в мирозданческом явлении, имеющем в качестве своей ближайшей природной предосновы естественное право, преиму-

⁵² Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.

⁵³ Графский В.Г. Понимание права: некоторые актуальные аспекты традиционной темы // Государство и право. 2003. № 5. С. 107.

⁵⁴ Там же.

щественно с той его стороны, которая выражается в требовании свободы отдельного человека»⁵⁵.

Главное в праве для либертарного юснатурализма сейчас -- это свобода. Еще два десятка лет назад юснатуралисты определяли право как возведенную в закон справедливость, а теперь сделали очередной саморазоблачающий шаг и абсолютизируют свободу (пока общественное мнение готовится к новому радикальному повороту в данном вопросе).

По существу современные авторы либертарного правовопонимания не предлагают ничего принципиально нового по отношению к теориям «естественного права» Г.Гроция, Дж. Локка, Г. Гегеля, Ф. Хайека, Б.А. Кистяковского, Б.Н. Чичерина и других теоретиков XVII-XIX вв. Уже в Новое время нравственный смысл «естественного права» был подменен механистической концепцией общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк) или натуралистическими концепциями Просвещения (Ж.-Ж. Руссо). И в том, и в другом случае в основе права лежала предпосылка, исключавшая духовное начало бытия. Теорию «естественного права» сумели поднять до научного уровня лишь классики немецкой философии И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель. Основа права определялась ими не как естественный закон бытия, отчужденный от человека, а как духовно постигнутое бытие, как дух.

В трудах И. Канта развертывание понятия права начинается от понимания права в человеческом мире, как замысла природы, к объективному праву, далее -- к чистому праву, а от него -- к праву человека, и, наконец, к пониманию права как цели общества⁵⁶. Признание особой роли прав и свобод человека в формировании демократического общества, утверждения рыночной экономики, обеспечения автономии личности относится к неотъемлемым ценностям Запада. Но страны и

⁵⁵ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 220.

⁵⁶ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М., 1994.

народы, не принимавшие участия в формировании западных ценностей, не могут признать их безоговорочно. Согласно же либертарному правопониманию, право и права человека суть одно и то же. «Право вообще – это нормативно выраженная свобода, – утверждает В.А. Четвернин, – а совокупность прав человека, достигнутых в конкретной правовой культуре, составляет тот объем правовой свободы, который в этой культуре признается необходимым для каждого индивида»⁵⁷.

Юснатуралисты в целом верно почувствовали, что над нормативно-организационным массивом должны выситься инстанции духовные. Только на роль этих инстанций избрали заведомо неподходящие величины – симулякр прав человека и миф абсолютизированной свободы. Законодательство многих современных стран возвещает свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие народа, его геноцид со стороны коррумпированной власти и тотальное разграбление национального достояния.

Общая концептуальная установка юснатурализма настаивает на существовании рядом с позитивным правом (или над ним) неких универсальных и всеобщих начал, ценностей, идей, потенциально обладающих нормативным характером, которые являются мерилom истинности и правомерности положительных законов, в противном случае позитивное право теряет свою философскую правоту. Эта позиция школы «естественного права» делает честь проницательности тех, кто ее признает. Но армянские правоведы В. Погосян и К. Мирумян точно заметили, что «либерализм, ставящий на первый план рыночные отношения и по сути пропагандирующий индивидуализм, отодвигает на задний план духовные ценности»⁵⁸. Другими словами, юснатурализм допускает самую опасную подмену, которую можно совершить правоведам: подмену в

⁵⁷ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. М., 2003. С. 18.

⁵⁸ Погосян В., Мирумян К. Идеология и конституция. Ереван, 1999. С. 16.

понимании важнейших и глубинных пластов бытия права – в его духовно-культурных основаниях.

Универсализм «прав человека» на самом деле представляет собой плод одной из культур, обусловленный целым рядом исторических фактов, свойственных исключительно Западу. Попытки подменить право «правами человека» обусловлена ни чем иным, как поисками обоснования собственной исключительности, которая не может быть распространена на все правовые системы мира.

Юснатурализм подменяет право «правами человека», но неопределенность понятия об этих правах нередко совершенно сглаживает коренное отличие жизни человека от чуждой высшего нравственного закона жизни животных. Христианство не отвергает прав человека, но не в области жизни чисто естественной, и только в Иисусе Христе, сшедшем с небес (Ин. 3,13) для искупления мира Своими страданиями, видит совершенное осуществление идеала человека.

Либертарный юснатурализм пытается монополизировать категорию «прав человека», но проблема прав человека не может быть решена только в рамках «естественно-правовой» доктрины. Здесь требуется более широкий духовно-культурологический контекст, чего теория юснатурализма объективно дать не может. Интересная деталь – конституции современных либеральных государств объявляют права и свободы человека непосредственно действующими, не делая подобной оговорки по поводу обязанностей. А вот православный взгляд не может допустить права, независимые от обязанностей. Д.А. Хомяков писал по этому поводу так: «человек иметь права может только после абсолютного исполнения возложенных на него обязанностей, права истекают из того, что требуется, а требуется все, что по силам. По сему и говорится, что если мы сделали все, что от нас требуется, то мы вовсе не имеем право на награду, а только не подлежим нака-

занию»⁵⁹. В Конституции Германии содержится положение о том, что «каждый имеет право на свободное развитие своей личности, поскольку он не нарушает прав других лиц, и не посягает на конституционный порядок и нравственный закон» (ст. 19). Ф.Д. Рождественский в обстоятельной работе «Нравственное Богословие» называл в начале XX в. обязанности христианина по отношению к Богу (Богопочитание внутреннее и внешнее, христианскую надежду, веру и любовь, молитву, общественное богослужение, почитание святых), обязанности христианина по отношению к самому себе (самопознание, любовь к себе и самоотвержение, обязанности к телу и душе) и обязанности христианина по отношению к ближним (к душе, телу и внешним благам ближних, обязанности по отношению к Церкви, общественные или гражданские обязанности, домашние и семейные обязанности)⁶⁰. Он не считал, что добродетель человека проявляется в его правах и свободах. Главное начало христианской нравственности предполагает самопожертвование любящего человека без расчета на благодарность окружающих. Российский правовед Л.Л. Герваген даже выпустил монографию в 1908 г. под названием «Обязанности, как основания права»⁶¹. Достоинно внимания, что в нормативных актах средневековой Руси, посвященных местничеству, права служилого сословия признавались «истекающими из обязанностей и падающих от несения таковых»⁶².

В русле православной традиции писал о правах и С.Л. Франк. «Не страх, не властолюбие творит государственное единство, — писал он, — оно создается готовностью к жертвам, аскетизмом воина и аскетизмом гражданского служения, верою в нравственную святость государственного начала. Чело-

⁵⁹ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 1994. С. 59.

⁶⁰ Рождественский Д.В. Нравственное Богословие. М., 1999. С. 72-234.

⁶¹ Герваген Л.Л. Обязанности, как основания права. СПб, 1908.

⁶² Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М., 1908. С. 512.

век как таковой вообще не имеет никаких «прирожденных» и «естественных» прав: его единственное и действительно неотъемлемое право есть право требовать, чтобы ему было дано исполнять его обязанности. Всякая обязанность человека есть обязанность перед Богом, обязанность служить правде»⁶³. Но доктрина юснатурализма, уделяющая столько внимания естественным правам человека, не желает признавать наличие его естественных обязанностей.

Утилитаризм, неполноценно отражаемый позитивистским правопониманием, полностью воплощается в теории «естественного права». Свидетельство тому – предложенный юснатуралистами принцип: «Разрешено все, что не запрещено законом». Суть названного принципа, торжествующего ныне во всех либеральных демократиях, состоит в противопоставлении права и морали друг другу. Духовно-нравственные ограничения больше не препятствуют освобождению людских пороков, пока закон не запрещает таковых. «Естественное право» в странах Западной Европы допускает противоестественные половые отношения, эвтаназию, клонирование и другое насилие над природой. Получается парадоксальная вещь: юснатуралисты обвиняют позитивистов в абсолютизации формального закона, а сами в принципе «разрешено все, что не запрещено ЗАКОНОМ» видят в законе единственный носитель запретов. Тем самым сами юснатуралисты отождествляют право и закон. Следование двойным стандартам – их идейное кредо.

Морально-нравственные запреты, в которых отражается многовековой опыт человечества и общепризнанные духовные ценности, сторонниками «естественного права» игнорируются. В отечественной теории права усилиями многих ведущих ученых на основе вышеуказанного принципа даже разработан общедозволительный тип правового регулирования

⁶³ Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. 1925. № 1. С. 20.

ния, обращенный ко всем физическим и юридическим лицам негосударственного сектора.

Юристам известны многочисленные виды поведения, которые в законе прямо не запрещены, тем не менее их нельзя считать правомерными, поскольку они по своему содержанию и целевой направленности противоречат общим началам, смыслу и духу права, нормам морали и нравственности. Следовательно, такого рода поведение не может в здоровом обществе признаваться дозволенным.

В.С. Нерсесянц и его ученики предприняли попытку осовременивания примитивного юснатурализма и назвали ее «юридический либертаризм». Либертарным, по мысли В.А. Четвернина, называется правопонимание, которое признает высшей правовой ценностью свободу индивида⁶⁴. Речь идет о крайней на сегодняшний день форме юснатуралистической идеологии, возводящей человекоцентризм в некую первоформу, вершину правовой культуры. «В новом правопонимании, – пишет Г.В. Мальцев, – я надеюсь, будет выражен исконный смысл права, пробивавшийся в его историческом развитии, вопреки всем препятствиям и произволу, – обеспечение и защита человеческой свободы, определение ее возможностей, границ и гарантий»⁶⁵. В.М. Шафиров полагает, что «человекоцентристский подход более адекватно выражает идею права»⁶⁶.

А Православная церковь не может положительно воспринимать такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. При декларативном человекоцентризме фактически становятся в центр правовой системы дельцы, ловкачи, нувориши и

⁶⁴ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. М., 2003; Современные концепции естественного права. М., 1988.

⁶⁵ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 144.

⁶⁶ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 34.

просто криминальные элементы. Этот псевдо-демократический лозунг несет в себе огромный разрушительный потенциал. Еще позитивизм делал попытки вырвать эмпирического субъекта из «оков» трансцендентного духовного влияния, реабилитировать непосредственную брутальную чувственность, движимую то экономическим интересом, то либидональным желанием. Но в полной мере удалось это только юснатуралистской концепции. И вот после «победы естественно-правовых идей»⁶⁷ юснатурализм выбросил лозунг полного освобождения субъективной чувственности. Иными словами, происходит возвращение к старому, докантовскому чувственному субъекту юмовского типа. Такая роторможенность субъективности способна сделать ее более оперативной в некоторых практических делах (в частности, успешной борьбе с конкурентами на рынке) и опережать нормативно-правовой педантизм. Формула такого опережения: «все, что прямо не запрещено законом, дозволено». Ликвидация религиозно-нравственных ограничений чувственности также вполне соответствует той подмене проекта эмансипации личности проектом эмансипации инстинкта, которая происходит на наших глазах под одобрительные отклики либертарных юснатуралистов и позитивистов одновременно. Инстинкт при человекоцентристской правовой культуре восторжествовал, но выиграла ли от этого личность?

Предпосылкой развитой личности является ее духовность, превращенная во внутренний регулятор поведения, включаемый верой и нравственной волей. Там, где ослаблены универсалии религии и нравственности, там у личности значительно меньше шансов устоять перед разнообразными внешними ис-

⁶⁷ Победу «естественно-правовой» доктрины над своими оппонентами как свершившийся факт констатировал в конце 1990-х гг. В.И. Букреев в монографии «Нормативная система (духовный мир человека)». Екатеринбург, 1999. С. 110.

кушениями и перед внутренним давлением собственных порочных инстинктов.

А юснатуралисты утверждают: «Поступать по праву – означает, в первую очередь, поступать по своему желанию, в личных интересах, по своему усмотрению»⁶⁸. Так, ростовщик под прикрытием идеалов, неосуществимых вне Бога, рвался в XVIII столетии в революцию, требуя: «Пропустите, не мешайте действовать», «Что не запрещено – позволено». С этим ключом свобода индивида означает признание порока и добродетели, лжи и истины, зла и добра равночестными. Основатель позитивистской теории правопонимания И. Бентам меру должного поведения человека тоже искал в практической личной пользе. Юснатуралисты и позитивисты с удовлетворением отмечают свою роль в освобождении правопонимания от религиозных догм. Такое духовное единство еще раз подчеркивает, что духовность бывает разной, даже по-сатанински душевредной. И как важно вовремя сделать выбор в пользу ИСТИНЫ и укрепиться в ней.

Либертарный юснатурализм В.С. Нерсесянца выражает идею вечной, неизменной, но совершенно абстрактной сущности права, общей для всех времен и народов. Правом В.С. Нерсесянец признавал только такой закон, который удовлетворяет определенным критериям – равенства, свободы и справедливости, но последние сведены к формальным признакам и из них удалены все духовно-культурные и духовно-социальные аспекты. «В праве нет ничего, – категорично заключал В.С. Нерсесянец, – кроме принципа формального равенства и конкретизаций этого принципа»⁶⁹. А.М. Величко признается в аннотации к своей работе «Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур»: «Находясь некоторое время под влиянием естественно-правовой

⁶⁸ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 88.

⁶⁹ Нерсесянец В.С., Муромцев Г.И. и др. Право и культура. М., 2002. С. 31.

доктрины, внешне сориентированной на признание личности нравственной, духовной и неповторимой субстанцией, автор вскоре пришел к выводу о ее несостоятельности именно в духовном плане»⁷⁰. Сформировавшаяся на волне секуляризации теория «естественного права» (юснатурализма) ориентировала свою познавательную установку по отношению к абстрактной природе, а не к Богу. Отрицая Бога, юснатуралисты апеллировали к некоей природе, от которой-де проистекают неотчуждаемые права человека. В этом также обнаруживается следование двойным стандартам, противоречивость их псевдонаучной позиции.

Даже самоназвание юснатурализма – школа «естественного права» – является весьма показательным примером подмены понятий. Под общим и единым термином «естественное право» скрывается не соответствующий ему смысл. Юснатуралисты де-факто считают свободу греха естественным духовным состоянием человека. Все варианты юснатурализма (и «космологическое естественное право», и «антропологическое естественное право», и «рациональное естественное право») отстаивают верховенство человеческого эго, которое берет на себя миссию определять и перестраивать развитие мира. Любопытно обнаружить, что в трудах английского юриста Г. Спелмана «естественное право» предстает в своем первоначальном и демифологизированном виде – как совокупность животных инстинктов⁷¹. Это самое удачное и самое адекватное определение юснатуралистской версии «естественного права», раскрывающее всю искусственность того, что пытаются выдать за естественное.

Действительно, зададимся философским вопросом: что естественно для человека? Жить, следуя желаниям, в эгоистиче-

⁷⁰ Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб, 1999. С. 3.

⁷¹ Радько Т.Н. Хрестоматия по теории права и государства. М., 2006. С. 144.

ских интересах, всегда по собственному усмотрению? Смиряться с разграблением национальных богатств и обнищанием населения, утверждая, что природа позволяет сильному господствовать над слабым? Жить по природе, активно включаясь в естественный отбор, в войну всех против всех? Подтверждается закон духовной жизни, выведенный святыми отцами: ложное мнение, принятое умом как истинное, неизбежно приводит к искажению всей духовной жизни человека и может привести его к гибели.

Природа человека – не более, чем инстинкт, и значительная часть по-настоящему естественных законов направлена не на то, чтобы предоставить свободу действий этим инстинктам, а на то, чтобы их обуздать, в частности, сексуальные потребности человека. Закон естественного отбора, самый могущественный из законов живой природы, самый безжалостный и безнравственный, закон уничтожения слабых и больших, юснатуралисты и те, кто за ними стоит, смогут внедрить в человеческое сообщество только после окончательной девальвации морали и искоренения веры в Бога. Почва для этого активно готовится в процессе широко разворачиваемой глобализации.

Природа не может служить идеалом для человека, поскольку это противоречит признанию человека вершиной Божьего творения. Юснатуралистское воззрение о неотчуждаемых правах человека, дарованных ему природой, антиэволюционно, а значит, приведет к неизбежной деградации, то есть злу. Говоря о *естественном* в применении к человеку, нельзя сводить его к узкоприродному, биологическому порядку, иначе человек из высшей ценности низводится до положения скота, уподобляется животному.

Ведь не случайно Т. Гоббс понимал естественное право как ничем не ограниченную свободу, ведущую к войне всех против всех⁷². По его мнению, реализовать естественные пра-

⁷² Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. М., 1989. Т. 1. С. 410.

ва и свободы многочисленные индивиды, живущие на одном территориальном пространстве, могут только в условиях войны всех против всех (the war of all against all). Согласно представлениям современного гражданского общества, естественное состояние для человека – война всех против всех, но введенная в рамки закона и называемая конкуренцией. В русском языке слова «конкуренция» не было, говорили – «соревнование» – даже имея в виду противников (например, соревнование с капитализмом). То есть у нас пытались поднимать себя, у них – уничтожать конкурента.

В западном либеральном обществе идет вялотекущая гражданская война и в этом немалая заслуга юснатуризма. Насколько безнравственные формы рыночной конкуренции порождаются «естественно» человека?

Естественное понимается в юснатуризме в тройком смысле: как свободное от всего сверхъестественного, как рациональное, то есть выводимое из одного лишь разума, и, наконец, как согласованное с порядком физической природы (особенно в том новом смысле, который природе дали Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон). Гуго Гроций и даже Лейбниц стали учить, что юриспруденция вполне совместима с атеизмом. Верховным источником юридического озарения признали естественный свет (*lumen naturale*) человеческого разума. И, наконец, Спиноза объявил, что человек по отношению к природе – это не государство в государстве и что у него и у рыб общее естественное право. Под влиянием рационалистической методологии это «естественное право» разумелось как право разумное, столь же всеобщее, необходимое, самоочевидное, незыблемое, вечное, как и чистый разум; право, которого не надо искать или придумывать; право, которое каждый человек открывает в своем сознании; право, которое надо только провозгласить и применить⁷³. Налицо крайности

⁷³ См.: Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988.

человекоцентризма – преувеличение возможностей человека и его сознания, необозримый простор для субъективизма и произвола сильных (экономически). В XX в. естественным признавалось расовое неравенство и режим апартеида в ЮАР, проведение Соединенными Штатами Америки военных операций во Вьетнаме, в Гренаде, в Конго, Ираке, Югославии за тысячи километров от своих государственных границ в отсутствие непосредственных угроз со стороны захватываемых стран. Приведем показательную цитату из сочинений Дж. Салливана (1845 г.): «У американцев есть право, предначертанное судьбой, заселять континент, который Провидение даровало нам для свободного развития нашей год от года растущей многомиллионной нации. Это право столь же естественно, как право дерева занимать своими корнями и кроной пространство в воздухе и в земле, необходимое для его развития и роста»⁷⁴. Экспансия США сначала на американских континентах, а потом и во всем мире явилась следствием «естественно предначертанной судьбы», представляющей глобальный смысл будущего господства Америки как главного носителя истины и универсальных общечеловеческих ценностей.

В древности и средневековье «естественное право» воспринималось в качестве норм поведения, которые соблюдаются без законодательной регламентации только в силу их соответствия природе. К современному набору так называемых неотчуждаемых прав человека это не имеет прямого отношения. Среди естественных и неотчуждаемых прав человека юснатуралисты отводят едва ли не центральное место праву частной собственности. Но было ли оно естественным для первобытных людей, живущих миллионы лет в условиях продовольственного и иного материального изобилия на фоне благоприятной демографической ситуации и примитивных потребностей? Может быть частная собствен-

⁷⁴ Цит. по: Почему люди ненавидят Америку? М., 2001. С. 187-188.

ность возникла в пору разложения родовой общины как следствие климатической катастрофы, приведшей людей к дефициту самого необходимого? Юснатуралисты считают выбор сексуальной ориентации неотъемлемым естественным правом человека. А почему бы такой выбор не признать противоестественным, если индивид идет против своей природы и решает пересмотреть волю своего Творца? Вопросы эти не лишены оснований.

Добро и зло в юснатурализме намеренно получают равные права, свобода же понимается как свобода греха. Юснатуралисты, кажется, не замечают, что абсолютизируемые ими ценности обслуживают агрессию, захват новых территорий, развращение народов и паразитический образ жизни.

«Каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других», – сказал И. Кант⁷⁵. Призыв к свободе как цель при этом слышат все, а оговорку-предложение – учитывать интересы окружающих – немногие. Заявляя о свободомыслии, юснатуралисты убивают умы, игнорируя истину вне своих идеологем. Они требуют этических принципов, однако практическое и точное воплощение их воззрений плодит безнравственность. Они осуждают любое давление, которое ограничивает свободу, но сами благословляют и теоретически обосновывают акции вооруженной агрессии, заканчивающиеся навязыванием порочного образа жизни и захватом чужих национальных богатств.

Показательно, что главные защитники гуманистических «общечеловеческих ценностей» и «естественного права», борцы за права человека во всем мире сами отказались от пропагандируемых ими идеалов. Свидетельством тому – теория «золотого миллиарда» и политика глобализации.

Поэтому так необходимо демифологизировать современную юридическую науку, начав, видимо, с категорий «естест-

⁷⁵ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т.1. М., 1994. С. 285.

венное право», «права человека», «демократия» и «правовое государство», понять их скрытые смыслы и механизмы подмен. Формы современного сознания после окончательного выделения из мифологии продолжают пользоваться мифом как своим языком. В массовое, профессиональное и даже научное сознание внедряются догмы мифологического мышления. В юриспруденции существует множество искусно созданных мифологий, при помощи которых ежедневно проводятся эксперименты над общественным сознанием средствами мифов.

Примером современного мифотворчества могут служить «естественные права человека», наполненные преимущественно деструктивным содержанием. Наиболее опасные их проявления заключаются в принципах «разрешено все, что прямо не запрещено законом», «рыночная экономика – главная цель жизнеустройства общества и критерий социальной справедливости». На самом деле по мере секуляризации европейской жизни высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в права индивидуума вне его связи с Богом, а охрана свободы воли трансформировалась в защиту своеволия. В практике современных либерально-демократических государств давно нет места ни «правам человека», ни демократии, ни «общечеловеческим ценностям». А есть только ценности и права избранного «братства». Именно философия избранного «братства» является методологической базой новейших теорий глобализации, «золотого миллиарда», практики контроля над рождаемостью, феминизма, эмансипации и прочих приемов сокращения численности жителей планеты.

Согласно юснатуралистскому представлению под естественными правами человека понимаются исключительно личные права на жизнь, частную собственность, свободу слова, вероисповедания, передвижения и право на стремление к счастью. Не менее естественными нам представляются те права,

совокупность которых непосредственно обуславливает качество жизни современного человека – право на сохранение культурной идентичности, право на защиту материнства и детства, право на образование, право на труд, право на жилище, право на пенсионное обеспечение по старости и инвалидности. Но эти права юснатуралисты отводят на более скромное второе и даже третье место. Так, Соединенные Штаты Америки систематически отказываются признавать, что право на пищу, жилье, минимальные санитарные условия и сохранение культурной идентичности гораздо важнее сохранения рыночной экономики и свободной торговли, несмотря на делящиеся уже около 30 лет попытки развивающихся стран убедить США в опасности такой позиции. На саммите ООН по социальному развитию, состоявшемся в марте 1995 г., была сделана очередная попытка расширить круг понятий, составляющих права человека. Но, несмотря на долгие дебаты, в итоге по настоянию США победу одержала «мировая рыночная экономика». Малазийский борец за права человека Ч. Музаффар резонно заметил: «какой смысл миллиардам погрязших в бедности людей бороться за права человека, если эти права не спасают их от голода, от бездомности, от невежества и болезней?»⁷⁶.

Так называемое естественное право частной собственности естественным образом гарантирует интересы лишь состоятельного меньшинства крупных собственников и тех средних собственников, которые не теряют надежды перейти в более высокий разряд. Для нищих и полунищих людей неприкосновенность частной собственности бессмысленна и выступает скорее средством сдерживания социального недовольства и гарантией безопасности богатых. Показательно, что с конца XIX в. теория «естественного права» не признает вечного, неизменного для всех времен своего содержания, не-

⁷⁶ Эпперсон Р. Невидимая рука. СПб, 1996. С. 125.

поколебимо в ней одно -- утверждение неприкосновенности частной собственности.

Идеологической подоплекой другого юснатуралистского мифа – мифа об «общечеловеческих ценностях» – является навязывание миру процессов глобализации с безнациональным «плавильным» котлом во главе с США. Ведь «общечеловеческие ценности» не существуют как нечто конкретное; они возникают из совокупности национальных культур, созданных различными нациями и составляющих международный культурный фонд. Еще проницательный Н.Я. Данилевский в девятнадцатом столетии доказал, что «понятие об общечеловеческом не только не имеет в себе ничего реального и действительного, но оно уже, теснее, ниже понятия о племенном, или народном, ибо это последнее по необходимости включает в себя первое и, сверху того, присоединяет к нему нечто особенное дополнительное, которое именно и должно быть сохраняемо и развиваемо, – дабы родовое понятие о человечестве в реальном его значении получило все то разнообразие и богатство, в осуществлении к какому оно способно. Следовательно, общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности»⁷⁷.

На практике единая однородная общечеловеческая культура возможна лишь как всемирная экспансия одной культурной системы на все человечество, что мы и наблюдаем в процессах вестернизации, модернизации, глобализации культурной жизни по западному образцу. Такое общечеловеческое единообразие губительно для самобытных национальных культур. Между тем каждый этно-культурный организм самобытен, неповторим и, что особенно важно подчеркнуть, самоценен.

⁷⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 123.

По мере продвижения глобализаторского проекта становится очевидно, что идеи либерализма, демократии, рынка не могут претендовать на роль общечеловеческих и общенациональных вдохновляющих символов. Опыт российских реформ показывает, что ради иллюзорных «общечеловеческих ценностей» русские люди не желают класть свои жизни и силы на алтарь Отечества.

Следующим распространенным мифом юснатуралистской концепции является тезис об исключительно неправовом характере русской национальной культуры. Сурия Пракаш Синха так и пишет: «Можно сказать, что для западной цивилизации центральным принципом социальной организации является право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях. – И далее: – Право и его институты играли центральную роль в специфической исторической действительности Запада, в то время как в других обществах эта роль принадлежала другим принципам»⁷⁸. Многое в этой цитате объясняет неаутентичность перевода, ибо само слово «право» самобытно русское и другим языкам изначально неприсуще. У других народов в иных странах для обозначения разнообразных юридических регуляторов пользуются разнообразной терминологией, а слово «ПРАВО» возникло именно у русского народа в его специфической духовно-религиозной и культурной среде. Смысл этого слова в России тоже подменялся и выхолащивался, пока потомки древнерусских племен окончательно не забыли изначальный смысл права.

Э.Ю. Соловьев выразил близкую мифологему: «право возникло лишь в конце XVIIIв. после того, как прозвучали великие Декларации прав человека и гражданина»⁷⁹. Другими словами, юснатуралисты желают приурочить возникновение

⁷⁸ Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Красткий курс. М., 1996. С. 85, 10-11.

⁷⁹ Соловьев Э.Ю. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992. С. 182.

права к рождению либертарной версии юснатурализма времен буржуазных революций. Так удобнее выдавать за право ценности либеральных переустройств мира и подменять соответствующие понятия.

Трудно ожидать, что юснатуралисты станут опираться на национальные традиции и духовную культуру общества, а не на «Хельсинские соглашения» и другие декларации о правах человека. Но спекулятивное обращение с многовековой историей права совсем непростительно. Основываясь на методологических и общефилософских положениях, П.И. Новгородцев постарался в свое время выяснить философскую правомерность идеи естественного права и вот к какому выводу он пришел: «Но чем более углублялся я в изучение предмета и чем более широкий круг вопросов затрагивал в этом изучении, тем более я убеждался в том, что методологическое движение в пользу возрождения естественного права является лишь формой для более глубокого явления, которое я не могу назвать иначе, как кризис современного правосознания»⁸⁰.

Главным мифом юснатурализма можно считать спекулятивное опошление и извращенное понимание словосочетания «ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО». Выдающийся английский правовед Г. Спелман предупреждал своих коллег: не следует экстраполировать термин «естественное право» на все живое; это право записано в сердце человека. Продолжая свою мысль, Г. Спелман утверждал, что любая норма, «записанная в сердце, согласуется с правом Бога»⁸¹. Под естественным правом он справедливо подразумевал совокупность моральных принципов, заложенных Богом в природу (сердце) человека. Естественное право, писал он, дано людям для того, чтобы вести их к познанию Господа, посредством его они признают Бога

⁸⁰ Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 293.

⁸¹ Радько Т.Н. Хрестоматия по теории права и государства. М., 2006. С. 344.

Творцом, Высшим существом и Охранителем всех творений; знание Бога естественным образом установлено в умах людей. Эти глубокие выводы Г. Спелман сделал в XVII в., когда в юснатурализме они еще были возможными.

Из-за подмены содержания понятия «естественное право» пользоваться им адекватно в наше время весьма проблематично. Уже не раз либеральные мыслители избирали в жертву благородные категории, качественно видоизменяли их сокровенный смысл, приучали к новым смыслам старых терминов публику и позволяли пользоваться плодами подмены сущих врагов человеческого рода. Так было с терминами «естественное право», «свобода», «права человека». Так было с понятием права.

С учетом сказанного необходимо восстановить подлинный смысл идеи естественного права, которая должна пониматься именно как развивающая духовную константу человеческого естества, облагораживающая и одухотворяющая его природные свойства, а отнюдь не как идея приоритета «естественных стремлений» есть, пить, накапливать имущество, предаваться похоти, в их ничем не ограниченной самодостаточности. Категория естественного права способна подчеркнуть сохранившееся в праве Абсолютное начало, развитие которого и является одновременно целью и оправданием как каждого индивида в отдельности, так и всего общества в целом.

Естественное право в его исконном значении является формой сочетания основных законов бытия природы и человека и Божественного верховного блага. Чтобы верно понять естественное право, человеку нужно найти его в глубине своего собственного духа, восхотеть его волею и проверить по канонам Святого писания и догмам Святого предания. Такое представление о естественном праве соответствует упоминанию Св. Апостола Павла о законе, написанном в человеческих сердцах (Рим. 2,15).

Характеристика основных типов правопонимания требует обращения к *широкому подходу понимания права*. Поначалу этот подход предполагал попытку соединить позитивистские и естественно-правовые начала в «интегративной юриспруденции», наиболее яркими представителями которой выступают Холли Джером, Легаз-и-Лакамбра, К. Коссио, М. Реал, Ст. Йоргенсен⁸². Затем сторонники широкого подхода сочли возможным соединить фрагменты всех известных определений права, поскольку, по их мнению, они все содержат зерна истины (Ж.-Л. Бержель, Г. Дж. Берман)⁸³. И, наконец, на третьем этапе эволюции широкого подхода его сторонники собрали в «многоаспектное» определение права лишь те характеристики, которые удовлетворяют парадигме либертарного юснатурализма. Содержательно-неопределенное название широкого подхода позволяло завуалировать в нем идеи либерализма там и тогда, где и когда либерализм был непопулярен. Так, например, пик раскручивания широкого подхода в отечественной юридической науке пришелся на 1970-1980-е гг. С его помощью удалось расколоть ряды позитивистов Советского Союза.

Широкий подход к пониманию права в литературе именуется еще многоаспектным, интегративным, синкретическим и нередко плюралистическим. С конца 1950-х гг. в СССР стали появляться труды по теории государства и права, в которых наряду с нормами, выражающими волю господствующих классов, в право включались и другие юридические явления: правоотношения (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пинтовский), правоотношения и правосознание (Я.Ф. Миколенко), субъективное право (Л.С. Явич) и др. С возникновением и укреплением нового подхода начался последовательный процесс движения от

⁸² См.: Антология мировой правовой мысли. Т. 3. Европа, Америка. XVII-XX вв. М., 1995. С. 738-743.

⁸³ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 55; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 57.

прежнего «единомыслия» к плюрализму научных взглядов на правопонимание. Заметный вклад в этом направлении внесла опубликованная в 1975 г. статья Е.А. Лукашевой, в которой был обоснован многоаспектный анализ права и говорилось об условности и ограниченности любого определения права⁸⁴.

Тенденция к сближению и сопоставлению разных подходов к праву сопровождается заведомым отказом поиска и формулирования единого определения понятия права. Утверждается мысль, что право вообще можно не определять из-за разноголосицы мнений. Эта установка не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд. Результатом ее воплощения явится дезорганизация юридической деятельности и дезориентация правосознания.

В настоящее время сторонниками широкого (интегративного) подхода в отечественной юридической науке являются В.Е. Гулиев, В.В. Лазарев, О.В. Мартышин, А. Матюхин и др. Так, В.В. Лазарев полагает, что для глубокого познания права все определения полезны, поскольку все отражают хоть какую-то часть реалии. Он предложил следующее «интегративное» определение понятия права: «право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом»⁸⁵. М.И. Байтин высказался за единство естественного и позитивного права⁸⁶. О.В. Мартышин выступил за объединение юридического позитивизма и социологического позитивизма, ибо это позволяет, по его мнению, рассмотреть право в его важнейших аспектах: нор-

⁸⁴ Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4.

⁸⁵ Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 13.

⁸⁶ Байтин М.И. Единство естественного и позитивного права – основа обеспечения прав и свобод человека // Права человека: пути их реализации. Саратов, 1999. Ч. 1. С. 79.

мах-правилах и нормах-решениях⁸⁷. Но это предложение не было принято, потому что основой совмещения типов правопонимания он предложил позитивистскую, а не юснатуралистскую трактовку права.

В рамках широкого подхода доминирует другое течение. Его представители не против многообразия типов правопонимания, их задача – задать общее пространство сосуществования, соизмерения, коммуникации различных типов правопонимания на неких «общеприемлемых основаниях»⁸⁸. «В качестве «общеприемлемой» основы такого интегративного правопонимания, – пишет А. Матюхин, – и может служить правовая теория либерального институционализма»⁸⁹.

И действительно, широкий подход к пониманию права является, по сути, либертарным. Все адепты «широкого подхода» апеллируют к свободе, неотчуждаемым и естественным правам человека. К тому же, юснатурализм, позитивизм и социологическая юриспруденция вполне сходятся на почве секуляризованных гедонистических ценностей, материалистической рациональной методологии, обожествления свободного, ни от кого независимого индивида.

«А стоило ли так жестко спорить? – недоумевает С.С. Алексеев, ставший сторонником юснатурализма. – Широкое понимание – действительно философский, общесоциологический подход, когда используются адекватные ему мировоззренческие категории. Именно сейчас все то позитивное, что содержала концепция права, отделяемого от закона и трактуемого как мера свободы, должно быть учтено в контексте более основательных представлений о цивилизации и культу-

⁸⁷ Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 15.

⁸⁸ Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs. 1985. № 14. P. 64.

⁸⁹ Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 53.

ре, о месте в них автономной, суверенной личности»⁹⁰. В.М. Шафиров в 2004 г. опубликовал монографию под названием «Естественно-позитивное право» в которой обосновывал мысль, будто говорить о естественном либо позитивном праве не следует, речь надо вести о динамично функционирующем и развивающемся естественно-позитивном праве или «праве в человеческом измерении». Под естественно-позитивным правом В.М. Шафиров понимает возведенную в закон (иные официальные источники) волю большинства людей, провозглашающую свободу (права и свободы) человека и гражданина как высшую ценность⁹¹. О том же пишет А.К. Черненко: «...чтобы правовая свобода из возможности превратилась в реальность необходим ее синтез с позитивным правом. Иначе говоря, следует осуществить интеграцию позитивного и естественного права»⁹².

Из приведенных цитат видно, что обобщающая конструкция, на основе которой предлагается интегрировать основные типы правопонимания, восходит к философии права, считающее сущностью права свободу (либертарный юснатурализм). Включаемые сторонниками «широкого подхода» в определение права элементы строго субординированы и подчинены «высшей ценности» – свободе человека.

Сторонник интегративного правопонимания О.С. Иоффе отмечал, что немаловажным является «ответ на один вопрос – субординированы или только координированы включаемые ими в право разные элементы? Если субординированы, причем субординированы именно системой норм, тогда нет спора или остается всего лишь спор о словах: право – не только

⁹⁰ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 7. .

⁹¹ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 86, 94.

⁹² Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск, 2004. С. 164.

нормы; но все остальное, входящее в право, подчинено нормам и производно от них. Если же координированы, и значит, что ни один из элементов не подчинен другому, то отсюда следует, что действие норм может быть парализовано субъективными правами, как и действие прав – нормами, что правосознание и мораль способны помочь не только формированию и применению закона, но и отказу от его действия независимо от воли законодателя»⁹³. По существу, здесь высказывается опасение перед возможностью отказа исполнять закон под тем предлогом, что этот закон аморален.

Не являясь сторонником «широкого подхода» к пониманию права, я полагаю, что в определении понятия права должны сочетаться как содержательные, так и формальные признаки права и все признаки необходимо субординировать под высшими духовно-культурными, морально-нравственными ценностями, твердым критерием которых выступают заповеди Господа Иисуса Христа, содержащиеся в Новом Завете. И такое правопонимание не нужно считать метатеорией, подходящей для всего человечества. Отстаиваемый в настоящей работе синтетический, а вернее – православный, тип правопонимания органично вписывается в Традицию и ментальное состояние русской национальной культуры, а потому подходит в наше время именно России.

Распредмечиванию права способствует так называемое *плюралистическое понимание права*, также вытекающее из парадигмы либерализма. В отличие от широкого подхода, в котором предпринимаются попытки суммирования элементов различных типов правопонимания в одном общем определении на базе единых идеологических оснований, в рамках плюралистического правопонимания даже не пытаются формулировать никаких общих определений понятия права. Там выступают за плюрализм разных определений, ведь каждое в

⁹³ О понимании советского права (Круглый стол журнала) // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 67.

отдельности не признается абсолютным и поэтому-де призвано характеризовать право с какой-то одной стороны. Лишь совокупность всех мыслимых определений понятия права, по мнению сторонников плюралистического правопонимания, способна дать полное представление о предмете.

Методология российской юриспруденции стремительно вступила в фазу философского плюрализма. Плюрализм правопонимания признается показателем зрелости гражданского общества и неизбежным следствием демократизации общественной и государственной жизни. Чем более развито гражданское общество, считается сегодня, тем шире почва для плюрализма⁹⁴. Это означает опрокидывание всех ценностных иерархий и уравнивание «в правах» самых разнородных существ и предметов. Собственно, никакой вертикали в этом мире больше не существует: сакральное профанируется, профанное эстетизируется, возвышенное редуцируется, а порочное обретает силу нормального и законного.

Подобная идейная всеядность плюралистической методологии вырождается в абсолютную пустоту и демагогию, в некий специализированный вагон для курящих и некурящих одновременно. Когда нормой становятся все нормы, даже те, что взаимоисключают и взаимоотрицают друг друга, ситуация с правопониманием имеет одно-единственное название – абсурд. Этот абсурд позволяет властям принимать любые нужные им юридические решения и всегда находить для них какую-то мотивацию. Необходимо уточнить, что утверждающийся абсурд плюралистического правопонимания не является результатом ошибки или просчета. Речь идет о целенаправленном распрямлении права, о фрагментации когда-то целостного правосознания общества, способного целостно и синтетически (а не мозаично и аналитически) осоз-

⁹⁴ См., например: Кравец И.А. Формирование российского конституционализма. М., 2001. С. 216.

навать окружающую реальность. В этом случае облегчается задача манипулирования субъектами права.

Плюрализм учит терпимости – абсолютному безразличию ко всему происходящему в духовной сфере. На плюралистическом миропонимании в Новое время насаждался атеизм. В результате реальность расплывается перед взором человека и тогда он склонен считать, что истина тоже плюралистична. Подход здорового сознания, при котором то, что не истина – есть ложь или заблуждение, пугает наших современников, даже принадлежащих к научному сообществу.

Свобода, понимаемая как нравственный и мировоззренческий произвол, лежит в основе и плюралистического правопонимания тоже. Упреки в возрождении тоталитаризма за критику плюрализма не уместны, ибо искусственное идеологическое однообразие не имеет ничего общего с добровольным и согласным пониманием природы добра и зла. Либералам-манипуляторам известно, что для превращения народа в толпу, а толпы в скот, надо разобщать людей, держать в невежестве, разномыслии, лишать глубокого образования, чувства любви и взаимовыручки. Ибо когда человек пребывает в смятении и не имеет четкого критерия истины и справедливости, то его легко запутать, подчинить злой воле. Что мы наглядно и видим в современном обществе.

Все идеи признаются плюралистами равноправными и никакая из них не имеет преимуществ перед другими. Общественное сознание хаотизируется в угоду плюрализма мнений за счет огромных, но тщательно фильтруемых потоков информации, которые не способны выстроиться в конструктивную систему в мозгу обычного человека, устремить его к созиданию, повышению порядка в собственной стране, одновременно создавая иллюзию свободы слова, развлекая обывателя и отвлекая его от реальной жизни. А. Гитлер откровенно выразил инструментальную роль плюрализма: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором ка-

ждая русская деревня имела бы собственную секту, где развивались бы особенные представления о Боге. Мы будем приветствовать, если русские подобно неграм и индейцам станут приверженцами сект и магических культов, поскольку тогда резко усилятся разъединяющие русских тенденции и, соответственно, облегчится задача их германизации»⁹⁵.

У Св. Иоанна Златоуста мы находим такое суждение о плюрализме: «А чтобы тебе увериться, что нет ничего гибельнее раздора и несогласия, послушай, что говорит Христос: *всякое царство, разделившееся в самом себе, запустеет* (Мф. 12,25). Если в государстве возникнет междоусобие, вся его сила сокрушается: ибо ничто так не ослабляет, как ссоры и распри, и, напротив, ничто столько не усиливает и не укрепляет, как любовь и согласие...»⁹⁶.

Трудности в выработке единого определения понятия права плюралистам кажутся непреодолимыми. Возможность такого определения представляется им в высшей степени сомнительной. И тогда они предлагают универсальный, по их мнению, выход – направить усилия в другое русло, не искать общее определение, а использовать разные определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь в совокупности дает разностороннее представление о праве. Так, О.Э. Лейсту принадлежит идея: «Все понимания права столь же верны, сколь и оспоримы. Отсюда однако не следует, что общее понятие должно быть соединением трех концепций права (позитивистского, социологического и естественно-правового). Суть дела в том, что между крайними точками зрения трех концепций находится не истина, а сложнейшее общественное явление – право, которое в любой из своих частей может стать и бытием свободы, и орудием порабощения и произвола, и компромиссом обществен-

⁹⁵ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 1941-1942. Смоленск, 1993. С. 346.

⁹⁶ Св. И. Златоуст. Сочинения в 7-ми тт. Т. 3. М., 1995. С. 34.

ных интересов, и средством угнетения, и основой порядка и пустой декларацией, и надежной опорой прав личности, и узаконением тирании и беззакония»⁹⁷.

Доверившись плюралистической методологии, предлагающей множественность истины и способов ее познания, мы неизменно придем к признанию множественности всех гипотетически возможных правовых идеалов. «Следует признать, что в зависимости от условий места и времени в качестве права выступает то одна, то другая материя, то в одной, то в другой ее форме, – утверждает В.В. Лазарев. – Понимание права носит во многом условный и договорный характер. Юристы вполне могут допустить разные характеристики права. И каждая характеристика будет уместной в той мере, в какой она кому-то служит, кому-то приносит пользу»⁹⁸. Но истина не допускает в отношении себя компромисса. Истина не может быть изменена по соглашению, подвергнуться субъективному переосмыслению без того, чтобы не утратить какие-то свои черты, то есть перестать быть истиной. В массе разнообразных подходов к пониманию права истина всегда одна, даже если таковая не обнаружена ни одним из известных типов правопонимания.

В 2002 г. в Санкт-Петербурге была защищена докторская диссертация на тему коммуникативно-информационного понимания права. Ее автор И.Л. Честнов предложил принцип диалога в качестве универсального средства познания сущно-

⁹⁷ Лейст О.Э. Три концепции понимания права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 8.

⁹⁸ Лазарев В.В. Инструментальный подход к праву // Государство и право. 2003. № 1. С. 15. В приведенном тезисе В.В. Лазарев низводит право до инструмента, который можно использовать для самых неблагоприятных занятий. Для него не важно, кому и в чьих интересах служит право, главное, что оно имеет инструментальную ценность. При таком подходе любая система законодательных актов будет именоваться правом, если она кому-то полезна (террористам, коррупционерам) и чьим-нибудь интересам служит.

сти права⁹⁹. Не отвергая роль диалога в правовой сфере вообще, в вопросе правопонимания возможности диалога придется признать непродуктивными, ведь истина не формируется путем взаимного уговаривания, полного либо частичного отступления от правильной позиции, заключения сделки и т.п.

Не стоит удивляться тому, что Господь Бог допускает разномыслие в людях. По словам апостола Павла различие в суждениях должно вести к выявлению искусных: «Подобает бо и ересям между вами быти, дабы открылись искусные» (1 Кор. 11,19) – искусные не в ересях, а в отыскании и проповедании ИСТИНЫ.

По выражению В.С. Соловьева, истина не есть многое, а есть единое, поскольку истина едина, а не множественна¹⁰⁰. Призывы к толерантности либо модной ныне «политкорректности» в отношении различных воззрений на право происходят от лукавого, ибо терпимость относится лишь к людям, но никогда к истине. Поэтому приходится быть нетерпимым к фактам искажения и игнорирования истины.

Вместо единой абсолютной Истины плюралисты выдвигают некую множественность относительных, частных псевдо-истин, призванных к мирному сосуществованию и взаимному приспособлению в рамках плюралистического пространства. Коль скоро все противоречия «истин» предлагается снимать посредством их примирения, в мире больше нет места тайне или хотя бы секрету. Все тайны могут быть объяснены. Не случайно либертарная парадигма видит угрозу

⁹⁹ См.: Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2002; Его же. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб, 2000; Его же. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб, 2002; Его же. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб, 2002.

¹⁰⁰ Соловьев В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 98.

себе в любом проявлении традиционной религии с ее тайнами (Таинствами), универсальностью, иерархией и синтезом. Любому синтезу мыслители либерализма и постмодернизма предпочитают эклектику, насаждающее изначально несерьезное, игривое и ироничное отношение к духовным и культурным ценностям.

А. Матюхин допускает следующую мысль: «Лишь состязательным способом (в парламенте как основном демократическом институте законотворчества и в суде как основополагающей сфере правоприменения) может быть практически воплощена Идея Права, органически включающая в себя Идею Свободы, Идею Справедливости и Идею Общего Блага как фундаментальные ценностные регулятивы общественной жизни»¹⁰¹. В этом утверждении идея права рассматривается как результат состязания, турнира, конкурентной борьбы, в которых победу одерживает не слабый и смиренный, а сильный и амбициозный. Если И.Л. Честнов и В.В. Лазарев предлагают научному сообществу договориться путем компромиссного диалога по поводу Истины в правопонимании, то А. Матюшин идею права ожидает услышать от победителя состязательных политико-юридических процессов, кем бы он ни был и какими бы средствами не одержал победу в состязании. К тому же, пределы права А.Матюшиным заведомо ограничиваются набором классических либеральных мифологем, абсолютизирующих свободу. Победитель состязания свободен решать судьбу проигравшего и поверженного противника.

Сторонники плюралистического правопонимания фактически предлагают соединить истину с ложью, лукаво делая вид, что не понимают противоестественность такого сочетания, видимо надеясь, что люди, замороженные благородством лозунгов, не заметят страшной подмены. «Истина не может

¹⁰¹ Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 14.

быть сравнена с ложью», – писал о. Иоанн Кронштадский, вторя словам Св. апостола Павла: «*Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?*» (2 Кор.6,14). Диалог Бога и дьявола невозможен. Стремящиеся к компромиссу в вопросах истины, желают выхолостить ее, поделить и раздать всем желающим. Это вдвойне непростительно после того, как ИСТИНА была явлена миру самим Спасителем и утверждена Святыми отцами на Вселенских Соборах. «Если бы я не пришел и не говорил им, – предупреждал Господь Иисус Христос, – то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения во грехе своем» (Ин.15,22).

Только в последнее столетие общественное сознание научилось отделять социально-экономические, политические и иные процессы от связи с проблемами религиозного плана. Но это только для внешнего наблюдателя. При более глубоком исследовании обнаруживается обратная картина. Общественные метаморфозы всегда являлись лишь придатком более глубинных процессов, касающихся духовной жизни, во всей полноте проявляющих себя в религии. Об этом однозначно говорит опыт истории. Вся мировая история – это история религий и связанных с ними процессов. В 1916г. в разговоре с послом Франции министр юстиции Щегловитов сказал: «Конституционный либерализм есть скорее религиозная ересь, чем химера или глупость»¹⁰². Плюралистическое правопонимание может разделить данную оценку либерализма как его имманентное свойство.

Пора признать, что плюрализм хорош лишь при обсуждении праздничного меню, но пагубен в области духовно-религиозной, морально-этической, мировоззренческой, к каковой относится проблема правопонимания. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12,25) – предрек Господь. «Умоляю вас, братия, – говорит апостол Павел, –

¹⁰² Палеолог М. Воспоминания посла в России. СПб, 1989. С. 125.

чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях» (1 Кор. 1,10), «остерегайтесь производящих разделения и соблазны... и уклоняйтесь от них» (Римл. 16,17). В истинности этих слов лишний раз убеждаешься, встречая в юридической литературе вот такие призывы: «Необходимо решительно отказаться от какой-либо идеализации права, рассмотрения его в качестве высшей социальной ценности» (В.А. Толстик)¹⁰³.

Отвергая методологию плюрализма, и выступая за единство синтетического подхода, я подразумеваю единство истины. Безграничный, предоставленный сам себе плюрализм, делал бы бессмысленным сам вопрос об истине в области правопонимания и др. Тогда не было бы научного знания. Не было бы человека, способного отличать правду от лжи. Но Бог дал людям способность все глубже постигать и однозначно выражать истину, уводя от разрушительной сумятицы и неясности.

Подводя итог, можно назвать дискуссию о понимании права в российской и зарубежной юридической науке далеко неплодотворной в концептуальном плане. Она не способствует развитию теоретического правоведения. Странники основных типов правопонимания заканчивают свои исследования на том месте, с которого они должны начинаться.

1. *Противопоставление естественно-правового и позитивистского подходов к пониманию права не может более рассматриваться в качестве основополагающего.* Выбор между этими интерпретациями права ничего не дает, потому что альтернатива юснатурализма и позитивизма довольно условна и не исчерпывает содержания права и проблемы правопонимания. Очевидна принципиальная теоретическая и методологическая идентичность позитивистского и юснатуралистского

¹⁰³ Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание право // Государство и право. 2004. № 9. С. 16.

типов понимания права как различных трактовок рациональной юриспруденции, отвергающих духовно-религиозные, а, следовательно, и абсолютные морально-нравственные ценности. Позитивисты и юснатуралисты разделяют индивидуалистический взгляд на человеческое общество и поэтому придерживаются человекоцентристской ориентации в определении понятия права.

Позитивистская и естественно-правовая (юснатуралистская) школы права имеют отдельные различия в трактовке источника права, в онтологических вопросах, а методологически они представляют собой детерминистские мататеории, претендующие на всеобъемлющее объяснение права. Они принципиально тождественны в основаниях своей методологии, демонстрируя лишь плюрализм подходов в рамках единого секулярного мировоззрения. В период «Просвещения» в Новое время эти школы права сошлись в отрицании Бога и обожествлении человеческой личности. Исторически «естественно-правовая» парадигма активизировалась в обществах, где буржуазия боролась за власть и доминирование, а позитивное правопонимание господствовало в обществах победившей буржуазии. «Естественно-правовая» доктрина позволяет поборникам наживы и удовольствий взломать традиционный уклад революционными средствами. Позитивизм становится нужен победившей буржуазии, добившейся официального признания в законах, для защиты своих притязаний от всякого рода критики и недовольства обманутого народа. Требования неудачливого большинства о справедливости и свободе воцарившаяся буржуазия нейтрализует посредством принципа неприкосновенности частной собственности. В наше время современным буржуа нужно контролировать информационные, финансовые, сырьевые, человеческие потоки глобально в пределах всей планеты, поэтому юснатурализм и переживает бурный ренессанс.

Получается, что основные типы правопонимания произрастают из одного корня и имя ему – БЕЗбожие, БЕЗнравственность, БЕЗчеловечность. Юснатурализм и позитивизм – разные маски одного единого идейного течения в юриспруденции. Это течение занимается фрагментацией и атомизацией некогда целостного правового знания, отрывом права от его Источника, невиданным ранее порабощением воли человека путем разращения, обмана и шантажа.

2. Позитивистские и «естественно-правовые» аспекты не составляют сущности права, поскольку сосредоточены фактически на формальных признаках права и описательных определениях понятия права. Среди признаков права в современной юридической науке выделяются: а) системность; б) нормативность; в) регулятивность; г) государственная обеспеченность; д) общеобязательность; е) формальная определенность; ж) проявление в качестве всеобщего масштаба свободы, справедливости равной меры по отношению ко всем индивидам. И как бы эти признаки не комбинировались, все равно выходит, что право – система правил поведения. Сущность права в таком определении позитивизма-юснатурализма не просматривается. Право отождествляется с бездуховным юридическим инструментом-стандартом-регулятором.

Нынешние определения права не раскрывают сущности права как закона бытия, предопределяющего все качества правовой системы, ее цели, принципы, причины бытия и исторической судьбы. Формалистическое определение права, лишенное духовно-культурных оснований, обслуживает дальнейшую дифференциацию, специализацию и технизацию юридических профессий. При этом правовая реальность выстраивается по типу технократической системы, в которой юристу отводится весьма скромная роль. Технократическая система требует, чтобы юрист знал нормы писаного права и процедуры, с которыми

непосредственно имеет дело. Чтобы соответствовать этим требованиям, юрист вынужден применять свои знания во все более узкой сфере практики, превращаться в заурядного технолога, но высокооплачиваемого в сравнении со многими другими специалистами. Юриспруденция коммерциализуется, все дальше удаляясь от следования морально-этическим абсолютам. Предмет юриспруденции искусственно ограничивается техникой принятия и применения юридических норм и юридической казуистикой. Юристы становятся не способными охватить своим профессиональным сознанием общих закономерностей государственно-правового развития, принимать ответственные решения в ситуации пробельности права, соблюдать профессиональную этику. Современное право превратилось из источника надежд на правду и справедливость в инструмент обслуживания недобросовестных интересов, в основном коммерческого характера¹⁰⁴.

3. Типы правопонимания, признаваемые ныне основными, на самом деле просто отрицают право как проявление духа и подлинной свободы человека и утверждают механический произвол. Поэтому они олицетворяют собой довольно низкие ступени в разложении правосознания.

¹⁰⁴ Эта проблема была затронута Ф.Фукуямой, автором широко известного «Конец истории». Он пишет: «...люди, не испытывающие доверия друг к другу, смогут взаимодействовать лишь в рамках системы формальных правил и положений, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения. Все эти юридические приемы, заменяющие доверие, приводят к росту того, что экономисты называют «транзакционными издержками». Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которой избавлены общества с высоким уровнем доверия» (Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1991. С. 116). Иными словами, правовой капитал нельзя свести к экономическому капиталу. Более того, он растрачивается и исчезает в условиях незаконной инфильтрации отношений экономического контракта и обмена в заповедные духовные и моральные сферы.

Правовой нигилизм, по мысли И.Д. Неважжай, можно объяснить «подспудным социокультурным несоответствием между требованиями, предъявляемыми актуальной правовой культурой, и архетипическими в своей основе представлениями о праве и правовом. Из этого противостояния вытекает общее негативное отношение к чуждому правопониманию и чуждой модели права в культуре»¹⁰⁵. Основные типы правопонимания (юридический позитивизм, юснатурализм) и их производные течения юридической мысли не соответствуют Идеи, Традиции и Судьбе самобытной русской правовой культуры, а потому порождают в отечественном правосознании вполне заслуженный нигилизм. Но этот нигилизм И.Д. Неважжай, М.Б. Смоленский, А.П. Семитко, О.Э. Лейст и многие другие ученые-юристы предлагают преодолеть не отказом от неадаптируемых типов правопонимания, а отказом от самой отечественной правовой культуры. В этом случае в России будет уже не ПРАВО, а какое-нибудь LAW, JUS либо LEX и образ правовой жизни здесь будет соответствовать генотипу других стран.

«Для того, чтобы заимствовать приемы европейских школ, мы обязаны отличить то, что в них основано на вечных законах разума, и то, что родилось вследствие исторических условий, – писал Л.Н. Толстой. – Общего разумного закона, оправдывающего насилие, употребляемое школами против народа, нет, и потому всякое подражание европейской школе будет шаг не вперед, но назад для нашего народа, будет изменой своему признанию»¹⁰⁶.

4. В обосновании и пропаганде основных типов правопонимания в России задействованы многочисленные и лучшие силы отечественной юриспруденции. Этот факт отражает вы-

¹⁰⁵ Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 27.

¹⁰⁶ Толстой Л.Н. О народном образовании // Педагогические сочинения. М., 1989. С. 68.

сокую степень догматизма и вопиющее отсутствие реального осознания духовно-культурных, исторических корней и ответственности права.

Имеющиеся теории правопонимания не в силах предложить адекватного знания о праве и новую методологию. Они занимаются выбором между либеральными интерпретациями права и распространяют во все отрасли права институты цивилистики.

5. Много вреда заключается в том, что юридическое общество остается в целом безразличным к проблеме правопонимания, что обусловлено безразличием к фундаментальным духовным основаниям отечественной правовой системы.

В.А. Толстик даже предложил прекратить поиски определения права и «заняться более важными научными и практическими проблемами»¹⁰⁷ по аналогии с поиском абсолютного вечного двигателя (перпетуум мобиле), заявки на который не регистрируются Парижской академии наук с XVII в. Данный тезис довольно распространен, но в нем игнорируется, что от господствующего типа правопонимания напрямую зависит сущность, содержание и форма правовой системы общества.

Вернуть праву универсальные регулятивные возможности можно лишь обеспечив ему утраченный духовный статус. Проблема не исчерпывается признанием права явлением цивилизации и культуры¹⁰⁸; Источник права абсурдно ограничивать человеческим субъективизмом. Право имеет трансцендентные, метафизические духовные основания, не связанные непосредственно с культурой и цивилизацией человеческих сообществ.

¹⁰⁷ Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13.

¹⁰⁸ См., например: Алексеев С.С. Новые подходы – требование перестройки // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 6-8.

Резерв продуктивности «основных типов правопонимания» к настоящему моменту исчерпан. Перспективы познания истины в вопросе правопонимания видятся в отказе от либертарной парадигмы юснатурализма и позитивизма, раскрытии типологических особенностей русской правовой культуры и переходе от человекоцентризма к Богоцентризму в понимании права. В этом случае восстановленный духовный статус российского права позволит ему быть надежным ориентиром для правообразования и правореализации.

1.2. Критика подходов к сущности права

Сущность права – это внутренняя, глубинная его субстанция в противоположность внешним выражениям права и неустойчивым, изменчивым аспектам содержания. О сущности права написано немало работ¹⁰⁹. Ее определяли по-разному: государственная воля, общенародная воля, воля господствующего класса, борьба интересов, согласование (консенсус) интересов, выражение общесоциальных интересов, формальное равенство, справедливость, свобода, достоинство личности. Исходя из того или иного понимания сущности права, предлагаются определения права типа: «право есть меры свободы, равенства и справедливости», «право – возведенная в закон воля экономически господствующего класса», «право – это охраняемый государством социальный интерес» и т.д.

Категория «сущность права» позволяет изучать смысл права, основные закономерности его бытия, связи права с духовным миром, идеалами общества, с человеком, обществом, государством. *Сущность права складывается из набора тех*

¹⁰⁹ См.: Явич Л.С. Сущность права. М., 1985; Байтин М.И. Сущность права: Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001; Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.

ценностей, которые для человеческого общества являются жизненными (важными для жизни и деятельности, достижение которых образует смысл жизни людей). Сейчас в правоведении формируется учение о ценностях в праве – юридическая аксиология. Позитивистов и неопозитивистов сущность права не занимает, потому что стремление изучать право в «чистом» виде приводит их к отрицанию каких-либо ценностей в основании права. Позитивисты признают инструментальную, но игнорируют духовную ценность права.

Признание духовно-культурной ценности права предполагает выбор тех ценностей, которые образуют сущность права. В современном обществе наблюдается острый конфликт ценностей, и выбор между ними нередко совершается без учета абсолютных морально-нравственных начал. Ценности, по верному замечанию А.И.Экимова, могут вступать в противоречие между собой, если не выявлены механизмы их совмещения¹¹⁰. Ценности, закладываемые в фундамент права России, должны обрести вид системы, но главное – обладать абсолютным духовным авторитетом, соответствовать Высшей Истине (доступной научному осмыслению) и выражать традиции отечественной правовой культуры. Объяснение сущности права через апелляцию к природе вряд ли может получить признание в науке. Детерминация права природными факторами еще более условна, чем классовая детерминация, ибо природная неотвратимость не «работает» в правовой сфере ввиду свободы воли субъектов права. Полноценные люди следуют в своей жизни не столько природным инстинктам, сколько осознанным решениям.

Набирающая силу глобализация мира актуализирует проблему ценностей, выступающих важнейшим критерием правомерности поведения, отношений, реформ, образа жизни и т.д.

¹¹⁰ Современное состояние российского законодательства и его систематизация: Круглый стол журнала // Государство и право. 1999. № 2. С. 26.

Под сущностью права в советской юридической науке понималась возведенная в закон **воля** господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни данного класса. В 1937 г. на Первом Всесоюзном совещании по вопросам науки государства и права была одобрена формулировка общего определения права, предложенная А.Я. Вышинским: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общезжития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹¹¹. Данный подход к сущности права впоследствии назвали узконормативным.

Признание воли сущностью права в отечественном правоведении прошло эволюцию от воли сугубо классовой к государственной воле, а далее – к воле абстрактной, социальной. Так, Д.А. Керимов определяет право как «исторически сложившуюся волевую систему принципов, норм и действий, обусловленных общественными отношениями и регулирующих эти отношения в целях установления общественного правопорядка, обеспечиваемого различными средствами, в том числе и государственным принуждением»¹¹². Чистый практик нормативистских убеждений в решении конкретного дела не задумывается о классовой окраске государственной либо «общенародной» воли.

Воля предполагает сознательно-психологическое регулирование индивидом своего поведения на основе свободы выбора. Воля приводит в движение потребности, интересы, мотивы, идеи, цели, установки. «Почвой права, – по мнению Г. Гегеля, – является вообще духовное, и его ближайшим ме-

¹¹¹ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1999. С. 84.

¹¹² Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 355.

стом и исходной точкой – воля, которая свободна...»¹¹³. Без волевого усилия индивид не смог бы превратиться в субъекта правоотношения.

Не отвергая значения воли в процессе правообразования, вместе с тем трудно согласиться с замещением понятия «сущность права» категорией воли. Во-первых, проблематично идентифицировать содержание общей воли. Апелляции к некоему общественному мнению всегда иллюзорны и нередко скрывают волеизъявление немногочисленной социальной группы (дессидентствующей интеллигенции, например). Подход, основанный на убеждении, что общая воля, создающая закон, напрямую выражена в общественном мнении, представляется упрощенным. Увидеть общую волю за суждениями и оценками общественного мнения нереально, ввиду неопределенности и условности данных категорий. Общей воли и общего мнения не бывает, а бывает общее состояние угнетенности, социальной апатии, недоумения, дезориентации или противоположных устремлений. Имеется не общая воля, а ряд разновеликих частных мнений. Французский мыслитель Лаверде утверждал, что существует лишь парламентаризм, а не представительная демократия, по той причине, что никакой народной воли, которую можно было представлять, вовсе не существует. Не случайно и сам Руссо, волю всех, на которой воздвигнут наш либеральный демократизм, искренне презирал. Он специально делал оговорку о том, что «часто есть разница между волею всех и общею волей»¹¹⁴. Воля всех, по его мнению, эгоистична, устрашаема и подкупаема. На практике общая воля подменяется волеизъявлением большинства, нередко сбитого с толку меньшинством. В действительности, общее решение невозможно получить по самым элементарным вопросам, но государственная машина не может останавливаться. Если же выдавать за общую волю волю

¹¹³ Гегель Г. *Философия права*. М., 2000. С. 67.

¹¹⁴ Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре*. М., 1998. С. 122.

государственной власти, получится идеологическое обоснование тоталитаризма. Большинство, меньшинство народа или государственная власть, взятые по отдельности, не имеют одинакового мнения. От массового сознания бессмысленно требовать и ожидать адекватной оценки отдельных конституционных норм либо целых конституционных текстов. Когда на референдум выносится полный текст конституции, он превращается в плебисцит – голосование в поддержку лица, представившего проект, что создает предпосылки для манипулирования мнением народа, злоупотребления его доверием. Истории известны немало случаев принятия гражданами откровенно антинародных конституций (например, Конституции Греции 1969 г.).

Во-вторых, сущность права не будет иметь постоянной неизменной константы, ввиду динамизма воли. Воля, абстрагированная от духовно-культурных ценностей, может быть уподоблена произволу. Как гласит старинная русская поговорка: «Своя волюшка доводит до горюшка». Воля может проявлять себя, господствовать, вести человека и без ответственности, любви, милосердия, но тогда она оказывается формальной, сухой и безжалостной. Воля может обходиться без веры, но тогда она оказывается безпринципной и безнравственной.

В-третьих, мистический характер «общей воли» как единого целого позволила Гегелю включить эту фикцию в свою идею высшей ценности государства¹¹⁵, более реальной и рациональной, чем составляющие его отдельные граждане. Таким образом, по иронии судьбы философия Руссо, возникшая из веры в демократию и свободу, превратилась в институт тоталитаризма. Замечательно, на наш взгляд, это выразил С.Л. Франк в одной из своих работ: «Обязанность человека никогда не есть, в последнем своем основании, обязанностью перед обществом: ибо какое право имело бы общество, как

¹¹⁵ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. С. 44.

простое многоединство людей, требовать чего-либо от человека? Всякая обязанность человека есть обязанность перед Богом, обязанность служить правде. Общество или государство может требовать от человека того и только того, что необходимо для того, чтобы оно само могло исполнять свою обязанность служению правде. Не «воля народа», в которой нет и ничего священного, и которая может быть так же глупа и так же преступна, как воля отдельного человека, а только воля Божия есть истинный и единственный источник суверенитета. Где «мы» и «я» стремятся утвердить свою собственную власть, свое самодовлеющее бытие, они находятся в безвыходной коллизии между собой; но где каждое из них есть лишь путь и форма служения правде, борьба заменяется мирным сотрудничеством»¹¹⁶.

Некоторая общая воля существует лишь как унаследованный вывод исторических традиционных привычек, как результат долгого коллективного опыта. Но это лучше называть духом народа. Главное – воля не может рассматриваться в качестве сущности права, потому что раскрывает в праве (и то отчасти) причины возникновения права, то есть внешние по отношению к праву, формальные и процедурные факторы.

Школа Р. Йеринга со второй половины XIX в. понимает под сущностью права возведенный в закон **интерес**. Дело в том, что с отрицанием метафизических начал права, ученым пришлось и само право подвергнуть изгнанию. *Вместо духа, основным началом права стал признаваться интерес. Метафизическая идея заменяется практической пользой.*

Р. Йеринг откровенно писал: «В моем праве попирается и отрицается право вообще»¹¹⁷. Он и его сторонники ожидали рождение права в борьбе каждой личности за свои интересы. В этом случае сущность права будет выражать право победи-

¹¹⁶ Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 20.

¹¹⁷ Йеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 3.

теля либо временный компромисс противоборствующих социальных сил – интересы минимальной части общества, которая в данный исторический момент оказалась победителем. В современной России такими победителями оказались финансовые деловые круги, новая номенклатура и мафиозные группы.

В борьбе интересов рождается не право, а произвол противостоящих друг другу волей. Человеческие интересы явно не гармонируют между собой и воздать должное всем интересам одновременно невозможно. Светское право не может отыскать точку опоры вне мира противоположных интересов и сил, поскольку общество в одностороннем порядке утратило Бога. Современники пытаются вывести сущность права из противоречий и столкновений интересов и сделать право силой, господствующей над всеми другими силами. Отсюда перепроизводство законодательных актов и «правовой романтизм». Свою цель ученые-юристы видят в том, чтобы на место хаоса сталкивающихся волей поставить закон одной верховной воли. Но это до сих пор вне и помимо Бога не удавалось. Удавалось только сменить одну диктатуру другой диктатурой, более или менее завуалированную под демократию.

Равенство – одна из наиболее распространенных социально-философских категорий и политических идей, которую также нередко закладывают в сущность права. Равенство имеет два основных аспекта: фактическое равенство и юридическое равенство (иначе: равноправие). Основой многих политико-правовых учений является идея достижения равных возможностей людей и даже равного положения, независимо от богатства, ума, образования, других данных, природных и благоприобретенных. История свидетельствует об утопизме подобных ожиданий ввиду нарушения объективных законов природы и общества. Все люди различаются по своим индивидуальным параметрам. Даже предоставляя всем гражданам

равный объем юридических прав и обязанностей, мы наблюдаем, что индивиды по своим способностям и возможностям строят свою жизнь и добиваются неодинакового фактического положения в обществе. Имея одно и то же право на свободное передвижение, один гражданин реализует его в пределах ограниченного населенного пункта, а другой может позволить себе кругосветный дорогостоящий круиз.

По мнению Е.Б. Пашуканиса, право есть некий равный масштаб в регулировании человеческого общения¹¹⁸. Таковым называется, например, равенство в торговле между участниками товарообмена. Правовое равенство в таком случае всегда есть равенство формальное и ограниченное. Принцип формального равенства отстаивается в рамках либертарно-юридического подхода как единство трех основных компонентов правовой формы: 1) абстрактно-формальной всеобщности нормы и меры равенства; 2) свободы и 3) справедливости. В этом проявляется попытка формализовать сущность права.

Принцип равноправия закреплен в статье 19 Конституции Российской Федерации. Помимо равенства перед законом и судом, он включает в себя равенство прав и свобод человека и гражданина, а также равные права и свободы мужчины и женщины. Статья 19 Конституции РФ во исполнение положений международных документов запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. За равенство с мужчинами современные женщины расплачиваются утратой своих природных качеств, заменой материнского счастья карьерными амбициями, выполнением непосильного мужского труда. Равенство перед законом зачастую ограничено возможностью уплатить государственную пошлину перед обращением с иском о защите. Религиозные

¹¹⁸ Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1983. С. 78.

конфессии в Российской Федерации признаются равными, невзирая на то, что большинство верующих граждан традиционно относят себя к Православию. При такой ситуации равенство христианской православной веры и сектантского верования раскольников можно считать ущемлением православных людей и даже формой геноцида русской нации.

История доказывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали духовного величия регулярно, другие к нему вообще не приближались. Существование одной-единственной неразменной истины приводит к важнейшему и убедительному выводу о том, что нет и не может быть равенства среди идей. Люди не должны уважать лгунов больше, чем правдолюбцев, глупцов больше, чем мудрых. Проповедуемая идея равенства, по сути, носит разрушительный характер. Лишь распадающееся общество приравнивает доблесть воина к доблестям коммерсанта, закон и хаос, Бога и дьявола.

Представление о естественном равенстве людей (то есть о том, что все люди от природы равны) не находит эмпирического подтверждения и всегда было идеологическим предположением. Выраженная в либеральном виде, идея равенства представляет собой идею всеобщей одинаковости. Общество видится не в качестве иерархического явления, а в виде некой протоплазмы, где все части одинаковы, и все мыслители, все правители, все законодатели, все юристы.

Уже Платон подозревал принципиальное неравенство людей. Каждый имеет свою природу, делающую его способным к различным занятиям. Поэтому необходимо учитывать различную природу людей. Это может, согласно Платону, только Бог, поскольку только он знает ценность каждого отдельного лица и его достижения¹¹⁹.

Формальное равенство у сторонников либертарного юснатурализма представляет собой определенную абстракцию, ре-

¹¹⁹ Платон. О государстве. М., 1991. С. 83.

зультат мыслительного абстрагирования от тех различий, которые присущи уравниваемым объектам¹²⁰. Уравнивание предполагает несущественность этих различий. Либертарное понимание сущности права можно трактовать как попытку инженерного воплощения построенной по естественнонаучному образцу теории «естественного права», устанавливающей принцип формального равенства.

Категория формального равенства появилась вследствие утилитарного стремления предприимчивых буржуа ликвидировать сословное неравенство как наследие феодализма. Естественно-правовая конструкция формального равенства была построена как натуралистическая идеализация (т.е. идеализация по образцу естественных наук). Сущность права в таком понимании коренится в насилии над природой – игнорировании природного неравенства в угоду идеологии. Неравенство проистекает из общего закона природы, а значит закона Божьего, которым управляются все явления мира, подчиненные условиям пространства и времени. Бесконечное разнообразие, а с тем вместе и неравенство сил и положений производит бесконечное разнообразие явлений. Юснатуралисты по своему обыкновению допускают очередное противоречие в суждениях – выступая за многообразие в политике, экономике, идеологии и проч., они обедняют и выхолащивают многообразие реальных отношений категорией формального равенства.

Формальное равенство юснатуралистами увязывается с категорией свободы. Но свобода содержит в себе начало, которое ведет к новому неравенству. Как свободные лица, люди равны, но проявления этой свободы бесконечно разнообразны. Одни приобретают больше, другие меньше; одни умеют пользоваться своими талантами, другие их бесплодно расточают. Свобода естественно и неизбежно ведет к неравенству, а потому, признавая свободу, мы не можем не признавать и

¹²⁰ Нерсесянц В.С. и др. Право и культура. М., 2002. С. 31.

вытекающих из нее последствий. В.С. Соловьев понимал под равенством самоограничение личностью своей свободы, признание человеком такой же свободы за другими. Отсюда его определение права: право есть свобода, обусловленная равенством. Он считал, что «справедлив и прав не тот должник, который равно отказывает в уплате всем своим кредиторам, а тот, который всем им равномерно уплачивает свой долг; справедлив и прав не тот человек, который равно готов зарезать или обокрасть всякого своего ближнего, а тот, кто равно никого не хочет убить и ограбить; справедлив и прав не отец, который всех своих детей равно выкидывает на улицу, а тот, который всем им уделяет равные заботы»¹²¹. В этом смысле В.С. Соловьев вел речь не о равенстве формальном, а о равенстве в должном, в осуществлении добра. Прав не тот, кто в равной степени может совершить правонарушение по отношению к каждому, а тот, кто в равной степени по отношению к каждому не хочет и не может в силу своих нравственных принципов его совершить. В силу того, что принципом права выступает не формальное равенство, а равенство в должном, право воспринимает нравственные ценности не в качестве внешней среды и обстоятельств, а как свое иное.

Принцип формального равенства игнорирует полноту бытия. Наглядно это можно заметить в следующем тезисе В.С. Нерсисянца: «Сущность права и его соотношение со свободой и равенством носят формальный характер, то есть не связанный с конкретным содержанием. Наиболее рельефно формальность права выражена в его специфическом свойстве – равенстве. Выступая в виде свободы, обусловленной равенством, право не противопоставляет себя фактическим различиям, но формализует эти различия по одному-единственному основанию, общему масштабу и равной мере и тем самым трансформирует стихию и хаос неопределенных различий в

¹²¹ Соловьев В.С. Определение права в его связи с нравственностью. СПб, 1911. С. 101.

единый для всех формально-определенный порядок признания, реализации и защиты различных прав и соответствующих им юридических обязанностей»¹²². В.С. Нерсисянц лишает понятия свободы и равенства содержания и, благодаря этому методологическому приему, использует их не по прямому назначению – для обоснования единого формального порядка, сводящему все объективные различия к одному субъективному основанию.

Принцип формального равенства как никакой другой способствует неравенству людей в имущественной сфере и тщательно охраняет таковое. По меткому замечанию П. Дж. Бьюкенена, когда умирает демократия, почему-то всегда выясняется, что ее убило равенство¹²³. Идея равенства (*egalite*) первоначально обозначала равенство сословий и со временем эволюционировала в понимание сущности права, провозглашавшее всеобщее, не зависящее от любых различий равенство индивидуумов. Очевидное несоответствие этой идеологии реальному положению вещей, при котором люди неравны от рождения и по своим способностям, и по своим физическим и духовным качествам, в глазах либералов нивелируется ее общим гуманистическим посылом. Однако то, что хорошо на уровне идеи, не работает при практическом воплощении идеи формального равенства в жизнь. Так, ставшая следствием идеи всеобщего абстрактного равенства эмансипация выродилась в фанатичную «политкорректность», разрушительно влияющую на культуру и национальную идентичность разных стран.

В.А. Четвернин предпринял попытку выдать принцип формального равенства за нравственный принцип. Он пишет: «Право – это не «такие нравы», когда всем или большинству нравится формальное равенство, а специфический способ социальной регуляции, при котором допускаются как формаль-

¹²² Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. М., 1994. С. 55.

¹²³ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2001. С. 94.

но равные и оцениваются по одинаковому масштабу разные нравы. Именно правовая свобода максимально обеспечивает плюрализм нравственных ценностей. Таким образом, формальное равенство – это более чем нравственный принцип»¹²⁴. Логика сторонников юснатурализма исходит из многообразия нравов, игнорирования морального Абсолюта, а признание плюрализма нравственных ценностей позволяет им уравнивать добро и зло. Суждения, подобные процитированному, всерьез угрожают духовной и национальной безопасности человеческого общества.

Имеется немало авторов, отождествляющих сущность права с **достоинством личности**. Так, Л.С. Явич решающим критерием отнесения тех или иных правовых явлений к правовой культуре называл идею достоинства личности¹²⁵. В.В. Невинский, придерживающийся той же точки зрения, определяет достоинство человека как «совокупность качеств биологического, нравственно-этического, материального и социального характера, которые человек ценит в себе, ориентируясь на определенный стандарт жизни»¹²⁶. В этой цитате главная мысль сводится к тому, что достоинство человека есть то, что он сам в себе ценит. *Получается, что каждая личность может по-своему определять собственное достоинство; объем содержания понятия «достоинство» признается разнообразным, в этом случае сущность права не будет иметь постоянной и неизменной константы. Повторим: без неизменной духовной константы сущность права как категория лишается смысла.*

¹²⁴ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. М., 2003. С. 74.

¹²⁵ Явич Л.С. Сущность права. М., 1985. С. 185.

¹²⁶ Невинский В.В. Философско-правовая идея достоинства человека в эпоху античности // Актуальные проблемы правоведения на современном этапе. Томск, 1999. С. 167.

Православное христианство отвергает достоинство как привилегию и несет свою весть, касающуюся достоинства тех, кому привилегированные в нем отказывают. Доктрина «Просвещения» оказалась неспособна проникнуться парадоксальной верой в блаженство нищих и кротких, в их духовное первородство.

Большая группа авторов склонна понимать под сущностью права **идею и принцип справедливости**. В современной зарубежной юридической науке об этом много пишут Д. Ролз, Д. Миль, И. Берлин, М. Сэндел, Ж. Бержель, О. Хеффе, а в отечественной юриспруденции заметный вклад в обоснование справедливости как сущности права внесли Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А.Кистяковский, Н.Н. Алексеев, А.И. Экимов, Г.В. Мальцев, О.В. Мартышин, А.Ф. Черданцев и др. В одной из недавних правоведческих работ говорится: «Именно справедливость в концентрированном виде отражает общесоциальную сущность права, гуманистическую ориентацию правотворчества, правоприменения и других юридических средств правового регулирования»¹²⁷. А.Ф. Черданцев полагал: «Справедливость – это идея, отражающая экономические отношения, масштаб, которым измеряются человеческие дела, причем масштаб идеальный. Справедливость – идея о том, как следует распределять блага между людьми, как воздавать за содеянное, короче, как относиться к другим»¹²⁸. Р.З. Лившиц в вопросе о соотношении права и справедливости высказывался более категорично: «Право есть нормативно закрепленная и реализованная справедливость»¹²⁹.

¹²⁷ Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск, 2004. С. 169.

¹²⁸ Черданцев А.Ф. Социалистическое право и справедливость // Справедливость и право. Свердловск, 1989. С. 6.

¹²⁹ Лившиц Р.З. Теория права. М., 1993. С. 69.

Еще Платон ставил справедливость во главу моральных ценностей. В начале эпохи Нового времени Гуго Гроций в своем труде «Комментарий о праве добычи» называет справедливость общественной добродетелью и тесно связывает понятия «справедливость» и «равенство». По Г. Гроцию, справедливость состоит в выборе средней линии поведения. Позднее под справедливостью понимали уравнивание, согласование, соответствие, соразмерность¹³⁰.

Категория справедливости считается общей для права и морали. Многие авторы пеняют на нормативную неопределенность справедливости, отчего содержание этой категории понимается всеми по-разному. Здесь допускается определенное лукавство. Когда людям это выгодно, они ссылаются на высокую абстрактность понятия справедливости, но в условиях переносимых обид и страданий (например, по поводу задержек заработной платы или самодурства руководителя) все одинаково ощущают несправедливость происходящего. Д.В. Рождественский писал, что справедливость состоит в том, чтобы мы свято и ненарушимо почитали права других и каждому отдавали должное¹³¹.

Дело в том, что на европейскую духовную жизнь решающее влияние оказала традиция «римского права». За этой традицией стоят властное жизнеощущение и рационалистическая логика. Она регулирует отношение человека к Богу как отношения между должником и кредитором, как договорные отношения с точно установленными правами и обязанностями. Высший принцип тут не любовь, а справедливость.

¹³⁰ См.: Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977; Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980; Хеффе О. Политика. Право. Справедливость: Основоположения критической философии права и государства. М., 1994; Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Мартышин О.В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12.

¹³¹ Рождественский Д.В. Нравственное Богословие. М., 1999. С. 182.

Великий «гуманист» Н. Макиавелли применительно к условиям своей эпохи возобновил идею римского господства: он ввел в Новое время идею власти и нормы. Деятели Великой Французской революции вместе с рационализмом восприняли от римлян и юрицизм. *Fraternite* означает социальную справедливость, равенство перед законом, особенно – перед налоговыми органами.

С.С. Алексеев отмечал, что справедливость характеризует начала «равновесности» в праве и соотносится с его определяющим качеством – бытием и действием права в качестве равной меры¹³². В.М. Шафиров вообще отождествляет понятия «справедливость» и «равенство»: «...юридическая справедливость есть мера равенства и неравенства»¹³³. Нетрудно заметить, что авторы рассматривают справедливость в количественном контексте, переместив эту категорию из качественного ряда в количественный. Справедливость заключается не в том, что у всех равные права, а в том, что органичным элементам общества, предоставляются не в равной степени и не в равном объеме, а в зависимости от их участия в деле служения всему обществу и устройства общего блага. Более того, исходя из справедливости, некоторые лица вообще лишаются известных прав (в частности, осужденные, иностранцы или родители, лишенные родительских прав).

Сторонники юснатурализма понимают под справедливостью согласование (баланс) принципов и интересов (инстинктов мещанина). Р.З. Лившиц определял право как нормативно закреплённую справедливость, состоящую в реализации общественного компромисса¹³⁴. Но это уже не истинная справедливость. «Справедливость» является исконно русским словом, произошедшим от корня «ПРАВДА». *Справедли-*

¹³² Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 294.

¹³³ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 148.

¹³⁴ Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 69.

вость – это постижение правды на условиях воздаяния каждому по его делам. При таком понимании справедливости она выражает научно-ценностное постижение мира, аксиологически-оценочную позицию ученого, соотношенность объективного знания с социальным или правовым идеалом.

П.И. Новгородцев отмечал, что справедливость как нравственный элемент права есть сама по себе сила, имеющая свойство подкреплять своим авторитетом другие силы, которые с ней соединяются¹³⁵. А.И. Экимов определяет справедливость как нравственно обоснованный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которым осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий¹³⁶.

В одной из поздних своих работ С.С. Алексеев признал, что справедливость есть порождение глубоких трансцендентальных начал совести и добра и складывается под влиянием чувства права и утверждающихся на его основе правовых принципов¹³⁷. Этим прозрением ученый актуализирует интуитивные ощущения субъектов права по поводу глубинной ценности права.

Тяга к справедливости всегда была свойственна русской правовой ментальности. В православном понимании справедливость – прежде всего совершенное следование Божиим заповедям. В «Изборнике» 1076 г. справедливость объясняется так: «Творящим добро воздай почет, творящих зло наказывай. Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, не обижай правого, даже если он и враг тебе». Подобное понимание справедливости встречается в трудах русских мыслителей. «Справедливость в нравственном смысле есть некоторое са-

¹³⁵ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 111.

¹³⁶ Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С.131.

¹³⁷ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 253.

мопожертвование, – писал В.С. Соловьев, – ограничение своих притязаний в пользу чужих прав. Справедливость не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного»¹³⁸.

Однако при всей тяге к справедливости наши православные предки не абсолютизировали ее. Преподобный Исаак Сирин говорил, что Бога не стоит именовать «справедливым», ибо судит он нас не по законам справедливости, а по законам милосердия¹³⁹. Если бы человеческое общество судилось Богом по принципу справедливости, он уже давно было бы уничтожено. Но мир основан Богом на началах любви, а из любви исходит милосердие.

Различие между справедливостью и милосердием крайне важно для судьбы каждого человека: справедливость предполагает неотвратимое наказание за проступок (и характер наказания должен соответствовать тяжести содеянного), а милосердие допускает возможность прощения, шанс на исправление. Понятия «милость» и «пощада» Библия превращает в принцип поведения всех, наделенных властью выносить вердикты. Ведь самим Господом Богом Соломону открыто не только то, что Господь милостив, но и то, что милость вытекает из самого факта господства: «То самое, что Ты господствуешь над всеми, располагает Тебя щадить всех» (Прем. 12, 16). Слово «милость» в тексте Библии часто соседствует со словом «суд» и с понятием, являющимся непосредственным смыслом и призыванием суда – «истина»: «Он любит правду и суд; милости Господней полна земля» (Пс. 32,5); «Милость и истина сретятся» (Пс. 84,11); «Милость и истина предходят пред лицом Твоим» (Пс. 88,15); «Милость и суд буду петь» (Пс. 100,1). На страницах Евангелия воспроизводятся слова Христа, подчеркнувшего «важнейшее в законе: суд, милость и

¹³⁸ Соловьев В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 98.

¹³⁹ Сирин И. Избранное в 4-х тт. Т. 4. М., 1994. С. 180.

веру» (матф. 23,23). Заметим, что в этой триаде первенство – за милостью: «Милость превозносится над судом» (Иак. 2,13).

Мудрые правители видели являемый им Божий пример, как видел Соломон, обратившийся к Богу словами: «Ты наказываешь с таким снисхождением и пощадою, давая им время и побуждение освободиться от зла» (Прем. 12,20). Сам Господь сказал: «Я милости хочу, а не жертвы» (Осия 6,6). Иисус Христос проповедовал не взыскание своего согласно упомянутым юридическим принципам, а прощение. Своим собственным живым примером Он показывал, что умелым прощением можно возродить человека не только морально, но и физически. Если братство и будет возможным в каком-то сообществе людей, то скорее благодаря прощению и милосердию, нежели иеринговой борьбой за право. Готовность к прощению раскрывает в себе русское предназначение к свободе. Прощающий избавляется от обиды, ему нанесенной. Тем самым он не только освобождает грешника от бремени его вины, но и себя – от гнета ненависти к обидчику, тогда как месть продолжает связывать мстителя с преступником и лишает его возможности самоопределения. *Поэтому идея прощающей любви неразрывно связана со свободой, а идея отмщения – с зависимостью. Со времен появления христианства сильными, вдохновительными являются те идеи, которые отмечены духом нравственной сострадательности и направлены на защиту слабых. Справедливость, взятая сама по себе, может быть использована для расправы и произвола. В иерархии истинных ценностей справедливость занимает положение ниже, чем любовь.*

В западноевропейской юридической мысли понятие справедливости раскрывалось в виде внешних моментов. Не случайно значение справедливости усматривалось, главным образом, в распределительных отношениях и в судебном производстве. «Кант был мыслителем, который решительнее любого моралиста XVIII в. отстаивал примат справедливости

над состраданием, – отмечает Э.Ю. Соловьев, – и потому его лекции 1780-1782 гг. – это, в сущности, настоящий манифест против сострадательной частной благотворительности»¹⁴⁰. В средневековом памятнике права России под названием «Домострой» заложены приоритеты, противоположные западным (потому-то «Домострой» и подвергается организованному остракизму либеральных авторов, рассчитывающих, что современники не станут лично знакомиться с текстом первоисточника). Приведем типичную цитату из «Домостроя»: «В монастыри и больницы заключенных посещай и милостыню по силе всяких потребных подай, сколько требуют: и, видев, беду их и скорбь и всякую нужду, сколько возможно помогай им; и всякаго скорбного, и нищего, и бедного, и нуждающегося не презри; и введи в дом свой, напои, накорми, согрей и одень со всей любовью и чистою совестью»¹⁴¹. В этом отрывке зримо сочетаются начала права, традиционной нравственности русского народа и православной веры.

Приведем слова Господа Иисуса Христа: «Вы слышали, что сказано: возлюбиши ближнего твоего и возненавидиши врага твоего»¹⁴². А я говорю: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас... и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5,43-45). Таким образом, *нравственная заповедь, основанная на любви, является несравненно более важной, чем закон, опирающийся на справедливость.*

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе:

¹⁴⁰ Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992. С. 52.

¹⁴¹ Домострой. СПб., 1992. С. 21.

¹⁴² Вот основное положение *юридического (законнического)* жизнепонимания: воздавать что каждому следует.

суд, милость и веру», – таковы слова Христа (Мф. 23,23). Поэтому ядром православных добродетелей является не справедливость, а любовь. В понятиях Святой Руси это главная добродетель православного человека. Бог есть любовь. Одна любовь соединяет создания с Богом и друг с другом. Сущность христианской жизни полагается в любви, которая есть исполнение закона. Главное в Божьем законе – любовь. «Любовь есть исполнение закона» (Рим. 13,10); «Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5,14); «всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Иоан. 2,29).

Трудно рассчитывать, что все люди (даже русские, которым национальной судьбой суждено быть православными) примут данный опыт во всей его святой полноте. Но искание этого пути и приближение к нему, как источнику счастья и подлинной радости, доступно многим, особенно тем, кто не изменил еще своим духовным корням, не сменил свою духовно-культурную идентичность.

«Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Колос. 3,14). От этого, по учению Писания, в человеке не только пробуждается «чистый смысл» (2 Петра 3,1) и не только в него изливается «мир Божий, который превыше всякого ума» (Филипп. 4,7), но начинается реальное единение души с Богом. Ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан. 4,16). Бог создал не просто человека, а существо, призванное для любви к ближнему.

Справедливость в понятиях Святой Руси осуществляется не стремлением к соразмерности, а любовью. Для того, чтобы быть подлинно справедливым, надо быть самоотверженным, нередко несправедливым к себе. Поэтому Русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура

духа. Потому-то «загадочная» русская душа, издревле и органически предрасположенная к сочувствию и доброте, приняла христианство; она сердцем отозвалась на Божие благовестие и на главную заповедь: «Бог есть любовь».

«Бог есть любовь» (1 Иоан. 4,8,16). На то, что это определение не может считаться метафорой указывает многое, хотя бы то, что любовь как Бог вне времени: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13,8). Один из центральных догматов христианства сформулирован так: «Вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13,13). Любовь больше справедливого суда.

Итак, нравственный христианский закон, основанный на любви, является несравненно более важным началом ПРАВА, чем предписание, опирающееся на справедливость.

Справедливость же является одной из важнейших моральных ценностей, которая занимает свое место в общей иерархии абсолютных ценностей и которую опасно абсолютизировать. Термин «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» как постижение ПРАВДЫ предполагает глубинные основания – начала любви. Справедливость зависит от более глубоких критериев – любви, милосердия, правды.

Таким образом, подлинную сущность права образует ЛЮБОВЬ. Такое понимание сущности права действительно безопасно для человеческого общества в отличие от многих других подходов и «работает» на совершенствование человека и человечества, а не на их гибель.

Особенно ясной эта мысль становится в сравнении с другим подходом к сущности права, в котором сущность права – это **свобода личности**.

В.С. Нерсесянц сформулировал квинтэссенцию либертарного юснатурализма: «Право есть формальная свобода инди-

вида»¹⁴³. Поскольку под правом юснатуралисты понимают форму свободы, они называют свой формально-юридический подход либертарной теорией права. Либертарное правопонимание начинается с утверждения, что право и государство суть необходимые формы всеобщей свободы: сущность права – это нормативно выраженная свобода. Смысл государственно-правового регулирования отношений между людьми – установить такие нормы и обеспечить такой порядок отношений, при которых обеспечивается всеобщая свобода и свобода для всех индивидов, которые признаются субъектами права и государства в определенном обществе в определенную историческую эпоху¹⁴⁴.

Сущность права юснатуралисты понимают как основу возвышения человеческой личности над всеми другими ценностями и Абсолютами мироздания – безопасностью общества, моральными принципами, природой, Богом.

Праву в аспекте свободы даются характеристики реально-го бытия свободы, меры свободы, средства обеспечения свободы. Г.В. Мальцев формулирует эту парадигму так: «В контексте обновления человеческой цивилизации право как нормативный феномен культуры примет облик, полностью совместимый со свободным социальным творчеством людей. В правовом развитии акцент стоит на свободе, а это требует его ориентации на ценности самоопределения, саморазвития, саморегулирования, самоуправления во всех сферах человеческой жизни»¹⁴⁵. С.С. Алексеев тоже обратился к этой парадигме: «во всех своих значениях термин «право» выражает нечто общее в ряду различных социальных явлений, а именно социально обоснованную меру свободы»¹⁴⁶.

¹⁴³ Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. М., 1992. С. 293.

¹⁴⁴ Четвернин В.А. Основы либертарного правопонимания // Государство и право. 2003. № 5. С. 19.

¹⁴⁵ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 399.

¹⁴⁶ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 192.

Очевидно, что один и тот же круг высокоавторитетных представителей современной отечественной юриспруденции в зависимости от сложившейся конъюнктуры повторяют как заклинания-пароль череду определений: право – это воля, право – это справедливость, право – это формальная свобода, но все они актуализируют в праве лишь формализованные характеристики либо второстепенные ценности.

Научной новизны в современных трактовках сущности права нет. Еще правовед-либерал Б.Н. Чичерин в начале XX в. задавался вопросом: «Что такое право? Это слово, как известно, принимается в двояком значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть сам закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. И в том, и в другом смысле речь идет только о внешней свободе, проявляющейся в действиях, а не о внутренней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом»¹⁴⁷. Б.А. Кистяковский утверждал: «Главное и самое существенное в праве составляет свобода»¹⁴⁸. Е.Н. Трубецкой писал о том же: «Право – есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой»¹⁴⁹. *Либералов никогда не интересовала или даже настораживала внутренняя свобода человека, поэтому они единодушно апеллируют к внешней, формализованной свободе. Подготовленный к внутренней свободе человек способен сберечь истину даже при внешних ограничениях своих прав. А субъект, сориентированный на внешнюю свободу, не всегда адекватно воспринимает истину*

¹⁴⁷ Чичерин Б.Н. Право // Вестник Гуманитарного университета. 1996. № 1. С. 23.

¹⁴⁸ Кистяковский Б.А. В защиту права. М., 1999. С. 122.

¹⁴⁹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 40.

и готов понимать под свободой распущенность, освобождение от гражданского, семейного долга и всякой ответственности.

Отечественные либералы, в свою очередь, повторяли дефиниции сущности права за западноевропейскими адептами юснатурализма. Так, И. Кант видел сущность, смысл и назначение права в определении и сохранении границ свободы¹⁵⁰. Он полагал, что единственным прирожденным правом человека является свобода, а все остальные права в ней заключаются и из нее вытекают. Свобода, по его мнению, есть корень и источник всех прав. В трудах классиков немецкой философии российских юристов прежде всего привлекало сочетание строгого светского рационализма с непрременной ориентацией на идею свободы, которая занимала центральное место в философско-юридических воззрениях Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Так, например, И. Кант трактовал свободу прежде всего как независимость человека от принуждения и произвола. Исходя из этого, Кант определяет сущность права через совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы. Фихте тоже рассматривал право как внешнее условие реализации человеком себя в качестве свободной личности. Фихте предложил единый высший принцип права – абсолютную свободу. Гегель, определяя предмет философии права, утверждал, что этим предметом является понятие о природе свободы вне зависимости от того, что признано, от представления данного времени¹⁵¹. Целый ряд отечественных правоведов с сожалением отмечают, что до сих пор не удалось воспринять в России все из идейного наследия немецких классиков¹⁵².

¹⁵⁰ Кант И. Соч. Т. 5. 1965. С. 147.

¹⁵¹ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 384.

¹⁵² Например: Ивонина О.И. Время свободы. Новосибирск, 2000. 442 с.

С точки зрения юридического юснатурализма, свобода – высшая ценность для человека, что нашло отражение в Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ). Там, где свободу не признают ценностью № 1, правовой культуры, по мнению юснатуралистов, нет. Причем абсолютизация свободы доходит до такого предела, что забывают о самом человеке, его безопасности, сохранении его достоинства, правомерных и социально оправданных интересах.

Абстрактная, формализованная свобода, как цель и абсолютная ценность, обходится без человека и причиняет его духовной целостности непоправимый вред. Сущность права в связи со свободой и равенством на одной ступени познания носит формальный характер, не связанный с конкретным содержанием. Отсюда безграничное понимание свободы, столь необходимое одним для разграбления национальных богатств, другим – для удовлетворения всевозможных порочных инстинктов. Потребителей либертарной идеи оказывается довольно много. Она не требует самоограничений и заботы об окружающих; жизнь в свое удовольствие привлекает больше.

Чтобы подтвердить наличное бытие свободы, юснатуралисты вложили в ее содержание так называемые естественные и неотчуждаемые права человека. А конкретным направлением самореализации свободы называют реализацию естественных прав человека. Критерием правовых и правонарушающих законов считают также естественные и неотчуждаемые права человека. Законы, нарушающие права человека, – это не право, а противоправный произвол. Юснатуралисты признают двойную природу сущности права, представляющую право как меру свободы (формальную свободу) и естественное право. Законы становятся правом лишь в силу двойственного характера, полагают они, лишь в силу того, что они обладают своим естественным содержанием и способом своего осуществления – свободой.

Заметим, что в общем русле юснатурализма издавна развивалось течение, где оптимальность правопорядка увязывалась не с некими представлениями о должном, хорошем, правильном (на основе религиозных и моральных ценностей), а с требованием его всеобщности, общеприемлемости и равной для всех выгоды. В целях обеспечения свободы всех участников социального общения юснатурализм призывает упорядочивать отношения по принципу формального равенства, абстрагируясь от исходных различий, присущих людям, и признавая их свободными субъектами. Субъектам вменяется действовать самостоятельно и независимо друг от друга, добиваться своих интересов и целей, не заботясь о соотношении их с интересами и целями общества. *Такая безудержная свобода освобождает человека от власти над самим собой и своими неограниченными гедонистическими устремлениями.*

Закладывая свободу в сущность права, юснатуралисты преследуют еще одну задачу – обосновать автономное содержание права как отличного от морали и религии самостоятельного социального регулятора. Сущность права, по их мнению, должна быть лишена метафизических, трансцендентных основ, и характеризоваться операциональностью, быть доступной эмпирическому наблюдению.

Свобода как субъективная возможность лица иметь выбор вполне соответствует природе человека. В этом смысле категория свободы необходима и вполне заслуженно входит в основной понятийный аппарат юриспруденции. Вызывает сомнение другое – признание за свободой статуса абсолютной духовной ценности, признание свободы сущностью права.

Дискуссия о понятии и сущности права 1970-1980 гг. в советской юридической науке была проведена организаторами с целью замены одного конъюнктурного определения права (право – возведенная в закон воля господствующего класса или всего народа) на другое (право – есть воплощение свободы, равенства и справедливости). Именно тогда возник так

называемый широкий подход к правопониманию, сконструированный юснатуралистами в качестве временного плацдарма для продвижения доктрины «естественного права».

Исходя из юснатуралистского понимания сущности права, история права начинается только с XVII в., когда были выдвинуты идеи всеобщего равенства и свободы, а все предыдущие юридические регуляторы (особенно действовавшие в России) не должны считаться правом. Кроме того, если под сущностью права понимать бытие свободы, то следует вывод – чем больше в обществе свободы, тем больше права. Однако на практике безпредельная свобода порождает неразбериху, хаос и криминальный произвол. Поэтому *свобода не укрепляет право, а вытесняет его. Тотальная формализация общественных отношений и абсолютизация свободы одинаково пагубны для права.*

Придавание свободе индивида первостепенного значения обязано распространению в Западной Европе протестантизма. Протестантство внесло значительный вклад в рост современного рационализма. Но нелишне вспомнить, что появление и широкое распространение протестантских учений имело помимо религиозных предпосылок и серьезные политические причины. Буржуазным идеологам-революционерам нужно было обеспечить господство предпринимательского, рыночного духа и провести нетитулованных буржуа в разряд правящей элиты. Для этого надо было демонтировать Иерархию, Традицию и отвергнуть Бога. Совокупно это выразилось в распространении идеи личной свободы и возвеличивании человеческой личности.

Свобода в качестве сущности права предполагает в качестве одного из своих источников крайний индивидуализм. Это признание личности самостоятельной, самодостаточной субстанцией, обладающей свободной и самоопределяющей волей, с кругом интересов, не тождественных интересам общества и государства. В учебном плане высших учебных за-

ведений России, где преподают юриспруденцию, появляется новая дисциплина – юридическая антропология. Учебники по данному курсу предлагают А.И. Ковлер, О.А. Пучков и другие ученые либерального направления. Авторы учебных курсов подготавливают будущих специалистов к убеждению в том, что центральным признаком и принципом права выступает СВОБОДА. С.С. Алексеев подчеркивает: «...сам факт существования и функционирования права сопряжен со смыслом, сокровенной сутью жизни человеческого рода – возвышением и активизацией человека, личности»¹⁵³. Возникает вопрос: возвышением над кем? Над природой? Над обществом? Над Богом? Практика реализации либертарных идей отвечает: да, над ними.

Целый ряд авторов вполне серьезно используют категорию «суверенитет личности», несмотря на ее практическую нереальность. (Под суверенитетом понимается верховенство и независимость; каждая отдельная личность не может обладать верховенством в обществе одновременно с другими и не может быть независимой от близких, сослуживцев, даже случайных попутчиков и проч. Термин «суверенитет личности», по моему мнению, может быть уподоблен призыву к гражданской войне, междоусобице, противоборству). С.С. Алексеев писал в начале 1990-х гг.: «...необходимо обеспечение высокого положения каждого человека, того, что в последнее время принято называть суверенитетом личности. В современных условиях все более крепнет мысль о том, чтобы не только «уравнять» государство и личность... Высокий правовой статус каждой личности важен сам по себе, безотносительно ко всему другому, именно он является первичным, своего рода точкой отсчета в созидании правового общества»¹⁵⁴.

¹⁵³ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 267.

¹⁵⁴ Алексеев С.С. Право – время новых подходов // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 32.

Гегель сформулировал эту идею намного раньше и намного откровеннее. По мнению немецкого мыслителя, свобода есть бытие-для-себя-самого (bei-sich-selbst-Sein). И такой воинственный эгоизм пытаются выдать за сущность права.

Теория открытого общества К. Поппера и различные глобалистские построения Ж.Аттали и Ф. Фукуямы постулируют разобщенность индивидов, не нуждающихся друг в друге, перешедших к полностью опосредованным связям, «виртуальному» общению. «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто, – подчеркивал Гегель. – Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного»¹⁵⁵. В атмосфере, когда человек себя воспринимает как цель, а окружающих как средства достижения своих удовольствий, безопасность общества оказывается под угрозой, а нравственность неуклонно падает.

Е.Н. Трубецкой замечал: «все эти ошибки человеческого ума и воли обуславливаются тем, что благо человека не зависит от одного только его ума и воли: человек не есть ни центр мироздания, ни изолированное существо, а часть мирового целого, органически связанная с прочими частями мироздания: следовательно, его благо зависит от объективных законов, лежащих в основе мирового целого. Кто ошибочно представляет себе отношение человека к законам мирового целого, значение и место человека в лестнице существ, тот будет, очевидно, неверно судить о добре и благе человека»¹⁵⁶. Пьянице может казаться, что его высшее благо – бутылка спирта, но с точки зрения объективных законов неумеренное употребление спиртных напитков является источником физического и умственного вырождения и, следовательно, злом.

Абсолютизация свободы приводит к отчуждению человека от культуры, природы, других людей, Бога, а в конце кон-

¹⁵⁵ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 95.

¹⁵⁶ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 49.

цов – к самоотчуждению человека от самого себя. Расплатой за это может стать гибель всего человечества. Если мы вслед за И. Кантом полагаем человека свободным, а его волю – автономной, то эта воля не может быть подведена ни под какой общий принцип. Бесчинство свободного ума отрицает Бога и мир абсолютных моральных ценностей.

В действительности одинокий индивид, лишенный возможности общения с другими людьми, утрачивает качества человеческой личности и попросту вырождается как человек. Люди нуждаются друг в друге, имеют общую судьбу и солидарные интересы.

От Бога человек наделен свободой воли, имеет право на ее осуществление. Человек по собственному усмотрению вправе распоряжаться своей душой: служить Богу или демонам, самому себе или никому (в последних трех случаях в итоге оказывается, что служит он демонам). Человек имеет право распоряжаться своим телом: убить его, разукрасить татуировками, изменить сексуальную ориентацию и даже половую принадлежность. Все это по «цивилизованным» меркам современного Запада его частное дело, его *privacy*. Поставив человека в самый центр мироздания и управомочив его на самое страшное право – право на бесчестье, либертарное сознание соответствующим образом стимулирует создание вокруг индивидуума такого окружения, в котором это право перестало бы быть чем-то зазорным.

На Руси традиционно ценили индивидуальность, но не привечали индивидуализм. Основной формой хозяйствования в суровом климате являлась общинность, но советский коллективизм не адаптировался. Вместо индивидуализма и коллективизма в России существовала соборность. По В. Далю, действовать соборно – значит творить сообща, общими силами, содействием и согласием¹⁵⁷. Добавим, соборность предполагает служение не сиюминутным настроениям властей или

¹⁵⁷ Даль В. Толковый словарь: В 4-х т. Т. 4. М., 1990. С. 114.

произволу сильного, а Богу, который милостив, любит людей и своих в обиду не даст.

Эта особенность русского человека, ставшая основой национального мировоззрения и правосознания, определяла судьбу всех реформ за последние столетия. Попытки провести экономическую или политическую реформы на принципе индивидуализма не приводила к успеху. Русский человек считал своей обязанностью исполнение нравственного долга сначала перед Богом, затем перед Царем как Божьим помазанником, потом – Отечеством, общиной, семьей. Долг свой человек обязан был исполнять не формально во внешнем поведении, а старательно и с любовью, иначе плоды Богом не будут приняты. Исполнять свой долг считалось делом чести и достоинства. Нарушившего свой долг презирали.

С начала XX столетия в России делаются настойчивые попытки перейти от традиционного для страны общества священного долга и нравственных обязанностей к обществу неограниченных и неотчуждаемых прав и свобод. Когда из этого ничего полезного не выходит, реформаторы и идеологи юснатурализма заявляют о никчемности русского народа, его оторванности от «нормальной» рыночной жизни, закрепощенности и такой несовременной богобоязненности.

Россию не любят гедонисты и постмодернисты различных типов, которым Россия через русскую мораль препятствует проявлению раскрепощенной свободной чувственности. Юснатуралисты говорят о «достойной жизни», скрывая под ней вседозволенность и надзаконность для себя и полное ущемление прав остальных соотечественников (подавляющего большинства), страдающих от бедности, голода, холода, бессмысленности и безысходности своего бытия, от вала аморализма и роста бездуховности.

История показывает, что борьба за истинную человеческую свободу не имеет ничего общего с удовлетворением пороков, а начинается с борьбы за духовную свободу,

доминантой которого было отстаивание национальных духовных ценностей. Борьба же за материальные права, воспринимаемые в отрыве от духовной свободы, всегда оборачивалась фактическим торжеством наиболее жесткой и жестокой несвободы.

Православный стандарт свободы не универсален, его невозможно предложить, например, мусульманину или буддисту. Желаящие объединить мир на основе принятого всем мировым сообществом культурно-цивилизационного стандарта выработали либеральный стандарт. Именно он положен в основу всех международных юридических документов, а также многих национальных законодательств, включая российское. Либеральный стандарт против ограничения либо стеснения свободы чем-либо. Еще апостол Павел призывал православных христиан к свободе от греха, тяготеющих над ними инстинктов и злого начала – к подлинной человеческой свободе. Эта свобода подразумевает нашу способность подчинить свою волю единственно благой и абсолютной воле – воле Господа. Для того человеку и дана свобода воли, чтобы он свободно соединился с Богом, подчинил себя Его воле и соделался человеком святым. Казалось бы, ничто не мешало Творцу запрограммировать всех на изначальное обладание добродетелями, но тогда не было бы человека, а существовали бы существа-зомби.

В противовес этому либертарный юснатурализм не призывает к освобождению от греха, ибо само понятие греха в либерализме отсутствует. Он требует полной свободы для падшего человека. Не должно быть ничего, что сковывает и ограничивает меня в проявлении моей самости, в утверждении моего «Я». Пусть оно греховно и преступно – это никого не должно волновать, пока во внешнем поступке субъект не совершит состава конкретного правонарушения. Либерализм полагает некую границу в утверждении греховного «Я» человека в виде писаного закона. Но в своей внутренней жизни

человек признается свободным абсолютно и ни от кого, кроме самого себя, не зависящим. Значит, то, что как-либо ограничивает человека во внутренней сфере, автоматически будет квалифицировано в качестве нарушения его неотъемлемых прав.

Современная технология производства юридических текстов угождает не сознанию, а подсознанию: она прямо поощряет все то, что запрещает мораль и религиозно-нравственный абсолют. «Заказчиком» либерализма всегда был подавленный порочный инстинкт. Характерным примером либертарного мировоззрения являются следующие рассуждения немецкого исследователя П. Курца: «Благо людей, – считает он, – есть лишь совокупность удовольствий и жизненных благ, поэтому высшим этическим идеалом гуманизма являются потребности и интересы человека, достижение человеческого счастья и улучшение жизни здесь и теперь»¹⁵⁸. Вот где в полной мере проявляется «высота помыслов и торжество духа».

Фундаментальные индивидуалистские ценности, поддерживаемые юснатурализмом, касаются потребностей людей в пище, одежде, жилье, развлечениях, отдыхе и средств их удовлетворения. Утилитарная парадигма отвергает духовные потребности человека и относится к ним иронически. Но только животные являются заложниками своих инстинктов, импульсов, главенствующих над волей. Животные такими созданы для помощи людям. Человек же есть мыслящее, нравственное, духовно развитое существо, способное своей волей изменять законы своего существования, творить, подчинять окружающую природную среду. Существо, не способное противостоять импульсу, инстинкту, не есть человек.

Свобода человека, утратившая нравственную составляющую, становится опасной для окружающих людей и для самого индивида. Человек, «воодушевленный» свобододо-

¹⁵⁸ Цит. по: Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven and London, 1982. P. 25.

любием либеральной идеологии, стремится самостоятельно управлять своей судьбой, исходя из открытых им закономерностей внешней среды, и использует их для достижения субъективных целей, будь то коммунизм, союз самоопределяющихся общин или всемирное государство либеральной демократии. Все, что не укладывается в рамки светской антропологии, признается косным, диким, невежественным.

Либертарный юснатурализм понимает свободу фактически как вседозволенность в осуществлении человеческих стремлений и пристрастий, полный произвол в их осуществлении. Пожалуй, еще никогда не было такой культуры, подобной современной западной, которая бы с такой энергией стремилась к чувственным удовольствиям, к примитивным утехам плоти, осмеянию заботы о спасении души; и никогда не было такой культуры, которая бы сделала человека более несчастным и жалким, как эта.

При либерализме свободная воля падшего человека предстает во всей своей двусмысленности и противоречивости, неустойчивости и непредсказуемости. Это объясняется поражённостью грехом. Отступление от инстинктов и противопоставление им себя образует сознание. Так, собственно, и формируется человеческая личность. Ибо личность есть в человеке именно то, что возвышается над природой и творчески воздействует на нее, сублимируя позывы плоти в духовные качества. Инстинкт, который представляет собой природу и действует через нее, может быть преобразован волей личности в энергию нравственного порыва, ибо сильное и развитое сознание имеет власть положить предел неограниченному господству инстинктов. Эти воздействия личности на природу и природы на личность формируют характер.

Этика либерального сознания сводится к высвобождению природных инстинктов. Два тысячелетия христианство до сих пор сдерживало людей от капитуляции перед властью порока.

Однако либертарная этика может победить в том случае, если функции природных инстинктов будут мифологезированы в качестве общечеловеческой нормы. А поскольку мы приходим к нашим представлениям о нормальности через одобрение определенных стандартов поведения и чувств внутри определенных групп, которые полагают эти стандарты на своих членов, то становится вполне понятной публичная акция легализации сексуальных меньшинств, манифестация их в качестве нормы человеческого поведения и борьба за их сугубые права.

В наши дни большинство людей жаждет не духа, а наслаждений, земных, чувственных сладострастий всевозможных видов. Но что еще фатальнее – человечество выдвинуло соответствующие теории, учения, доктрины, оправдывающие и обосновывающие такую жизнь. Таковы учения гедонизма, сводящего смысл жизни к наслаждениям; утилитаризма, зиждущегося на пользе и выгоде; материализма, с его суетным преследованием материальных благ; юснатурализма, предлагающего формально-юридические гарантии для превращения человека в животное, а все это в совокупности объединяет парадигма либерализма.

Любопытно, что «психоделический вопрос» ставится как вопрос гражданских прав и свобод, заявляя себя как манифестацию свободы религиозной практики и частного выражения индивидуального разума. В либеральном мире каждый индивид получает право на галлюцинацию. Виртуальная категория «неотчуждаемых прав и свобод человека» выступает примером такой галлюцинации.

В природе зло не предзадано эволюционно, а является продуктом человеческой свободы выбора. Свобода быть нравственным заключает в себе и свободу быть безнравственным. Пока свободой одного не нарушается свобода других, и пока человек выполняет все свои юридические обязанности, юснатуралисты предлагают совершенно равнодушно смот-

реть на личную жизнь безнравственного человека. Но это подход формальный, поверхностный, внешний.

Свобода, лишенная нравственных рамок добра и зла, обращается рабством плоти и гордыни и полностью утрачивает творческий потенциал, о чем свидетельствует безнадежное состояние западной культуры. В качестве основания выбора юснатурализм предлагает в лучшем случае случайный импульс, и человек, отринув свободное и сознательное принятие единых моральных абсолютов, оказывается подчиненным любым возможным внешним воздействиям, могущим вызвать тот или иной импульс. Очевидно, что это не свобода, а крайняя степень рабства.

Свобода в либертарной парадигме – это уже не свобода бессмертного Духа, а свобода инстинктов брэнного тела, которое рождается совсем не свободным. Материальная физическая природа человека полностью зависима от весьма узких параметров физического мира, так что такая свобода – мнима. Влечения человека, в противоположность влечениям животных, находятся во власти его духовности. Человек есть существо, которое всегда может сказать «нет» своим влечениям. Когда он говорит им «да», это происходит всегда лишь путем идентификации с ними. Человек каждый раз должен идентифицироваться с влечениями (в той мере, в которой он желает их принять), животное же заведомо идентично своим влечениям.

Похоже, манифестация духовных, душевных и телесных извращений как нормы и есть внутреннее задание, которое осуществляет доктрина юснатурализма. Задача либеральных мифов о высшей ценности человеческой личности, правовом государстве и демократии состоит в том, чтобы человек мог комфортно чувствовать себя в мифологизированном, виртуальном мире.

Замечательную по краткости и содержательности мысль на этот счет высказал в свое время российский правовед П.И.

Новгородцев: «Западная философия права, – писал он, – прекрасно отдает себе отчет в том, что помимо права как опоры и вспомогательного средства живет и действует еще известный внутренний фактор – нравственность, нравы, обычаи. Но основное устремление западной мысли состояло именно в том, чтобы поставить человека и всю его нравственную жизнь на почву автономного закона личности, в независимости ее не только от Церкви, но и религии вообще»¹⁵⁹. Западная юриспруденция насквозь пронизана идеей индивидуализма и его источником выступает автономная личность, чья воля формирует закон. Потому только и становится возможным признать за правом столько положительных качеств, что за ним стоит самодостаточная и самодовлеющая личность, индивид, выше которого ничего быть не может. Только таким способом приобретают необходимую идеологическую основу идеи правового государства: все для личности, и выше ее священной свободы нет ничего.

К середине XX в. либерализм в крайних своих теориях уже утверждал «абсолютный суверенитет взглядов и склонностей человека в его жизнедеятельности, какой бы специфической она не была»¹⁶⁰. В этом тезисе Ф. Хайека отсутствует даже тень понятия о пороке и добродетели, о нравственности и безнравственности, о норме и извращении, стерто понятие о грани между добром и злом. Это явное забвение понятия греха и отступление от основополагающего начала Нового Завета о природной греховности человека, который только нравственной аскезой и с Божьей помощью может обновиться.

Либеральная эпоха утратила себя задачей внушить человеку и обществу мысль о том, что грех (в том числе грех

¹⁵⁹ Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения. М., 1995. С. 377.

¹⁶⁰ Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12. С. 100.

смертный) является нормой человеческого поведения, нормальным проявлением природных инстинктов. Она называла это «свободой совести», как будто совесть может зависеть от человеческого волеизъявления и человек может манипулировать ею, как пожелает: захочет – и она начнет его угрызать, не захочет – и она начнет курить ему фимиам. Этот узаконенный разрыв с Богом, обставленный как манифестация прав и свобод человека, дает индивиду иллюзию собственной безответственности, права на бесчестье – и в этом существенное отличие человека нашего времени.

Нравственное богословие свидетельствует, что грех (преступление) никогда не водворяется в человеке без его соизволения. Он никогда не действует в одиночку – один грех тянет за собой и другие. Они болезненно, до неузнаваемости, искажают внутренний, а затем и внешний, облик человека и лишают его возможности познания и осуществления Божьего замысла. Подлинное право считается с этой закономерностью и ориентируется, главным образом, на внутренний мир человека, глубины его души.

В условиях поверженной на землю иерархии традиционных ценностей и легализованного общественного раскрепощения самых низменных человеческих влечений вопрос о свободе как сущности права приобретает своеобразное звучание. Под свободой ныне подразумеваются самые разноречивые феномены моральной разнузданности и социальной вседозволенности, профанации и спекуляции. Беспредельной свободе индивида начинают мешать сам Бог и объективные законы природы. Е.Н. Трубецкой так и утверждал: «Однако косвенно право должно служить и действительно служит освобождению человека от гнета внешней природы»¹⁶¹. Либеральная идеология несет нравственное раскрепощение греховному человеку, реализует греховный потенциал человеческой личности. Когда в Голландии семейное законода-

¹⁶¹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 70.

тельство разрешило гомосексуальные браки, либеральная юридическая мысль откликнулась одобрением, ведь это «одно из неотъемлемых прав свободной личности».

Эта «свобода», а точнее произвол, основан на крайне механистическом правопонимании, деструктивности как принципе, позволяющем разобрать человека и мир как конструктор и сложить заново, подчиняясь мимолетной прихоти. Либеральная демократия порождает индивидуализм и атомизацию общества. В отличие от эгоизма индивидуализм побуждает изолироваться от ближнего и на фоне прокламаций о счастье всего человечества перестать тревожиться об обществе в целом. Эгалитаризм порождает неисчислимые толпы похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей. Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и покрывающая население необозримой массой нормативных юридических предписаний (все возрастающее число которых правопорядка не прибавляет). Либеральная демократия – режим духовного тоталитаризма.

Демократические свободы оборачиваются криминализацией, поражающей все сферы общественной жизни, резким имущественным расслоением общества, усилением государственного насилия, разрастанием нормативной базы, падением общественной нравственности, манипуляцией массовым сознанием и ухищренным закабалением человека. Еще в античном мире культивирование свободных нравов порождало культ наслаждения, правовой безпредел и концентрацию власти в руках состоятельного меньшинства.

Абсолютизация свободы в качестве высшей ценности служит прикрытием для установления тотального контроля за жизнью личности и общества, разрушения личной, семейной и общественной нравственности, оскорбления религиозных

чувств, нанесения ущерба культурно-духовной самобытности народа и возникновения угрозы священному дару жизни.

Идея свободы в годы российских реформ обрела значение конституционно-правового принципа, своеобразного идеологического ориентира для построения нового общественно-политического строя. В российском законодательстве переходного периода игнорируется соразмерность между свободой и ответственностью субъектов права. В частности, государство допускало деятельность сотен финансовых пирамид, оборот ничем не обеспеченных ценных бумаг, пробелы в праве по поводу компенсаций пострадавшим вкладчикам и др. Граждане России очень скоро обнаружили, что мера свободы зависит от уровня их материального благополучия.

Необходимо подвергнуть дешифровке многие подмены понятий, спрятанные за демократическими и общечеловеческими лозунгами. Например, по вышеизложенным соображениям требует дешифровки определение права, данное В.С. Нерсесянцем: «право – это абстрактно-всеобщая нормативная форма выражения ценностей равенства, свободы и справедливости в общественных отношениях в соответствии с принципом формального равенства»¹⁶². Термины, употребляемые в приведенном определении, восходят к демократической триаде Французской Республики «Свобода. Равенство. Братство», а еще глубже к постулатам христианской этики. Но религиозные постулаты оказались глубоко чуждыми секулярному мышлению отцов-основателей либерального проекта и были выхолощены. Уже в Декларации 1789 г. и Конституциях Франции 1791 и 1793 гг. остались только указания на свободу и равенство, упоминание о братстве было изъято. Либералам по душе только одна модель «братства» – братство Каина и Авеля, что доказывают многочисленные примеры демократических революций, пожирающих своих детей.

¹⁶² Нерсесянц В.С. и др. Право и культура. М., 2002. С. 33.

Лживая сущность либеральной свободы обнаруживается в отрицании юснатурализмом Иерархии. Свобода в обществе, не обладающем такими надежными способами социальной регуляции, как вера, традиция, мораль, быстро вырождается в войну всех против всех. Усиление же исключительно юридических механизмов приводит к уменьшению свободы личности. Таким образом, речь может идти только об уровнях свободы, а там, где появляется понятие уровня, возникает и понятие иерархии.

Утверждая принцип: «Человек есть мера всех вещей», юснатурализм провозглашает воинствующий богоборческий антропоцентризм. Лукаво замаскированный демагогическими призывами типа: «Все во имя человека, все для блага человека», он на деле оправдывает, узаконивает и развивает разрушительные пороки и страсти, терзающие человека, «отменяет» понятия религиозного и нравственного долга.

Для широкой публики среди задач объявляются: охрана окружающей среды, веротерпимость, уничтожение границ между государствами, свобода, равенство, введение общего мирового порядка. Все эти лозунги являются ширмой, скрывающей истинные цели – развращение человека, разрушение семьи и государственности. Так легче манипулировать массами людей. *Сама личность в либерально-юридической практике оказывается явлением второстепенным и подчиненным. Не ее запросами и требованиями определяется общественно-политический строй. Она должна довольствоваться тем, что ей не мешают удовлетворять свои порочные желания, дают возможность участвовать во всеобщей гонке за материальным богатством, определяя за человека его внутренние запросы, идеалы и мечты. Личность тут не основа, а объект манипулирования. Свободы внутренней у нее нет по существу. А свободу внешнюю, юридическую, она получает для запрограммированного, заведомо безнравственного, ролевого участия в вакханалии общего распада. Идеологема свержче-*

ловека, который поклоняется самому себе, прикрываясь гуманизмом и правами человека – самая распространенная форма ложного сознания в наше время.

С конца XX столетия в политико-юридическую практику прочно вошел принцип «разрешено все, что не запрещено законом». Данный принцип явился следствием абсолютизации свободы, ибо в нем игнорируется органическая связь права и морали. Более того, мораль и право искусственно противопоставляются друг другу, отчего их эффективность существенно снижается.

Выдающийся либерал, сенатор от штата Индиана А. Дж. Беверидж в 1898 г. сказал примечательную фразу: «оппозиция утверждает, что нам не следует править народом без его согласия. Я отвечаю: правило свободы, гласящее, что любое законное правление черпает свою власть в согласии тех, кем правит, применимо лишь к тем, кто способен к самоуправлению. Мы правим индейцами без их согласия, мы управляем нашими территориями без их согласия»¹⁶³. Представление Европы о коренных американцах-индейцах легло в основу притязаний западных европейцев на присвоение себе чужих территорий и владение ими. Так, в XVI в. индейцам на непонятном для них языке была оглашена формальная декларация «Requimiento», предлагающая следующее право выбора – индейцы могли подчиниться испанскому владычеству, а в случае отказа принять карательные меры: «Мы возьмем вас, ваших жен и детей, и сделаем из них рабов, и продадим, и распорядимся с ними так, как прикажет его высочество; и мы заберем ваши товары, и нанесем вам столько убытка и вреда, сколько сможем. Обращаясь с вами как с непокорными вассалами»¹⁶⁴. Коренные американцы объявлялись «детьми природы», которых следует приобщить к достижениям европейской цивилизации. Аборигенам трудно было принять навязчивую

¹⁶³ Иванян Э.А. История США. М., 2004. С. 201.

¹⁶⁴ Почему люди ненавидят Америку? М., 2001. С. 90.

опеку и воспитание от собственных убийц, угнетателей и грабителей. Идея «детей природы» была вежливой формулировкой, за которой скрывалось расовое высокомерие. В наше время подобное высокомерие от тех же западноевропейских стран испытывает Россия. В Югославии и Ираке Запад уже продемонстрировал свою «гуманитарную» миссию, уничтожая мирное население и захватывая чужие национальные богатства. «Сверхраса» свободных личностей считает себя вправе переустроить мир по своим меркам, поработив других, если те окажутся слабыми.

Либеральное общество построено не на действительных законах и основах общественной жизни, а на фикциях, мифах и иллюзорных декларациях, выведенных логически из интересов безнравственной группы лиц. «Симуляция идей» (определение Платона) в странах Запада одержала победу над реальностью, навязывая миру свою собственную, виртуальную, несуществующую реальность и хаотическую модель универсума. Собственно, виртуальность и есть диктатура симулякров (иллюзорных смыслов и реальностей) над душой человека, власть, уничтожающая личность, человека в человеке. *Абсолютно подчиненный виртуальному юридическому процессу, то есть процессу обмена себя на материальные и нематериальные подделки под смысл жизни, человек стал тотально зависим от своих фетишей и от тех, кто эти фетиши производит.* Ж. Бодрийяр назвал этот процесс обмена человеческой личности на симулякры – естественным стремлением человечества к всеобщей духовной смерти, к небытию души.

Современная постмодернистская ситуация характеризуется разрывом спасения и освобождения: вместо универсалистской установки всеобщего спасения воцаряется доминанта освобождения «лучших», «избранных», ставящих свободу выше справедливости, милосердия и любви. Это преобразование дискурса о свободе в антидемократическом,

элитарном и даже расистском духе связано с особого рода гнозисом – знанием об изнаночной стороне действительности, которая и трактуется как подлинная.

Настаивая на разграничении нравственности и права, Б.Н. Чичерин считал, что «если право – это свобода, определенная законом, то нравственность налагает на человека одни только обязанности, не определяя никаких прав»¹⁶⁵. О том же говорится в монографии В.М. Шафирова: «Личная заинтересованность в свободе (правах и свободах) разводит естественно-позитивное право с моралью как мерой должного, – пишет он. – По этой причине мораль как меру должного вряд ли можно считать для права непререкаемым и абсолютным авторитетом, «фундаментом» всего правового «здания»¹⁶⁶. В данном случае юснатуралисты сосредотачивают свое внимание исключительно на внешней свободе, игнорируя свободу внутреннюю, которая может поддерживаться человеком даже при неблагоприятных окружающих условиях. Вряд ли оправданно сводить свободу к демонстрациям внешнего поведения (эпатажным выходкам и несуразной одежде). *Человек подлинно свободным оказывается только в том случае, когда добровольно делает выбор в пользу служения Богу – тогда он свободен от греха и обретает внутреннюю гармонию. Во всех остальных случаях ему кажется, что он независим, служит только себе самому, а в действительности покоряется вселенскому злу. Выбор между Добром и Злом, между Богом и демоническими силами не предполагает никакой третьей альтернативы.*

Нужно отдавать себе отчет в том, что утверждаемая современным либерализмом свобода в качестве высшей и безусловной ценности человеческого существования представляет собой некий идол. Служением идолу свободы

¹⁶⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 32.

¹⁶⁶ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 250.

пытаются объяснить и оправдать почти любое беззаконие на уровне личности, семьи, общества и государства. Последовательным воплощением идеалов западной демократии не случайно выступают требования «свободы без дефиниций» и неприемлемости любых (включая религиозные и нравственные) запретов для человеческого разума (М. Фуко). *Этические идеалы в западной юридической культуре претерпевали существенную трансформацию по мере того как имморальность определяла революционную динамику общества. В современной ситуации, где многообразно внешнее освобождение личности, облик насыщенной потребности и фундаментального права приняло наслаждение.*

Для православных христиан не может быть иного понимания Богоданного дара свободы, кроме того, которое оставлено апостолом Павлом: свобода – это освобождение от греха (Рим. 6,22). Свобода есть выбор личности в пользу святости и следование воле Божьей. А тот разгул «свободы», который переживает сегодня российское общество – явление не столько естественное, сколько запрограммированное, представляющее собой результат целенаправленного развращения народа с дальнейшим превращением его в толпу, которой легко манипулировать. Толпа не воспротивится вывозу своего национального достояния за рубеж и поддастся на любые безнравственные приманки.

Когда мы говорим, что свободу следует демифологизировать, мы имеем в виду прежде всего внутреннее освобождение человека от тех идолов и божков, которые он творит сам себе. Один из главных уроков либеральной эпохи состоит в том, что «независимая» личность неизбежно поработачивает себя через профанические идеологии и неконтролируемые инстинкты.

Признание свободы сущностью права является проявлением социальной демагогии. Это происходит, когда антисистемным силам нужно обосновать политическую революцию,

дезорientировать общество, а в «мутной воде» решать узкокорыстные и глобальные разрушительные задачи. Во всех этих случаях нарушаются объективные закономерности существования социума. В юриспруденции опасно игнорировать естественные законы развития общества и мироздания. Не следует также увлекаться очередными утопиями-ересями, отнимающими у населения последние жизненные силы.

История государств свидетельствует, что *абсолютизацией свободы можно закрепить людей не меньше, чем тоталитарными репрессиями, но с большей степенью изощренности*. Либеральная идеократия ужасается любому свободному слову, любой не-западнической реплике. А главная трагедия заключается в том, что свобода как высшая ценность влечет бездуховность общества, поражающую многие и многие поколения. Всеобщее освобождение от всякого рода религиозно-нравственных уз выступает орудием разложения старого традиционного (органического) общества и единственно мыслимым средством существования нового.

Мы, люди, бесповоротно обречены на свободу, как верно заметил Жан-Поль Сартр, впрочем, едва ли постигаем весь духовный масштаб этих слов. Что у человека и есть действительно личного и собственного, так это свободная воля и право выбора. «К свободе призваны вы, братия, – сказал апостол Павел, – только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» (Гал. 5,13).

Нельзя согласиться с мнением о правовой достоверности исключительно западной культуры: имплементация представлений о высшей ценности человека, его прав и свобод вступает в противоречие с культурообразующей для русской традиции идеей о необходимости солидарного противодействия злу (включая проявления индивидуального своекорыстия и предпринимательского эгоизма). Необходимая причастность правоприменителя духовным основаниям национальной культуры исключает безоговорочную унификацию

принципов конституционной юстиции. Конституционные силлогизмы призваны выразить идею конституционного соглашения определенного народа, в контексте его культуры и духовного самоопределения. *Конституция не может быть выше права как духовного явления.*

Российская правовая система должна сохранить за собой право на самобытность, в том числе в отношении пределов заимствования иных юридических форм, символов и конструкций. Российское право так или иначе никогда не исключало религиозную христианско-православную и нравственную доминанту. Претензии юснатурализма на глобальную метаюридическую систему либертарного толка несостоятельны. Россия вправе претендовать на полноценное участие в интеллектуально-духовном уяснении «общечеловеческих ценностей», включая ценность свободы.

Юридический юснатурализм с его доктриной «естественного права» олицетворяет подлинный правовой нигилизм, ибо отвергает духовно-нравственные основания права. Юснатурализм отвергает Божественный миропорядок, не принимает иерархического строя. Эта эгалитарно-нигилистическая страсть носит откровенно богоборческий характер, она восстает против иерархических ступеней бытия и жаждет равного бытия, равенства в ничтожестве, в нищете, в освобождении от всех национальных традиций и форм культурного бытия, в пустой свободе от всех иерархических ценностей.

Н.А. Бердяев отмечал: «Свобода, осознанная исключительно формально, без цели и содержания, есть ничто, пустота, небытие. Свобода в грехопадении и была такой отрицательной, формальной свободой, пустотой, небытием»¹⁶⁷. Слова из Книги Премудрости Соломона о том, что мир был создан из «необразного вещества» (Прем. 11,18), могут означать, что ограничением абсолютной свободы хаоса Бог

¹⁶⁷ Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 163.

создал осмысленный мир; по аналогии с этим, ограничением абсолютной свободы человека Бог дал ему осмысленную свободу. Бог предоставил человеку свободу, включающую в себя возможность свободного выбора, в том числе и ошибочного. Отход от Бога – это постоянное и губительное стремление возврата к первоначальной бессмыслице свободы хаоса – через свободу грехопадения и падения вообще. Так именно можно прокомментировать известные слова Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено».

«Все позволено» – лаконичная формула, описывающая принцип действия ризомы. Высшие приоритеты, сверхценности можно менять как перчатки. Вчера – одни, сегодня – другие. Моральный абсолют не признается абсолютом. Потому что, если Бога нет, то закон моральный у каждого свой, откуда взяться единому? Когда у человека отнята религия, внутреннее духовное сознание кричит ему, что на свете нет ничего выше его самого, ничего такого, чему он мог бы подчиниться. Он становится сам богом («Человек – высшая ценность»). В этом заключается тягчайшее падение духа, но такое падение, которому подвергается дух, уже высоко выработанный.

Бог свято хранит онтологическую свободу человека, никогда не насилуя его волю. Напротив, дьявол стремится завладеть волей человека искушением, страхом или обманом. Первопричина всех исторических хитросплетений – человеческая свобода, понимаемая как свобода нравственного выбора, осознанного самоопределения между правдой и ложью, добродетелью и пороком. В этом и был смысл двух особых деревьев в раю: дерева жизни и дерева познания добра и зла. В отличие от всех прочих деревьев, вкушение которых связано лишь с вопросом пропитания, эти два дерева ставили перед человеком нравственную, духовную дилемму. Каждому из Своих творений Бог дал высшую оценку («И увидел Бог, что это хорошо» – Быт. 1,4, 21), а от оценки созданного Им человека воздержался, ибо оценка была бы преждевременной: че-

ловек, наделенный Богом разумом, волей и правом выбора, сам должен был решить вопрос – хорош он или плох и, следовательно, смертен или бессмертен. Бог есть, поэтому границы дозволенного сужаются, и ограничений должно быть тем больше, чем глубже грехопадение. В свою очередь выбор добра перестал быть естественным: такой выбор невозможен без особого усилия, а для его реализации требуется особая настойчивость и твердость духа.

Бог учреждает «закон» для каждого сотворенного Им явления, следовательно, и для человека. Но так как при прочих актах творения этот «закон» является лишь определением функций, не зависящих от самого явления, то он не является правовой категорией, между тем как относительно человека, наделенного свободной волей, определение как функций, так и ограничений в его действиях обретает правовое содержание. Таким образом, Бог есть учредитель как физических законов, не соотносимых с категориями права, так и учредитель законов общества, Творец Права. Слова Апостола о том, что «Закон свят» (Рим. 7,12) и «Закон духовен» (Рим. 7,14) являются главными аргументами того, что «закон имеет власть» (Рим. 7,1). Значит, власть закона – от Духа его и от святости, то есть от его божественных свойств. Следовательно, быть в послушании закону – это значит, быть в послушании Духу и святости, то есть Богу. Грех получил начало свое не от природы, а от злоупотребления разума и воли разумных существ, от произвольного их уклонения от Бога к себе (Сир. 10,14-15).

Закон для первого человека «не ешь с дерева познания добра и зла» оказался запретом на зло, и вне этого запрета Бог несколько не довлел над человеком, предоставив ему свободу действий и наделив его свободной волей. Господь, разумеется, мог бы вместо человека сотворить робота, запрограммированного на безусловное и неукоснительное добро и праведность, но это было бы бессмысленным делом. Ценность

работа была бы близка нулю, ибо ценно для Бога не навязанное добро, а свободный его выбор. Собственно, *свобода выбора является одним из важнейших составляющих образа и подобия Божия в человеке.*

Правда состоит в том, что Идея свободы была воспринята западным миром от христианства, но в иной, отрицающей его редакции. В Православии источник Права и свободы один – Господь Бог, поэтому эти два явления органически сосуществуют, не уничтожая одно другого. После отрицания Бога как источника Права, когда личность принимает самостоятельное значение, нравственный идеал получает характер субъективного, преходящего социального фактора. Для того, чтобы обуздать все возрастающую гордыню «нового человека», видящего в самом себе и цель, и смысл исторического развития, приходится прибегать к сдерживающим элементам (формально-определенному закону), которые в обществе христиан тоже существуют, но играют менее значимую роль.

Либеральная идея слишком соблазнительна для человека. Она стирает само понятие греха, лишая даже здравомыслящего человека нравственных тормозов. Свобода в православном понимании – это прежде всего свобода от греха, от грешных помыслов и тем более греховных поступков. В греховном, формально свободном состоянии человек постепенно перестает различать в себе «голос Божий» (совесть), узнавать в Боге своего Творца и Спасителя. Как правило, выбор его происходит между материальным и материальным, между греховным и греховным, между порочным и порочным. Именно такое редуцированное и суженное понимание свободы исключительно как феномена эмпирического мира возобладавало в новоевропейской философии права.

А преподобный Максим Исповедник видел ущербность воли именно в необходимости выбора. Воля, вследствие гре-

хопадения, перестает быть интуитивной, она делается дискурсивной, опутанной сетями причинности. Высшая же свобода состоит в том, чтобы определить самого себя, исходя из того, что человек создан по образу Божию. Сама проблема выбора, встающая перед конкретным человеком, есть признак его несовершенства, ограничение истинной свободы: совершенная природа не нуждается в выборе, т.к. знает добро естественным способом, всякая душа по природе есть христианка¹⁶⁸. *Проблема свободного выбора свидетельствует о нашем несовершенстве, о потере подобья Божьего. Таким образом, то, что понимается светским сознанием под «свободой», есть на самом деле ее искажение, свобода злоупотребления ограниченного индивида.*

«Гомительное ощущение пустоты, которое появляется у человека, освободившегося от всех стесняющих его условностей, обстоятельств, долженствований и не знающего, куда, собственно, эту свободу девать и что с ней делать, свидетельствует о том, что свобода не может быть ценностью абсолютной: она должна быть использована ради чего-то превосходящего ее по значительности, достоинству, ценности»¹⁶⁹. *Поскольку же свобода понимается как материальная, социальная категория, то ее развитие напрямую связано с осознанием человеком своего права на достойную жизнь исключительно как проявление индивидуального эгоизма. Возникает безконечность материальных и плотских запросов, не имеющая не только конца, но и начала. Чем больше право обеспечивает личности свобод, тем менее она удовлетворена своим статусом, тем большего хочет. Популярность психоанализа на Западе обусловлена массовым характером нервно-*

¹⁶⁸ Добротолубие в 7-ми тт. Т. 3. М., 1995. С. 20.

¹⁶⁹ Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 8.

*психических патологий и психических комплексов в индивидуалистическом обществе*¹⁷⁰.

Отдельная личность, по оценке А.С. Хомякова, есть совершенное бессилие и внутренний непримиримый разлад¹⁷¹. Свобода как цель бессмысленна, безцельна. Она путь в никуда. В обезбоженном обществе торжествует диктатура греха как норма жизни. В области интеллектуальной такая свобода приводит к подчинению посредственностям, в области экономической – обеспечивает господство капитала, в области политической – вместо ожидаемого народоправства порождает новое правящее сословие с довольно мелким масштабом личностей политиков, в правовой области – подменой нравственного содержания Права формально-юридическим попусшением греху.

Свобода должна быть вписана в иерархию ценностей, под ценностью более высокой, чем свобода, под ценностью непререкаемой и абсолютной, ради которой эта свобода и могла бы осуществиться как таковая и воплотить признаваемые ценности в бытии. Высшей ценностью не может быть ни безличная идея, ни рукотворная вещь, ни мертворожденное понятие. Такой ценностью может быть только живая личность, причем, не ограниченная в своем бытии конечностью существования и не уязвленная грехом, а Личность абсолютная, стоящая над трагическими полюсами мира, над пространст-

¹⁷⁰ 10 марта 2006 г. около 13.00 часов в комитет по социальной поддержке пришел молодой человек, сотрудник Алтайского государственного медицинского университета, для того, чтобы подать на продление документы по вылате субсидий на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Пятница – не приемный день. Сотрудницы отдела предложили посетителю прийти в приемный день. Неожиданно мужчина стал избивать этих женщин, а потом взял со стола компьютер и выбросил его из кабинета в коридор. Экспертиза показала вменяемость правонарушителя (Свободный курс. 2006. № 54). Такие случаи стали весьма распространенными в обществе, в котором граждан воспитывают на началах абсолютизации свободы.

¹⁷¹ Хомяков А.С. Сочинения. М., 1996. С. 158.

вом, вечная. Такой Личностью является только Бог-Творец неба и земли, Искупитель, Утешитель, Спаситель. Только ему человек обязан даром своей свободы. Только Он возвестил человеку: *«познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8,32). Только он поставил свободу выбора условием его спасения и богосыновства. Только Он избавил человека от ее темных кошмаров. Только Он наполнил свободу человека смыслом богоподобия, предложив человеку особую этику благодати. Только он призвал человека к особому пути свободы – к творчеству непорочной жизни.

В православном мировоззрении Истина есть Любовь, а смысл любви состоит в бытии для других. Любящий человек, не считаясь, отдает свою свободу любимому человеку. В чувстве любви проявляется истинное место свободы в иерархии абсолютных ценностей.

Свобода в качестве сущности права не имеет никакого самостоятельного точного содержания, а потому наполняется призывами к крайнему индивидуализму. Человек, не сумевший внутренне освободиться от греха и порочности, не сумеет адекватно распорядиться внешними свободами (в частности, политическими) и будет злоупотреблять ими себе и окружающим на погибель. Здесь лежит естественная и необходимая грань внешней свободы. В этом же направлении следует искать и предел политической свободы: нужно подготавливать человека к ней, объяснять ему, что она тесно связана с процессом внутреннего самоосвобождения от скверны, что политическая свобода призвана служить не личной или узкогрупповой корысти, а защите ПРАВА, ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ и РОДИНЫ.

Юснатуралисты пеняют, что «увязывание свободы с долгом существенно ограничивает проявление свободы»¹⁷². Они хотят, чтобы человек был безответственен. Как говорил Б.

¹⁷² Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 227.

Шоу: «Свобода означает ответственность. Вот почему некоторые так боятся ее»¹⁷³. В.М. Шафиров утверждает: «Долг присутствует, но он не является определяющим мотивом действий. Первенство за мотивом возможности действовать (сейчас или в перспективе) с пользой для себя»¹⁷⁴. Известный анархист XIX в. Ф. Дюваль, уличенный парижским судом в фальшивомонетничестве и противоестественных пороках, прямо заявил суду: «Это мое право – удовлетворять мои страсти так, как я это могу»¹⁷⁵.

«Занимайся собой!» – такова этика либертарного юснатурализма. Каждая современная европейская женщина детородного возраста имела как минимум один аборт, а большинство – даже не два. Эти женщины хотят жить для себя и учат тому же своих дочерей, а, следовательно, будут голосовать против всякого политика, который попытается отобрать у них это право. И. Кант оправдывал это: «свободу я выражаю следующими словами: никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других стремиться к подобной цели»¹⁷⁶. Приведенное суждение И. Канта отрицает моральные и иные духовные абсолюты и толкает человечество к гражданской войне всех против всех. Задача правового регулирования – не потакать человеческим слабостям, низменным страстям, а помогать тому, чтобы натура служила духу, а не наоборот. Когда ребенок упорно идет на красный свет светофора или к оголенному электрическому

¹⁷³ Собрание мудрых мыслей. М., 2002. С. 567.

¹⁷⁴ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 255.

¹⁷⁵ История Франции. XIX век. М., 1999. С. 108.

¹⁷⁶ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М., 1994. С. 285.

проводу, приходится оттаскивать его от угрозы жизни. **Свобода – положительная ценность только тогда, когда она в иерархии других ценностей, а не абсолютизируется как высшая доминанта.**

Иисус Христос сказал: «Кто хочет спасти свою душу (то есть изолирует себя от других и уходит в свою личную жизнь – авт.), тот погубит ее». Русское сознание чутко восприняло эту идею, поэтому соборность является своего рода необходимым условием спасения. Как отмечает В.К. Трофимов: «христианская любовь в православном понимании возвышает отдельное человеческое существо от обособленности и изолированности к соборности и цельности. Спаситься легче сообща посредством всеобщей ответственности и всеобщей солидарности людей друг с другом. Православное сознание основано на убеждении в общей религиозной и нравственной ответственности каждого за всех и всех за каждого. Тут в основе заложена идея не индивидуального и обособленного спасения людей, а совместного и соборного, а такое спасение совершается действием и силой общего подвига веры, молитвы и любви»¹⁷⁷. В либерализме не осознана подлинная природа свободы. Будущее в России по устойчивой традиции принадлежит не индивидуализму и не коллективизму, а соборности, при которой вековые конфликты между личностью и обществом разрешается при императиве служения ценностям сверхличностного и сверхобщественного порядка – прежде всего религиозно-нравственным ценностям.

«Человек есть олицетворенный долг», – утверждают святые отцы Русской Православной Церкви. Русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, изначально строилось на воспитании в человеке твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Горький опыт междоусобных распрей выучил наших предков тому, что ак-

¹⁷⁷ Трофимов В.К. Душа русского народа. Екатеринбург, 1998. С. 12.

цент на права и свободы неизбежно порождает взаимные претензии, обиды и склоки. Идея абсолютизации свобод питает гордыню, высокомерие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к гражданской войне.

В здоровом обществе следует больше говорить об обязанностях, долге по отношению к Богу, природе, Отечеству, людям. Идея единства прав и обязанностей, забытая в современной юридической практике, имеет глубокий моральный смысл. Абсолютизация свободы, свойственная западноевропейскому менталитету, исторически глубоко чужда русскому национальному и религиозному самосознанию.

Воплощение в жизни общества идеи о правах человека, превращенной в юридическую догму и не уравновешенной – ни нравственно, ни правовым образом – идеей естественных обязанностей, свойственных каждому гражданину, ведет к неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению соборной души народа. Убийца Раскольников из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» мучался вопросом: «Тварь я дрожащая или право имею?»

В.А. Четвернин прямо заявляет: «Правовой способ социальной регуляции и правовая свобода означают, прежде всего, что человеку запрещено то, что нарушает свободу других. Но при этом человек не обязан делать нечто позитивное в отношении других членов общества. Правовая свобода допускает эгоистическое удовлетворение интересов. Право позволяет человеку быть свободным от любой групповой морали (нравственности) и религиозной этики. Это называется свободой совести и вероисповедания»¹⁷⁸. А я бы это назвал свободой безсовестности. Если в соответствии с либеральной идеей ро-

¹⁷⁸ Четвернин В.А. Введение в общий курс теории государства и права. М., 2003. С. 43.

дители предоставят ребенку возможность наслаждаться полной, неограниченной свободой, то, вполне вероятно, они станут невольными убийцами своего младенца. Если такой воспитанник и останется жив, весьма возможно, через пятьдесят лет, мир ужаснется чудовищной жестокости, эгоизму, агрессии и торжеству бессмысленных страстей, которые либералы-валеологи вкладывают сегодня в души наших детей.

Права ребенка должны защищаться, но это прежде всего право на целомудрие, право не быть развращенным, право быть воспитанным в той духовно-религиозной и национально-исторической традиции, к которой ребенок принадлежит по рождению.

Идеи соборности и правообязанности имеют более перспективный характер, поскольку преследуют целью не столько социальное усовершенствование, сколько нравственное самосовершенствование. Отметим, что культура, сориентированная на религиозное начало более защищает личность человека, чем иные, сориентированные на удовлетворение разрастающихся страстей.

Православный христианин знает, что свобода дана ему на то, чтобы отвечать за любую земную тварь, за все дела и грехи мира, ни на кого не сваливая вины за неустроенность и дисгармонию земного бытия. Свобода есть повод попробовать себя в самом трудном, напряженном деле, требующем реализации всех Богом данных способностей. Словом, речь идет о свободе в значении духовного творчества с пониманием, что участь вещей – не в них самих, не в экономических, природных, социальных и иных детерминантах, а только в самом духе. Свобода – благо, но она только тогда не становится произволом, когда она праведна и ведет к истине, ибо только истина делает людей действительно свободными (Ин. 8,32).

По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индиви-

дуума вне его связи с Богом. Современный человек живет для себя и только одной внешней стороной своего бытия соприкасается с жизнью общего – только пользуется этим обществом. Даже Бог с точки зрения такого человека является лишь средством к достижению благополучия. Началом жизни признается себялюбие, а общим признаком бытия – взаимная отчужденность всего живущего. При этом охрана свободы личности трансформировались в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит своеволию других индивидуумов). В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, а как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший, весьма далекий от идеала совершенства, явленного во Христе. Между тем для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения.

Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к подобию Божию, исполнить свой долг перед Богом, Церковью, Отечеством, государством, семьей, другими людьми. Внутренняя свобода есть первая и священная основа духовного характера. Внешняя же свобода нужна человеку для того, чтобы стать духовно развитым, обрести внутреннюю свободу. Внутренняя свобода, таким образом, не что иное, как живая духовность человека. Внутренне христианская личность всегда свободна, ибо свобода есть неотъемлемый дар Божий, независимо от внешних условий существования. Внутренняя свобода человека может быть искажена лишь собственным произволом или добровольно утрачена, когда человек подпадает под рабство своих страстей. Таким образом, подлинная свобода связана с самообладанием и предполагает внутреннюю дисциплину, благо-

даря которой происходит становление сознательно ответственной личности.

Очевидно, что понятие «свобода» соответствует понятию «Православие». Свобода невозможна без Бога. Материалисты извращали этот вечный принцип мироздания, рассчитывая господствовать над природой. Так, Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» писал: «Невозможно рассуждать о морали и правё, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой... Свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому и является необходимым продуктом исторического развития»¹⁷⁹. «Свобода», предполагающая господство над природой, привлекала неокрепшие умы, но не приводила к реализации задуманного: человечество не научилось предупреждать так называемые стихийные бедствия, не способно гарантировать рождение и смерть человека и т.п.

Свобода, лишенная религиозно-нравственных ограничений, не располагает к созидательной деятельности, поскольку последняя уже подразумевает самоограничения. Как только неограниченная свобода возводится человеком в ранг абсолютной ценности – они тут же выказывает свой демонический потенциал небытия и деструктурности.

Человеческая личность является проводником высших ценностей, которая способна осознавать иерархию между ними. Любовь, Добро и Красота являются ценностями духовными и абсолютными и находятся выше в иерархии ценностей, чем Свобода, Равенство и Братство. Идеи же свободы, равенства и братства являются производными от желаний самого человека, от его стремления жить безпро-

¹⁷⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1983. С. 87.

блемно, с максимальным комфортом. И потому достижение состояния полной Свободы, всеобщего Равенства и истинного Братства представляется идеалом эгалитарным.

Ценности свободы, равенства и справедливости выглядят неполноценными в отрыве от ценностей высшего порядка – религиозно-нравственных духовных основ. Свобода в отрыве от ответственности влечет хаос; идея равенства игнорирует объективное многообразие жизни; справедливость без милосердия может оказаться причиной гуманитарной катастрофы. **Профанированные, искаженные определения свободы, справедливости и равенства, даваемые в рамках юридического юснатурализма не предполагают духовное возвышение человеческой личности, а преследуют цель отстранения человечества от Бога, своего Творца и Спасителя.**

Число политико-правовых учений и типов правопонимания не обуславливает само по себе развитие знания о праве. Развитие в духовной сфере познаний о Праве давно прекратилось.

В западном либеральном обществе *liberte* означает свободу от нравственных табу, *egalite* – уравнивание греха и добродетели с ниспровержением богоданной иерархии («Почитай отца и мать»), *fraternite* предполагает братство избранных; подменяются исконные смыслы величайших слов и понятий, формулируются идеалы для профанов и скрываются истинные намерения. Все три составляющие великой либерально-демократической триады на поверку оказываются либо лживыми, либо несущими в себе совершенно иной смысл. Далеко не все образы жизни имеют одинаковую духовную и социальную ценность, поэтому сообществам людей приходится нести ответственность за сделанный ими выбор образа жизни.

«Для того, чтобы вывести юриспруденцию на уровень науки XXI в. необходимо, во-первых, взять на вооружение правоведения достижение человеческого духа – высшие цен-

ности философского постижения мира, духовной культуры, морали, высокие гуманитарные идеи, во-вторых, с учетом новых материалов попытаться выйти через анализ самой правовой материи на новый уровень науки. И тогда окажется, что «секреты» права на таком уровне – это и есть высшие человеческие ценности, которые как раз и отвечают глубоким потребностям в праве сообщества людей в нынешнюю эпоху существования и развития человеческого рода», – к такому глубокому выводу пришел в результате многолетнего поиска права в одной из поздних своих работ С.С. Алексеев¹⁸⁰.

Установление ценностного ядра права, исследование сущности права осуществляется в современной юриспруденции, как правило, на онтологическом уровне (то есть фиксируется то, что поддается эмпирическому анализу). Это происходит потому, что общество понимается как конечная реальность, поэтому вся правовая проблематика уместается в социальной сфере. Но есть более глубокое измерение – духовное, метафизическое, экзистенциальное – которое по настоящему и позволяет познать сущность права.

Некорректно высший духовно-ценностный уровень сводить к низшему (более низкому в иерархической системе ценностей) – к утилитарно понимаемой пользе, потребностям и интересам, социально-экономическому, рациональному, физиологическому, волевому, сексуальному уровням. В науке такой прием объяснения более высокого менее высоким называется профанацией, спекуляцией на понижение, редукционизмом. Редукционистская трактовка сущности права игнорирует религиозно-нравственные ценности, отчего Право утрачивает духовный смысл, не может выполнять своих неотъемлемых функций, не способно стать смысловым центром, вокруг которого формируется правовое мировоззрение.

¹⁸⁰ Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. С. 24-25.

Целью религиозно-нравственной оценки Права в конечном счете является стимулирование духовного возвышения общества. Правильность духовного мира превращается в решающее условие подлинной свободы, когда человек оказывается способным самостоятельно и без внешнего принуждения совершать нравственные поступки.

Истинно свободная личность лишь та, которая понимает пределы своей свободы. Настоящая свобода начинается только тогда, когда человек знает о существовании жестких границ, которые он не имеет права переступить. Границы эти были сформулированы в Десяти заповедях Господа Иисуса Христа – Божественных правилах человеческой жизни. Западная цивилизация, рационалистически осмыслив библейские заповеди и подменив и выхолостив их суть, построила свое либеральное законодательство. Это законодательство все разрастается в размерах, но не приводит к духовному росту людей; оно требует внешнего подчинения без внутренней самоотдачи; оно апеллирует к низменным инстинктам человека, превращая его в послушное животное.

Таким образом, категории свободы, справедливости, равенства, достоинства, интереса, воли не могут претендовать на статус абсолютных ценностей, которые можно заложить в сущность права. Это обусловлено соображениями безопасности личности, общества и государства. Перечисленные категории не исчерпывают сущности права. Сущность русского Права отражают абсолютные духовные (православные и морально-нравственные) идеалы ИСТИНЫ (ЛЮБВИ), ДОБРА и КРАСОТЫ.

Глава 2.

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

2.1. Право и Правда (нравственная основа права России)

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы была чиста и внешность их» (Мф. 23, 25-26).

Упадок нравственности в современном обществе оказывает пагубное воздействие на отношение людей к праву. Господствующие учения о связи права и нравственности постулируют догму об автономности последних либо их частичном взаимодополнении.

В русской философии права вопрос о соотношении права и нравственности всегда был одним из главных. Общественное сознание на Руси на протяжении многих веков формировалось как этикоцентристское, в котором вопросы морали и веры занимали центральное место. В трудах правоведов И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, Б.А. Кистяковского, А.С. Яценко, И.В. Михайловского утверждался вывод о тесном взаимодействии права и нравственности.

Начиная с советского этапа своего развития, отечественная юридическая наука сменила акценты в изучении обозначенной проблемы, но не оставила своего интереса к ней. В 1976 г., определяя статус юриста, С.С. Алексеев писал: «Юрист – это специалист, сведущее лицо в юриспруденции,

обладающее профессиональными (фундаментальными и специальными) правовыми знаниями и умеющее применять их в практической деятельности»¹⁸¹. В приведенном определении игнорируется, что нравственное начало, моральные нормы – главное в работе юриста. *Именно нравственная составляющая обуславливает социальную ценность юридической профессии.*

В XXI в. государства, обладающие самыми мощными полицейскими структурами, оказываются бессильны и неспособны в борьбе с терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью. Обыденность чудовищных по своему характеру преступлений и их рост в «цивилизованных» и «развитых» странах, невольно вызывает вопросы: в чем заключается прогресс человечества? Затрагивает ли он нравственность или относится только к материальному производству и потреблению? Не является ли технический прогресс ширмой, скрывающей стремительное разложение моральных устоев «демократического общества»? Очевидна востребованность другой иерархии ценностей.

Под *нравственностью* можно понимать *особое духовное состояние человека или сообщества людей, характеризующееся воздержанием от зла и злых намерений и добровольным деланием добра с чувством любви и уважения к окружающим людям, обществу, природе, Отечеству.* Этика же представляет собой область научных знаний, в которой предметно изучается нравственность (мораль).

Рассмотрим далее высказанные в юридической литературе наиболее типичные взгляды на соотношение права и нравственности. О.Э. Лейст доказывал, что «право и мораль – совсем разные, между ними больше различий, чем сходства. ...Мораль не лучше права, а право не хуже морали. Они – разные. В отличие от морали право дает возможность насилие зловердных людей ответить силой государственного

¹⁸¹ Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. М., 1976. С. 73.

принуждения, за зло воздать злом, к чему мораль не способна»¹⁸². По мнению С.С.Алексеева, «бытующий взгляд о некоем превосходстве морали, о якобы присущем ей первенстве в отношении права не имеет сколько-нибудь серьезных оснований. Более того, нужно полностью отдавать себе отчет: негативные стороны характерны не только для юридического регулирования (в частности, крайняя, порой предельная формализация правовых установлений, их зависимость от усмотрения власти), но в не меньшей мере и для морали как нормативно-ценностного регулятора. Наряду с общепринятой и передовой моралью существует и занимает крепкие позиции мораль отсталая, архаичная, фиксирующая порядки, отвергнутые историей и прогрессом»¹⁸³. В.Е. Гулиев и Ф.М. Раянов высказались в цикле своих общетеоретических работ против отождествления права и нравственности. Либертарные юснатуралисты отмечают как недостаток смешение права с неправовыми явлениями – с моралью, религией и т.д. В.А. Четвернин противопоставляет «правовое и неправовое (силовое, моральное, религиозное) социальное регулирование»¹⁸⁴. Либералы наших дней оказываются поразительно солидарными с нормативистами советского периода, которые писали: «На самом деле право не является частью морали, как и мораль – частью права. Ни одна из этих категорий не подчинена другой, и не соотносится как частное с общим. Таким образом, мораль не противостоит праву как нечто общее и основополагающее, и наоборот»¹⁸⁵. В свою очередь, все приведенные суждения созвучны радикальным воззрениям немецкого философа, теоретика анархизма М.Штирнера, который объявил религию «уродливым порождением сознания

¹⁸² Лейст О.Э. Сущность права. М., 2004. С. 168, 189.

¹⁸³ Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 58.

¹⁸⁴ Четвернин В.А. Введение в общую теорию государства и права. М., 2004. С. 15.

¹⁸⁵ Ханай Г. Социалистическое право и личность. М., 1971. С. 204.

отдельной личности», трактовал понятия «человек», «право», «мораль» как призраки, не имеющие реального обоснования, утверждал, что источник права – в силе личности¹⁸⁶. Очевидно, что современные либералы своими концепциями подготавливают переход к господству идей, которые в XIX в. откровенно высказал Штирнер, но несколько опередил свое время.

Многие представители отечественной юриспруденции с XIX столетия и поныне некритически воспринимают концепции своих западноевропейских коллег. Так, П.И. Новгородцев на основе либерального правопонимания писал, что «разграничение областей юридической и нравственной сказывается лишь в эпохи более развитой культуры. И для права, и для нравственности их тесная связь оказывается с течением времени неудобной; обе сферы отношений стремятся к отделению друг от друга. Отделение права от нравственности вызывается развитием общественной жизни, когда более сложные отношения и более частые столкновения отдельных лиц заставляют позаботиться об установлении более твердых основ юридического оборота»¹⁸⁷. П.И. Новгородцев констатировал несводимость права и нравственности друг к другу и устанавливал связь обоих начал на почве естественно-правовой идеи.

Г.Ф. Шершеневич, воспроизведя в своем труде термин «нравственное право», ставил вопрос – это все-таки нравственность или право?¹⁸⁸ Б.Н. Чичерин также выступал против смешения права и нравственности, за их трактовку в качестве самостоятельных начал, хотя юридический закон и нравственный закон имеют общий источник – признание человеческой личности. «Право, – отмечал он, – не есть только низшая

¹⁸⁶ История философии права. СПб, 1998. С. 377.

¹⁸⁷ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 107.

¹⁸⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 1. С. 35.

ступень нравственности, как утверждают морализующие юристы и философы, а самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека. Эти корни лежат в потребностях человеческого общежития»¹⁸⁹. Как это похоже на взгляды П.А. Кропоткина и Ч. Дарвина, рассматривавших человеческую мораль как развитие социальных инстинктов животных. Г. Спенсер считал нравственное поведение частью поведения высших животных. Он указывал, что нравственное поведение человека лишь более совершенным образом приспособлено к разнообразным целям. При этом «хорошим» поведением, по мнению Г. Спенсера, является то, которое содействует самосохранению, а «плохим», соответственно, то, которое ведет к самоуничтожению. Наивысшая цель – достижение высшей суммы жизни для себя, ближних и потомков, под чем Г. Спенсер понимал превышение удовольствий над неудовольствиями¹⁹⁰. Таким образом, авторы этой школы вплотную подошли к позициям гедонистической и утилитаристской этики.

Неопозитивистская школа Г. Кельзена утверждала независимость юриспруденции от нравственных абсолютов. Кельзен писал, что закон не может быть хорошим или плохим, он может быть только действующим. Представитель либертарного юснатурализма Д. Ллойд противопоставляет право морали и религии, которые, по его мнению, говорят на разных языках и противоречат друг другу¹⁹¹. Право и нравственность – это две совершенно самостоятельные области, полагал Фихте, не имеющие между собой ничего общего. Фихте выводил право из самостоятельного источника, а именно из необходимых, данных самой природой, отношений между разумными и свободными существами. Здесь-то, по его мнению, право и заимствует свою силу, а вовсе не из нравственных начал. Фихте

¹⁸⁹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 91.

¹⁹⁰ Антология мировой правовой мысли в 4-х тт. М., 2005. Т. 3. С. 121.

¹⁹¹ Ллойд Д. Идея права. М., 1999. С. 54.

даже говорил, что в области права только физическая сила дает надлежащую санкцию. Крупный представитель юридического позитивизма в Англии Х. Харт считал, что нет связи между существом закона и его моральной оправданностью. Задолго до него другой английский мыслитель Дж. Остин выносил нравственную оценку права за рамки юридической теории. Еще раньше Цицерон заявлял, что в обучении юриспруденции можно следовать двум традициям: учить пользоваться законом либо учить справедливости¹⁹². *Остается только поражаться единодушию позитивистов и юснатуралистов в противопоставлении ими права и нравственности.*

Не нужно думать, что в истории правовых учений не было авторов, писавших о тесной связи нравственных и правовых начал, но они были преимущественно российскими правоведами и никогда не составляли большинства (назовем И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, Л.И. Петражицкого, А. Валицкого, А.М. Величко, Ю.Н. Власова, В.Н. Жукова, В.В. Иванова, А.К. Казьмина, В. Ломовского, И.Д. Мишину, Ю.Е. Пермякова, О.И. Цыбулевскую, В. Цыпина, А.Н. Шитова).

Уже в конце XIX в. в отечественной юридической литературе делался вывод: «Говорящие ныне о гибельности мира страдают тем же, чем и отцы их: они воплощают восхваляемые начала в учреждениях внешних, сердце же их «далече отстоит от Меня, все же чтут Мя», так сказал бы о них Господь наш. До того расслабло сердце современного человека, что ни искренно чувствовать не хочет он того, что признает умом, ни жить так, как чувствует сердце. И вот все остается прежнее: прежняя холодность к нуждающимся и страдающим, прежняя ненасытимая жажда удовольствий и увлекающая борьба неукротимых честолюбий, прежнее равращение

¹⁹² Антология мировой правовой мысли в 4-х тт. М., 2005.

нравов»¹⁹³. *Последовательно исключая из своих работ понятия о пороке и добродетели, о нравственности и безнравственности, об извращении нормы, ученые-юристы стерли понятие о грани между добром и злом в правовой сфере.*

О. Шпенглер высказал замечательную мысль: «Цивилизация» Ф. Хайека, «открытое общество» К. Поппера в своей всепоглощающей страсти к эгалитаризму уничтожают все культурные потоки и бросают вызов всем великим духовным и национальным традициям человечества, чтобы обеспечить свое псевдобытие – историю без нравственного целеполагания. Это конец не только либеральной истории, о чем возвещал Ф. Фукуяма, это окончательный закат Европы»¹⁹⁴.

В современной России, пребывающей в затянувшемся на столетие переходном периоде, нравственность и право все более разобщаются, целенаправленно отдаляются друг от друга. *В условиях, когда рыночная демократия почитается целью общественного развития, деньги и имущественные блага рассматриваются в качестве первичных ценностей, а духовные абсолюты – в качестве производных, искусственных и вторичных.* Иерархия ценностей в XXVIII столетии была основательно потрясена, а к концу XX в. – перевернута.

Осквернение нравственности состоит в придании моральным нормам опосредованного вида, переводе их на язык процедур и технологий – в этом случае нравственность уже не воспринимается как Абсолют, как высший и непреременный Принцип здоровой духовной жизни людей. Заметим, что в роли изгоя оказалась не только мораль с ее очевидными заповедями, но и наука, и просвещение, и культура, взятые в их собственном смысле. В стане всего духовно подлинного и высокого у врагов человечества нет никакой опоры, никаких

¹⁹³ Янышев И. Православно-христианское учение о нравственности. СПб, 1887. С. 14.

¹⁹⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 353-354.

союзников, Вот почему они с таким ожесточением преследуют все духовное (религиозное, нравственное) и всеми силами насаждают культ примитива.

Человеческое общество со смирением, достойным лучшего применения, приняло опошление общих нравственных понятий. Так, было опорочено в глазах людей понятие «нравственный закон», связанное изначально с христианским законом. В теории «правового государства» доминирует англо-саксонский постулат: «Все, что не запрещено законом прямо, то дозволено», который максимально отдаляет закон от нравственной оценки. Представление о тождестве правонарушения и греха исчезает. Источником нравственности становятся не представления о добре и зле, а сами законодательные предписания, постоянно меняющиеся и отражающие лишь компромисс с обстоятельствами. Указанный постулат получил воплощение во французской Декларации прав человека и гражданина, в целом ряде основных законодательных актов стран мира, нашел обоснование в трудах Канта, Гумбольдта, Бентама и других либеральных мыслителей¹⁹⁵.

О.Э. Лейст попытался следующим образом объяснить патологию безнравственности юридического порядка: «Можно предположить, – писал он, – что «моральное право» когда-то соревновалось с юридическим правом и в этом соревновании потерпело поражение. На одну и ту же вещь не могут одновременно существовать у разных субъектов два разных права – одно юридическое, другое моральное. Моральное право, при его конкуренции с юридическим, будет либо запрещено, либо преобразовано в юридическое право»¹⁹⁶. Тут юристам нечем гордиться – право обеднило себя и утратило свою идентичность, лишившись нравственной составляющей.

¹⁹⁵ Антология мировой правовой мысли. М., 2005. Т. 3. С. 153.

¹⁹⁶ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2004. С. 178.

Важная грань проблемы взаимоотношений нравственности и права – это определение самой нравственности как феномена вечного, универсального по своему содержанию, воплощающего ценностные абсолюты, общечеловеческое, а не групповое, корпоративное или эгоцентрическое. Довольно релятивистским представляются определения, данные Н.М. Коркуновым праву (это охрана или разграничение интересов) и нравственности (это оценка интересов)¹⁹⁷. Н.М. Коркунов полагал, что законы, управляющие явлениями органического и неорганического мира, применимы и к социальной жизни без всяких изъятий, выступал за социально-психологический детерминизм (закон психической наследственности). *В действительности же нравственность ориентируется на высоту духовного (Божественного) начала, а не на корыстные интересы либо нормы человеческого поведения, формирующиеся в обществе. Чем более нравственность зависит от абсолютности духовного Абсолюта, сроднена с ним, тем значимее ее роль для общества.* Для светского сознания характерно отрицание нравственного идеала в силу его «идеализма», ограничение сферы нравственности исключительно внутренним миром одиночек-чудаков.

Е.Н. Трубецкой в свое время полагал, что «естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи»¹⁹⁸. Эту мысль в радикальной трактовке повторяют современные либертарные юснатуралисты: «Правовая свобода не знает, что такое «хорошо» и что такое «плохо» (свобода мнений и убеждений). Право не может запрещать одни нравы в угоду другим. Оно в равной мере признает любые групповые и общесоциальные нравы, ценности при условии, что эти

¹⁹⁷ Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 194.

¹⁹⁸ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 74.

правы и ценности не противоречат всеобщей равной свободе»¹⁹⁹. Этим достигается, как минимум, две задачи: во-первых, либералы требуют от права беспристрастного служения злу и добру одновременно, а во-вторых, внушается мысль о существовании бесконечного многообразия видов нравственности (тогда безнравственность – всего лишь частный случай нравственности).

И если мерилom нравственности выступают меняющиеся на различных ступенях развития понятия и нет нравственной константы, имеющей объективное значение, как постулируют юснатуралисты, для каждого человека нравственно то, что он считает нравственным для себя, на свете столько нравственных законов, сколько есть людей. Если закон добра имеет субъективный характер, то он меняется по мере того, как изменяются представления о добре, в таком случае о каких-либо вечных истинах в нравственной сфере не может быть и речи. Тогда в мире нет вообще ничего постыдного и недозволенного, доброго и недоброго. Следовательно, в мире торжествует свободная воля и субъективное мнение сильного – это и преподносит в закамouflированном виде «великая» либеральная идея.

Адепты либерализма уже добились тяжелейшего кризиса в политике, следующим был подготовлен кризис в праве. Кризис права и политики состоит в безнравственности и цинизме, двойных стандартах. Американский исследователь русского права Д. Бербанк дает рекомендацию: «Я утверждаю, что правовая культура основывается на признании гражданами закона в качестве предпочтительного средства урегулирования конфликтов и наказания зла; что такое признание может быть возвращено в России при помощи дифференцированной судебной системы и пересмотра этических

¹⁹⁹ Четвернин В.А. Введение в общую теорию государства и права. М., 2003. С. 44.

норм поведения»²⁰⁰. В настоящей же монографии обосновывается мысль о том, что *накопление и фактическое перепроизводство («инфляция») законодательства не решило ни одной социальной проблемы в стране. Более того – переизбыток законов внушает населению неуважение к закону и правовой системе в целом.*

Либералы не только провозгласили пересмотр нравственных абсолютов, но и приступили к практическому осуществлению этого многовекового замысла, уходящего историческими корнями в спесивую гордыню первого либерала – сатаны, решившегося на либеральную революцию против Бога и его абсолютов и попытавшегося поравняться с Богом. В конце XX в. Европейский суд по правам человека (пятнадцатью голосами «за» при четырех «против») создал не только новую норму общего права Европы, но и современную «норму морали». Суд пришел к выводу о неоправданном законодательном ограничении для лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, поскольку речь идет о «приватных гомосексуальных контактах совершеннолетних лиц»²⁰¹. В данном случае нормотворцы утвердили в законе порок, а не добродетель. И если все законы будут такими, можно представить себе их апокалипсические последствия.

Не все так просто и с мнением либералов о множественности видов нравственности. В юридической науке заявлено об отсутствии человеческой нравственности вообще, поэтому упоминаются «буржуазная мораль», «пролетарская мораль», «крестьянская мораль»²⁰², «мораль реформаторов», «мораль интеллигенции»²⁰³ и т.д. Даже различия между моралью и

²⁰⁰ Американская русистика. Самара, 1999. Т. 1. С. 274.

²⁰¹ Европейский суд по правам человека: документы и материалы. М., 2006. С. 178.

²⁰² Карева М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951.

²⁰³ Жуков В.Н. Право и нравственность в русской школе «возрожденного» права // Право и политика. 2001. № 1. С. 18.

нравственностью авторы стали определять в том, что нравственность есть якобы своеобразное понимание добра каждым человеком в отдельности и по-своему, а мораль – это якобы групповое, корпоративное понимание добра в пределах профессиональной, национальной и проч. ограниченности²⁰⁴. В высших учебных заведениях России по дисциплине «Этика» ставятся вопросы «Этика Кропоткина», «Этика Соловьева» и т.п. Последствия этого для самих нравственных оценок оказываются катастрофическими. Даже нравственные запреты на убийство и лжесвидетельство утрачивают универсальный характер в глазах модного в современном мире либерализма.

Православие не имеет разных масштабов морали, но употребляет один и тот же масштаб в применении к разным положениям в жизни. Оно не знает и разной морали, мирской и монашеской, различие существует лишь в степени, в количестве, а не в качестве. Стремление превратить мораль в утилитарный инструмент оборачивается утилизацией абсолютных нравственных ценностей. В результате право лишается твердой опоры, а правотворчество и правореализация осуществляются вне и помимо ясных духовных принципов с расчетом на «букву», а не на «дух» юридических текстов и правовых идей.

Абсурдность существования корпоративной нравственности становится очевидной на примере «морали интеллигенции». Ф.М. Достоевский писал, что основной болезнью русского народа является жажда правды, но неутоленная. На глазах простых русских людей, начиная с конца XVII в., рушили основы их жизни, глумились над их святынями. Они видели непонимание и враждебность к себе со стороны господ, включая революционную, разночинную, либеральную интеллигенцию. Русские люди понимали, что по отношению к народу творится несправедливость, неправда, но в душе

²⁰⁴ См. подробнее: Апресян Р.Г. Идея морали. М., 1995; Бачинин В.А. Морально-правовая философия. Харьков, 2000.

остро верил в торжество правды и справедливости. Дело в том, что элита («верхи») российского общества становилась все более прозападной, атеистической, чужеродной по духу и даже по национальному составу русскому простонародью, а простой народ действительно сохранял и бережно передавал своим потомкам традицию соблюдения вечных нравственных абсолютов, сформулированных в десяти Заповедях Господа Бога. Значит, речь нужно вести не о многообразии видов нравственности, а о том, что часть общества нравственность соблюдает, а часть – игнорирует.

То, что отдельные представители человеческого общества в различные эпохи представляли себе абсолюты нравственности неодинаково, еще не позволяет отвергать неизменность нравственности. Свойство вечных законов, вечных истин таково, что они существуют независимо от того, осознаются они или не осознаются всеми людьми без исключения, большинством либо меньшинством. Даже законы алгебры имеют незыблемое значение, хотя их не все понимают. *Эволюция субъективных представлений о добре – еще не свидетельство, что изменилась суть добра. Она может свидетельствовать о духовном росте человечества либо падении.*

Человеческое сознание либо совершенствуется, либо деградирует относительно одной неизменной сущности нравственности. По мере дальнейшей деградации либерального общества нравственные абсолюты добра просто не усваиваются людьми. Признание Высшего, Божественного нравственного закона, которому подвластны законы человеческого общества, позволяет обрести надежный критерий для принятия правомерных решений. Высший нравственный закон освобождает индивида от обязанности выполнять предписания действующего светского законодательства в случае их безнравственного характера.

Посредством идеи о множестве видов нравственности общество лишается критериев права. Переменные величины

не могут выступать критериями чего-либо. Нравственность же возникла не стихийно в народной практике, как утверждает светская наука, она дана Богом в его заповедях и вписана в сердца человеческие (совесть). Поэтому нравственность является величиной константной. Для константы характерно быть критерием, например, правового закона или правомерного поведения. Человек ничего константного не придумывает, он открывает его. Конституцию и законы государства и общества менять можно, а Библию нельзя.

Нравственность как постоянно присутствующий концепт является константой права вне зависимости от осознания этой истины людьми. В силу своей абсолютности нравственность придает нравственное качество решению суда, криминалистической тактике следователя, позиции обвинителя и защитника в юрисдикционном процессе.

Выражение «нравственный закон» в современной юриспруденции почти не употребляется, между тем как оно выражает суть рассматриваемого концепта. Именно нравственный закон, закрепленный в Библии и совести человека, позволяет индивиду правильно распорядиться свободой воли. «Категорический императив» И. Канта не может заместить собой нравственного абсолюта. Более того, при рассмотрении права И. Кант отвлекался от моральных критериев для того, чтобы «постигнуть самую суть права». Все исследователи права в так называемом чистом виде (и позитивисты, и юснатуралисты) отсекали нравственность от права, а в результате обедняли свои выводы.

Логика категорического императива И. Канта такова: норма, которую я устанавливаю для себя, лишь в том случае обретет характер абсолютного и высшего правила, когда она совпадает с собственно всеобщим и необходимым законом, которому я как разумное существо должен подчиниться. При этом категорический императив не есть некий естественный

закон – в противном случае речь о свободе вообще не была бы возможной, ибо в природе нет свободы, – он есть некая нравственная инстанция, присущая разуму. Следовательно, эта моя личная норма должна являться выражением нормы всеобщей и абсолютной и устанавливаться исключительно на основании ее. Свобода, являясь у Канта, источником нравственного закона, по мере того, как он становится тотальным и обязательным, устраняется: на ее место водворяется «произвол закономерности и долженствования»²⁰⁵, и уйти от этой «всеобщей разумности», ставшей чем-то вроде фетиша, частному человеку можно лишь в иррациональное, в безумие, в абсурд.

Если признать, что нравственность есть всего лишь результат исторической эволюции либо продукт человеческого разума, мы не будем иметь никакого объективного, абсолютного критерия для оценки правовых явлений и процессов. Права человека, мифологизированные либертарной юриспруденцией, не могут рассматриваться в качестве критерия нравственности, как это предлагает О.И. Цыбулевская²⁰⁶, ибо права человека – есть идеологическая, а не нравственная категория. Человечество подошло к рубежу, когда жизненно необходимо признать приоритет нравственности над разумом.

Совершенно очевидно, что невозможно примирить либертарное понимание морали с нравственным чувством русского народа, а тем более навязать ему это понимание. У русских испокон веков под именем добродетели разумеется свободное, сознательное, искреннее и постоянное исполнение нравственного закона Божьего из чистой и добровольной любви к Богу²⁰⁷. Только поставив нравственный закон в связь с Абсо-

²⁰⁵ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 297.

²⁰⁶ Цыбулевская О.И. Мораль. Право. Власть. Саратов, 2004. С. 20.

²⁰⁷ Подробнее об этом: Казьмин А.К. Нравственное право // Закон и право. 2003. № 10. С. 7-10; Величко А.М. Философия русской государственности.

лютной Первоосновой мира – Богом, мы можем понять безусловный характер нравственности. И каким убожеством мысли веет от всех попыток заменить нравственный абсолютизм и вытекающие из него постулаты той пародией, той квази-этикой, которая называется в литературе групповой, классовой и профессиональной моралью. Вера в объективный, неизменный закон добра, существующий независимо от наших несовершенных понятий о нем, составляет необходимое предположение нравственности. В нравственном мировоззрении выражается сознание основного начала, выраженного во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей человеческой любви, которая не ограничивается одной сферой внешнего поведения, но охватывает собой и внутреннюю сферу душевного состояния (идей, чувств, настроений и т.п.). Именно в заповеди любви выражается не преходящая точка зрения той или иной эпохи, а вечная константа добра, остающаяся истинной независимо от того, доросли ли люди до ее понимания.

В период социальных катаклизмов последних ста лет в нашем Отечестве были проигнорированы нравственно-духовные и исторические традиции России, вследствие чего разрушена прежняя система нравственных ценностей. На такой почве мы не можем рассчитывать на державное строительство или возрождение права в собственном смысле слова. *Кризисные процессы в разных сферах общества явно вторичны по отношению к моральному кризису.* Падение нравственности страшнее падения объемов производства.

СПб, 2001; Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX-начала XX вв. // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 21-28; Власов Ю.Н. Власть, право, мораль: категориальная проблематика в актуальных идеях русской философии. М., 1998; Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004; Шитов А.Н. Моральные основания права. М., 1996.

В конце XIX в. в энциклопедии «Россия» В. Нечаев писал: «Русское гражданское право как в своем историческом развитии, так и в современном состоянии, в противоположность римскому и новому западноевропейскому, характеризуется неопределенностью форм гражданско-правовых отношений и, особенно, невыработанностью отдельных правомочий и обязанностей, связываемых, для отдельных лиц, с наличием между ними того, или другого отношения (субъективных прав и юридических обязанностей). Это стоит в прямой связи с историческим складом русского гражданского общества и отношением его к власти, определявшей теперь формы проявления правовой жизни (источники права)»²⁰⁸. Характерная черта русской традиционной жизни, ее константа – незнание каждым отдельным гражданином формальных законов государства, и более того – недоступность текста законов для его сведения. Первое издание Полного собрания законов состоялось только в 1832 г. Законодательство Российской Федерации многочисленно, и хотя своевременно публикуется в открытой печати, но также недоступно основной массе населения (недоступно для понимания). Но в дореволюционной, Императорской России существовало весьма отчетливое – скорее инстинктивное, нежели сознательное – представление о том, что не всякое, хотя и официальное волеизъявление монарха, каково бы ни было его содержание, является законом. В России образца 1990-х гг. акты главы государства не исполнялись даже нижестоящими чиновниками.

«Словарь русского языка в 4-х томах» начинает слово «закон» прямо с ошибочного определения: «Закон. – 1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой»²⁰⁹. Русские люди на протяжении веков привыкли воспринимать слово «закон», главным образом, как

²⁰⁸ Нечаев В. Россия: Энциклопедия. СПб, 1888. С. 529-530.

²⁰⁹ Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. М., 2001. С. 192.

«Закон Божий». Так, «Словарь Академии Российской» (1809 г.) под этим словом дает следующее понимание: «Закон. – 1. Предписание, правило, учащее, что делать и чего не делать; 2. Определенный образ Богопочитания, содержимый известным народом; вера: Закон христианский, иудейский, магометанский». Далее следуют примеры – сочетания слова «закон» с тем или иным прилагательным: законы церковные, гражданские, поместные, воинские; законы естественные – «Суть чувства и врожденные понятия о справедливости, влияющие Создателем в людей»²¹⁰. Таким образом, первым главным значением слова «закон» на Руси оказывается Закон Божий, вторым значением – закон нравственный или моральный, третьим – предписание общества.

Отмеченная «врожденная» черта русского понимания закона сохраняется в той или иной степени на все последующее время, вплоть до наших дней, как его формальная невыработанность, но доступность для христианской совести. Применительно к законам русской традиции вполне подходит выражение: «Незнание закона не освобождает от ответственности», потому что русские никогда не стремились знать казенные нормативные документы, но старались разрешать споры по совести, то есть на основе особого правочувствия, подкрепленного живой православной христианской верой и горячей молитвой. Осуждать за это целый народ, а равно нации, воспитанные в русской духовной культуре – дело исторически безперспективное.

Для истории языка любопытно производно «законнику», которое в древнейших памятниках нередко употребляется в значении формального исполнителя нормы. В любой европейской культуре понятию «закон, законность» противостоит, конечно, «беззаконие». Но в русском менталитете закону противопоставлено и еще нечто, не скверное («беззаконие»), а нечто хорошее, доброе, положи-

²¹⁰ Словарь Академии Российской. Ч. II. СПб, 1809. С. 208.

тельное. За сферой закона, по русским представлениям, лежит еще – более обширная – область добра, совести и справедливости хотя и не регламентированная скрупулезно. Это и есть особенное русское противопоставление. Оно многослойно и предполагает синтез правовой сферы.

Прежде всего, закону формальному, юридическому, противопоставит правда – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть. С другой стороны, когда формальный закон торжествует, когда появляется наказанный преступник, то к концепту «закон» присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. «Осужденный – несчастный» вот краткая формулировка этого русского понятия. Это выразил Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя за 1873 г.»: «Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником»²¹¹. Представление это глубоко русское, народное. Даже ультралиберальный в начале своего пути А.И. Герцен отмечал: «русский народ обозначает словом несчастный каждого осужденного законом»²¹². Можно вспомнить, что и Н.А. Некрасов в поэме «Несчастные» (1856 г.) в том же смысле писал об осужденных на каторгу.

Подобные факты, воскрешаемые в нашем национальном самосознании, позволяют по-новому взглянуть на древний китайский афоризм: «Закон есть нищета морали» и согласиться с ним. Возрастающее количество принимаемых государством формально определенных нормативных актов свидетельствует о падении нравственности людей, которые в случае помрачения своей совести нуждаются во внешнем попутании.

На Западе главным всегда было внешнее урегулирование актов внешнего поведения, на Руси же – воспитание

²¹¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. 21. С. 17-18.

²¹² Герцен А.И. Собр. соч. М., 1956. Т. 7. С. 263.

духа, совести народа. В понятиях Святой Руси право, закон должны носить прежде всего нравственный, а не формальный характер, соответствовать Правде, заложенной в Заповедях Божиих. Нравственный закон считался выше закона писаного, формально-юридического. Слово «Правда» вошло в название первого русского сборника законов «Русская правда».

Как справедливо отмечал И.Л. Солоневич, русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше официального закона и закону отводит только то место, какое ему надлежит занимать²¹³. Когда государственный юридический закон вступает в противоречие с человечностью – русское сознание отказывает ему в повиновении. Либеральная интеллигенция делает из этого факта нечистоплотное обобщение о правовом нигилизме русского народа. В действительности же, задолго до западноевропейской дискуссии о естественном праве, митрополит Илларион, основываясь на традиции христианского и русского миропонимания, написал труд «Слово о Законе и Благодати», в котором впервые адекватно истолкована разница между законом и Правом. Формальному закону, согласно митрополиту Иллариону, противостоит жизнь по душе (а всякая душа – христианка), по Правде, по Божьим заповедям.

Даже в советский период отечественные ученые, занимающиеся проблемами толкования права, утверждали, что юридический закон можно выполнять по букве и по духу. Значит, советские правоведы имели в виду в праве наличие глубинного плана, сложившегося под влиянием некоего благодатного Духа, а значит – Святого Духа. И в русском языке и в отечественном правосознании эта константа себя обнаруживает до настоящего времени. Духовные смыслы, как особый генетический код нации, непросто преодолеть.

²¹³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2002. С. 254.

Многие отношения на Руси регулировались правом: но не в форме законов государства, а совестью и обычаем (укладом глубоко верующей крестьянской общины). Русское правосознание было ориентировано на жизнь по совести, а не по формальным правилам. Фраза Л.А. Тихомирова: «Никогда русский человек не верил и не будет верить в возможности устроения жизни на юридических началах»²¹⁴ нисколько не отвергает того факта, что тяга русских людей к живой правде всегда носила правовой смысл. *Ибо, как минимум, со времен митрополита Иллариона юридические предписания признавались вспомогательным, крайним и вынужденным средством по отношению к первичным нравственным абсолютам права.*

Этим отечественное традиционное правосознание отличается от западного. «Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо», – писал И.А. Ильин²¹⁵. Вот почему для западного обывателя любой преступник – злодей, а для русского человека – жертва обстоятельства. «Несчастному милость творить – с господом говорить», – гласит русская пословица. «Милость – подпора правосудию», «Закон – дышло, куда пошел, туда и вышло», «Закон, что паутина: шмель проскочит, муха увязнет», «Законы святы, да законники – лихие супостаты», «Не бойся закона – бойся судьбы», «Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы», «Кто законы пишет, тот их и ломает» и т.д. **Когда государственные законы служили средством притеснения людей, русские люди не уважали их, т.к. не имели для этого достаточных оснований. Но у людей сохранялась вечная правда Божьих заповедей и вера в заступничество Бога-Спасителя. В данной традиции право и нравственность образуют органическое единство.**

²¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1905. С. 11.

²¹⁵ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 4. М., 1996. С. 324.

Самым главным богатством любого государства И.Т. Посошков в начале XVIII в. считал твердые нравственные устои и незыблемый правопорядок, которые он в соответствии с отечественной правовой традицией обозначал словом «правда». Секулярное сознание современных российских людей не воспринимает очевидного родства слов, выражающих разные грани единой сущности – «ПРАВДА», «СПРАВЕДЛИВОСТЬ», «ПРАВО». За однородностью понятий права и правды скрывается таинство неразрывного единства права и нравственности в рамках русской духовной традиции. Все возможные различия между правом и нравственностью в коренном российском правосознании снимаются в понятии «Правда».

В русской традиции морально-нравственные ценности имеют особенную значимость относительно других ценностей. Они обретают конкретный вид в качестве идеалов Правды, деятельного добра и высшей справедливости. Исключительно самобытное русское слово «право», не имеющее прямых аналогов в других языках, имеет источником своего происхождения слово «правда». Русское право произрастало из традиционной нравственности древнерусских племен.

В. Даль под словом «правда» дает определение: «Праведность, законность, безгрешность». Словарь А. Ушакова продолжает: «Правда. – 1. То, что соответствует действительности, что есть на самом деле, истина... 3. Идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов». Получается, что понятие правды в русском сознании обозначало то явление, которое в современном языке именуется нравственностью.

Но помимо прочего правда представляет собой истину на деле, истину в образе добрых деяний. Одно из высших представлений Святой Руси: «Не в силе Бог, а в правде». Среди

многочисленных пословиц русского народа о правде назовем еще несколько показательных: «Не ищи правды в других, коль в тебе ее нет», «Дело делай, а правды не забывай», «Правда суда не боится», «В ком правды нет, в том добра мало».

Такое правосознание вовсе не означало анархии в народной жизни. В России сложились достаточно жесткие и строгие нормы поведения в среде коренных русских людей, прежде всего крестьян. Эти нормы устанавливались не юридическими установлениями, а принципами русского права. Пренебрежение законами государства начавшееся с XVIII столетия, недоверие к нему среди простых людей объясняется тем, что они чувствовали в нем навязанную извне силу, противоречащую не только традиции и обычаю, но и Правде – духовно-нравственным принципам.

Еще Владимир Мономах в своем «Поучении» утверждал, что князь в своих действиях должен руководствоваться именно правдой. Это предполагает праведный суд на основе христианских заповедей («не губите никакой христианской души»); защиту убогого, немощного, слабого («убогих не забывайте, по силам кормите и подавайте сироте и вдовице, не давайте сильным губить человека»), отказ от вражды и кровопролития. Правда в воззрениях и политике Мономаха тождественна нравственности²¹⁶.

С точки зрения таксономики и синтаксиса слово «правда» – не существительное, а особое предикатное слово. Оно из такого таксономического разряда русских слов, в котором состоят слова «хорошо», «плохо», «уютно», обозначающие категорию состояния. Понятие правды обозначает особое духовное состояние, в котором совпадают объективная, данная Богом, истина и внутренняя совесть человека. Слово «правда» предполагает честность, пра-

²¹⁶ Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997. С. 453.

ведность и совестьливость человека, невозможные в понятиях Святой Руси без православной веры в Бога.

В то время, как на Западе придумывали массу слов-обозначений, разрывающих смысл и суть одного единого явления, в русском правосознании укреплялся синтез истины, добра и справедливости в одном понятии – «ПРАВДА». Можно только поражаться духу русского народа, длительное время не допускаящего фрагментации, сегментации и атомизации правовой сферы. Русское сознание сопротивлялось искусственному разрушению, разъятию целостного мира и вполне резонно усматривало в этом проделки лукавого.
Синтезируя в слове «Правда» правовые и нравственные принципы, русский народ сохранял целостное, традиционное восприятие мира.

Следование Правде позволяло избегать противоречий между истиной и справедливостью и разрешать споры по совести. Истина здесь представлена Божьими заповедями, справедливость означает жажду и возможность обретения этой истины, совесть – внутренний нравственный закон, вложенный Богом в сердца людей, а Правда есть синтезированное выражение права и нравственности. В любом случае Правда не возникала стихийно, от эфемерной природы либо вследствие опытного творчества людей; Правда была положена человеку извне в виде Божественной истины и дара совести.

. Выявление изначальных смыслов понятий «правда» и «право» многое объясняет в их последующей эволюции и теперешнем состоянии. Вплоть до половины XX в. в русском сознании Правда означала нравственные принципы; закон – навязанные сверху предписания, средство притеснения, порождающее грех, обиду и преступления, а вот понятие «Право» к этому времени совсем утратило исконный смысл даже в глубинах народного самосознания. Светские ученые-юристы стали использовать слово «право» для подмены – обозначения

плохо адаптируемых на российской почве иностранных юридических регуляторов. С годами понятие Права утратило свой священный смысл и было дистанцировано от понятия Правды-нравственности. Теперь право может олицетворять безнравственность, а в обществе культивируется свобода безсовестности и выбор между одним пороком и другим пороком.

Испокон веков на Руси подлинно правовые нормы несли с собой нравственной обязательство человека их исполнять. Если есть первое, то есть и второе. Поэтому законность-незаконность в российском обществе воспринимается русским народом только нравственно. Этот реликт прошлого, сохраняемый в народном сознании и транслируемый от поколения к поколению, свидетельствует, что когда-то право и нравственность составляли неразрывный синтез.

После этого неприятно читать и слушать, что «наше общественное правосознание только приближается к стадии становления»²¹⁷, в России никогда не было правовой культуры как таковой²¹⁸, «неразвитость общей теории права обусловлена отсутствием в правовой действительности надежных оснований – отсутствие традиций правового мышления, смешение права с моралью, недостаток собственно юридического мышления»²¹⁹.

Пора признаться, что правопорядок в России не восстановить без традиционной нравственности, без сочетания правового и нравственного. Право и нравственность не взаимоисключаемы. **Собственно юридическая регламентация нужна тем, кто не открыл для себя православной истины и для урегулирования третьестепенных вопросов**

²¹⁷ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 276.

²¹⁸ Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 30.

²¹⁹ Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 10.

жизни. Русский народ – народ православный. Формальный закон ему чужд, поскольку он живет по внутренней Правде – истине и справедливости, а внешняя правда отдана государству для борьбы с врагами Отечества.

Без изучения традиционной нравственности невозможно понять специфику российского права. Важность этого подхода заключается, прежде всего в том, что люди, объединенные единой нравственностью, тем самым приобретают культурную идентичность или гомогенность. Это позволяет людям воспроизводить право, видеть в этой деятельности нравственный долг, а само право воспринимать как духовную ценность.

В трудах по теории права и государства существенное отличие права и нравственности выражается в следующей формуле: «Нравственность есть закон внутренний, право – закон внешний; нравственность регулирует внутреннее настроение, право регулирует исключительно внешнее поведение и для права безразлично из какого настроения проистекают действия человека»²²⁰. Е.Н. Трубецкой выразил это доминирующее мнение следующим образом: «До тех пор, пока наши помыслы и намерения не выразились в каких-либо осязательных внешних действиях, праву до них нет дела: человек, только замысливший преступление, но ничего не сделавший для осуществления своего замысла, осуждается нравственностью, но он вовсе не является нарушителем права; вот почему так называемый голый умысел не карается правом уголовным: оно принимает во внимание злое намерение, только если оно выразилось в злых деяниях. Нетрудно убедиться также, что под наше определение права не подходят все те нравственные правила, которые требуют от нас того или другого внутреннего настроения, например любви, доброжелательства или ува-

²²⁰ См.: Ломовский В. Заметки о нравственности и праве // Правозащитник. 1996. № 1. С. 51-58; Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара, 2003.

жения к ближнему»²²¹. Б.Н. Чичерин придерживался той же позиции: «право и нравственность определяют две разные области человеческой свободы: первая касается исключительно внешних действий, вторая дает закон внутренним побуждениям»²²². Ю. Гамбаров понимал под правом «практическое регулирование общественной жизни с целью обеспеченного удовлетворения человеческих потребностей путем установления и осуществления внешне обязательных, не зависящих от воли подчиненных лиц и неприкосновенных до своей отмены норм человеческого поведения»²²³. П.И. Новгородцев постулировал: «Если право и принимает во внимание внутренние мотивы, то не при исполнении, а при нарушении закона, там, где требуется определить виновность лица, что, конечно, не может быть сделано без освещения субъективной стороны правонарушения. Юридический закон и здесь карает внешние деяния, а не внутренние помыслы, привлекая эти последние к своему суду лишь постольку, поскольку это требуется для его специальных целей, т.е. для установления фактов правонарушения»²²⁴. А. Шопенгауэр и др. зарубежные ученые задолго до российских либералов утверждали, что юридический регулятор представляет собой только внешний закон, внешний порядок, который и должен господствовать в человеческом обществе, в том числе над моральными требованиями.

В юриспруденции сложилось господствующее убеждение, будто нормы права не должны предъявлять к человеческому поведению таких высоких требований как нравственные. Правовые нормы-де стоят независимо от внутренних побуждений лица, их исполняющего. Следование правовым нормам

²²¹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 44, 42.

²²² Чичерин Б.Н. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 106.

²²³ Гамбаров Ю. Право в его основных моментах // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 130.

²²⁴ Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 225.

может обуславливаться исканием личной выгоды, страхом наказания и т.п. Но все это, с точки зрения формального момента права, остается безразличным, т.к. центр тяжести лежит не здесь, а во внешнем авторитете, принадлежащем власти. Этот авторитет требует одного лишь внешнего повиновения – все равно, на каких бы мотивах такое повиновение не основывалось.

Данный подход преследует задачу размежевания и противопоставления права и нравственности при полном игнорировании реальности. Дело в том, что ни законодатель, ни правоприменитель не могут рассчитывать на эффективное осуществление права, если граждане проявляют к нему безразличие, недоверие либо внутренний протест. Игнорировать в правотворчестве и правореализации ценностные ориентации народа крайне опасно. Учет внутренней стороны правомерного и противоправного поведения важен на всех стадиях работы механизма правового регулирования.

Расхожее положение юридической науки о том, будто право апеллирует к внешнему поведению, а нравственность – к внутреннему, можно объяснить только глубоким кризисом юриспруденции. Безосновательно, с теоретической, и вредно, с практической точек зрения, заключать право в рамки формального определения, которое рассматривает его как ряд повелений, независимо от внутреннего содержания последних. Допуская подобное упущение, мы размываем различия между правом и законом, а равно между законом и любым произвольным приказом.

Затрагивая тему внешнего и внутреннего в праве, Н.М. Коркунов замечал, что право никогда «не ограничивает своих определений одной только внешней стороной человеческих действий, а всегда более или менее принимает в соображение и внутренние их стимулы»²²⁵. И.А. Ильин высказал сходную мысль: «творческий источник права пребывает во внутреннем

²²⁵ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб, 1909. С. 44.

мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к внутреннему миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека»²²⁶.

Некорректно, с научной точки зрения, видеть в праве только внешние, формальные стороны; существует и внутренняя составляющая права (убеждение, воспитание, духовно-нравственные ценности), опирающаяся на добровольное осуществление, соблюдение и исполнение правовых норм. Современные правоведы непоследовательны в том, что, с одной стороны, возможности права сводят к контролю внешнего поведения человека, а с другой – отвергают понимание права как силы. В этом заключается очередное противоречие либертарной юриспруденции. От человека требуют покориться внешнему авторитету (организованной силе), но мало заботятся о том, чтобы подчинение возникало вследствие уважения и доверия.

В противоположность такому подходу можно предложить другой: *критерий правомерности нужно олицетворять не с организованной силой государства, а воспитывать внутри подчиненной праву личности – правосознание; место внешнего авторитета занимает правосознание субъекта права. Чтобы этот критерий «работал», необходимо осуществлять широкомасштабную воспитательную деятельность и получить в итоге в новом поколении соотечественников когорту активных (совсем не обязательно большинство), православных, нравственных людей (первоначально тех, кто обладает качествами лидеров в различных областях общественной жизни), почитающих традиции своей Родины.*

Право не может пониматься как строй внешней жизни людей, иначе оно отрывается от правосознания и, питаясь поверхностными слоями или дурными силами души, вы-

²²⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 226.

рождается в своем содержании и расшатывается в своих основах. Право уходит из реальности народной жизни, сосредотачивается в виртуальных предписаниях и извращениях узкого круга правящих лиц, а для населения превращается в чуждую и недоступную для понимания и доверия систему принуждения.

Соблюдение правовых норм вовсе не исключает соответствующих нравственных состояний обязанного лица, и государство должно заботиться о том, чтобы закон не ограничивался акцентом на внешнюю покорность, куда важнее – изменить образ мыслей людей, воспитать нравственное чувство и правосознание, укреплять совесть. Не стоит умалять роль в этом процессе Русской Православной Церкви, семьи, школы (высшей, профессиональной и общеобразовательной) – в общем тех институтов, которые в наши дни подвергаются планомерной разрушительной обструкции.

Право не может не вменять в обязанность людям также и добрые чувства, без которых исполнение законов лишается истинной цели. Противостоять хаосу в обществе нужно не только запретами, но и внутренней гармонией личности, устремленностью к совести, добру, порядочности. Вся традиция русской государственности свидетельствует о том, что оторвать силу от совести – значит уповать на абсолютную волю временщиков.

Все правовые реформы в России, начиная с царствования Александра II и до наших дней, предполагали свое преимущественное воплощение во внешних учреждениях, какие-то организационно-структурные реорганизации. При этом забывалось важнейшее условие процветания общества – забывалась и даже отвергалась – внутренняя жизнь нравственной личности. Ничего полезного не было в том, что русские люди начали уподобляться своим западным соседям по тому законническому, безсердечному настроению, при котором человек заботится лишь о том, чтобы всякий отдельно взятый

поступок его не был нарушением точных и формально-определенных юридических предписаний, а о чистоте совести своей, о смягчении сердца, об искреннем желании преодолеть свои пороки совершенно забывает.

Все это унижает личность, превращает человека в бездушный винт общественной машины, но это же дает ему такую свободу (лучше сказать: такой произвол) в духовной жизни, какого он не может получить ни при каком строе, особенно при нравственном. Нравственный союз людей, предполагаемый нами в государстве, проникает своими требованиями и указаниями в самое святилище человеческой совести.

Произвол увеличивается именно в либеральном обществе сознанием полной независимости или необязанности никому своим благополучием. В либеральном обществе, если другие служат человеку чем-нибудь, то он знает, что они служат не из расположения к нему, а из необходимости или из желания блага прежде всего себе. За эту службу они получают столько же и с его стороны, ведь главное в таком социуме – соблюдение внешних установленных рамок и ничего более. Таким образом, *юридический строй* порождает контрактный союз эгоистов (себялюбцев), рассматривающих друг друга в качестве препятствий, конкурентов либо источников удовольствий и нуждающихся в формальном законе, чтобы не мешать друг другу в гедонистических устремлениях. А *правовой строй* предполагает нравственный союз соотечественников, ответственных друг за друга и ставящих над формальными нормами закона традиционные духовные ценности.

Правовой строй в отличие от юридического не холодный, внешний, а живой, душеспасительный. Юрицизм торжествует на Западе в соответствии с европейскими традициями народной жизни; правовой строй был характерен для России и, к нашему счастью, до сих пор не изжит.

Когда современные юристы превозносят идею так называемого правового государства, построенного на «римском праве», остается недосказанным, что порядок в таком государстве поддерживается, главным образом, полицией, а значит, нет разницы между идеалом западного «правового государства» и уже известным истории полицейским государством.

Убеждение в бессилии государственно-юридической регламентации вполне правильно и соответствует истинному онтологическому соотношению, раскрытому в христианском сознании. Сторонники права и нравственности «в чистом виде» игнорируют их принципиальную существенную однородность. Нравственность и русское право не бывают в отрыве друг от друга, иначе они разрушаются, замещаясь безнравственностью и торжеством юридизма.

После противопоставления права и нравственности право принимает в конце концов безнравственную форму, а нравственность приобретает неправовой характер, проявляется противоправными способами. Подлинное право обращается к внутреннему миру человека, его внутренней духовной жизни.

Право и нравственность имеют единую суть – духовную природу человека; они действуют на одном и том же поприще человеческих отношений; внешние действия и внутренние побуждения взаимообусловлены и неотделимы друг от друга, а потому в понятии Права, согласно традиции русского народа, нравственность заложена как атрибут – неотъемлемое свойство.

Суждения типа: «общее правило должно состоять в том, что область нравственности не подлежит правовому закону, который имеет дело с внешними отношениями свободы и касается внутренних побуждений лишь настолько, насколько они выражаются в действиях, нарушающих право»²²⁷ можно признать для России утопическими и душевредными. Русский

²²⁷ Чичерин Б.Н. Право // Правоведение. 1995. № 6. С. 107.

человек может мало знать о законодательстве, но не будет совершать правонарушений, потому что хорошо воспитан в духе правовых (нравственных) норм и принципов. Обратимся к статье И.В.Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к России»: «Вследствие таких естественных, простых и единодушных отношений в русском обществе, и законы, выражающие эти отношения, не могли не иметь характер искусственной формальности, как в «римском праве»; но, выходя из двух источников: из бытового предания и из внутреннего убеждения, они должны были в своем духе, в своем составе и в своих применениях, носить характер более внутренний, чем внешний. ...Я говорю, разумеется, не о том или другом законе отдельно, но о всей, так сказать, наклонности (тенденции) древнерусского права. Внутренняя справедливость брала в нем перевес над внешней формальностью»²²⁸. Здесь верно подмечено характерное для русских тяготение скорее к внутренней убежденности в правоте, к справедливости внутренней, чем внешней, юридической формальности. Для западноевропейца, как правило, это выглядит дико (в любом случае – необычно), а с точки зрения укорененности правопорядка в нравах и душах людей, наш отечественный правовой опыт следует признать наиболее удачным. Этот опыт не подойдет в настоящее время всем народам и нациям, но это наш традиционный опыт и он характерен для России и соответствует нашей исторической судьбе.

Адепты либерализма навязывают нам социальное устройство, основанное на контракте, на гарантиях эквивалентного стоимостного обмена. Это означает, судя по имеющимся итогам, полную метаморфозу человека в морально-нравственном плане – отказ от самих понятий ответственности, сострадания, сопричастности, любви. Господствует принцип «Ты мне, я тебе», в котором нет ничего социального, но много экономического. Не случайно рыночная экономика всеерьез

²²⁸ Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 48.

рассматривается светскими учеными в качестве цели современного общественного развития. Появился даже термин «рыночная демократия», которого современный либерализм не стесняется.

Попытки разъятия и противопоставления права и нравственности в качестве двух автономий в России разбиваются о какую-то роковую необходимость, ибо попытки эти противоречат коренным, неустранимым свойствам человеческой природы. Холодный и жестокий мир юрицизма, с присутствием ему узаконением эгоизма и грубым полицейским принуждением, резко противоречит началам любви и подлинной свободы, образующим основу нравственно-правовой жизни. Зло, хаос, стихийно-природная необузданность человека преодолеваются не столько извне, сколько внутренне, благодаря органическому соединению права и нравственности в одном регулятивном единстве.

Право некорректно понимать исключительно как внешнее и формальное явление. Формален только закон, а Право как форма духа, выраженная в правосознании, духовно-нравственных принципах и духовно-оправданных обычаях сообщества, отнюдь не формально. Право связует между собой не просто абстрактных субъектов, а дух с духом, как выразался И.А. Ильин. Ему принадлежит замечательный тезис о том, что «право является вершинным проявлением человеческого духа»²²⁹.

Природа человека, существа духовно-телесного, такова, что внутренняя, духовная его жизнь проявляется вовне, то есть выражается в словах и действиях. У здорового человека нет ассинхронизации между внутренним миром и внешними поступками, поэтому нет объективных оснований относить нравственность только к внутреннему миру индивида, а право – к внешнему поведению. Право, усвоенное совестью человека, делается господствующим началом его духовной жизни

²²⁹ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1. М., 1993. С. 225.

и в необходимых случаях выражается им вовне, то есть во внешней жизни на основе духовно-нравственных принципов.

Сторонники противопоставления права и нравственности фактически обеспечивают торжество внешнего опыта над внутренним опытом, механического над органическим, рассудка над любовью. Тем самым в современный мир искусственно возвращается язычество. Это дохристианский мир ценил силу, богатство и чувственные удовольствия, то есть ценил более внешнее в человеке, чем внутреннее. Иисус Христос указал на внутреннее состояние человека как на необходимое условие блаженства, которое состоит в свободе от привязанностей к земным благам, постоянном движении к духовному совершенствованию, поиске правды, милосердия и справедливости, миротворчестве, чистоте сердца, готовности пострадать за истину (Нагорная проповедь. Мф. 5, 3-12). Для человека Святой Руси нет блаженства в безнравственности.

Нынешние либеральные юристы много переняли у католиков, протестантов и язычников в грубо-механическом представлении о нравственной деятельности человека. Именно католицизм самостоятельное участие человека понимает исключительно в смысле внешних поступков. Бог, по католическому учению, ищет не святости как общего устройства души, а именно обнаружения этой святости вовне. А в протестантизме утверждается, что земной успех человека (в особенности предпринимательский, рыночный) есть свидетельство Божьего поощрения, так что оправдывают личность именно внешние поступки, дело (бизнес).

Иисус Христос, явившись в мир, никогда не учил внешнему благоповедению как конечной цели, а имел в виду именно душевное совершенствование («Ибо, что проку тому, кто все богатства мира обретет, а свою душу погубит?»). Это первое и основное, что должно быть усвоено христианином: все обновляется, очищается и преобразуется изнутри. Это относится

и к праву и к жизни человека. Апостол Павел предупреждал: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в моих членах» (Рим. 7, 7).

Христос обличал внешнее формально-юридическое понимание и истолкование фарисеями Закона. Иисус Христос советовал каждую заповедь переживать и осуществлять изнутри, как веление сердца. Бог хочет, чтобы человек как личность действовал, главным образом, на основе неиспорченной совести, а уж потом на основе внешних законов. Разве не учил Господь судить себя не по одним нашим делам, но и сами греховные мысли и чувства вменять себе наравне с делами: «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). Он заповедует человеку отвергнуть защиту своих земных интересов отщипением и просит не отвечать злом на зло, а благотворить делающему зло (Мф. 5, 39-45). Одним из грехов человека православие считает памятозлобие, затаенную злость на личных врагов. Святой Василий Великий выводит из текста Нового Завета следующие выводы: «Как Закон запрещает худые поступки, так Евангелие запрещает самые сокровенные страстные движения в душе... Как Закон в каждом добром деле требует совершенства отчасти, так Евангелие требует всецелого совершенства... Невозможно удостоиться Небесного Царства тем, которые не показали в себе, что евангельская правда больше правды подзаконной»²³⁰.

Таким образом, Господь Бог не желает добиться формального исполнения человеком всех пунктов «морального кодекса»; Он жаждет полного духовного перерождения человека, после которого сама мысль о грехе (преступлении), саможелание греха были бы чужды и противоестественны освященному сердцу. Вот почему православные мыслители ут-

²³⁰ Добротолюбие в 5-ти тт. М., 2004. Т. 1. С. 334.

верждают, что внутренняя свобода есть высшая степень свободы – потому, что человек в своих помыслах и чувствах максимально приближается к Божественному образу. Никакая другая разновидность свободы не может сравниться со свободой внутренней. Ведь если в сердце человека живет Божья Благодать, то ничего не может помешать ему быть свободным, ибо под воздействием этой Благодати человек совершает именно те поступки, которые внушены ему самим Богом. В этом случае православный христианин не нуждается в юридическом всеобуче, раздутых штатах полиции и внешней остратке, чтобы быть и оставаться правопослушным. В идее «внутренней свободы» Сергей Радонежский выразил в свое время одно из важнейших качеств русского национального самосознания.

Получается, что всякая правовая реформа, сориентированная исключительно на создание новых учреждений и законодательных актов, успеха иметь не будет и не может нами считаться действительно правовой. Решающее условие успешной правовой реформы – изменение и укрепление правосознания.

Епископ Тихвинский Андроник писал: «Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основами, как это и должно быть всюду и всегда... Для культуры и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с

нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками»²³¹.

Правосознание охватывает и чувство, и волю, и мысль, и воображение, и всю сферу бессознательного духовного опыта. Значит, правосознание отображает весь внутренний – правовой и нравственный – опыт человека и воспроизводится в поведении. В этом заключается еще одно доказательство единства права и нравственности.

Основа действия права – вовсе не внешнее принуждение, а внутреннее убеждение людей в правомерности действующих правил; следовательно, как действия нравственные, так и правовые обусловлены внутренним убеждением человека. В таких отраслях права как уголовное, административное, финансовое, таможенное, экологическое, первостепенную важность для квалификации результатов обретают мотивы совершения правонарушения. Наконец, подлинное Право никогда не предписывает совершения безнравственных действий.

Многие ошибки в вопросе соотношения права и нравственности допускаются из-за подмены права законом. Так произошло с позицией О.В. Мартышина, который утверждает: «...право формально, абстрактно, бездушно, тогда как мораль всегда конкретна, одухотворена, человечна»²³². Применительно к праву (в собственном и исконном смысле этого слова) подобные эпитеты неприменимы, т.к. научно безосновательны. Действительное противоречие существует не между правом и нравственностью, а между законами государства и нравственностью.

Нравственность придумана не человеком, весьма непостоянным в своих пристрастиях, а дана ему Богом, она является величиной константной: и конституции, и законы

²³¹ Андроник (Никольский) Епископ Тихвинский. Письма архиерея к иереям // Меч духовный. М., 2005. С. 144.

²³² Мартышин О.В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 6.

менять можно, Библию и Божьи заповеди – нельзя. Поэтому правовая состоятельность закона заключается не в декларациях, а в том, в какой степени законодательные положения учитывают нравственный Абсолют, который одновременно выступает Абсолютом Божественным, а значит, в какой степени законы государства способны уберечь моральные императивы Божественных установлений.

Не стоит слишком большое значение придавать тому обстоятельству, что природа неподвластна нравственным законам. Человек внеприроден, а потому ценим не по природным, а по нравственно-правовым критериям.

Традиционная мораль российского общества развивалась под влиянием религии. «Никакой логический дискурс, – отмечает В.И. Крусс, – не может быть свободен от метаоснований определенной культуры и нравственности. Никакой последовательной внерелигиозной морали быть не может. Игнорируя это обстоятельство, мы только чужеродным образом деформируем, насколько это зависит от нас сегодня, потенциал поля юридической интерпретационной практики (судебной, прежде всего) будущей России»²³³. В русском обществе понятие «Правда» крепко связывалось с Божественным нравственным законом. «Небеса возвещают правду Его» (Псал.); «Истина от земли возсия, и правда с небесе»²³⁴ «приниче» (Псал.), то есть правосудие свыше.

Православная вера российских христиан не знает автономной морали, которая представляет преимущественную область и своеобразный духовный дар протестантизма. Мораль для Православия религиозна, она есть образ спасения души, указуемый религиозно-аскетически. Поэтому «*правый*» озна-

²³³ Крусс В.И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Государство и право. 2003. № 7. С. 53.

²³⁴ В наши дни редко кто помнит первоначальный смысл многих до сих пор употребляемых русских слов. Так, слово «небеса» обозначает священное место, возвышающееся над земным, где нет бесов, поэтому – не-беса.

чает в сущности образцовый в нравственном смысле, служащий нормой или указующий норму для следования. Самые практические выводы, вытекающие из религии – это прежде всего нравственность человека. Истинная религия всегда стремилась проникнуть в смысл всех связей в мире, во все закономерности развития мира и жизни человека, в особенности, если этому способствовала правильная вера в Бога.

Даже светские ученые, омраченные секулярным сознанием, время от времени высказывали догадки о том, что моральные и правовые ценности являются выражением универсальных закономерностей бытия. Так, представитель утилитаризма Нового времени Юм признавал, что кроме начала пользы, у человека присутствует особое нравственное чувство, которое служит источником всех нравственных действий и мерилом нравственных суждений человека. И. Кант писал: «Любое понятие долга содержит объективное принуждение через закон и принадлежит практическому рассудку, дающему правила... Сознание внутреннего судилища в человеке (перед которым его мысли обвиняют и прощают друг друга) есть что-то иное»²³⁵. Шотландские моралисты много писали о нравственном чувстве индивида. Они тоже признавали существование в человеке особых нравственных побуждений, отличных от эгоизма, но вопрос заключается в том, где их источник? Если они проистекают из особого чувства, стоящего наряду с эгоизмом, то на каком основании мы поставим первое выше второго? Почему мы одно называем добром, а другое – злом? Западные ученые не дают ясного и адекватного ответа.

В России же всегда признавалось существование естественной духовности, свойственной человеческой душе изначально, по самой ее природе. И.А. Ильин писал, что «человеку дано от Бога и от природы некое инстинктивное чувствилище для объективно-лучшего, и воспитать ребенка

²³⁵ Кант И. Метафизика нравов. М., 2002. С. 35.

значит пробудить и укрепить в нем на всю жизнь это инстинктивное чувствилище»²³⁶. В русском искусстве это называется художественным вкусом, в науке – чувством истины, в религии – Богосозерцанием, а в правовой (а значит, и нравственной) сфере – *совестью*.

У скептиков, воспитанных в либертарно-юридическом духе, не представляющих себе собственного смысла Права, неизменно возникает вопрос: каким образом духовно-нравственные ценности могут «работать» в Праве? Им трудно осознать, что норма подлинного Права имеет свою санкцию в виде живого укора совести. Тонко развитая и глубоко чувствующая душа испытывает совестный укор часто и явственно. Он выражается в известном каждому из нас внутреннем недовольстве своим поступком или даже всею своею жизнью: человек сознает свою неправоту и чувствует, что он и должен и может жить и действовать иначе; это вызывает в нем щемящее чувство вины.

Русское слово «совесть» (со-вѣсть), не имеющее аналогов в иностранных языках, в словарях разных лет определяется как разумение, понимание, знание, внутреннее чувство, глас Бога в душе человека. В Православии понятие «совесть» употребляется как духовный закон, который определяет собой все внутреннее устройство личности, вступившей в новую жизнь во Христе²³⁷. *Совесть представляет собой специфиче-*

²³⁶ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1999. С. 231.

²³⁷ См.: Свт. Василий Великий. Нравственные правила // Собр. соч. Т.3. С. 173; Св. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М., 1992. С. 83; Олесницкий М. Из системы христианского нравоучения. Киев, 1896. С. 227; Солярский П. Записки по нравственному Богословию. СПб, 1860. С. 364; Стеллецкий Н. Опыт православного нравственного Богословия. Харьков, 1914. С. 26; Фаворов Н. Чтения о христианской нравственности. Киев, 1879. С. 340; Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1891. С. 201; Филарет (Вознесенский). Конспект по нравственному Богословию. М., 1990. С. 120; ЯнышевИ. Православно-христианское учение о нравственности. М., 1887. С. 198.

скую способность нравственного суждения, с помощью которой человек в каждом конкретном случае определяет, что делать и как поступать.

Во всех европейских культурах преступление противопоставляется законности. Но только в русской культуре справедливость соединяется с внутренним убеждением, с Правдой и включается в поле Истины. Во французском языке справедливость подводится под слово «закон, законность», а в русском – под слова «правда» и «истина». **Право как воплощение Правды реализуется посредством чистой и обостренной совести человека.**

Упоминание совести в нашем секулярном обществе встречает иронию или прямые насмешки. Отвращение юснатуралисты переносят с совестного переживания и на то, к чему призывает совесть – к самой идее добра, доброты, добродетели. Душа секулярного человека циничная, черствая и холодная; она связывает свою самоидентичность с отрицанием Права и нравственности, с проповедью ненависти и мести. Все, что остается в такой душе от совести, сводится к злой иронии по поводу доброты и праведности и дикому восторгу язычника над болью своего врага.

Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон русского православного человека, позволяющий ему уважать Право без внешнего полицейского понуждения. Совесть является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, Право, Правда и справедливость. Совесть свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения Божьих заповедей. По словам Сираха, Бог положил око Свое на сердца людей (Сир. 17,7). Как внутреннее Божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего правовой (нравственный) запрет.

«Добрая совесть – глаз Божий», - говорится в русской пословице.

Многие современные юридические системы закрепляют догадки ученых о существовании внутреннего нравственного чутья на неправомерные деяния. Примером этого может служить распространенный принцип: «Незнание закона не освобождает от ответственности». А почему, собственно? Потому, что в каждом вменяемом взрослом человеке присутствует внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение от лжи и зла; невольная любовь к добру и истине, которым не противоречит подлинное Право; природная Правда, только у русского народа, получившая собственное наименование – СОВЕСТЬ.

Совесть – это внутренний свидетель и «судья первой инстанции» для наших поступков, который проверяет все наши действия и бездействия нравственным абсолютом Божественного происхождения и выносит приговор об их достоинстве и недостоинстве и вследствие этого награждает нас спокойствием и душевным миром, или наказывает беспокойством, переживаниями и душевными муками. Дело совести – это дело человека, которое он ведет против себя самого. В акте совести наблюдается тяжба обвиняемого перед судом. Но обвиняемый своею совестью и судья – не одно и то же лицо, иначе обвинитель всегда проигрывал бы. Совесть человека при всяком правонарушении выступает актом Божьего суда.

«В совести начертана норма святой, доброй и праведной жизни», - писал Свт. Феофан Затворник²³⁸. И.А. Ильин отмечал: «Совесть есть голос целостной духовности человека, в которой инстинкт принял закон Божий как свой собственный, а дух приобрел силу инстинктивного влечения. Совесть есть

²³⁸ Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1891. С. 204.

инстинктивная потребность в нравственном совершенстве и неколебимая воля к нему»²³⁹. *Наличие совести предполагает не только признание прав всех живущих, но и любовь к ним. Такая нравственная высота правового строя западной юриспруденции оказалась недоступной.*

Законы государства и общества могут быть противоречивыми, пробельными, недоступными для понимания и во всех этих случаях на выручку человеку приходит совесть – прямая связь с Богом. Вот только у неверующего в Бога человека либо еретика и раскольника этот Божий дар оказывается лишенным твердой опоры. Показательны здесь слова апостола Павла: «ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2,14-15).

Всякий живущий человек, согласно Православию, сотворен по образу Божьему, и отпечаток этого образа, память о нем, поиск его, не может стереть никакая сила на свете. В Послании к римлянам апостол Павел предупреждает, что никто не может оправдаться тем, что не знал, как поступать в своей жизни, потому что нравственный закон написан в сердце каждого человека (Рим. 2,15). Этот закон дан Богом и является достоянием всех людей. Всякий человек, совершающий убийство, супружескую измену, клятвопреступление и т.п., не может освободиться от мысли, что совершает беззаконие.

Целостное восприятие внутреннего мира человека позволяет обнаружить, что совесть, в свою очередь, сочетается с чувством стыда, то есть сильного смущения от осознания злого поступка. Стыдно бывает человеку, когда он радуется несчастью окружающих, величается перед ними, присваивает чужое. В Священной Книге Ветхого Завета описывается, как,

²³⁹ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1993. Т. 4. С. 31.

познав зло, Адам и Ева познали стыд²⁴⁰. Чувство стыда обличает их в том, что они совершили нечто недоброе, противозаконное. Они почувствовали, что сделались иными – не такими, какими были и должны быть. Отныне они познали свое состояние, свое бытие в противопоставлении идеальному должному состоянию и бытию. И поскольку они ему не соответствуют, они, стыдясь быть такими, какими стали, прикрывают друг от друга и от самих себя свою наготу смоковыми листьями и скрываются от зовущего их Творца за райскими деревьями.

До вкушения плодов древа познания добра и зла, Адам не знал о добре и зле, то есть о нравственности. После грехопадения правовые нормы, данные Богом при создании первочеловека, дополнились нравственными абсолютами – Божьими заповедями, а вместе с ними совестью, вложенной Богом в сердца людей. После грехопадения, когда Первый в мире Закон был нарушен людьми, вместо закона Бог впечатлел в них совесть – и то и другое осуществлено в рамках единого Права, представленного в разных его ипостасях. *Первый закон от Бога был просто правовым (правильным, истинным, абсолютным), а последующий обрели еще и нравственное качество. Можно сказать, что Первый закон был развит и*

²⁴⁰ Здесь стоит высказать существенное предположение относительно момента возникновения права и нравственности. В науке господствует мнение, что социальное регулирование шло сначала моральным путем и затем прочно установившиеся привычки и обычаи превратились постепенно в правовые нормы. Библейский сюжет позволяет сделать следующий вывод: вначале Бог даровал людям ПРАВО в виде прав (возможностей): «От всякого дерева в саду будешь есть» и запрета: «А от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16-17). После грехопадения перволюдей, когда они узнали добро и зло, Бог наделил их в своих заповедях Ветхого, а затем Нового Завета НРАВСТВЕННЫМ ЗАКОНОМ, продолжающим ПРАВО по единой духовной сути и предназначению.

трансформирован в развернутую систему Заповедей и совесть.

Душевная природа человека изменилась после грехопадения; его воля приобрела способность к раскаянию и покаянию, обретению благодати путем делания добра и отвержения зла. С этой поры **любой Божий закон одновременно нравственный, но нормы, созданные человеком, нравственны далеко не всегда. Чем слабее связь человека с Богом, тем острее общество нуждается в светском нормотворчестве и более безнравственными оказываются результаты. С приданием Праву нравственной ипостаси суть права не изменилась – оно остается абсолютom добрых человеческих взаимоотношений.**

Совесть есть начало в человеке не механическое, а органическое, не рациональное, а чувственное. В совестном акте человек обретает душевно-духовную цельность, целостное видение происходящего внутри и вокруг него, избавляется от иллюзий на свой счет, самообмана, двойных стандартов. Заметив, благодаря совести, в себе дурное качество, православный человек всеми силами старается его преодолеть, исправиться, не отдаляться дальше от Бога. Такой самоконтроль оказывается эффективнее внешнего полицейского контроля. Но этот рецепт в наше время пригоден только России (в ее адекватных геополитических границах), по отношению к православному большинству и людям русской культуры, пока статус титульной нации имеют русские (великороссы, малороссы, белоруссы).

Отклонение от порядка, данного Богом, приводит к искажению отношений в обществе, ниспровержению идеи Права, утрате верховной властью меры дозволенности. Если государство хочет стать действительно правовым, оно должно создавать свои нормы в строгом соответствии с Божьими заповедями и нравственными абсолютами. Но для этого госу-

дарству надо перестать именовать себя светским и обрести священный статус Православной Державы.

К.С. Аксаков писал: «Русский народ хочет оставить для себя не политическую, а свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа – народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: воздайте кесарю кесарево, а Божие Богу, и другие слова Христа: Царство мое не от мира сего; и потому, предоставив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя иной путь – путь к внутренней свободе, к Царству Божию: Царство Божие внутри нас есть»²⁴¹. «Подлинная мораль, – определял Л.И. Петражицкий, – это внутреннее осознание долга, выполнению которого человек должен посвятить всю свою жизнь, при одном обязательном условии, чтобы на него не оказывали никакого внешнего давления»²⁴². Таким образом, подлинное преодоление и преображение мира требует не только одних внешних усилий со стороны общества, государства и Церкви, но внутренне свободного выбора в пользу добра со стороны каждой конкретной личности.

Развитое нравственное сознание признает истинную цену лишь за таким исполнением моральных требований, которое сопровождается соответствующим внутренним настроением. Одно внешнее исполнение без надлежащего нравственного чувства, с православной точки зрения, не имеет никакого этического значения. Есть действия, до такой степени связанные с внутренними мотивами, что без наличия последних они теряют всякий смысл. Милосердие судьи, если оно не проник-

²⁴¹ Аксаков К.С. Соч. М., 1886. Т. 4. С. 194.

²⁴² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 2000. С. 508.

нуто внутренним чувством, не только лишается своего значения, но и превращается в недостойное лицемерие.

В рамках правового строя каждый человек имеет не только оправданную юридическую, но и моральную обязанность повиноваться нормам, потому что тогда закон предписывает во внешнем поведении то самое, что голос совести одобряет как нравственное и справедливое. Одно внешнее, формальное осуществление прав и свобод без развитого правового внутреннего настроения не даст необходимого результата ни личности, ни обществу. Как выразился Г. Дж. Берман, «мировое сообщество, управляемое законом, юридической системой веберовского формально-рационального типа, было бы бичом Божиим и царством ужаса»²⁴³.

Нравственные нормы и принципы, олицетворяющие более глубокий пласт Права в сравнении с формально-определенным законодательством, никогда не рассматривались на Руси в качестве средств приспособления человека к внешним формам поведения. Святые отцы всегда видели в них цель руководства к духовному совершенству, спасению и обожению. Вот почему нельзя согласиться с мнением О.Э. Лейста о том, что «многовековая традиция «судить по совести и морали» не научила российское общество различать право, мораль и правосознание»²⁴⁴. Это на Западе главное – внешнее урегулирование актов внешнего поведения, на Руси же – воспитание духа, человеческой совести.

Население самых «цивилизованных» стран Запада не является, а лишь выглядит моральным, поэтому там исчезает такое понятие как «угрызение совести». Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей природы, там обречен на душевные страдания и конфликты со средой. Если человек на Западе хочет добиться-

²⁴³ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 329.

²⁴⁴ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2004. С. 276.

ся успеха, первое, что он должен сделать, это полностью освободиться от внутренней нравственности и развить «моральную» мимирию.

На Руси с древности сознавали высокую ценность Права в общественной жизни. Оно мыслилось не столько в качестве орудия управления, инструмента для поддержания порядка, сколько в виде средства воспитания души. Это представление о праве хорошо выражало понятие «Правда», которое использовалось в качестве замены понятию «закон». Впрочем, на Руси даже понятие закона употреблялось более для обозначения нравственно-религиозных заповедей (Закон Божий), нежели для названия нормативного акта, изданного государственной властью. Потому и возрождение права в России нужно связывать не с принятием федерального и региональных законодательных актов «О защите личной и общественной нравственности», как это предлагается в последние годы²⁴⁵. Законодательные предписания ценны, если человек приобретает добрые душевные качества не по чужому приказу, а вырабатывает их у себя доброй волей (добровольно). Никто не может заставить человека признать что-нибудь, захотеть, подумать – тут законы государства бессильны, однако Право действует через совесть человека и Божью благодать, нисходящую на достойных. Право не останавливается на границе внутреннего мира человека, как считается в науке, а проникает в него в виде советного акта и состояния благодати.

«Как же различать нравственно доброе от дурного? – спрашивает митрополит Филарет. – Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе

²⁴⁵ Например: Закон Саратовской области «О защите нравственности и содействии духовному развитию общества», Закон Алтайского края «Об охране общественной нравственности», Закон Республики Дагестан «О защите личной и общественной нравственности».

человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью»²⁴⁶. **Совесть и есть основа человеческой нравственности и Права в целом.**

Совесть призвана отражать абсолютные, вечные и неизменные начала нравственности. Для того, чтобы личные субъективные воззрения человека не искажали этих начал, совесть подкрепляется чувствами стыда, долга и ответственности. Стыд является одним из видов нравственного сознания, оказывающим благотворное влияние на эмоциональную жизнь. Человек обладает естественной (то есть врожденной) склонностью к переживанию чувства смущения, вызванного обличением какого-либо безнравственного поступка. Несоответствие поступка нравственному канону производит страх перед позором и безчестьем. Стыду предшествует стыдливость. Долг – это определяемая человеку со стороны его воли и разума необходимость поступать в соответствии с нравственным идеалом. Быть перед кем-то в долгу означает определенное внутреннее требование (это касается даже уплаты материального долга). Ответственность не стоит уподоблять каре и наказанию, ведь это прежде всего ответ перед ближними, нравственная отчетность за совершенный поступок. Человек несет ответственность перед Богом и своей совестью за нарушения требований нравственного (правового) закона. Все эти чувства зависят от многих факторов, среди которых решающими можно считать религиозное формирование, воспитание, образование и природные наклонности. Сказанное позволяет постулировать, что **подлинное Право укореняется в душе нравственного, ответственного человека.**

Поскольку совесть представляет собой впечатленный закон, способный от любых мыслей и действий человека вызвать в нем чувства страха, стыда или справедливости, постольку деяния человека (мысли, действия, бездействия) через страх, стыд и другие чувства души оцениваются чело-

²⁴⁶ Добротолубие. М., 2004. Т. 5. С. 325.

веком как преступление закона (грех) или соответствие Праву. Совесть есть эталон, на котором чувствами проверяются наши деяния и сама жизнь. *Следование нравственному чувству делает человека правопослушным и позволяет разрешать безконфликтно многие правовые споры. Когда закон государства слаб, несовершенен и несправедлив, роль нравственного (правового) идеала еще более возвышается.*

Законодательство западноевропейских стран, в котором все подробно, до мельчайших деталей регламентируется, вызывает неприятие не только у русских, но у всех, воспитанных в русской культуре. Так, Екатерина II говорила о датских законах, прожив в России три десятка лет: «Все здесь предвидено; следовательно, никто сам не мыслит, и все действуют, как бараны. Я предпочла бы бросить в огонь все, что, по вашему выражению, я перевернула вверх дном, нежели создавать прекрасные законы, которые порождают отвратительную породу пошлых и глупых баранов»²⁴⁷. В своем «Наставлении губернаторам» императрица указывала: «Итак, со своей стороны, поставляем милосердие за основание законов и открываем дорогу к достижению правосудия»²⁴⁸. Одним из главных средств упрочения правопорядка в русском обществе Екатерина II считала воспитание в людях добрых нравов. В письме Вольтеру от 14 июля 1769 г. она писала, что законы не должны основываться на страхе, иначе они не принесут много пользы.

Вообще же для России после XVII в. стала характерна ситуация, при которой духовный статус и уровень правосознания народных низов оказывается более высоким в сравнении с правосознанием элиты общества. Духовный статус русского народа оказывался более защищенным в те эпохи, когда нравственные абсолюты были особенно крепки. Однако вместе с дискредитацией духовных ценностей оказывался дискредити-

²⁴⁷ Валишевский К. Роман императрицы. СПб, 1908. С. 336-337.

²⁴⁸ Переверзев С.В. Россия. М., 2006. С. 240.

рованным и человек из народа, в судьбе которого начинают видеть только следы плебейского происхождения, бедности и неприспособленности. В современном глобализованном мире нравственность объявлена покровительницей слабых и неприспособленных и как помеха вытесняется. В процессуальных кодексах закреплён принцип беспристрастности, дабы судья настолько абстрагировался от разбираемого дела, чтобы оно не вызывало ни чувства порицания зла, ни чувства антипатии к убийце и насильнику, ни чувства справедливости. Правовая система видится либералам как огромная, громоздкая, бюрократическая машина, в которой отдельные элементы выполняют специализированные роли в соответствии с изменчивыми инструкциями и вне зависимости от целей права.

Традиции России соответствует следующая трактовка Права: **ПРАВО – это победа совести в человеке, общая совесть всего сообщества; дух Абсолюта, явленный в Божьих заповедях, нравственных началах, а также в непротиворечащих им нормах общества и государства.**

С учетом такого понимания Права можно утверждать, что *правосознание – это форма совести*. Подлинное правосознание предполагает знание Божьего закона и законов государства. В юридической науке принято понимать под правосознанием правовую идеологию и правовую психологию вместе взятые. Но это поверхностный взгляд на предмет, как впрочем, на многое в современной юриспруденции. *Правосознанием люди оценивают свои деяния на соответствие ПРАВУ, то есть прежде всего Божественному закону и вытекающим из него нравственным принципам. Получается, что между понятием совести и понятием правосознания по сути нет разницы. Можно сказать, что правосознание есть акт совести человека.*

Духовная природа человека едина и целостна, оттого она так неурно поддается рациональному разделению. В силу этого отделить правосознание от совести человека

невозможно. В каждом субъекте права заложено верное справедливое сознание, которое «видит» и «чувствует» правомерное и противоправное поведение, поэтому такое сознание нужно именовать правовым. Это врожденное и естественное правосознание или чувство права неотделимо от человеческой совести. Правосознание представляет собой, таким образом, проявление духа, направляющее и укрепляющее волевые усилия субъекта права.

Правосознание в отличие от законознания присуще каждому субъекту права и то, что правосознание открывает человеку, порой выглядит смутно и не очень отчетливо. В подобных случаях субъект Права (в подлинном и исконном смысле этого термина) обратится к изложенным в Книге Священного Писания (Библии) Божьим заповедям, по которым всегда можно проверить результат совестного акта. Ведь совесть для большинства людей указывает на самый элементарный и обязательный для всех уровень нравственности. Если после переживания мук совести для человека неочевиден правовой вывод, он может обратиться в Церковь, а затем правоохранительные органы государства. При таком – собственно правовом – строе правопорядок вырастает не из навязываемых приказов государственной власти, а из духовного общения богобоязненных, совестливых и ответственных людей. Пробуждение подлинно правового сознания обуславливается правильной верой в Бога и нравственным поведением.

Правовое сознание не является искусственным измышлением кабинетных мыслителей, а представляет собой реальный духовный орган человека, присущий ему как творению Божьему, причем творению высшему. **Совесть человека всегда носит сакральный, нравственный и правовой характер совокупно, поэтому правосознание не может сформироваться у бесовестного человека.**

Еще И.А. Ильин признавал правосознание явлением, не просто сопутствующим праву, но для права в прямом смысле жизненно необходимым (однако уже более сотни лет раздел, посвященный правосознанию, помещается едва ли не в конце всех учебников по теории права и государства). В представлении И.А. Ильина правосознание – это жизнь права. Право, отчужденное от правосознания, бессильно и не способно исполнить свое назначение. Такому представлению о правосознании соответствовало вполне определенное понимание сущности права, роли права в общественной жизни. «Духовное назначение права, – утверждал И.А. Ильин, – состоит в том, чтобы жить в душах людей, наполняя своим содержанием их переживания и слагая, таким образом, в их сознании внутренние побуждения, воздействуя на их жизнь и на их внешний образ действий. Задача права в том, чтобы создавать в душе человека мотивы для лучшего поведения»²⁴⁹. И.А. Ильин, который сделал для возвращения изначального смысла права несравнимо больше всех современных ему и последующих ученых-юристов, гениально сказал: «Строить право – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепящее правосознание»²⁵⁰.

Согласно концепции И.В. Михайловского, человек есть существо метафизическое. Метафизические запросы определяют его мировоззрение, а оно, в свою очередь, определяет все последующее поведение человека, его свободу. Из метафизического начала И.В. Михайловский выводил и идею права, которую рассматривал как часть мирового этического порядка, существующего объективно, независимо от того, сознают ли его люди или нет. «Если этическая жизнь земли, – писал он, – входит в состав мирового этического порядка, если для совместной деятельности людей необходимо органи-

²⁴⁹ Ильин И.А. Соч. в 10-ти тт. Т. 3. М., 2003. С. 259.

²⁵⁰ Ильин И.А. Соч. в 10-ти тт. Т. 2. М., 2003. С. 37.

зованное общежитие, то есть необходимо право, то сама идея права есть часть мирового этического порядка»²⁵¹. В этой концепции вызывает возражение, как минимум, два постулата: во-первых, по теории И.В. Михайловского, абсолютная идея права есть синтез общественного порядка и личной свободы – тогда непонятны роль и положение упомянутых метафизических начал в Праве; а во-вторых, сводить Право к частице мирового этического порядка, по моему мнению, неправильно. Дело в том, что в современном мире такого порядка не существует, а, кроме того, **Право не часть нравственности – скорее нравственный закон составляет часть ПРАВА наряду с Божественным православным законом и вторичным сегментом государственного юридического законодательства.**

Концепция И.В. Михайловского не исключительна в своем роде. А.П. Куницын в первой половине XIX в. в своих работах «Право естественное» и «Энциклопедия прав» рассматривал право как часть «нравственной философии»²⁵². С помощью последней, по его мнению, разум призван руководить чувственной природой человека и формулировать законы по охране его свободы. Нетрудно заметить, что А.П. Куницын находился под влиянием философии И. Канта и так же, как он абсолютизировал роль человеческого разума. Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Г. Еллинек²⁵³ и целый ряд других авторов развивали ту же идею, лаконично сформулированную В.С.Соловьевым: «Право есть минимум нравственности». Последний полагал: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла.

²⁵¹ История философии права. СПб, 1998. С. 314.

²⁵² История философии права. СПб, 1998. С. 250.

²⁵³ См., например: Еллинек Г. Социально-этическое значение права, несправды и наказания. М., 1910. С. 61-62.

...Право есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»²⁵⁴.

В действительности, ограничено не право, а юридический закон, поэтому право не может удовлетвориться включением в свой масштаб некой «низшей, минимальной, степени нравственного состояния». Право притягивает к себе и вбирает весь объем нравственных абсолютов без остатка. П.И. Новгородцев утверждал, что «нравственность по сравнению с правом, представляет собой высший размер требований, предъявляемых к лицу; ...право, представляя собой более настоятельные и элементарные требования общественной жизни, должно быть принудительной мерой, осуществляемой всеми одинаково»²⁵⁵. И в данном случае Право отождествляется с юридическим законом и низводится до положения инструмента подавления. Если «право», хоть в малейшей степени, вступает в противоречие с нравственными заветами, его нельзя называть нравственным и тем более – именовать Правом.

«Право, – писал П.И. Новгородцев, – никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви»²⁵⁶. **На самом деле всецело нравственным не удастся быть юридическим установлениям государства и общества, поэтому такие законодательные акты и считают неправовыми. А Право всецело нравственное явление. Право исторически возникло раньше нравственности и вобрало в себя нравственные заповеди в развитие Первозакона.**

Б.Н. Чичерин, как один из основателей российской школы либерализма, впадал в другую крайность. Он предлагал следующий подход: «право не есть низшая ступень нравственно-

²⁵⁴ История философии права. СПб, 1998. С. 453.

²⁵⁵ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 109.

²⁵⁶ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 111.

сти, как утверждают морализующие юристы и философы, а самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека. Эти корни лежат в потребностях человеческого общежития... Вытекающие из общежития юридические законы независимы от нравственных, так же, как и физические законы независимы от человека»²⁵⁷. Корень права и нравственности Б.Н.Чичерин усматривал в едином источнике – в признании приоритета человеческой личности. В результате, Право лишается какой бы то ни было неизменной абсолютной основы и из Божьего дара трансформируется в субъективный произвол сильных личностей на горе слабым.

Противники синтеза Права и нравственности (позитивисты и юснатуралисты обоюдно) говорят, что право должно иметь свою самостоятельную, собственно правовую сущность. А при сочетании права и нравственности воедино праву-де «приписываются свойства смежных с правом, но неправовых явлений»²⁵⁸. Но Право вовсе не лишается своей сущности при наличии духовно-нравственной константы, а вот безнравственные законы действительно лишены правового смысла.

Законы государства есть продукт человеческого разума, создаваемый в борьбе при компромиссах интересов. В юридических законах Право отображается лишь частич-

²⁵⁷ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 89.

²⁵⁸ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. М., 2003. С. 28. Этой позиции о собственно юридической сущности права придерживаются все сторонники юснатурализма, однако в то же время они отвергают учение о «чистом праве» Г. Кельзена. Так, А.Н. Бабенко называет ошибочным понимание права как морального феномена (Бабенко А.Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. С. 35) и тут же призывает оценивать право не с этических позиций, а с точки зрения собственно правового критерия – концепции естественного права. Хотя известно, что концепция «естественного права» представляет собой довольно произвольный набор именно этических ценностей – справедливости, достоинства личности и т.п.

но, даже в лучшие для Права времена. Другая, более глубокая часть Права воплощается в нравственных заповедях и впечатляется в самом человеке посредством дара совести и благодати Святого Духа. Право в отличие от юридических законов полностью воплощает Божественное начало Правды, за которым стоит в качестве верховной и абсолютной инстанции сам Бог. Право открывается человеку не столько официальными нормативными актами, сколько благодатной, религиозно-нравственной духовной основой жизни людей. Поэтому Право нужно искать не в формальном законодательстве, а в глубинах человеческого духа и питающей его объективно-сверхчеловеческой воле Божьей.

«Минимум нравственности» – непригодная формула для Права еще и потому, что оценивает Право и нравственность как количественные объекты, различающиеся по объему. Если бы авторы адекватно восприняли качество Права и нравственность, они бы не увидели сколь-нибудь существенных отличий в их сущности. Между Правом и нравственностью нет ни количественных, ни качественных различий. В основе Права и нравственности лежит имманентное человеку переживание единства с другими людьми и миром в целом, высшую ступень которого называют любовью. Сущность Права и нравственности – служить мерилom добра и любви и быть защитой для человека, жаждущего спасения своей души.

Таким образом, **правовому (и одновременно нравственному) вменению** подлежат все наши деяния (действия и бездействия), которые непосредственно происходят от нашей воли и сознательно совершаются нами. Сюда относятся не только наши внешние поступки, но и наши мысли, чувства, желания, слова и иные проявления нашей воли. А **юридическому вменению** подлежат акты внешнего поведения, непосредственно дозволенные, предписанные либо запрещен-

ные субъекту формальными законами государства. Закон – понятие формальное: в законе главное – содержание (содержит он правовые положения или нет). От степени включения в законы государства моментов абсолютной нравственности зависит характер законодательного акта – будет он признан правовым либо нет.

Обществу не нужна двойная мерка: внешняя для Права и внутренняя для нравственности. Подобный «двойной стандарт» искажает истинный смысл сущего и ведет к пагубным практическим последствиям. Общество не согласно видеть в Праве только минимум нравственности, оно, напротив, стремится к максимуму нравственного начала в Праве. Человечество всегда искало сознательно либо подсознательно Правды, единой и неделимой. Сообразуясь с этим, православное христианство проповедовало искренность, правдивость и в праве, и на суде. «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Иоанн. 7,24).

Среди доводов в пользу разграничения Права, нравственности и религии часто упоминают способ их защиты: правде отличается характером организованной, а нравственность и религия – характером неорганизованной защиты. Б.Н. Чичерин специально подчеркивал, что право, в отличие от нравственности, есть прежде всего начало принудительное²⁵⁹. По поводу приведенного соображения отмечу, что характер защиты Права, нравственности и православной религии самый надежный – страх Божий, в сравнении с которым страх перед тюрьмой и смертной казнью ничто.

О.Э. Лейст критиковал российское коренное правосознание: «В общественном сознании нет достаточно ясного понимания, что правовое регулирование отношений и поступков возможно лишь там, где объективно существует доказуемость и исполнимость правоотношений средствами юридического процесса, что реализация права требует специального аппара-

²⁵⁹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 116.

та, способного применять правовые нормы и при необходимости принуждать к их соблюдению»²⁶⁰. Здесь О.Э. Лейст явно возвышает над Правом процессуальные средства, отождествляет здесь Право и закон, не осознает, что *кара Божья – самый эффективный способ защиты Права. Признак организованной защиты не составляет исключительной особенности Права, т.к. организовать – значит, объединить многих в подчинении общим абсолютам, а с таким объединенным подчинением мы встречаемся одинаково как в области Права, так и нравственности, религии.*

Таким образом, **Праву с нравственной составляющей присуща большая принудительность и обеспеченность, чем формальным законам государства. Между Правом и нравственностью не обнаруживается различий по содержанию того, что ими предписывается или воспрещается. Нет между ними разницы ни по способу организованной защиты, ни по силе воздействия.**

Нравственная константа Права свидетельствует о сущностном единстве Права и нравственности. Законы же государства призваны обеспечивать формализацию нравственных начал Права. Суд при этом оценивает степень отклонения нормативных, индивидуальных юридических предписаний и поведения субъектов от духовно-нравственных абсолютов. *Правосудие* есть сопоставление факта с высшей истиной, а высшей истине (Господь Бог есть истина, а Бог есть любовь) присуще значение санкции по отношению к нравственности. Правоотступничество представляет собой отступничество от Божьих заповедей и, следовательно, от нравственности. Законоотступничество оправданно лишь в случае, когда закон государства безнравственен и противоречит Истине, то есть когда официальный закон носит неправовой характер. Чем более расшатана у людей нравственность, тем больше ощу-

²⁶⁰ Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 9.

щается необходимость в официальном нормотворчестве и тем больше работы у суда.

Конкретные способы осуществления нравственности являются следствием и формой правовых ограничений. Так, стыд есть следствие и форма самоограничения полового инстинкта; сострадание – потребительского инстинкта; смирение – гордыни духа; совесть – интегральная форма самоограничения личности в различных параметрах социального бытия. Причем Право и разумное ограничение есть выведенные на уровень понимания этические и эстетические абсолюты, которые сами в себе выступают как первичные, основываясь и на неосознаваемых переживаниях, ощущениях гармонии, традиции.

Между ограничением и мерой существует диалектическая связь. Однако именно мера, предел, норма – ключевые характеристики организации как упорядоченного бытия в его отличии от беспорядочности, характерной для хаоса. Это понимали уже философы древности. Поэтому можно заключить, что в существующем триединстве духа («Истина (Любовь)–Добро–Красота») Право выполняет роль транслятора. Применительно к Красоте и Доброте Право играет роль ограничителя человеческого разума, чувств и поведения, а применительно к Истине Право выступают как духовно-нравственный носитель. Это позволяет говорить об онтическом синтезе Права и нравственности, который, наряду с иными способами формирования бытия, используется Богом для упорядочения жизни людей.

Право имеет надчеловеческое, священное значение, ибо развитие в рамках планеты, восходя к человеку, обретает нравственный смысл, правовое измерение. Через человека и посредством человека развитие перестает быть лишь объективированно-гармоничной сущностью, лишь соответствием объекта среде, совершенствованием в угоду среде. Оно становится нравственным, управляемым правовыми (религиозны-

ми, этическими и эстетическими) императивами, сопровождаясь и предваряясь ими особенно в ситуации выбора. *В сложном развивающемся мире нужна особая стратегия деятельности, требующая синтеза Права, нравственности и религии, что может сыграть решающую роль в возрождении духовности человечества.*

Весомым аргументом против синтеза Права и нравственности в юридической науке считается существование нравственно безразличных юридических норм²⁶¹. В качестве примеров приводят пьянство и прелюбодеяние. Однако вопрос о превращении так называемых чисто нравственных требований в юридическое предписание есть вопрос целесообразности. Он решается обществом по целому ряду соображений. И это нисколько не умаляет того факта, что нравственность входит в Право как сакральное начало, ведь бывают поступки, не запрещенные юридическим документом, но противоречащие Праву. И Право посредством человеческой совести сигнализирует прелюбодею и пьянице о противоправности (греховности) их поведения. Если исправления не последует, душевные страдания (угрызения совести) переходят в муки совести, с которыми впоследствии перестает справляться организм человека и возникает болезнь, исход которой зависит от исправления человека. Заметим: в словах «исПРАВление», «сПРАВился» и «ПРАВо» корень общий. *Право действует даже тогда, когда «молчат» юридические законы.* Область нравственности и область Права не исключают друг друга.

Б.Н. Чичерин, подобно молодому В.С. Соловьеву, различал право и нравственность, предлагая понимать под правом «закон правды», а под нравственностью – «закон любви»²⁶².

²⁶¹ См., напр.: Шап Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 90-91.

²⁶² Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1905. С. 114.

Но между правдой и любовью нет противоречия – правда состоит в любви.

П.И. Новгородцев, а вслед за ним многие ученые-юристы, полагал, что право всегда стремится к точным определениям, что для нравственности нехарактерно²⁶³. Значит под Правом на самом деле он подразумевал закон. Ведь Право, как и нравственность, тоже всеобщее и внеситуационно. Только должное в юридическом законе конкретно и ситуационно. Правовое воздействие наблюдается даже при обвальном и тотальном обрушении всей системы законодательства. Каждый человек в общении с окружающими убеждается в том, что существует внутренний закон добра и любви, и если он его не соблюдает, то он всегда будет *неправ*. Это внутреннее отношение ко всему живому, и в особенности к другим людям, является естественным правосознанием, поддерживающим действие Права даже в период законодательного вакуума либо безнравственного законопорядка. Правовые установления имеют духовную, нравственную глубину и требуют прежде всего внутренней доброты.

Согласно учению Л.И. Петражицкого основное различие между нравственностью и правом заключается в чисто императивном характере нравственных норм и императивно-атрибутивном характере правовых норм. Чисто императивные (нравственные) нормы односторонне-обязательные, безпритязательные. Правовые нормы – обязательно-притязательные или императивно-атрибутивные. Для норм первого рода главное заключается в осознании субъектом своей обязанности, долга, для норм второго рода – сознание субъектом своего права²⁶⁴. Сходной позиции в наши дни придерживается А.М. Величко: «Нравственность действует путем наложения на че-

²⁶³ Новгородцев П.И. Право и нравственность //Правоведение. 1995. № 6. С. 109.

²⁶⁴ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 1909. С. 64-65.

ловека и человеческий союз односторонней обязанности, – пишет он. – Право устанавливает не только обязанность, но и притязание»²⁶⁵. Заметим, что Л.И. Петражицкий признает императивный характер и права, и нравственности, а дальше в его подходе право тоже фактически отождествляется с юридическим законом. В действительности право притязания возникает не только и не столько из формального закона, сколько из тех духовных ценностей, которые иногда именуется принципами права. В процессуальных кодексах многих стран закреплено важное правило: «Отсутствие конкретной нормы законы по спорному делу не служит основанием для отказа судьи рассматривать дело». *В случае пробелов в законодательстве (а в Праве пробелов не бывает) судья обязан решать спор не по букве, а по духу закона, то есть основываясь на правовых ценностях, которые одновременно являются нравственными заповедями.* Значит, **Право объемлет и юридический и нравственный закон, ибо Право и нравственность мыслятся посредством категории императивной Абсолютной нормы.**

Нравственность входит в Право в качестве духовной константы. Право возникло раньше нравственности в виде Первозакона для перволюдей. Право и нравственность не противоречат друг другу, а образуют неразрывное духовное единство (синтез).

Право и нравственность едины, поскольку созданы одним Источником – Всемогущим Богом; за ними стоит Высший авторитет; они выражают одни и те же абсолюты Истины (Любви), Добра и Красоты; у них общий механизм действия; их объединяет один адресат – человек; у Права и нравственности общие санкции. Право тоже не всегда оформляется в юридических законах и оказывается

²⁶⁵ Величко А.М. Философия русской государственности. СПб, 2001. С. 195-196.

доступным человеку через совестный акт, принципы, идеи, духовные (в том числе нравственные) ценности.

Высшая нравственная цель определяется в православном христианстве как духовное совершенствование человека, то есть его подготовка к Царству Божьему, которое на земле невозможно. Эта цель достигается не через противопоставление Права, нравственности и религии, а через приведение их в должное соответствие с высшим нравственным началом – волей Бога. *Сами по себе Право, нравственность и религия не имеют оправдания, а лишь постольку, поскольку они осуществляют в жизни людей вечные ценности – ЛЮБОВЬ (ИСТИНУ), ДОБРО и КРАСОТУ. Помните: «Бог есть любовь и истина»?*

Правильное соотношение Права, нравственности и религии заключается в их органическом единстве (синтезе). Право оправдывается оправданием Высших духовных абсолютов, т.к. Право есть лишь осуществление ЛЮБВИ, ДОБРА и КРАСОТЫ.

По словам А.С. Ященко, «право не должно отрываться и обособляться от нравственности. То противопоставление морали праву, которое часто встречается в последнее время, есть лишь внесение ненужного и вредного раздвоения в единую сферу, лишь насильственный разрыв единой и целостной системы, вносящий борьбу туда, где, по принципу, место не борьбе, а дружному сотрудничеству»²⁶⁶. Эти слова были сказаны в самом начале XX столетия. В отечественном правоведении тесная связь права и нравственности признавалась многими учеными. В наши дни необходимо сделать следующий шаг по направлению к истине – *признать нравственность превращенной форма Права, одной из его составляющих.*

Право – сфера соединения (сочетания) нравственности и юриспруденции. Нравственность – это такая форма

²⁶⁶ Ященко А.С. Опыт синтетической теории права. Юрьев, 1912. С. 575.

Права, из которой выводятся начала Правды, моральные абсолюты. Нравственность (Правда) занимает в Праве более важное положение, чем юриспруденция. Юриспруденция представляет собой систему юридической (формализованной, нормативной) регламентации общественной жизни. В современных странах цивилизованного Запада торжествует не ПРАВО, а юриспруденция. Право есть национальное достояние России (Святой Руси).

Существенная ошибка заключается во мнении о том, что право является ценностью культуры и цивилизации²⁶⁷. Считать так, значит, сводить Право к продуктам рациональной человеческой деятельности, лишенным неизменной абсолютной основы. **Право, как и его форма – нравственность (иначе - Правда), было создано Высшим Абсолютом – Богом в качестве вечного и неизменного духа ИСТИНЫ (ЛЮБВИ), ДОБРА и КРАСОТЫ, а (выражаясь светским языком: в качестве абсолютных духовных принципов).**

Право позволяет соединять в юрисдикционных решениях нравственные заповеди и функциональность. Возрождение Права в России предполагает задачу преодоления раскола между Правом и нравственностью. На Руси Право без нравственной константы немислимо. «Можно сказать, что неразделенность и взаимообусловленность правового и нравственного представлялись в то время ценностью, характеризующейся определениями «хорошее», «должное», «справедливое», – пишет современный исследователь права Ю.В. Ячменев. – Поэтому различие права и закона вполне соответствует различию «искусственного» права – закона, человеческого установления и естественного права («разумного», вечного, божественного) – правды»²⁶⁸.

²⁶⁷ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 8.

²⁶⁸ Ячменев Ю.В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. 2001. № 3. С. 207-208.

Термин «злоупотребление правом», активно используемый российской юриспруденцией, в буквальном понимании означает употребление права во зло в тех случаях, когда управомоченное лицо обладает субъективным правом, действует в его пределах, но наносит какой-либо вред правам других лиц или обществу в целом. Эта категория и такие как «добросовестность», «добрые нравы», «добрая воля», «справедливость» свидетельствует о преимуществах традиционного сочетания Права и нравственности. *Невозможно определить – нравственной или сугубо правовой является категория «справедливость», ибо правовые ценностные категории одновременно нравственны.*

Задача возрождения и укрепления Права предполагает, чтобы юридические нормы адекватно отражали требования нравственных заповедей, а внутреннее чувство субъектов Права полно одухотворяли собой внешнее исполнение закона. Одно из самых ранних определений Права звучит следующим образом: «Право есть творчество в области доброго»²⁶⁹. К несчастью для человечества, со времени формулирования данного определения сфера правового была отчуждена от сферы юридического, а правовая наука перестала быть «Правоведением», трансформировавшись в «Юриспруденцию». Утрата духовно-нравственного начала для Права нетерпимо, этот духовный ценностный кризис парализовал всю правовую систему общества. Релятивизм и нигилизм ценностного сознания ведут к вымыванию из понятия Права аксиологических аспектов, выхолащиванию из правовой системы ценностного фундамента. **Признание ценностного аспекта бытия Права современной юридической наукой позволит обнаружить органическое единство Права и нравственности. Удаление из правовой системы вечных, универсальных нравствен-**

²⁶⁹ См.: «Дигесты» императора Юстиниана (VI в.), «Базилики» и «Прохи-рон» Византии (IX в.), «Алфавитную Синтагму» Матфея Властаря (XIV в.).

ных ценностей приводит к утрате Правом своей духовной сущности, к потере человеком в Праве личностного жизнеутверждающего начала.

Любой субъект Права должен видеть в нем свою твердую духовную опору и защиту. Если юридический закон в какой-то своей части противоречит правовой нравственности, субъекты Права тут же адекватно реагируют на него постоянными нарушениями и игнорированием этого закона. И в этом поведении субъектов не будет признаков правового нигилизма, потому что люди в данном случае отвергли не духовную и социальную ценность Права, а безнравственное законодательство.

Степенью удаленности субъекта от Бога и Его заповедей обусловлены последствия неостребованности действующих норм юридического закона. Два участника хозяйственного договора, усвоившие внутренний нравственный императив высокого уровня, исполнят свои обязательства, возможно, даже не прибегая к нормам Гражданского Кодекса, и в их лице мы видим пример неостребованности законодательства в лучшем, возвышенном смысле. В то же время отдаление части общества от правовых духовно-нравственных абсолютов разрушительно влияет на правопорядок. В современной России нужно всячески поощрять и стимулировать стремление членов общества к восприятию принципов Права, имеющих непосредственно регулятивное значение. Ибо это стремление, помимо вполне конкретного практического следствия – правопорядка, содержит в себе мистическую первооснову такого правопослушания – сохранившееся, несмотря на отдаление людей от Бога, стремление к Нему, нередко неосознанное, но являющееся могучим источником духовности народа.

Очевидно, что научные споры о соотношении Права и нравственности обусловлены различиями в осмыслении природы Абсолюта. На Западе укоренилась позиция, согласно которой Абсолютом выступает человеческая личность (в Рос-

сии ее поддерживали Б.Н. Чичерин, ориентировавшийся на Гегеля, В.С. Соловьев, почитавший Шеллинга, а также Е.Н. Трубецкой, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, М.М.Ковалевский, Г.Ф. Шершеневич и др.). *Но в России после митрополита Иллариона и монаха Филофея под Правом понималось проявление Божьей благодати, а под законом – произвол изменчивых людей.* На место Абсолюта (Бога) человек стал претендовать в России только в XX в., до этого времени такой патологии наша страна не знала.

С.Е. Десницкий в XVIII в. писал, что этика или «нравоучительная» философия, есть «первый способ к совершению наших чувствований, справедливости и несправедливости». Поэтому в соединении с «натуральной» юриспруденцией она является «первым руководством» для всех рассуждающих в сфере права; это знание, которое составляет «первоначальное учение законоискусства»²⁷⁰. К концу своей жизни в прошлом убежденный либерал П.И. Новгородцев раскаялся и сделал вывод: «Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь. Вот почему мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – агиократию, власть святынь. ... Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народных дух!»²⁷¹

Сам И. Кант, много сделавший для разделения и противопоставления Права и морали, рассуждая о внутренней и внешней свободе, указывал на единство и общность морали и Права в том смысле, что их сущность может быть раскрыта из одной и той же основы (вот только основу эту он усматривал в практическом разуме, что полностью обезсмысливало апелляции мыслителя к естественному праву). Сущность у права и нравственности действительно общая. *Право, включающее в*

²⁷⁰ История философии права. СПб, 1998. С. 341.

²⁷¹ Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 435, 443.

себя нравственность, принципиально охватывает всю человеческую жизнь, происходит от Высшего Абсолюта (Бога) и впечатляется в совесть человека.

Право и нравственность неразличимы ни по предмету, ни по источнику происхождения. С одной стороны, нравственность касается не только внутренней жизни человека и не только личных отношений между людьми, но в принципе – всех отношений между людьми вообще. С другой стороны, Право направлено на волю, мировоззрение, чувства и интуицию человека, а затем проецируется во внешних поступках людей. Для Права и нравственности одинаково важно добровольное внутреннее осознание Правды.

Пожалуй, единственно принципиальное различие между Правом и нравственностью заключается в том, что нравственность появилась позднее Права. На заре истории человечества право уже существовало в виде Первозакона, а нравственность возникла лишь после грехопадения перволюдей. Появившись, нравственность органично вошла в Право в качестве его составной и неотделимой части.

Русское правосознание приемлет лишь внутреннее, органическое сочетание прав и обязанностей («правообязанность», по выражению Н.Н. Алексеева²⁷²), при этом **формальная определенность не является единственным способом выражения Права. Закрепление публичного правового порядка результативно может осуществляться только в единстве религиозных, моральных и юридических норм, образующих в совокупности ПРАВО как проявление духа.**

Н.Н. Алексеев писал: «Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, а в том, чисто нравственном убежде-

²⁷² Алексеев Н.Н. Обязанность и право. СПб, 1898. С. 158.

нии, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей, установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины»²⁷³. Невозможно обнаружить границу между Правом и нравственностью, поскольку их по сути самой объединяет правообязанность (нравственный и религиозный правовой долг). Право как проявление духа одухотворяет все сферы общественной жизни и государственной деятельности, поэтому порядок в стране не может обладать характером чисто юридическим. По своей сути нравственность и юриспруденция представляют собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей правового характера.

Умберто Эко признался: «Я постарался обосновать принципы внерелигиозной этики, но у меня ничего не получилось»²⁷⁴. К этому печальному итогу подошло либеральное мышление, уверенное, что и у него есть своя мораль. Право, воплощенное в Первозаконе, развитое в нравственных категориях и заповедях веры, частично формализованное в юридическом законе, оказывается священным феноменом, несравнимо более могущественным, чем простой юридический акт.

Священный статус Права раскрывается через нравственность и Божьи заповеди. Право суть категория высокого, трансцендентного духовного мира, способная придавать духовный ранг другим явлениям. Высокая духовная значимость Права обусловлена отнюдь не требованиями законодательной техники и не юридической казуистикой. Право и нравственность связаны в органическое единство исторически, содержательно, логически, а главное – духовно.

Характеризуя состояние правовой системы середины XX в. П.А. Сорокин констатировал наличие кризиса нравствен-

²⁷³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб, 1898. С. 193.

²⁷⁴ Эко У. Пять эссе на темы этики. М., 1988. С. 11.

ных идеалов и права, суть которого заключается, по его мнению, в постепенной девальвации этических и правовых норм. Этические и правовые ценности потеряли свой престиж. С потерей престижа они постепенно утрачивают и свою регулирующую силу. Взамен этических и правовых ценностей возникает современное «право сильного»²⁷⁵. Такова цена ставки на формально-юридический закон в ущерб Праву как духовной ценности.

С христианской точки зрения, такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что это развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной свободе научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни. Тогда научно-технический прогресс сопровождается регрессом общества.

Не «темный традиционализм» является истинной мишенью реформаторов глобализма, а мораль, семья, государство, Право, прежде всего – Бог. Но «Бог поругаем не бывает». **Для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями, нужно вернуть нравственность в Право, что невозможно без возвращения людей к Богу.**

С.С. Алексеев в своих поздних работах признавал опасность узкоэтических идеологий: «Нельзя их абсолютизировать, – писал он, – упускать из поля зрения величие и незаменимость истинно человеческой морали, взаимное благотворное влияние права и морали, их тесное взаимодействие

²⁷⁵ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 83.

и взаимопроникновение, прежде всего на уровне основных моральных требований христианской культуры»²⁷⁶. Пора сделать и более откровенное признание: **Право – это проявление Святого Духа, доступное сознанию человека в виде духовно-нравственных идеалов, Божьих заповедей, дара благодати (одухотворенности), дара совести, принципов и правил; Право имеет нравственные и религиозные христианские начала, а не сугубо юридические корни.**

Л.А. Тихомиров подчеркивал, что автономность морали подрывает силу закона²⁷⁷. И.Д. Мишина отмечает, что «фактором, обуславливающим взаимодействие нравственности и права как социально-нормативных регуляторов, является их единство на духовном, аксиологическом уровне»²⁷⁸. В этих воззрениях выражается *традиционный опыт русского национального самосознания, выразившего когда-то духовный синтез Закона Божьего, Закона нравственного и закона юридического, одним словом – «ПРАВО».*

На Руси идеалы добра, взаимопомощи, родительской любви, уважения к старшим и т.п. почитались как нечто более высокое и значимое, чем формально-юридические установления государства, легистские и либертарные рассуждения и требования неукоснительного и неуклонного соблюдения «буквы». Судей, а равно иных правоприменителей, превративших свою профессию в «крючоктворство», рациональный формализм и «буквоедство», русское правосознание не воспринимает положительно. *В русской действительности (а не в английском LAW, и не в римском JUS) мораль выступает неизменным атрибутом Права, выступает системой, из координат которой возможна правовая оценка юридического закона, а*

²⁷⁶ Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. С. 64.

²⁷⁷ Тихомиров Л.А. Государственность и религия // Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 127.

²⁷⁸ Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 6.

также дополняет Право, способствуя реализации и защите базовых, Абсолютных ценностей мироздания. На основе нравственных критериев вырабатываются исключительно эффективные юридические нормы. В этом случае юридический закон не противоречит праву.

Право и нравственность обладают единством в одном и том же отношении, отношении единой сущности. В качестве единой сущности Права и нравственности выступают Заповеди Господа Бога – о любви, добре и красоте человеческих взаимоотношений.

Право и нравственность – единство не механическое, а органическое. Нравственность и Право немислимы в автономном виде. Единство нравственности и Права настолько органично и значительно, что дает повод рассматривать их как единое духовное образование.

Поскольку Право и нравственность представляют собой генетически и исторически последовательные формы осуществления единых ценностей – Ветхого и Нового заветов Бога, можно утверждать, что аксиологическое ядро Права имеет БОЖЕСТВЕННЫЙ, ХРИСТИАНСКИЙ, ПРАВОСЛАВНЫЙ характер – это выражение истины по проблеме соотношения Права и нравственности. Право не стало императивом планетарного развития, когда перволюди нарушили Первозакон, когда впоследствии человечество заменило идеалы Любви, Добра и Красоты культом порока, зла и безобразия. Но у жаждущих спасения своей бессмертной души есть надежда – ПРАВО, являющееся проявлением Святого Духа; ПРАВО, воплощенное в единство (синтез) православных, нравственных ценностей и соответствующих им юридических правил; ПРАВО, предлагающее человеку защиту Самого Господа Бога; ПРАВО, предоставляющее индивиду возможность (право) быть человеком.

2.2. Право и Православие (религиозная основа права России)

«...вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом»
(Евр. 8,10).

Дискуссия по поводу источника происхождения Права predetermined проблемой правопонимания. Современные школы правопонимания недооценивают то обстоятельство, что разрабатываемые ими определения Права зависят от выбранного источника Права (источника не в смысле способа формального выражения, а в смысле первопричины, породившей Право и predeterminedившей его генезис и дальнейшую эволюцию). Узость и фрагментарность подходов различных школ правопонимания обусловлена тем, что Источником права они признают человека, в то время как подлинное и исконное Право создано Богом в виде Первозакон, заповедей, дара совестного переживания и др.

Впервые искаженное представление об источнике права было выражено в «римском праве» в формуле «сила порождает право», которая на протяжении всей истории человечества стала лозунгом антиправовых сил и деструктивных движений. У знаменитого немецкого философа Г. Гегеля эта формула получила следующее изложение: «Сила есть право, а право есть сила»²⁷⁹. Право стали воспринимать в качестве результата социальной борьбы²⁸⁰. Этот взгляд на право как на продукт опыта, борьбы, истории и окружающей среды с XIX в. пользуется почти общим признанием и находится в полном соответствии с теорией эволюции Ч. Дарвина. В этом подходе

²⁷⁹ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. С. 104.

²⁸⁰ Йеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. С. 99; Чижов Н. Источник и формы права. Варшава, 1878. С. 112; Куницын А. Право естественное. СПб, 1818. С. 31.

законы естественного отбора животных переносятся в сферу Права.

Г.Ф. Шершеневич источником права считал государство. Право, по его мнению, представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозой на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти²⁸¹. Марксистско-ленинская теория права, не имеющая духовно-нравственных, а в России – каких-либо традиционных оснований, постулировала, что право вместе с государством порождается классовым обществом как проявление социального отчуждения, межклассового антагонизма; оно – средство классовой борьбы, преодоления и подавления классовых противников²⁸². **Однако никакое государство и никакая социальная власть не есть первоначальный источник Права, ибо всякая власть на земле обусловлена Правом. Понятие государства как правовой организации общества уже предполагает наличие Права. Факт признания или непризнания государством тех или иных явлений Правом не является признаком самого Права, а лишь характеризует государственный режим. Опыт тоталитарных диктатур XX столетия позволил окончательно осознать, что государство не есть источник Права, и следование закону еще не гарантирует защиту Права. В то же время даже попытки последовательного проведения в жизнь нормативизма («чистая теория права» Г. Кельзена) свидетельствует о том, что и он нуждается в подобии метафизических оснований («мета-норма»).**

Обоснование Права через «природу» отдаёт жестким детерминизмом, раз и навсегда предустановленной причинностью, природной неотвратимостью. «Сущность права

²⁸¹ Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 74.

²⁸² Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 79.

обусловлена природой человека, его потребностью к свободе, самоопределению. ...Правовое же вытекает из природы человека, зиждется на его правах и свободах», – таковы каноны современной юриспруденции²⁸³. Но в этих положениях господствующая ныне доктрина «естественного права» отрицает сама себя. Дело в том, что человек не тождественен своей природе, свободная личность каждый раз заново устанавливает свои отношения со своей природой, каждый раз заново через свою свободу входит в те или иные отношения с ней. Каждая конкретная конфигурация и составляет определенную индивидуальность – и именно эта индивидуальность может меняться в человеке. *Детерминируя сферу права замыслом некоей природы (то есть неотвратимостью окружающей природной среды), либертарные юснатуралисты фактически отвергают свободу человека.*

Подобные извращения сути Права стали возможными после появления и гиперболизации метода рационализма, требующего обосновывать все правовые явления с позиции разума²⁸⁴. В современной общетеоретической юридической науке господствует тезис: «Право – это творение человека и как любое человеческое творение может быть понято только через призму его идей»²⁸⁵. По мнению большинства совре-

²⁸³ Шафиров В.М. Естественное-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 87, 73.

²⁸⁴ Г. Гурвич писал: «Начало нового времени ознаменовалось в области мысли торжеством рационализма; единственным источником познания был признан человеческий разум, извлекающий путем дедукции из самоочевидных мыслей (аксиом) целую систему мировоззрения. Мысль человеческая, отрешившись от всяких внешних авторитетов, берет точку отправления в себе самой; в результате философия отделяется от богословия и совершается секуляризация науки» (Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915. С. 33).

²⁸⁵ Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. 2004. № 5. С. 16.

менных ученых-юристов, считающих себя правоведами, право возникает не в силу официального провозглашения либо установления неким Высшим авторитетом, а в силу взаимного признания внутри круга субъектов государственно-правового общения. Таким образом, источником Права признаются сами участники юридического общения, а универсальной по своей оптимальности формой признания Права считается договор (контракт). Но если бы Право было порождено договором, оно представляло бы собой самый непостоянный, стихийно изменяющийся спутник социальной эволюции, лишенный к тому же каких-либо атрибутивных свойств. В мире, где хотят видеть **ЛЮБОВЬ, ДОБРО и КРАСОТУ** (а не взаимную ненависть, торжество порока и культ безобразия), в основе Права не может быть договорного начала, Право метаюридично. Нельзя становится в договорные начала к абсолютным ценностям. Нельзя делать Божьи заповеди, небо, землю, жизнь человека, нравственные принципы залогом договора или «закладывать». Принципы формального закона и общественного договора сняты в Новом Завете установлением иного, высшего принципа, посредством поднятия на высшую ступень религиозно-нравственных начал, на ступень любви. Ибо любовь к Богу как Отцу не есть договор, и любовь к братьям не есть договор.

Человек, равно как и человеческое общество в целом, не могут быть признаны источником Права. Жизненные условия, то есть условия существования общества, так же как и его потребности или интересы, изменяются в условиях времени и места, и секулярная наука не имеет объективного критерия для определения этих условий. Все решается здесь субъективным сознанием общества о том, что оно считает необходимыми условиями своего существования, и мы видим нередко, что вместо обеспечения этих условий Право вступает с ними в режущее противоречие, не переставая от этого

быть Правом. Но можно ли признавать источником Права динамичные условия существования общества, к тому же воспринимаемые в субъективном смысле?

С.С. Алексеев назвал источником права цивилизацию и культуру²⁸⁶, причем сама цивилизация трактуется как такая ступень в развитии человечества, которая снабжена механизмами и институтами обеспечения суверенитета личности на фоне материального технического прогресса. Но такое понимание цивилизации исключает не только суверенитет, но и свободу личности вообще – человек превращается в объект гедонистических удовольствий, средство обслуживания материальных ценностей, а значит, объект манипулирования. *Культура же (понятие образованное от корня «культ») изначально является производной религии. А религия возникла до культуры и имеет надкультурный характер. Подлинная культура обязательно духовна, следовательно, в высшем своем проявлении – церковна.*

В современной юриспруденции такие выводы воспринимаются с трудом; в ней привыкли к чисто светской концепции права, согласно которой право создано человеком и для нужд человека. В обезбоженной среде привлекают аргументы сугубо человеческого, рационалистического плана, укорененные вне религиозной истины. Отдельных ученых, которых посещают «догадки» о роли воли Божьей в происхождении права, подвергают остракизму, а их труды жесточайшей цензуре. Л.И.Петражицкий попытался вывести право из начал любви – и только высказался о необходимости строить учение о праве на христианской любви – как тут же оказался объектом беспощадной критики коллег. Он закончил свою жизнь созданием психологической теории, ищущей объективную основу Права в субъективных эмоциях отдельных людей, то есть ли-

²⁸⁶ Алексеев С.С. Новые подходы – требование перестройки // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 6; Он же. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 5, 7, 9.

шающей Право какой бы то ни было действительно объективной опоры. И Л.И. Петражицкий поддался соблазну юснатурализма при решении вопросов, которые по существу, подлежат ведению идеалистической методологии.

Другие ученые, как, например, Е.Н. Трубецкой, старались избегать прямого указания на действительный и Высший источник Права и ограничивались намеками: «Мысль, что в обществе все развивается само собой или по судьбе может убить в человеке всякую энергию, привести его к квиетизму и пассивному отношению к окружающей действительности»²⁸⁷. Вне религиозного плана уяснить феномен Права невозможно. Религиозное миропонимание, в отличие от философского или секулярно-научного, выражается в ценностных категориях, то есть ориентировано на то, чтобы показать – что значат те или иные феномены в свете понимания конечных целей и устремлений. *Право утрачивает сущность и содержание без сверхценностей, а сверхценности либо имеют чисто религиозный характер, либо весьма сильно связаны с религиозной сферой. Поэтому в Праве (в собственном смысле слова) необходимо актуализировать религиозные основания*²⁸⁸.

²⁸⁷ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 207. Он уже не стал того времени, когда слово «судьба» использовалось в первоначальном смысле, как обозначение суда Божьего за человеческие грехи (СУДЬБА – Суд Божий, так же как слово СПАСИ-БО – образовано от выражения «Спаси Бог», а ВОРОЖ-БА – враги (вороги, противники) Бога).

²⁸⁸ Религиозные основания являются изначальными основами Права. Эти истоки Права незбылемы и восходят к созданию человека Богом. В отношении бытия Бога вера есть у всех. Одни верят, что Бог есть, другие же верят, что Бога нет. Однако атеизм – безбожие – в чистом виде практически не встречается. У человека есть врожденное стремление к Богу: будучи, как говорит Библия, образом Божиим, человек тянется к своему Первообразу. И если своим поверхностным рассудком человек не признает Бога-Творца, своего Создателя, то этот самый рассудок начинает подсовывать человеку разнообразные суррогаты, на которые обманутый человек и направляет присущее ему религиозное чувство. Место в душе человека, предназначенное для Бога и остающееся пустым, неизбежно

Атеизм и материализм, господствующие в юридической науке, по сути дела, представляют собой крайние формы рационализма. И что показательное: отказ от религии, то есть от понимания мира как Божественного Творения, восприятие атеистического мировоззрения побуждало ученых изыскивать иную силу, способную, с их точки зрения, управлять миром. Такой силой стал сам человек, и прежде всего человеческий разум, а способом, которым человек может созидать свой мир, стала считаться наука. И ученые, отвергая веру в Бога, безоговорочно уверовали в силу науки, в силы и способности самого человеческого разума. Отказываясь от мифологии религиозной, они мифологизировали науку, в какой-то степени даже стали обожествлять ее. И тем самым мифологизировали, обожествляли сам человеческий разум. М.А. Бакунин выразил это стремление так: «Един мир, и едино средство познания назначения законов или порядков его для добывания Истины – Наука»²⁸⁹. Вера в возможности человека и его разума становилась для материалистов философским обоснованием необходимости преобразования общества: если Бога с его Законами нет, то человек должен сам устанавливать свои законы, сам решать, как ему жить.

Однако когда речь идет о светском, юридическом порядке, отделенном от Бога и Его церкви, сами собой во всех мелочах такого порядка проглядывают черты идолопоклонничества, нового язычества, а другими словами – сатанизма. Ведь жизнь за церковной оградой, вне тела Христова, есть только духовная смерть, поэтому *жизнь христианина ни в коем случае нельзя делить на правовую, нравственную, политическую и религиозную*. Есть жизнь в Боге и с Богом, а все, что за пределами ее – дьявольские подделки, суррогаты, обман и ложь.

будет занято какой-нибудь «нечистью». И тогда на место Божества водворяется либо безличный идол, кумир, либо сам дьявол. Это – безрелигиозная религия самообожествления или человекобожества.

²⁸⁹ Бакунин М.А. Государство и революция. М., 1990. С. 187.

И когда раздаются голоса высокоавторитетных представителей современной юриспруденции, что в наш век смешно говорить о Боге, должно быть понятно, из какого источника говорит этот голос. **Задача настоящих ученых сегодня – открыто заявить, что Право создано боговдохновенным актом и поддерживается поныне боговдохновенными людьми, а безбожники в правовой сфере всегда будут лишь разрушителями и разлагателями. Пора возвращать российскую теорию Права в христианство, а до тех пор удовлетворительного правопонимания не будет. Отечественным правоведам пора прекратить «жонглировать» переводными работами зарубежных юристов и, наконец, восстановить исконное понимание древнерусского понятия «ПРАВО».**

У субъектов Права, из числа простых российских граждан, присутствует большой интерес к вопросам Православия. Но, к сожалению, профессиональный интерес к этому вопросу среди правоведов не велик, что объясняется запретностью этой темы на протяжении многих десятилетий. Это обернулось практически полным отсутствием разработанной научной базы и, как следствие, неготовностью правотворцев всех уровней принимать приемлемые для общества решения. Научные труды, в которых среди источников права упоминаются и религиозные тексты, единицы²⁹⁰, да и они апеллируют к опыту исключительно мусульманских индуистских правовых систем. Сама связь права с религией квалифицируется современными учеными-юристами как отрицательная черта, нечто экзотическое и отжившее.

Но, как известно, изучение права невозможно без исследования этимологии самого слова «ПРАВО»: в юриспруденции во все времена важное значение имеет соизмерение слов, терминов, формулировок. И остается лишь удивляться тому факту, что этимологией слова «ПРАВО» у нас никто не за-

²⁹⁰ См., например: Гранат Н.Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 7.

нимался. Если бы наука к этому вопросу обращалась, обнаружилось бы прямое родство слов «ПРАВО» и «ПРАВОСЛАВИЕ». А в слове «ПРАВОСЛАВИЕ» никто не замечал связь слов «Право» и «славие», меняем эти корни местами, получаем – «прославление Права», то есть прославление чего? Не идеалов ли ЛЮБВИ (ИСТИНЫ), ДОБРА и КРАСОТЫ, заповеданных Господом Богом? Поразительно, как удавалось отечественным юристам на протяжении столетий употреблять понятие Права и не видеть его очевидных истоков в традиционной вере русского народа – Святой Руси? ПРАВО и ПРАВОСЛАВИЕ – не просто парные, однокоренные слова, это односущностные категории, соотносящиеся как целое и часть. ПРАВО, данное перволюдям еще в Первозаконе, впоследствии получило новую испостась в нравственности – ПРАВДЕ, а затем в религиозной испостаси – ПРАВОСЛАВИИ, а уж потом (отчасти) в законах государства.

В последние годы в российской юридической науке проходит процесс реабилитации некогда извращенных, подмененных или вычеркнутых из нее понятий и явлений, но не ведется работа по возвращению утраченных смыслов. В процессе переоценки забыта категория самого ПРАВА, как-будто оно на самом деле всего лишь аутентичный перевод иностранных терминов «LAW», «JUS», «LEX» и т.п. (не имеющих к ПРАВУ никакого отношения)²⁹¹.

²⁹¹ Все имеющиеся энциклопедические словари по юриспруденции и толковые словари русского языка сводят исконный смысл слова «ПРАВО» либо к справедливости, либо осуществлению правосудия, либо к системе общеобязательных норм. Такие подмены более нетерпимы. Предстоит гигантская работа по возвращению самым употребимым словам русского языка первоначального, сокровенного смысла. Например, слово «ОБРАЗОВАНИЕ» изначально использовалось для обозначения духовного состояния человека, при котором в его душе проявляется ОБРАЗ Божий. Слово «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» искони употреблялось русскими не как синоним слов «наказание», «кара», а в качестве способности держать

Итак, без понимания Православия невозможно осознать значение Права при том, что Право не сводится на 100% к чистой церковности и образцам древней русской святости. Право включает в себя всю духовно-нравственную сферу русского человека, многие элементы которой возникли еще до принятия христианства. Православие увенчало и упрочило древнее мировоззрение русского народа, придав ему более утонченный и возвышенный характер. У русской цивилизации было немало общего с индийской, китайской, японской и др. подобными цивилизациями, но ПРАВОславной она стала одна. Поиск цели развития в ней видится не в стяжании материальных благ, не вне человека, а в глубине его души, в стремлении к абсолютным духовным началам бытия.

Теснейшая, органическая связь ПРАВА и ПРАВОСЛАВИЯ окружена в юридической науке стеной безмолвия. Под Православием понимается христианское вероучение, сохранившее в неизменной чистоте заветы Христа и апостолов в том виде, в каком они изложены в Священном Писании, Священном Предании и древних символах Вселенской церкви. С момента отпадения западной церкви от Православия главным его хранителем стала Россия (Святая Русь), Русская Православная Церковь²⁹². В Восточной Церкви не приняли западного учения о догматическом развитии и при-

ОТВЕТ перед Богом относительно использования его даров – талантов, дарований. Ответственность есть возвращение человеком полученных даров Источнику – Богу. А термин «НАКАЗАНИЕ» тоже изначально не предполагал лишь расправу с нарушителем, под НАКАЗАнием подразумевался наказ, воспитание человеческой души, доверие и милосердие. На этом познавательном пути современных россиян ждут удивительные «открытия», а точнее – воспоминание и воссоздание утраченных смыслов пока еще употребляемых исконных русских слов.

²⁹² См. подробнее: Булгаков С.Н. Православие. М., 1991; Городцев П.Д. Беседы об истинах православной христианской веры как основании нравственности. СПб, 1882; Гарнак А. Религиозно-нравственные основы христианства в историческом их выражении. Харьков, 1907.

держивались убеждения, что догматы, утвержденные на первых Семи Вселенских Соборах, не подлежат изменению и уточнению не только по содержанию, но и по форме. Именно поэтому Восточная Церковь считается Православной, хранящей древнюю веру, а религиозное учение, утвердившееся на Востоке, называется Православием. Известна цитата из Библии о том, что: «Свет придет с Востока».

Можно сказать, что **Православие – это чистая и неискаженная Истина, принесенная на землю для спасения людей Христом-Спасителем. Через Православие ПРАВО, данное перволюдям в виде Первозакона, обрело новый масштаб и качество. Православие есть Истина, потому что свидетельствовать о ней пришел на землю Сам воплотившийся Единородный Сын Божий (Ин. 18,37). Поэтому Православие тождественно абсолютной истине.**

Православие не просто система вероучительных истин, не просто культ, не просто традиции, а прежде всего живое молитвенное, литургическое общение с невидимым, сверхчувственным миром и духовное постижение мира видимого, материального²⁹³. Обнаруживая религиозные основания Права, нам небезразлично какая религия имеется в виду, ведь религии вообще, как всеми признанного способа духовного освоения мира, не бывает. *У ПРАВА Святой Руси нет буддистских, мусульманских, иудейских, католических или протестантских корней – это исторический факт, к которому можно относиться только как к историческому факту. У ПРАВА все религиозные основания сосредоточены исключительно в ПРАВОславии.*

Настоящая религия представляет собой живой духовный союз человека с Богом; этот союз состоит в том, что Бог открывает человеку Свою сущность и Свою волю, а человек, вступая в этот союз и пребывая в общении с Богом, делает волю Божию – своей нормой и отдает свои силы на ее осуще-

²⁹³ Православие и духовное возрождение России. М., 2003. С. 146.

ствление. Подлинное Право содержит в себе, главным образом, воплощение Божьей воли, а Православие в лице Православной Церкви служит прославлению этого Права верующими. Следовательно, задача духовно здорового (православного) государства заключается в том, чтобы закреплять откровения Божьей воли в своем законодательстве и требовать ПРАВОпослушания от граждан (преимущественно неверующих либо заблудших в вере). В этом состоит органика (симфония) взаимодействия церковной и светской властей в православной стране, где только и возможно господство ПРАВА в собственном смысле слова.

«Религиозность, – по словам И.А. Ильина, – состоит всегда в том, что нечто испытывается как совершенное. Она начинается там, где душа выходит из состояния безразличия и различает между «лучше» и «хуже», где душа тяготеет именно к тому, что «лучше», и, следуя за ним, восходит к тому, что совершенно»²⁹⁴. Религиозность открывает человеку его духовную сущность и связывает ее с совершенным смыслом жизни; это дает чувство собственного духовного достоинства, абсолютное мерило всякой ценности, сообщает человеку духовную целостность. Поэтому настоящая религиозность служит укреплению правосознания человека, а подлинное правосознание не отвергает религиозных идей и чувств.

Религиозные, или другими словами духовно-нравственные, абсолюты могут быть единственно авторитетными и надежными ориентирами правотворческой и правореализационной практик. Православная вера пробуждает в душе субъекта права духовную зрелость, высокую степень ответственности, способность признавать духовное начало в других людях.

Таким образом, Православие выступает для православных людей (русский – означает православный) Истиной, опорой жизни, надеждой о должном и совершенном. «Вера же есть

²⁹⁴ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1999. С. 383.

осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). «Поскольку в любом социуме правитель может объединить своих подчиненных в органично свободный союз только при посредстве чего-то, то таким посредником может быть лишь более высокая, стоящая над обеими сторонами, а значит, духовная или моральная сила. Каковой собственно и является религия, – писал Ф. фон Баадер. – Поэтому пустыми и никчемными надо объявить те общественно-политические теории, которые пытаются объяснить первоначальное и современное состояние государства – натуралистически, без религии»²⁹⁵.

Душа народа может существовать и питать национальную культуру только тогда, когда она наполнена верой. Именно религиозная вера определяет духовное становление и творческий дух культуры. О религиозности русского народа как главным и органическим его качеством говорят все исследователи²⁹⁶. Чтобы понять своеобразие народа, а, следовательно, и его культуру, необходимо понять его веру и религию. Когда религиозность русского народа угасала под воздействием секулярного рационализма и интеллектуализма, его культура тоже начала погибать. В отсутствие Высшего Абсолютного начала культура всегда превращается в игру ума, баловство, преобладание формы над содержанием. *В результате возникает формалистическая и схоластическая наука – формальная юриспруденция, разлагающая, безсодержательная, аналитическая и абстрактная. Юридическая наука стала мертвым и ложным делом, а субъект Права начал вынаши-*

²⁹⁵ Баадер Ф. Философия эроса. М., 2001. С. 45.

²⁹⁶ См., например: Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1996. С. 311; Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Ежегодник российского права. 2000. С. 12-19; Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М., 1998; Малков Ю.Г. Русь святая: Очерк истории православия в России. М., 2002.

вать беспочвенное, разнузданное и обманчивое правосознание (фактически – законосознание).

Православие в отличие от католицизма не желает властвовать над миром, поскольку сознает, что рай на земле более не возможен. Православие всегда отсекало от себя ереси, свойственные протестантизму. Господь Бог не создавал множества религиозных конфессий. Он даровал только одну веру и одну Церковь. Иные церкви основаны не Господом, а самими людьми, они плод человеческого самочиния. Господь сказал: «Я созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16,18). Он не сказал: «созижду церкви», но одну Церковь. **Поэтому Православная вера является единственным религиозным основанием ПРАВА.**

Православие в наши дни находится в прицеле тотальной травли, потому что Православие есть религия сострадательности к слабым и как таковая представляет собой сопротивление новому расизму, завладевшим «передовым и прогрессивным человечеством». Русский человек потерялся бы в пространствах своей страны, если бы не обладал духовной высотой, с которой можно было обозревать эти безбрежные просторы. Только Православие способно дать русским самоидентификацию – все остальное у русских уже давно чуждое и чужое (одежда, жилища, образ жизни и даже язык). Только верить наш народ не разучился по-русски. Ортодоксальная православная церковность представляет собой единственную твердую основу для национального самоопределения, а значит, и для подлинного возрождения ПРАВА.

С момента Крещения Руси в 988 г. практически все дошедшие до нас литературные памятники – от «Слова о Законе и Благодати», летописных сводов и народных духовных стихов – отражают безраздельную поглощенность русской души вопросами религиозно-нравственного самосовершенствования. Немецкий исследователь В. Шубарт отмечал: «В проти-

воположность прометеевскому человеку русский носит в себе христианские добродетели как постоянные национальные черты. Не будет преувеличением говорить о врожденном христианстве русской, а может быть, даже и славянской души»²⁹⁷. Тысячелетиями история Права (а не юридического закона) в России творится людьми православной веры. Православие как сверхценность сохранялась в России, несмотря на десятилетия богоборчества. Значение Православия в русской истории и культуре духовно определяющее.

Вот почему православная вера долго считалась в России истинным критерием русскости. Религиозная составляющая играет первенствующую роль при выделении той или иной цивилизации, она определяет все остальное. Конструктивно об этом написал С. Хантингтон: «Религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций»²⁹⁸. А в своем фундаментальном труде «характер русского народа» Н.О. Лосский писал: «Основная, наиболее глубокая черта русского народа есть религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра»²⁹⁹. С.Ю.Наумов верно отмечает, что Православие искони играло и в известной мере продолжает сегодня играть роль системообразующей доктрины для государства и общества³⁰⁰. Действительно, *Православие есть истинная русская идеология, это та национальная идея, которую в начале XX столетия утратили и до сих пор безуспешно пытаются заместить неадаптируемыми суррогатами.* На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро.

²⁹⁷ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 211.

²⁹⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 59.

²⁹⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005. С. 107.

³⁰⁰ Наумов С.Ю. Православие и российская государственность: история и современность // Религиозный фактор в процессе становления гражданского общества в современной России. Саратов, 2004. С. 10.

Православие есть базовый источник морально-нравственных ориентиров русского народа. Доминирование религиозно-нравственных черт в русском сознании отразилось даже в выборе названия своей Родины – «Святая Русь». Только в Православии, по мнению Н.Я. Данилевского, находит выражение подлинный интерес русских людей³⁰¹. Он с глубочайшей научной строгостью доказал, что человечество не имеет общей и единой истории. История – это череда сменяющихся друг друга и существующих одновременно цивилизаций. Различия в быте, психологии, семейном укладе и исторической судьбе народов и стран коренятся прежде всего в области религиозной, духовной.

Стоит обратить внимание на тот факт, что свою религиозную и правовую культуру русские сохраняли даже под иноземным владычеством, даже при территориальной раздробленности государства. Представители иных вер и национальностей в истории России видели в Православии закон внутренней жизни русского народа, к которому можно относиться не только терпимо, но и с уважением, что позволяет сохранять личную свободу выбора. Для русских же осознание себя не просто национальной общностью, но общностью по духу – в Православии – необходимо для утверждения своего права на существование в глобализующемся мире, права на существование своей культуры и истории. Другими словами, *признание для русского народа Православия в качестве «своего» будет и в дальнейшем способствовать полному раскрытию его душевных качеств и способностей; преодолению недостатков и слабостей; определению правильной линии общественного развития; верному определению для России ее призвания и роли в мировой истории.*

Нанося удар по Православию, противники России культивируют отрицание Духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, родины и Права; сводят человеческую

³⁰¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 48.

жизнь к материальным процессам, материальным мерилам и материальному благополучию; внедряют механическую покорность тоталитарным приказам и запретам, веру в революцию, конкуренцию, социальную вражду, всеобщий разврат и торжество порока. Все это впитывается правосознанием наших современников и способствует их адаптации к рыночной экономике, культуре потребления, приходу Апокалипсиса. Нынешний субъект Права за каждый акт правопослушания ожидает немедленной награды, уверенно чувствует себя в коррупционных связях, безразличен к беде ближних. Такое «правосознание» на самом деле есть отрицание права как проявления духа милосердия и добра.

Российский правовед Л.Л. Герваген высказал интересную мысль: «...от содержания правовых указаний, от степени включения в право моментов абсолютной нравственности зависит внутренний характер права, его достоинство... Таким образом – сила права в любви!»³⁰². Весьма показательны, что ислам называет себя религией Справедливости³⁰³; Православие же является религией Любви. В Новом Завете к Десяти заповедям присоединяется новое, **основное в христианстве – любовь к ближнему. Это положение составляет основное содержание религиозного, нравственного и правового закона одновременно.**

Понятие любви не стоит ограничивать областью веры. Истинная любовь всепроникающа: она присуща творчеству, труду, общению людей во всех сферах общественной жизни. Категория любви потому ставится столь высоко, что в ней выражается Божественный закон, составляющий связь всех разумных и нравственных существ, то есть субъектов Права.

³⁰² Герваген Л.Л. Обязанности как основание права. СПб, 1908. С. 122.

³⁰³ Сюкияйнен Л.Р. Шариат: религия, нравственность, право // Государство и право. 1996. № 5. С. 24.

Православие как религия Любви воспитывает людей в такой структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладают над материальными, где целью жизни является не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души, стремление к Божественному идеалу. Отсюда нестяжательство, добротолубие, взаимопомощь и извечное искание Правды русской общины.

Таким образом, Православное христианство своим религиозным светом осмысливало и облагораживало дело Права и государства, и в то же время утверждало в человеческой душе такие благодатные силы (любовь и совесть), которые вдохновляли человеческое правосознание и придавали ему некую абсолютную опору.

О Божественной природе Права. Негативная оценка возникновения и функционирования Права и государства стала доминантной в изучении обоих феноменов. Это происходит, во многом, из-за того, что Право и государство подверглись чудовищной секуляризации и в результате лишились признаков Божьей воли. В светском обществе Право и государственная власть утрачивают духовную абсолютную ценность, а в качестве продуктов социальной жизнедеятельности теряют авторитет и эффективность.

Е.В. Спекторский задавался вопросом: «Если за объективность физических законов ручается порядок природы, то при беспорядке человеческих отношений что может ручаться за объективность юридических законов? На что должны опереться те, которые не только судят или судятся по законам, но хотели бы еще и судить о законах?»³⁰⁴. Г. Кельзен спрашивал, на чем зиждется сама юридическая норма, и отвечал: на базовой норме (Grundnorm) или первооснове всей юридической системы, метафизической субстанции, недоступной для по-

³⁰⁴ История философии права. СПб, 1998. С. 383.

нимания в правовых целях³⁰⁵. Требование правового характера закона также апеллирует к метафизическим основаниям права, сознают это авторы или нет. Представители секулярной юриспруденции время от времени делают осторожные предположения об Абсолютных основаниях права. Некоторые авторы, например, Б.Н. Чичерин, отождествляют метафизическое понятие Абсолюта с религиозным понятием Божества. «Абсолютные начала бытия, – писал он, – не могут быть поняты только как отвлеченная категория»³⁰⁶.

Проблема происхождения права не может быть решена и постигнута, если теория Права не выйдет за пределы юридических категорий. Право – грандиозный, неисчерпаемый для осознания феномен. Это порядок бытия, который создается Богом прежде, чем к нему прикасаются человеческие руки и осмысливает разум. С появлением государства как системы властно-регулятивной на него была возложена роль «адаптера» правовых явлений, посредника, взявшего на себя функции формально закреплять, выражать и своими силами помогать в осуществлении Права (по мере отпадения государства от церкви эта роль государственной власти деградировала).

Поскольку Право создал Господь Бог, мы имеем дело со священным явлением, проявлением Святого Духа. При таком решении вопроса о происхождении Права снимается проблема о соотношении ПРАВА, ПРАВДЫ и ПРАВОСЛАВИЯ. Право есть образ Божественного порядка для жизни людей на земле. Правда есть нравственность, позволяющая нравственному человеку безошибочно отделять правомерное от противоправного. Православие есть религия, направленная на прославле-

³⁰⁵ Чистое учение о праве Г. Кельзена: Сборник переводов. Вып. 2. М., 1988. С. 77.

³⁰⁶ Чичерин Б.Н. Наука и религия. СПб, 1879. С. 98.

ние Права (то есть воли Божьей), возможность Богообщения для особой категории людей – истинно православных.

Там, где нет Бога, там нет Правды, там нет Права. Право включает Божественные и человеческие законы (причем последние не должны противоречить первым). Божественные законы создал непосредственно Бог, которые он вначале сообщил перволюдям, затем записал в сердцах человеческих (совести), позднее – в заповедях Ветхого и Нового Заветов. Но человечеству и этого мало, оно постоянно стремится к жизни по-своему, нередко используя дар свободной воли в ущерб самому себе. Человеческие законы производны от законов Бога и те из них, которые противоречат воле Божьей, фактически являются псевдо-законами (это нормы, имеющие форму закона, принятые в рамках официальной процедуры, но противоречащие ПРАВУ).

Если и допустимо употреблять словосочетание «естественное право», то лишь в отношении Божественного Права. Никто и ничто не может удержать человека от порочных поступков, кроме Высшей воли. Никто из равных человеку не способен сдержать его низменных стремлений. Инстанцией, которая может удержать человека от гибели и которая постоянно защищает человека от его злоупотребления свободой выбора, является не суд, не правительство, а Всемогущий Бог.

Право неизменно, ибо оно вечно. Право в отличие от законодательства государства не зависит от субъективизма людей. Право приобретает свое подлинное значение исключительно в том случае, когда оно не подвержено пересмотру человеческим рассудком и конъюнктурой исторических эпох. Право дает человеку силу подняться над его исторической средой, поскольку над человеческими законами (переменной и поверхностной частью Права) доминирует высшее Право, Право первого, Божественно-

го, порядка, которое служит юридическим нормам основой и критерием.

Общество без Права – это общество без Бога, утратившее важнейшие опорные пункты, смысл своего существования и вставшее на путь самоуничтожения. В этом смысле безправие означает не просто отсутствие юридической защиты законных интересов индивида либо общности людей; безправие означает отрицание духовной ценности Права, непризнание факта, что Творцом и Источником Права является Бог. Без учета глубинных духовных (то есть Божественных) основ Права все программы укрепления правопорядка в обществе лишаются гарантий реализации. И значит – отпадает возможность самой постановки вопроса о Праве – Праве в первоначальном, исконном, высокодуховном значении, нацеленном на спасение людей.

Бог учредил закон для каждого сотворенного Им явления, в том числе и для последнего из Своих созданий – человека. Бог есть учредитель закона в самом широком смысле этого слова. Уже актом творения Он заложил в мир и закон всемирного тяготения, и законы механики, и закон Архимеда, и закон Паскаля. Но в отношении прочих актов творения закон является лишь определением функций, не зависящих от самого явления (это закон, не имеющий отношения к Праву). А в отношении человека, наделенного свободной волей, закон и определяет его функции, и ограничивает человека в его поступках (этот закон обретает правовое значение). Таким образом, Бог есть учредитель как физических законов, не поглощаемых категорией Права, так и учредитель Права. Слова апостола о том, что «Закон свят» (Рим. 7,12) и «Закон духовен» (Рим.7,14) подтверждают, что власть закона получена от Духа и его святости, то есть Божественных свойств. Следовательно, быть в послушании правовому закону – это значит, быть в послушании самому Богу.

Господь не нарушает своей же заповеди «не убий» и не убивает Сам – все случаи массовой гибели людей в библейских событиях связаны с тем, что обреченные на погибель отвергли Бога. То есть во всех подобных случаях их смерть – собственный выбор, ибо хула на Господа – самоубийство. Израильтянам в один из периодов их богоотступничества Бог сказал: «Вы как бы не Меня отвергли, а вас самих» (3 Ездра 1,27). В контексте собственного выбора объясняются и всемирный потоп, и разрушение Содома и др. Как сказал Старец Агапит (Воинов): «В минуту отчаяния знайте, что не Господь оставляет вас, а вы – Господа». Человек, нарушающий Право в его подлинном значении, возводит хулу на Бога, совершает акт Богоотступничества, тяжкий грех.

П.А. Сорокин выделял в свое время три системы права: идеациональную, чувственную и идеалистическую. Идеальный свод законов рассматривался им как данный Богом, или Абсолютом³⁰⁷. В такой системе преступление тождественно греху (в уголовном праве легко обнаружить органическое единство правовых и религиозных норм). **Сообщество людей, которое представляет себе Бога как существующего в непосредственном отношении к делам людей, будет склоняться поднимать юридические законы своего государства до ранга религиозных правил (так, чтобы эти два уровня единого Права составили иерархическое соответствие).**

Единство правового и религиозного очевидно и в вечном принципе Права: «то право, которое кто-либо считает справедливым применить к другому лицу, должно признаваться действительным и для себя» (Ульпиан)³⁰⁸. Сенека выражал его так: «Обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобой обходились стоящие выше»³⁰⁹. В русском пра-

³⁰⁷ Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 338.

³⁰⁸ Ефимов В.В. Догма римского права. СПб, 1901. С. 502.

³⁰⁹ Сенека Луций Аней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 78.

вовом памятнике «Домострое» сказано: «Чего сам не любишь, того и другому не твори»³¹⁰. Ф. Прокопович в первой половине XXVIII в. писал: «Ибо понеже, со стороны одной. Велит нам естество любить себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны, злоба рода растленного разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страж, и защитник, и сильный поборник закона, и то есть державная власть»³¹¹. Эту древнюю формулу неудачно пытался усовершенствовать И. Кант в своем «категорическом императиве»: «поступай только по той максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом»³¹². И тут уместно напомнить, что Господу Иисусу Христу принадлежат слова: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6,31). Выражения, близкие по смыслу, можно найти у Аристотеля, Конфуция, Филона, Гиллела, Гомера, Геродота, в памятнике древнеиндийской культуры «Махабхарате», но сам Христос не настаивает на новизне этой формулы. В Евангелии от Матфея эти слова Господа приведены полнее: «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7,12). Он предлагает эту формулу как обобщение Божественного закона и высказываний пророков, известным издревле. Этот принцип Права носит поистине универсальное, общечеловеческое значение; религия и Право в данном принципе неразделимы.

О Праве и законе в свете Православия. В современной юриспруденции считается, что проблему нетождественности Права и закона первыми поставили представители либертарного юснатурализма. Это не соответствует истине.

³¹⁰ Домострой. М., 2005. С. 91.

³¹¹ Цит. по: Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб, 1998. С. 114.

³¹² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. М., 1997. С. 143.

В римском мире термин LEX проделал длительную эволюцию. Первоначально он означал всякую норму, которую свободный римский гражданин устанавливал для себя или в процессе той или иной сделки со своим контрагентом. Затем закон стал пониматься как общее предписание, общая клятва государства. И, наконец, под законом в «римском праве» подразумевали то, что народ Рима приказывает и устанавливает³¹³. Древний Рим – классическая страна законодательства и законничества.

В сравнении с римской традицией закона, рецепированной впоследствии многими западными юридическими системами, на Руси отсутствовала почва для расцвета законнического правопонимания. Аналогом римского термина «LEX» в русском языке является слово «закон», происходящее от корня «конь», то есть начало и конец, кол, столб, веха участка или коновязи. Словом «закон» русские люди не охватывали всей полноты и многообразия Права. Закон воспринимался русскими как внешнее предписание – такое понимание сформировалось после того, как Русь приняла христианство и научилась различать Ветхий Завет (Закон) и Новый Завет (Благую Весть). Закон сводился к юридической, формальной норме, над которой превалируют нравственные принципы. Подчеркнем: религиозное, этическое и юридическое древнерусские мыслители не разделяли, не противопоставляли друг другу – следовательно, Право Руси изначально вмещало в себя эти компоненты в нераздельном единстве.

Закон рассматривался как преходящая и переменная величина, а Право – вечная константа для всех и во все времена. Закон внушал страх, а Право – почитание, на Право проецировалась любовь и благоговение перед Господом. Закон соблюдали из страха перед наказанием, а Право – из любви к Богу, своему Творцу и Спасителю. Такое соотношение Права

³¹³ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1992. С. 178-179.

и закона было свойственно русской правовой традиции вследствие ее православного духа, на Западе же ничего подобного не встречается. Русской традиции были близки слова из Евангелия: «важнейшее в законе – суд, милость и вера» (Мф. 23).

При этом не надо думать, что в отечественном правосознании термин «закон» относился к разряду отрицательных. Нет, дело лишь в иерархии понятий: **Право и его компонент Правда ставились выше закона. Слово «Закон» употреблялось в значении предела, от которого можно отступать во имя справедливости, милосердия и добра. Получается, что закон как предел не выражает в русской культуре высшую категорию, которой подчинено все находящееся в данной сфере регулирования, а лишь обозначает некую границу внутри сферы более широкой.**

Лучше всего исконно русское понимание слова «закон» передано в словаре В.И.Даля: «Закон – предел, постановленный свободе воли или действиям; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти»³¹⁴. Поэтому новейшее слово «безпредел» воспринимается нашими соотечественниками как полное беззаконие, произвол, развал всякого общественного порядка и власти, непристойность.

Весьма показательно словосочетание «истинный закон», широко употребляемое в русской речи; оно означает «соответствующий Высшему порядку или правилу, совершенный». Слово же «истинный» (подлинный, настоящий) образовано от слова «истина» и может принимать значение существительного среднего рода – «исто», «истое». А.И. Соболевский в 1891 г. при подготовке своего словаря по церковнославянскому языку заметил, что древнерусского слово «исть» имеет параллель с латинскими «jus», «juris», «justis»³¹⁵. В древнерусском языке появилось слово «истец», обозначающее лицо, ищущее

³¹⁴ Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955. Т. 1. С. 588.

³¹⁵ Соболевский А. Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891. С. 100.

Истину, Правду, право в тяжбе с ответчиком. *Сам термин «истина» принадлежит в древнейших памятниках именно сфере религии и Права*, в отличие, например, от слова «основа», которое возникло как термин ткацкого ремесла и лишь значительно позже приобретает философское значение. В данной этимологии просматриваются некие общечеловеческие традиции соотношения Права и закона. Если ценности человечества и его социальных групп соответствуют Божьему (Абсолютному, правовому, нравственному) закону, тогда они могут считаться истинными. Но человеческие ценности могут и противостоять Божьему закону, когда ценности людей оказываются ложными. Русский православный народ издревле предпочитал благодать и истину, приемля их как исполнение Закона, но закона не человеческого, а Божьего.

Иисус Христос начинает Свою земную проповедь со слов: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон, или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» (Матф. 5,17-18). В Послании римлянам апостол Павел говорит: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим. 3,31). В этих случаях слово «закон» употребляется как Закон Божий, закон Истинный, то есть соответствующий вечным знаниям, неизменным основам бытия и возникающим из него явлениям.

Познание Божественной истины для православного требует не только ума и рассудка, но и всего существа человека. В христианстве истина постигается верой. Христианин верит, чтобы знать. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Истина не дается нравственно ущербному человеку, как сказал И.В.Киреевский³¹⁶. По словам Апостолов: «Любовь есть исполнение закона» (Рим. 13,10); «Весь

³¹⁶ История философии права. СПб, 1998. С. 254.

закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» (Галл. 5,14). Но практически это возможно, когда законы государства и общества максимально соответствуют Божьему Закону – Праву. Верный этому Закону человек в своих отношениях к миру и людям руководствуется не себялюбивой жадной жаждой бытия (которая питает только одно – борьбу за существование), а безкорыстной жадной Любови, Добра и Красоты, которым он приносит в жертву свое материальное бытие. *В юридическом непонимании люди ищут счастья, в правовом – Истину (Бога). В юридизированном мировоззрении нравственное добро считается средством к достижению земного блаженства, в правовом – истинное бытие приписывается только одному нравственному добру, воплощенному в Боге, а блаженство человека считается тождественным со святостью.*

Христианство внесло в души людей дух не формальной, не уравнивающей справедливости, а совестное доброжелательство, жертвенную щедрость, самообуздание. Православный христианин последовательно пытается подавлять в себе честолюбие, жадность, вражду, злобность как греховные влечения, что фиксируется в его правосознании. В этом случае Право воспринимается человеком не в качестве навязанного его воле приказа сородичей либо иноплеменников, а как *начало мира и благодать Святого Духа.*

Исторически именно благодаря распространению христианства, было сохранено и укреплено истинное правосознание целого ряда народов. Христианство не давало людям новых доктрин о норме, толковании норм или юридической ответственности. Оно учило людей новому отношению друг к другу и к Богу. Христианство призывало людей к единению с Богом в целостной любви к Нему и ближним. Призыв человеколюбия имеет религиозно-нравственный дух, пребывание в котором сообщает человеку новый подход к обществу, государству и миру в целом.

Христианские Заповеди не отменили Права, Первозаконя, Ветхого Закона, они явились дополнительным руководством для духовной жизни, поскольку все предыдущие Божественные правила оказались недостаточными для людей. Заповеди Христа напомнили человеку о Законе Божьем (Праве высшего порядка) и Законе внутреннем (даре совести), прояснили их и усилили. Закон внешний (Право второго порядка или право положительное, которое можно именовать правом только при условии его соответствия Божьим Заповедям) создается самими людьми. Право высшего порядка обладает большей силой и значением, чем право положительное (законы государства), ибо высшая сила всегда властна над низшею, она может вызывать ее к жизни и остановить ее изнутри, но низшая сфера никогда не властна над высшей. Внешней, государственной, силе подчинено только поверхностное, второстепенное в поведении людей. Государство не может вынудить общество к взаимной любви.

Божественное право выше человеческого, но Божественное никогда не противостояло человеческому: оно вселяется в подготовленные человеческие души и одухотворяет их, заставляя искать подлинного совершенства. Поэтому религиозные основания правопорядка можно признать самыми фундаментальными и крепкими. Любопытно заметить, что В.Н. Татищев, а вслед за ним многие русские правоведы, ставил юриспруденцию на второе место в иерархии наук – первой и высшей наукой он называл богословие. «Юриспруденция, писал он, это наука, которая учит благонаравию и должности каждого к Богу, к себе самому и другим, следственно, к приобретению спокойности души и тела. Но не может никак юрист мудрым назван быть, если не знает прежних толкований и прений о законах Божеских и челове-

ческих»³¹⁷. Можно утверждать, что между христианством и **Правом** существует связь, какой не существует ни в одной духовной силе мира.

В православном понимании западный человек оказывается ограничен человеческими же преградами – законами государства. Для русского человека подобное внешнее, поверхностное перенесение на землю Небесных установлений недостаточно авторитетно, если законодатель не имеет от Бога особого благословения (самодержец как помазанник Божий этим авторитетом в глазах русского народа обладал). Когда человек подчиняется законам по необходимости, душа его все равно остается холодной. Ведь государственные законы придуманы столь же несовершенными людьми. Русские придерживались мнения, согласно которому человеческое регулирование вредно. Людям свойственно искажать волю Божью к своей сиюминутной выгоде. Законность есть явление формально-юридическое, имеющее на Руси относительную и вспомогательную роль.

Западному пристрастию к нормам у русских противостоит поразительная нормобоязнь. Законы государства не вызывают на Руси духовного преклонения. Но это не свидетельство правового нигилизма, как считают некоторые поверхностные либо ангажированные исследователи. Духовную ценность русский народ придает поистине духовной величине – Праву, ведь высшее не склоняется перед низшим. Чтущие Божьи нравственные заповеди отказываются служить суррогатам формальной юриспруденции.

В русском Праве мы видим стремление к единению храма (обиталища Бога), Божьего нравственного закона и Отечества (обиталища людей), истоки жизнеспособности которого состоят в единении Бога с человеком. Бог – источник Права. Право учитывает божественные свойства

³¹⁷ Цит. по: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб, 1908. С. 212.

человека и призвано обеспечивать сохранение Божьего образа в человеке, а также способствовать его богоуподоблению. Если Право от Бога, то невнимание к нему есть безбожие.

К закону у русских изначально не было такого трепета как к Праву, что объясняется серьезной религиозной причиной. Дело в том, что Ветхий завет, данный Богом адресно израильтянам через Моисея, иначе назывался *Законом*, а Новый Завет, проповеданный самим Господом всему человечеству, именуется *Благодатью*. Ветхий Завет (Тора, Ветхий Закон) не отрицается христианами, а одобряется и сохраняется в виде нравственных Заповедей. Но с христианской точки зрения, несоблюдение предписаний Торы (Закона) по букве может быть компенсировано высшим их соблюдением – по духу, в духе.

Иоанн Златоуст писал: «Как для воспитателя самую великую похвалою бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели, так и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо тем-то мы и обязаны закону, что душа наша сделалась способною к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы»³¹⁸. *Если закон не приближает человека к Богу, то не приносит пользы его природе, а повреждает ей, т.к. привязывает к меньшему, лишая большего.*

Только в религиозном контексте справедливо звучат слова Платона: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-то властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усмат-

³¹⁸ Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12-ти тт. СПб, 1898. Т. 4. С. 30.

риваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»³¹⁹.

Основой юридических систем европейских народов является так называемое римское право, которое сформировалось на основе законнической идеологии в республиканском Риме, отточилось в имперском. Отсюда оно перетекло в юриспруденцию средневековых, а потом и современных государств Западной Европы, Америки и стран, находящихся под их влиянием. В Россию «римское право» перешло в частичном виде в связи с правопреемством от Византии. Однако русский мир наложил на римское юридическое наследие существенную печать – печать подлинного Права. Наиболее ярко эта разность отражена в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» митрополита Киевского Иллариона, первого на Руси главы Церкви из числа коренного населения (этот труд был создан между 1037 и 1050 гг.)³²⁰.

Нынешним атеистически настроенным авторам термины «грех», «душа», «промысел Божий», «благодать» и им подобные кажутся лишенными какой-либо убедительности³²¹. А между тем, задолго до французских, английских и др. мыслителей Нового и Новейшего времени именно митрополит Илларион отметил разницу между Правом и законом. Законом человек пытается оправдать свои поступки, писал он, приспособить, привести в соответствие с установленной нормой, дабы избежать наказания на земле, но о настоящих помыслах речи не идет. А вот Благодать спасает христиан для Царства Божьего, и поэтому здесь важны не только поступки, но и

³¹⁹ Платон. Соч. М., 1967. С. 189.

³²⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб, 1997. С. 26-61.

³²¹ См., например: Гаврилов В.В. Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права // Журнал российского права. 2004. № 1. С. 76-87; Ключков В.В. Религия, государство, право. М., 1978. 287 с.; Володина Н.В. Конституционно-правовые основы государственно-церковных отношений в России. М., 2000. 245 с.

мысли сердца. Через Закон приходят принуждение, самоутверждение людей. А посредством Благодати люди обретают Божие откровение, истинную свободу и спасение. Писанный закон без благодати мало что значит. Закон дан на приуготовление благодати, но он не сама благодать: закон утверждает, но не просвещает. Благодать понимается мтрп. Илларионом не в чисто литургическом смысле, а как духовно-нравственная правовая категория, выражающая победу добра в душе человека и вытеснение зла. Закон разобщает народы, выделяя среди них один народ. Благодать дана всем народам, она объединяет их в одно целое. Святая Русь, таким образом, отвергает формальное следование закону и оправдание им, культивируя стремление к добру, к высшему благу, к Праву. **Право в такой святоотеческой трактовке предстает как благодать Святого Духа, возвышающаяся над всеми законами и способствующая тем, кто ее стяжал праведной жизнью, достичь нравственного совершенства.**

Мысли мтрп. Иллариона основаны на свидетельствах святых Апостолов: «Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона» (Рим. 9,30). Закон погружен в суету земных страстей и не гарантирует освобождения людей от зла. «Желающие быть под законом порабощают себя немощным и бедным вещественным началам мира» (Гал. 4,21).

Западное христианство и иудаизм почитало Ветхий Завет (Закон) как собрание разного рода формализованных, ритуальных юридических норм, как оправдание свойственных западному миру прагматических устремлений. Мтрп. Илларион стоит за Восточную Церковь: «Прежде был дан Закон, а потом Благодать, прежде – тень, потом истина». Однако сравнение Закона и Благодати, которое дается в произведении мтрп. Иллариона, – это не только противопоставление двух миро-

воззренческих религиозных систем (иудаизма и христианства), к чему сводит данное противопоставление В.А. Томсинов³²². Ведь даже язычники, не имеющие писаного закона, должны и могут исполнить закон совести по природе, ибо они – Божии создания. Вот почему некоторые языческие племена, например поляне, следовали этому закону.

Обретение людьми Закона и Благодати обусловлено различными историческими моментами. Когда в человечестве усилилось состояние душевной страстности, угасание разума и совести, Промысел Божий предоставил всем народам идти своим путем, а одно племя (евреев) выбрал для того, чтобы удерживать его от греха и сохранять в нем веру в пришествие Того, к которому относятся слова Обетования. С этой целью был дан Закон и посланы пророки. Однако Закон не убил внутренних грешных порывов, не оживлял духовно. Внешнее стеснение без внутреннего изменения людей, живущих под Законом, располагало желать внутреннего преобразования. Закон имел временное и низшее значение в сравнении с Благодатью. Если бы Закон мог избавить людей от грехов и дать духовных сил для новой жизни, то не нужны были бы ни пришествие Господа Иисуса Христа, ни Его страдания. Закон не имеет силы оживлять, он может лишь шире и глубже раскрывать греховность людей. Закон не может любить грешников, а Христос может. Закон лишь утверждает: все виновны перед Богом, но не может преодолеть сопротивление плоти и греха. «Трагедия Закона в том, что он достигает результата, противоположного тому, к которому он стремится, – замечает Б.П. Вышеславцев, – обещает оправдание, а дает осуждение, хочет и не может, требует и не выполняет»³²³.

³²² Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли XV–XVIII вв. М., 2003. С. 37.

³²³ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте (Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии). М., 1914. С. 129.

Закон духовен, но не достигает корней зла в человеке. Как рациональная норма Закон не достигает иррациональных глубин, где лежат причины преступного (одновременно греховного) действия, источники греха. Закон нормирует человеческое поведение извне, не достигая метафизических корней зла. В Новом Завете с появлением Христа возникает новый фактор – Благодать. Благодатные силы призваны действовать на внутренний духовный строй человека, преобразывая изнутри его жизнь. Однако в сфере непросветленной и неблагоприятной жизни энергия нравственной воли вынуждена принимать форму закона, правила, определяющего волю и деятельность. Получается, что в **Праве** соединяются две ипостаси – высшая, глубинная и главная (Благодать), направленная на преобразование внутреннего человека, и низшая, поверхностная и второстепенная (Закон), направленная на дисциплинированность внешнего поведения людей. **Закон духовен только в том случае, если не отклоняется от Права в его высшей ипостаси.**

В недрах коллективного бессознательного существует информация о том, что законы людей не просто юридические нормы, а нечто большее – живая связь между Богом и человеком, между Творцом и творением. Право как проявление духа наполняет собой законы, и тогда они перестают олицетворять формализм, законничество, механичность. И наоборот: формализация и механизация закона противоречат правовой культуре и свидетельствует о ее вырождении. Православный христианин ищет не пустой формы, а наполненной; он ищет не мертвого механизма, а органической жизни во всей ее полноте; он жаждет формы, рожденной из глубокого, духовно насыщенного содержания.

В русской традиции Право поддается актуализации посредством православной веры, свободного творчества и совести. Право не книга законов и норм. Право можно разуметь живым духом, глубиной собственной веры, совес-

ти, а не формальным рассудком. Право содержит некий благодатный дух, который надо принимать своим личным духом; не плоским и рационалистическим, а совестным, нравственным, воспринимающим и излучающим поток любви. Право (буквально: правильный путь жизни) состоялось не для того, чтобы превратить человека в запуганного раба, ожидающего приказаний и не смеющего творить самостоятельно (такой раб не нужен ни Богу, ни людям, и не ему создавать правовую культуру). Право предоставляет человеку возможность созерцать Божественное и самостоятельно ходить по божественным путям, целно и добровольно пребывая со своим духом в духе Божием. Ибо «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3,17). Поэтому Евангелие и дает нам «закон совершенный, закон свободы», и кто «вникнет в него и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании» (Иак. 1,25). Дух Права не буквенный, не педантический, но обновляющий, воспитующий и освобождающий. Усвоение Права совершается не в законническом толковании текстов, а в усвоении любви и веры.

Право не представляет собой системы определенных нормативных предписаний на все случаи жизни. Только в юридизированных обществах могут так воспринимать Право. Работа с Правом не предполагает начетничества, «буквоедства» и формализма, ибо в этом нет живого творчества, полного Духа и смысла. Подлинно правовая деятельность предполагает обновление людей и в Писании Нового Завета это обновление описывается так: «Слово Христово да вселяется в вас обильно со всякою премудростию» (Кол. 3,16). «и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12,2); чтобы вам «обновиться духом ума вашего и облечься в

нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (еф. 4, 23-24); «чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном» (Колос. 1,9); «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Колос. 3,14).

Такое понимание Права ныне отсутствует в юридической науке полностью и едва теплится лишь в глубинах народного сознания. В научной литературе (монографической и периодической) наблюдается перепроизводство переводов зарубежных трактатов о юриспруденции, не имеющих ничего общего с ПРАВОведением.

Труды выдающихся отечественных правоведов прошлого и настоящего, таких как Ф.И. Карпов, А.С. Яценко, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, А.М. Величко, В.И. Иванов, В. Мельник, А. Куприянов, Г.М. Вельяминов, В.С. Семенов, И.В. Понкин, А. Борисов и др., либо не публикуются, либо издаются ограниченными тиражами³²⁴. Мало кто из юристов-соотечественников знаком с мыслями Ф.И. Карпова (ум. до 1545 г.), согласно которым в основе идеального общества должны лежать правда, закон и милость. Зато работы Монтескье, Локка, Франклина или Руссо, сыгравших значительную роль в дезорганизации современных им обществ, цитируются почти во всех диссертациях последних пятнадцати лет, посвященных проблемам теории права и государства.

³²⁴ Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб, 2002; Яценко А.С. Новая теория государственного права. СПб, 1911; Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003; Вельяминов Г.М., Семенов В.С. Бог и право // Московский журнал международного права. 1999. № 3; Куприянов А. Библейские корни правосознания россиян // Российская юстиция. 1998. № 1; Борисов А. Десять заповедей – свод божественных законов для человека // Российская юстиция. 2002. № 3; Мельник В. Божественная правда и справедливое правосудие // Российская юстиция. 1999. № 9; Иванов В. Закон и право // Право и жизнь. 2000. № 25.

Лучшие российские правоведы прошлого не мыслили себе Права вне христианского учения и видели в Боге действительный Первоисточник всего правового. **Иисус Христос** пришел в мир не с юридической, а с правовой миссией, о чем Он Сам сказал: «ибо не послал Бог Сына своего в мир, чтобы судить мир» (Иоанн. 12,14), «Кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лук. 12,14), «Я не сужу никого» (Иоанн. 8,15). Господь предложил людям не юриспруденцию либо юридическую казуистику, а законченную философию Права. «Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12,32). В этом Царстве господствует не посредник – закон, а Сам Господь, отдающий себя человеку, ибо Бог есть любовь (1 Ин. 4,8). «Человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3,28). Те же, кто оправдывает себя законом, остались без Христа, отпали от благодати (Гал. 5,4). Закон и Благодать могут вступать в противоречие друг с другом как убивающая буква и животворящий дух. «Если вы духом водитесь, то вы не под законом» (Гал. 5,18), «вы не под законом, но под благодатью» (Рим. 6,14). Право как благодать Святого Духа обозначает одну из ипостасей Господа Бога.

Законники и формалисты всегда радеют о временном, земном и потому отличаются суетливостью в поведении и суесловием. *Но если человек праведен, смиренен и милосерден, то в отношениях с ним не остается почвы для несправедливости (закону в данном случае тут «делать нечего», подлинно правовое отношение само обеспечивает здесь порядок по высшему образцу).*

Закон основан на принципиальном онтологическом и антропологическом недоверии – ко всему спонтанному в мире и в человеке. Его задача – неустанное преследование спонтанного начала, закрепощение его в правилах, ритуалах, системе всеохватывающего контроля и надзора. «Закон убивает, осуждает, ставит под проклятие» (Гал. 3,10). Современные за-

падные критики Православия видят в уповании на Благодать свидетельство ленивой души, не способной к строгой методичности и дидактике. На самом деле православное упование на Благодать Божию открывается совсем в другом горизонте. Это горизонт любящего Бога, требующего от человека не страха: «Горе вам, законники, что налагаете на людей бремена неудобоносимые» (Лк. 11,46). *Правовое общение, в отличие от юридического или законнического, предполагает сострадательность, жалость, заступничество за слабого – здесь уже нет схоластической механики, выверяющей строгие соразмерности труда и вознаграждения, деяния и наказания.*

Субъекты толкования подлинного Права не должны доверять рациональному методу, опирающемуся на знание законов, а использовать сверхзаконническую интуицию живой Правды. Субъект Права раскрывает глубину своего сердца для Духа Святого, а не занимается отвлеченным умствованием и резонерством. Современная юриспруденция, будучи светской, следует ереси, согласно которой искажается христианская идея спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона. Право в отличие от закона просвещает совесть человека, заботясь о его душе и духе, закон же дает лицу пункты и параграфы для внешнего послушания. Правовое чувство дается не каждому, поскольку имеет очень глубокий смысл. Право проникает в человека посредством Благодати – нетварной Божьей силы, в которой Бог являет себя человеку, а человек с помощью Благодати преодолевает в себе греховное начало и достигает состояния обожения. Вот почему Истина и Благодать употреблялись в «Слове» мтрп. Иллариона в одном контексте, как синонимы («...благодать – истина, а не закон»³²⁵). Един-

³²⁵ Слово о Законе и Благодати мтрп. Киевского Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб, 1997. С. 28.

ство Истины (Любви), Добра и Красоты выражает фундаментальный принцип Православия и самого Права.

Православие есть религия Благодати (внутреннего благочестия), а не Закона (внешнего благочестия) – и в этом качестве она, вместо того, чтобы выносить окончательные приговоры и заранее помечать избранных и неизбранных, утверждает чудо спасения. Исходя из такого правопонимания, русское правосознание не идеализирует официальных и общественных нормотворцев, а также юстицию. *Ведь сначала был свет (Право), и лишь потом «твердь» (суд). Сперва идет Право, а потом правосудие. В православном мировоззрении суд не может творить Права, он его именно применяет, черпая его не столько в букве законов, сколько в духе Права.*

Когда судьи лишают себя Божьей благодати, сосредотачиваясь на законническом ремесле, они утрачивают праведность, а их решения – правосудность. В Библии описываются времена, когда судьи «Бога не боялись и людей не стыдились», действовали через истязателей, не выпускали из темницы, пока не отдашь последней полушки; фарисеи не радели о суде, искали лжесвидетелей, выносили приговоры из демагогии, против своей совести, желая угодить толпам (Мф. 27,24). *Из истории человечества можно вспомнить немало примеров формалистского понимания Права, торжества холодного юридизма, которые не служат укреплению правопорядка, а в действительности сокрушают Право и порядок.*

Для возрождения Права юристам и всем субъектам правовой деятельности придется актуализировать его религиозные основания. Необходимо соотносить позитивное право с канонами веры. Закон должен соответствовать канону, иначе он не имеет правового характера. Только в апостасийном мире могло исчезнуть понятие греховного и неблагородного поступка, нарушающего канон. А вот византийский император Юстиниан, почитаемый как автор правовой реформы, в 530 г. издал закон, по которому все каноны христианской веры признава-

лись одновременно и законами государства, отчего правопорядок только укрепился. В 131 новелле императора Юстиниана недвусмысленно сказано, что теряет силу всякий государственный закон, противоречащий канонам³²⁶. Проницательные правители замечали, что Священное Писание и решения церковных соборов опережают государственное законодательство и составляют его живую, нравственную основу. В Древней Руси наряду с кряжескими уставами и грамотами самое широкое распространение получили номоканоны – сборники Права, содержащие в себе как церковные канонические правила, так и законы светской власти. **В результате Русское Право вбирало в себя чистоту христианских догматов и особенности нашего национального быта.**

Очевидно, что необходимость дополнительного принятия властью самостоятельных законодательных актов по многим вопросам народного быта вплоть до царствования Петра I отсутствовала. Даже светские суды, а не только церковные, старались применять в своей практике номоканоны. Применение христианских начал в юридической практике вело к сокращению удельного веса официального насилия и расширению сферы «саморегулирования» общества посредством совестных актов нравственности (Правды) – это и было действием настоящего ПРАВА.

Как справедливо отмечал И.Л. Солоневич, русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения. Когда закон вступает в противоречие с человечностью, русское сознание отказывает ему в повиновении. От закона есть только одно отступление: по совести в сторону любви и милосердия, с принятием на себя всей ответственности. Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона не

³²⁶ Дигесты Юстиниана. М., 1958. С. 211.

есть закона, а карикатура на нее. «Не всякий прут по закону гнут».

Право как проявление Святого Духа может покарать человека за правонарушение гораздо строже, чем закон. Дело в том, что преступление для Православия означает грех, а грех предполагает не только переживание вины совестью, но и болезнь, характер которой зависит от характера преступления. «Чем человек грешит, тем и наказывается», – гласит русская народная пословица. Бог наказывает грешника-преступника не как светский судья наказывает подсудимого, здесь скорее отношения врача и больного.

Православие и инославие различаются между собой, как противоположны себялюбие, жизнь по стихиям мира и самоотверженная любовь, жизнь по Христу. **Перед нами два совершенно отличных, не сводимых друг к другу мировоззрения: одно правовое, нравственное и христианское (Православное), другое – юридизированное, механистическое и языческое (инославное).**

*Можно сказать, что «Слово о Законе и Благодати» мтрп. Иллариона написано именно о естественном праве в подлинном смысле этого понятия. Соотнесение Права и закона, данное в письменном пастырском поучении Киевского митрополита, отражало каноны христианского учения и традиционную нравственность русского народа. **Право в отечественном правосознании олицетворяло исходные идеалы Любви, Добра и Красоты, выражающие объективные ценности и требования человеческого бытия и являющиеся безусловным и абсолютным критерием Богоподобия (истинность, правомерность) всех человеческих установлений, включая законодательство и государство.***

«Чтобы закон действовал, он должен соответствовать естественному закону, – писал в 1710-е гг. В.Н. Татищев, – дабы то, что им в качестве зла представляется, не почиталось бы в

законах гражданских за добро»³²⁷. Феофан Прокопович написал в 1722 г. трактат «Правда воли монаршей», в котором содержится показательная фраза: «Ибо, кроме Священного Писания, есть в самом естестве закон, от Бога положенный. Таковы законы суть в сердцах всякаго человека: любить и бояться Бога, хранить свое житие, желати неоскудевающего наследия роду человеческому, не творити другому, что себе не хощещи, почитати отца и мать. Таковых же законов и учитель и свидетель есть совесть наша»³²⁸. Е.Н. Трубецкой тоже сформулировал мысль в русле русского традиционного правопонимания: «Естественное право есть синоним нравственно должного, оно есть нравственная основа всякого конкретного правопорядка. Всякое позитивное право может требовать от людей повиновения не иначе, как во имя нравственного права»³²⁹.

Идея естественного Права в действительности есть идея о Божественном происхождении изначального и самодостаточного комплекса религиозно-нравственных (правовых) правил, соблюдение которых обеспечивает оправданное и полноценное существование человеческой личности, отражаемого в нормах общества и государства. Естественное Право есть прежде всего Божественные заповеди, а также и соргласованные с ними правила традиционной нравственности. Можно утверждать также, что Право в собственном его значении всегда естественное, поэтому употребление термина «естественное право» тавтологично и потому не совсем оправданно. Право в отличие от законов государства действует независимо от того, осознают люди его существование или нет, способствуют его действию или препятствуют, поскольку Право есть

³²⁷ История русской философии права. СПб, 1998. С. 54.

³²⁸ Бошно В.И. Очерки развития правовой мысли. М., 1925. С. 311.

³²⁹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 53.

проявление Божественного Духа, а для него нет препятствий и границ.

Правовые законы, будучи не сводимыми к природным, все же неким образом укоренены в них, не потому, что окружающая природная среда вся есть одушевленное явление, «субъект», а потому, что вечный, незыблемый Божественный порядок господствует не только в человеческих отношениях и выражается в Праве, но и во всем строе мироздания (и выражается в естественно-природных биологических, физических и т.п. законах). Человек находится в тесной взаимосвязи с окружающей его природой, и Бог изначально наделил даром целостного видения мира, что подтверждается дошедшими до нас элементами фольклора различных народов. Известно, что племена древних руссов не противопоставляли себя природе, что видно не только по их мифологии, но и по народному календарю, агрокалендарю, месяцеслову и т.д.

В Православии природа не рассматривается как субъект деятельности и источник норм, т.к. это предполагало бы веру в многобожие (бога реки, бога дождя, бога солнца и др.). **Естественно-природные законы открываются человеку для его обращения с окружающей природой, а естественно-правовые – для отношений между людьми и к Богу. Эти две группы законов имеют своим Первоисточником самого Господа Бога и сообщаются людям через Заповеди, откровения и дар совестного переживания. Юридические же законы создаются самими людьми и в условиях господства Права не могут ему противоречить. Юридическое законодательство становится менее нужным по мере того, как оно приближается к духу и смыслу Права. И наоборот, увеличение и перепроизводство юридического законодательства свидетельствует о его отрыве от Права в пользу полицейских мер.**

В современном обществе вместо религиозно-нравственных (правовых) правил, указывающих, что право-

мерно, а что противоправно, устанавливается именно юридический закон, который измеряет вину и определяет наказание, оторвавшись от понятия человеческого греха. Проблема долга перед Богом и людьми в отношении добра и зла после Мартина Лютера трансформируется в долговое юридическое обязательство, вексель, который обменивается. Пути России, пытавшейся жить, «как долг велит», а не потому, что угрожает закон, и Европы, ставшей на путь юридизированного рационализма, разошлись.

Небезынтересно заметить, что во многих дохристианских мировых верованиях и верованиях (как и теперь в современном либеральном мировоззрении) юридическое господствует над правовым и даже всячески вытесняет его. Поэтому господствующие ныне идеологии вполне можно именовать языческими. Так, в ведических древнеиндийских верованиях, переживающих в наши дни свой ренессанс, бог Варуна является основателем морального порядка человеческой жизни. Однако установленная им нравственность имеет примитивный, чисто юридический характер. Она основана на простом разделении правды от неправды и утверждается на законе неуклонного возмездия. Последствия преступления обнаруживаются непосредственно; они опутывают ноги преступника, как оковы, в которые Варуна заключает его и карает. Кара состоит преимущественно в физических лишениях, например, жажде к воде³³⁰. В древнекитайских верованиях высшим началом мироздания признается Дао. Весьма характерно, что Дао – это закон. Он правит, но ничего не желает. Он всем управляет, но не ставит никакой цели. Он проявляет себя в мире людей, но люди для него не более чем предмет воздействия, или как говорит один китайский текст, для вселенной человек, «если сравнить его с тьмой вещей, похож на кончик волоска лошадиной шкуры» (Чжуан Цзы)³³¹. Новое мировое

³³⁰ Религии мира. Энциклопедический словарь. М., 2005. С. 119.

³³¹ Мифология. Энциклопедия. М., 2001. С. 114.

язычество XXI столетия эксплуатирует те же, по сути, демонические образы – вместо Бога в сознание людей внедряется мир чудовищ, вместо Права – параграф закона, вместо любви – плотоядность.

Русская Православная Церковь учит, что всякое возвращение к этике закона от Благодати есть возвращение к рабству, измена Христу³³². «Познав Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им?» (Гал. 4,9).

Право как сакральное явление. Скептическое отношение к ценности Права встречается даже у священнослужителей Русской Православной Церкви³³³, что происходит из-за смешения понятий «Право» и «закон». Зарубежные исследователи, изучающие, главным образом, юриспруденцию и законодательство, а не Право, не часто признают религиозные корни юридических явлений³³⁴. Серьезные ученые разных стран замечают, что мораль и законы лишь тогда воспринимаются людьми как истина, когда признаются ими в качестве велений Бога всеми силами души, ума и сердца. Заставить же людей подчиняться и поклоняться можно только идолу, а не Богу.

Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества. Не государство, а Церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и

³³² Социальная концепция Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 18; О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М., 1991. С. 109; Православие и духовное возрождение России. Екатеринбург, 2003. С. 212.

³³³ Цыпин В.А. Церковное право. М., 2001. С. 107; Прот. Николай (Афанасьев). Церковь Духа Святого. Париж, 1971. С. 288, 291.

³³⁴ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris, 1960; Martin D. General Theory of Secularization. Oxford, 1978; Tschannen O. Les Theories de la secularization. Geneve-Paris, 1992; Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs. 1985. № 14; Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.

культуры. И.А. Ильин, пожалуй, единственный автор, кто верно вскрыл сущность государства: «Государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом, – писал он, – или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания»³³⁵. **Люди объединяются в государства, благодаря правовому общению, требующему новых форм организации и совершенствования людей. Право, а за ним государство, возникают из духовной потребности.**

Регулятивная сила Права как раз и состоит в его глубоких религиозно-нравственных духовных корнях. Не в персонифицизме, при котором абсолютизируется власть имущего меньшинства, не в системоцентризме, при котором подавляется человеческая личность, не в абстрактном космоцентризме, за которым скрывается лукавство демонических сил, а в Богоцентризме. **Право в России традиционно было Богоцентричным, то есть ориентированным на гармонию общественного и личного, социального и природного, духовного и материального в соответствии с волей Господа Бога.**

Мерой всех вещей является не человек, как утверждает лукавая пропаганда либерализма, а Бог. Все поступки людей оцениваются посредством Права либо как Богоугодные, либо как нежелательные, противные Богу. Иначе говоря, Бог выступает как действительный создатель системы духовных и социальных координат, как точка отсчета правовой культуры. А вера является глубинной нормой жизни.

Бог есть совершенство, и поэтому творение Права есть акт, исполненный совершенства. Право в отличие от юридического законодательства совершенно и не имеет противоречий и пробелов, тем более несостоятельно поня-

³³⁵ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1. М., 1996. С. 234.

тие «правовой вакуум»³³⁶. Отступление от Права страшно не столько возможными юридическими санкциями, а духовной смертью для правонарушителя. Отступление от Права как Божественного явления приводит к ущербу, к смерти. «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить, если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, то погибнете, и не пробудете долго на земле» (Втор. 30, 15-18).

Людам не стоит поддаваться иллюзии, будто Право возможно без религии и нравственности. Только новая, непосредственная связность нравственности и религии в Праве сделают его поистине социально полезным и эффективным. Главная Божья заповедь есть заповедь любви – в этом состоит высшая норма для всех жизненных отношений, из которой Право обретает свой дух.

Любовь – есть главный предмет христианской религии (ПРАВОславия) и нравственности (ПРАВды), а потому и самого ПРАВА, содержащего глубокие религиозные и нравственные основания, восходящие к Господу Богу. Никакая религия не противопоставляет себя морали, но на пьедестал возводит ее именно Православие. В иных религиозных конфессиях сложились свои системы ценностных приоритетов.

Сама религия невозможна вне правовой сферы, религиозность есть состояние духовное, а потому она немыслима вне правосознания. Принимая личным

³³⁶ Термин «правовой вакуум» предложил в 1990-е гг. молодой ученый-юрист А.А. Малиновский. (Малиновский А.А. Правовой вакуум – новый термин юридической науки // Государство и право. 1997. № 2. С. 109-112). Общественное развитие не может состоять исключительно из фактических отношений даже в периоды сплошной отмены действующего законодательства. Традиционные принципы правового сознания и поведения значительной массы субъектов права позволяют наблюдать правовые отношения в самые радикальные моменты переходного периода.

добровольным выбором в свою душу Божественные Заповеди, личность задействует свое правосознание. Право в истинном смысле (на Руси этот смысл Права стал константой национального самосознания русского народа) есть синтез Божественных Заповедей (Православия) и нравственных представлений народа (Правды) с привлечением незначительного числа юридических законов государства, сориентированных на один Первоисточник – Бога.

В мусульманской юриспруденции до сих пор соединяются правила нравственности, религиозного культа и юридические нормы³³⁷, но ввиду особенностей религии ислама практические результаты регулирования там получаются качественно иными, чем в России.

Поскольку вера, глубокая, органичная, внутренняя православная вера была на Руси повсеместной нормой жизни, русский человек должен был следовать указанным в Библии нравственно-правовым заповедям. Право, имеющее Божественное происхождение, воплощалось в заповедях – не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. Христианство стало идейным фундаментом Права, служило кристаллизатором многих бытовых и культурных традиций (пост, крещение и т.д.). Политическая система России также выросла из христианского вероучения. Государственная власть скреплялась не технологиями выборов и уж тем более не силовыми приемами (ни одну внешнюю угрозу и оборонительную военную кампанию русские не использовали для свержения своих легитимных вождей-помазанников, которых западная русистика именует исключительно деспотами).

Изучая Божественные, нравственные и подлинно правовые законы, честный исследователь не обнаружит между ними разницы, поскольку все они – Право, вышедшее из одного

³³⁷ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право как объект общей теории права // Советское государство и право. 1979. № 1. С. 29.

Источника. **Божественные Заповеди** составляют главное начало в Праве и служат для разрозненных личностей, находящихся между собой в случайных отношениях, надежным ориентиром, руководством и поверкою человеческих действий. **Нравственный закон** написан Богом в сердце каждого человека, это врожденное чувство доброго и святого, которое должно предохранять человека от погрешностей. Однако в современном состоянии общества естественное чувство доброты приходится интенсивно подкреплять **юридическими законами государства**. Дальнейшее нравственное падение человечества, повреждение его природы и помрачение разума и совести обуславливают положение, при котором прирожденный закон добра сделался недостаточным.

Эти три компонента Права (православная вера, нравственность и сакральная юриспруденция) сочетаются в органическое единство во всех правовых памятниках Руси вплоть до XVIII столетия, а в наши дни обнаруживают себя в том же единстве в правосознании пусть не большинства, но, без сомнения, лучшей части наших соотечественников. Автор «Домостроя» монах Сильвестр так начал этот нормативно-правовой документ средневековой Руси: «Благословляю я, многогрешный, и поучаю, и наказую, и вразумляю единокладного сына своего, и его жену, и их домочадцев быть во всяком христианском законе, и во всякой чистоте и совести, и в правде, с верою творя волю Божию, и храня заповеди Его, и себя утверждая во всяком страхе Божьем и в законном жительстве, и жену поучая, также и домочадцев своих наказывать не нуждою, не ранами, не работою тяжкою; имеющих, как и дети, во всяком покое быть — сыты и одеты, и в теплом храме, и во всем необходимом»³³⁸. А заканчивается этот замечательный документ, оболганный для тех, кто его никогда не читал, так: «Всякому христианину исцелять себя от всяких различных недугов, душевных и телес-

³³⁸ Домострой. М., 2005. С. 6.

ных, и душестных, и страстей болезненных – жить по заповедям Господним, и по отеческому преданию, и по христианскому закону. Тем самым Богу угодит, и душу спасет, и греха избудет, и здравие получит душевное и телесное, и вечных благ наследник будет»³³⁹.

Право в его подлинном сакральном смысле возникает вне юридических (человеческих) законов и задолго до них. С появлением законов государства Право получает лишь дополнительный способ выражения. «В историческом аспекте законы государства представляют собой процесс юридического познания права в собственном смысле, – признает Н.В. Витрук, – и отражают иное смысловое значение русского слова «право» – как уверенья в истине чего-либо. С этих позиций под истинностью законов следует понимать степень их правового содержания, то есть соответствия праву»³⁴⁰. Когда законодательство игнорирует Божий закон, воплощенный в Праве, допускается колоссальный вред отдаления человечества от Бога, юридическими нормами утрачивается идеальная естественно-правовая праоснова, а универсальный и достаточный комплекс Права оказывается размытым в огромном массиве лишенных какой-либо духовности предписаний государства и общественных корпораций.

На фоне неоправданного увеличения и усложнения современного законодательства совершенно другой смысл приобретает поговорка о том, что русские всегда отличались плохими законами, которые, к счастью, никогда не исполнялись. *Для обеспечения правопорядка нужны не законы, а твердость внутреннего нравственного императива, уверенное соблюдение которого делает избыточным существование законодательных норм.*

³³⁹ Домострой. М., 2005. С. 44.

³⁴⁰ Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Курс лекций по общей теории права и государства под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 521.

В.И. Иванов в своих работах проводит и прослеживает цепочку: «вера – совесть – закон», как характеристику подлинного генезиса правовых положений³⁴¹. Закон, идущий от Бога, запечатлевается в человеке в качестве совести, а закон, идущий от государства и общества – посторонний душе человека. Когда разного рода манипуляторы внушают обществу, что люди сами вольны устанавливать для себя «правила игры», сообщества начинают жить без совести, без Права и без Бога. Так, например, Чингисхан распространил на созданную им империю свод норм, согласно которым преступлением считалось положить нож в огонь, но не считались преступлениями похищения чужого имущества или убийство человека.

Божественные законы отличаются друг от друга способами выражения, но правовая природа у них одна, цель едина и общий Первоисточник. Отрицание Права как основы закона равносильно отрицанию ориентации закона на добро. А утверждение подлинно правовых начал в нашей жизни требует воцерковления людей, последовательной победы человека над грехом, без чего Право не может стать реальной ценностью этого мира. Необходимо сформировать у общества отношение к Праву как к святыне.

Вряд ли возможно в современном мире создание правовой системы, основанной исключительно на Евангелии. Но в России, где не утрачены пока традиции православного миропонимания, такую попытку еще можно предпринять. Это не значит, что все население России тут же будет превращено в христиан. Достаточно, воспроизвести в душах русских людей, пока составляющих в России большинство населения, генетически запрограммированное православное чувство. Нельзя также ожидать, что все православные христиане будут совершенными людьми, которые не оскверняют в себе образ Божий. Однако на российской земле можно создать условия, когда перед духовным взором людей проявится не скверна

³⁴¹ Православная государственность. СПб, 2003. С. 107.

шабашей, а Божие совершенство, которым и возможно измерять все житейские дела и споры. Законодательство государства, в конечном итоге, не может не выражать природы той духовной среды, которая создает его.

Проиллюстрировать осквернение законодательства в современных обществах нетрудно. Элементарное сравнение Божьих заповедей с положениями современных законов подтверждает, как много мнимых ценностей узаконено под прикрытием «общечеловеческих ценностей». Так, например, в Священном Писании сказано, что в браке человек становится одной плотью с женою, брак нерасторжим (Мф. 19,3-9), а светские законы всюду предусматривают облегченные условия для разводов. Обвенчаться для русского человека означало «закон принять», а современные россияне широко практикуют так называемые гражданские браки. В светских законах ничего не говорится о клятвопреступлении (нарушении клятвы и присяги), сквернословии, богохульстве, открытом поклонении сатане. Колдовство, всегда тяжело каравшееся в традиционных обществах, признается теперь разновидностью малого бизнеса и широко легализуется. «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти» (Лев. 20,13) – таков императив Библии. А в статье 133 Уголовного кодекса Российской Федерации мужеложство не признается преступлением, если не было применено насилие³⁴². В некоторых странах Европы содомский грех вообще не упоминается в уголовном законодательстве.

Для Церкви грех – это зло, разрушающее целостность человеческой личности, а для светского государства главное – забота о внешнем благополучии общества. Поэтому одни и те же правонарушения Церковь и государство оценивают с разной меркой. Так, за воровство Православная Церковь в XIX в.

³⁴² Уголовный кодекс Российской Федерации от 19.07.1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 30. Ст. 4921.

отлучала на 2 года, а за прелюбодеяние – от 7 до 15 лет³⁴³. Государство же смотрит на воровство как на худшее зло, а прелюбодеяние декриминализует. В Десятисловии ясно сказано: «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20,12). Любая противоречащая этой и другим заповедям светская норма делает преступником не только нарушителя ее, а самого законодателя. Иными словами, *человеческий закон, заменяющий абсолютную Божественную норму противоположной, перестает быть законом и становится беззаконием, в какие бы «цивилизованные» одежды он не рядился. Закон государства не может содержать полноту закона Божественного, но чтобы оставаться правовым актом, он обязан соответствовать Богоустановленным принципам, а не разрушать их.*

Религиозные и светские способы выражения единого Права происходят из одного Источника и являются двумя аспектами одного явления. Но светское – это низший аспект, а религиозное – высший, а высшее никогда не должно подчиняться низшему. Ложные нормы (псевдо-нормы) стремятся подменить собой более высокие духовные образования. По мнению Э. Фромма, «нормы, на которых основано современное больное общество (принуждение, идеологическое манипулирование с помощью идеологом «интересы народа», «демократия и свободы»), на самом деле являются отклонениями от требований природы и духа. Искаженные нормы делают людей замкнутыми, изолированными в рамках своего искаженного дискурса»³⁴⁴. После грехопадения, которое есть нарушение человеком Божественного закона (правонарушение), Право становится границей, выход за которую грозит разрушением, как личности человека, так и всего человеческого общества.

³⁴³ Велтистов В. Грех, его происхождение, сущность и следствия. М., 1885. С. 224.

³⁴⁴ Фромм Э. Философские работы. М., 2002. С. 125.

Те, кто говорит о невозможности обнаружения критериев правомерности закона, совершают тяжкий грех богоотступничества, ведь очевидным критерием выступают именно Божьи заповеди. Правосознание православного общества обостренно чувствует иерархическую связь между принципами христианской каноники и юридическими законами.

Законотворчество современных «цивилизованных» государств – это попытка создать альтернативу Божественному Откровению. Законоведы, идущие на страшные сделки с собственной совестью, подменяют Богом данный Закон светскими конституциями. От этих конституций люди, даже придерживающиеся христианской веры, нередко ожидают новой идеальной концепции, которая поможет всем изменить жизнь к лучшему. Это обман. В Священном Писании и Священном Предании давно сформулировано доступным языком спасительное учение и само ожидание новых национальных идей и общественно-политических концепций губительно. Называясь христианами, мы ищем себе «по своим прихотям учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тим. 4,3). Православным христианам не нужны новые концепции, «новая мораль», «новое мышление». Православие – апробированный нашими предками и соответствующий святоотеческой традиции образ жизни. Православные христиане готовы исполнять светские законы, но лишь там, где они совпадают с волей Господней и не противоречат ей (Рим. 13,1-7), в противном случае мы решительно их отвергаем и говорим со святыми апостолами: «судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более нежели Бога?» (Деян. 4,19). *В этом состоит правовой подход к юридической силе закона.*

Когда исполнение требования светского закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин должен открыто выступать законным

образом против безусловного нарушения обществом или государством заповедей Божиих.

Таким образом, *Право – это не система общеобязательных предписаний, изложенных в юридических актах. Право есть проявление Божественного Духа, которое способны воспринимать сообщества людей и индивиды, не утратившие связи с Творцом. Отсюда различие «духа» и «буквы» закона, требующее особых видов толкования законодательных текстов и правовых ситуаций (расширительное, ограничительное, буквальное), а также аналогия закона и аналогия Права, когда активно «работает» правосознание субъекта права.*

Первичным условием возможности человеческого бытия является то, что бытие любого, всякого сущего и должного в своей основе может иметь идеальный (духовный) смысл. «Бог есть Дух», – говорится в Священном Писании. – «Бог есть любовь». Эти положения являются ключевыми в понимании Права. Право есть проявление Духа и любви, другими словами: Право есть форма Богообщения, преображающая и ум и чувства, а главное – душу и дух человека. Осквернившемуся человеку, лишившему себя возможности любить кого бы то ни было, жить под Правом крайне тяжело. Ему остается либо исПРАВляться, либо постоянно совершать одно ПРАВОНарушение за другим.

Право открывается только духовному опыту. Отрицатели Бога не способны познать Права. Обращенные к миру злобой, корыстью и завистью де-факто ненавидят Право, а, следовательно, выражают эти чувства по отношению к Богу – в этом заключается страшная ошибка их жизни. Бог постигается только духом и любовью. Потому-то под Православием понимают не создание все новых и новых культурных форм, а сокровенное стяжание Духа Святого³⁴⁵. Божья воля, открытая

³⁴⁵ Флоренский П.А. Соч. в 4-х тт. Т. 1. М., 1994. С. 648; Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 80-81; Мтрп. Иоанн (Снычев). Русь

человеку в Его Заповедях, и определяет тот «замысел природы», о котором упоминают юснатуралисты. Правовые начала проявляются непосредственно, прямо в духовном мире человека – нужно лишь подготовить свою душу для восприятия. Зафиксируем: **Право есть благодать Святого Духа, а Православие – стяжание благодати Святого Духа. Таково соотношение данных духовных понятий.**

В православном мировоззрении заложена органичная цельность. Православие (в отличие от западно-римского христианства) ориентирует русского человека более на внутреннее совершенствование, а не внешнюю деятельность. При этом умственная работа не сводится к рационализированию, а является актом целостного созерцания. В этой созерцательной углубленности большую роль играют интуиция, образное мышление, нравственное чувство гармонии, меры и благообразия.

Добросовестному правоприменителю необходимо научиться познавать Право из Божественного откровения, традиционной нравственности, законов государства и собственной совести. Тогда можно будет рассчитывать на праведность суда. А свои субъективные права граждане России смогут получить и вне нормативных актов.

При условии господства православного правопонимания есть шанс, что юридическая система России наконец снова станет правовой. Изменятся многие оценки в правовой сфере, вскроется многолетний обман, отпадут многие стереотипы и смысловые подмены. Предстоит крупномасштабная работа по возрождению духа Права во всех отраслях нынешней юриспруденции. Право призвано быть проявлением единого Божественного закона мироздания во всех сферах общественной жизни.

соборная. СПб, 1995. С. 12; Тростников В. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М., 2004. С. 251.

Так, акт крещения в Православие, с точки зрения секулярной юриспруденции, не может признаваться *юридическим фактом*, но является без сомнения *правовым фактом*, который влечет именно правовые, а не юридические последствия для человека. Это потребует дифференциации отношений на правовые и юридические, чего пока в правоведении нет. Такая проблема даже не ставится сегодня учеными-юристами и это довольно странно, ведь мы уже апеллируем к разнице правовых и юридических норм. Нужно делать следующий шаг к Истине.

Только религиозные мотивы позволяют правильно решить вопрос о моменте возникновения права. Начало действия Права на земле хронологически соответствует моменту, когда Бог создал перволюдей – Адама и Еву. Бог учреждает Закон для каждого сотворенного Им явления, а относительно наделенного свободной волей человека Бог предусмотрел смысл жизни, функции и необходимые ограничения в действиях – не просто Закон, а Право. Для того, чтобы человек оставался человеком, он должен был с момента появления на земле пребывать в тех правовых измерениях, которые предопределил ему Бог. Это правовое измерение было обозначено Господом еще до сотворения человека. А если это так, то объективное содержание Права не может изменяться по воле человека, не участвовавшего в их установлении, и не может быть в зависимости от человеческих представлений о Праве. Право есть константа человеческого общения. Оно необходимо не для изолированных друг от друга робинзонов, а для социальных групп.

Естественные (природные) законы, таким образом, установлены Богом для условий функционирования мира, а для общения людей дано Право как способ одухотворения Творцом своих созданий; одухотворения в сакральном значении присутствия в людях дыхания Божия, боговдохновенности.

Право не противоречит естественным природным законам, положенным Богом, поскольку не может побуждать человека совершать невозможное.

Задолго до возникновения государственности человек уже имел первый правовой закон еще в едемском саду: «От всякого дерева в саду будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него» (Быт. 2,16-17). После грехопадения Право стало усложняться, определяя границы, не выходя за которые человек может жить в ладу с Богом, окружающими и своей совестью. Нетрудно предположить, что Право существовало до сотворения человека в качестве одного из элементов Божественного плана создания человечества. Право изначально было в самом Боге и как проявление Его Святого Духа стало известно людям. В первое время человек не нуждался в существовании особо сформулированного комплекса правил, регулирующих его бытие – все свое знание о порядке вещей он получал непосредственно из Богообщения. И только после злоупотребления людьми своей свободной волей, когда нравственный упадок общества приобрел угрожающий характер, Бог дал первый свод своих Заповедей, имеющих все признаки правовых положений. Когда Адам в раю сливался с Богом непосредственно, ему не требовалось знания о добре и зле и пространных сводов законов, ибо общение с Богом есть общение с Истиной. После изгнания из рая Адам и Ева, уже обладая знаниями о добре и зле как впечатленным законом, должны были руководствоваться в своих отношениях новой ипостасью Права – нравственностью. Это продолжалось до того момента, пока Бог не продиктовал Моисею на горе Синайской Свои законы и заповеди. С той поры Божьи законы и нравственность представляют собой две тесно взаимосвязанные компоненты единого Права. Совесть же стала Божьим оком в душе человека, тесными вратами, за которыми открыта дорога в вечную

и счастливую жизнь. Совесть не пропустит в душу греха, соизмеряя его с Божественным законом, если человек всем сердцем верит в Бога и Его законы. Только Божьи законы могут стать для души своими, а прочие будут оставлены совестью.

Догматы православной веры, нравственные заповеди, учение Спасителя об устройстве общества, о способах поддержания общественного мира, о средствах восстановления попорченного порядка – все это носит правовой характер. В связи с этим можно считать, что Священное Писание и Священное Предание, содержащие и толкующие Божьи Заповеди, являются формами Права. Высшей формой Права в православной стране могут быть только книги Священного Писания, в которых содержатся непосредственные откровения Божественной воли.

К Богоданным константам Права как священным ориентирам должна устремляться вся законодательная деятельность государства и уж тем более – нормотворчество общественных корпораций. Тем самым существенно сократится сфера произвола государственного аппарата, а граждане обретут условия постоянной реконструкции в себе Божественного образа, который в секулярном обществе, к несчастью, с годами утрачивается.

Право носит принципиально надсоциальный характер и несводимо к отраслям юриспруденции, а тем более – к государственному законодательству. Государственное же (собственно юридическое) законодательство имеет значение правовой переменной.

Церковное право выступает разновидностью Права, поскольку в Русской Православной Церкви осуществляются правовые по своей природе отношения. Церковное право есть область Права, включающая правила, регулирующие внутреннюю жизнь Церкви в ее общинно-институциональном аспекте и ее отношения с внешними субъектами. Предметом

церковного права выступают корпоративные отношения, охватывающие сферу устройства Церкви (в том числе церковный суд и процесс, обрядово-богослужebные вопросы) и сферу внешних сношений³⁴⁶. Православная Церковь, реализуясь в мире, регулирует христианскую жизнь, отличную от всякой другой по своему качеству и устройству. В итоге складывается правовой порядок. Нормы церковного права могут иметь формально закрепленный вид, структуру (гипотеза-диспозиция-санкция) по известной юридической формуле: «если, то, иначе». По выражению А.С. Павлова, «церковное право есть совокупность правомочий и обязанностей членов церковного общества в отношении друг к другу и к церкви как целому, а равно и этого целого – в отношении к отдельным его членам и к другим человеческим союзам»³⁴⁷. Церковное право возникло позже Права с появлением в мире Церкви, а Право было дано Богом в форме Первозакона уже первому человеку.

В юридической литературе употребляются также термины «Божественное право», «каноническое право», «религиозное право», но их нельзя отождествлять. Так, понятие *«Божественное право»* вмещает лишь установления Самого Господа Бога, продиктованные Им непосредственно и выраженные в Его заповедях. *«Религиозное право»*³⁴⁸ как самостоятельный

³⁴⁶ См.: Троицкий С.В. Церковное право. М., 2005; Цыпин В. Церковное право. М., 1994; Заозерский Н.А. Церковное право как предмет науки. М., 1881; Никодим епископ Далматинский. Православное церковное право. СПб, 1897; Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1913; Красножен М.Е. Основы церковного права. М., 1992; Куприянов А. Церковное право и его рецепция в российское законодательство // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 69.

³⁴⁷ Павлов А.С. Курс церковного права. М., 2002. С. 11.

³⁴⁸ О необходимости изучения религиозного права и включении его в классификатор отраслей российского права в статье: Чумакова Л.П. Религиозное право как элемент правовой системы // Актуальные проблемы праведения на современном этапе. Новосибирск, 2004. С. 32.

термин может употребляться для обозначения всех имеющих-ся религиозных нормативных систем (мусульманской, инду-ской, иудейской и т.д.). «*Каноническое право*» есть институт церковного права, состоящий из канонов древней Вселенской Церкви, служащих критериями и основаниями для действующего права всех православных автокефальных церквей.

Соглашаясь с Лейбницем в том, что между правоведением и богословием есть много общего, Е.В. Спекторский отмечал, что «право может быть еще и предметом почитания, т.к. у него есть свой миф (учение об источниках права), свой догмат (юридическая догматика) и свой обряд (процессуальные формы). Юридическая культура охватывает не только человеческий и Божественный промысел»³⁴⁹. По мнению И.А. Ильина, правосознание «есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру»³⁵⁰. Значит, он первым заметил, что источник правосознания нужно искать в религиозном чувстве и в совести. Правосознание вне религии он представлял в виде дисциплины влечений, но никак не творческого начала жизни. И.А. Ильин определял правосознание как правовое чувство, добавляя, что правосознание охватывает также и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательно-го опыта; он исходил из того, что правосознание не просто формально-юридическая, но и универсальная онтологическая категория, из которой выводятся все основные эмпирические социальные реалии; рассматривал правосознание как основу мирового порядка и вместе с тем как органическую часть мировой культуры.

Именно правосознание позволяло нашему народу различать правоту и законность. Ощущение правоты и есть концентрированное выражение правового сознания российского народа (и такое правосознание поистине можно квалифицировать как естественно-правовое). Народ на Руси различал,

³⁴⁹ Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага, 1925. С. 203-235.

³⁵⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 113.

что значит суд по закону и по совести. Представляется, что совесть представляет собой не что иное как одну из ипостасей Права, выраженную в неформализованном виде. Под естественным нравственным законом можно понимать тот внутренний закон, который посредством разума и совести говорит каждому из нас, что хорошо и честно, а что худо и бесчестно. Этот внутренний закон (совесть) есть, другими словами, центр правосознания. В бытии сего внутреннего закона удостоверяет Слово Божие. Оно прямо свидетельствует, что он написан в наших сердцах, так что и язычники, не имеющие закона откровенного, имеют и знают его, и мысли их то осуждают, то оправдывают одна другую (Рим. 2, 14-15). О том же свидетельствуют и святые отцы Церкви. «Бог явил человеку величайшее милосердие, – пишет св. Григорий Богослов, – когда дал ему, кроме всего прочего, закон, пророков и еще прежде того естественный закон – неписанный, сего испытателя дел наших»³⁵¹. Именно эти, глубоко богословские, мысли, относящиеся к эпохе раннего христианства, были позднее подменены и опошлены западноевропейскими «просветителями» и «гуманистами», сочинившими свою, богоборческую доктрину «естественного права».

Отпечаток внутреннего закона (совести) видны во всем человеческом роде, ибо нет народа и человека, который бы не сознавал различия между добрыми и худыми поступками, который бы не чувствовал внутреннего побуждения чтить Бога, почитать родителей, избегать вреда, любить добро. Приметы Права мы обнаруживаем не только в сознании людей, но даже в инстинкте родового разума.

И.А. Ильин высказал провидческую мысль о том, что правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие³⁵². Действительно, большинство правоотношений возникает, существует и реализуется без обращения к текстам

³⁵¹ Св. Григорий Богослов. Избранные труды. М., 1993. С. 301.

³⁵² Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 2. М., 1993. С. 142-145.

законов и иных нормативных актов. В учении Лейбница естественное право выступает как часть мирового разумно-этического порядка, имеющего источник в Боге: «Бог и вечный закон Божий начертаны в наших сердцах, хотя они часто затемняются вследствие людской небрежности или чувственных страстей»³⁵³. Б.Н. Чичерин тоже признавал, что в человеке есть «абсолютное начало... Человек, по природе своей, есть существо сверхчувственное, или метафизическое»³⁵⁴. Е.Н.Трубецкой усмотрел в этом единство природных и социальных законов: «Тот инстинктивный страх, который испытывает цыпленок, впервые увидевший коршуна, – писал он, – не есть результат индивидуального опыта, а результат опыта предшествующих поколений, установившего неразрывную ассоциацию между представлением большой птицы и представлением угрожающей опасности»³⁵⁵. Всякий живущий на земле, согласно Православной вере, сотворен по образу Божию, и отпечаток этого образа, память о нем, поиск его не может стереть никакая сила на свете.

Естественный нравственный закон, онтологически заложенный в природу человека, есть проявление образа Божия, существующего в этой природе по воле Творца: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1,27). По слову святого апостола Павла, естественная нравственность присуща не только христианам, но и людям, находящимся вне Церкви (язычникам): « Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2,14-16). На Страшном Суде Бог будет судить людей не только по их вере, но и по свидетельству их совести.

³⁵³ Лейбниц Г. Соч. в 5-ти тт. Т. 4. М., 1989. С. 485.

³⁵⁴ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 55-56.

³⁵⁵ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 203.

Каждый из нас не раз переживал чувство вины – ощущение, подобное физической боли. Боль сигнализирует о том, что с нашим телом что-то не в порядке. Вина – чувство, что в нашей душе что-то не в порядке и мы нуждаемся в духовном исцелении. Если человек, что-либо делая, ощущает присутствие чувств вины, стыда и т.п., он может быть уверен, что фиксирует грань между правомерным и противоправным (даже не зная текстов многочисленных юридических актов). Совесть как органическая часть правосознания коренится в природе человека и сигнализирует ему чувствами радости, благодарью, тем что называют «спокойной совестью», что он угождает Богу. Напротив, чувства стыда и страха способны указать, что наши действия или помыслы направляются духом лукавства. Страх, охраняющий священное Право, есть сигнал о нарушении, вызывающем недовольство Бога. Разочарование, гнев, состояние подавленности возникают в человеке только в результате стойкого чувства вины, вызванного в свою очередь ощущением ответственности за свои поступки и действия других людей. Это ведет правонарушителя к страданиям, болезням, саморазрушению. В секулярных государствах косвенно признается существование совести как формы правосознания следующим принципом: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Значит, ожидается, что субъект почувствует момент, когда он преступит закон (то есть момент собственного правонарушения).

Объективно противоправное деяние может переживаться правонарушителем, обладающим развитым правосознанием, даже в том случае, когда вынесен оправдательный приговор суда либо его преступление вообще осталось нераскрытым. Люди могут иронизировать по поводу совести как формы Права, в силу свободной воли они способны отвергать и даже издеваться над примерами совестливого поведения, однако духовные законы мироздания связывают всех – и совестливых и бесовестных.

Можно утверждать, что каждый человек по природе правоспособен только потому, что Господом Богом было обещано: «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его» (Иер. 31,33). А.С. Хомяков сделал удивительно тонкое наблюдение: «В вопросах веры нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры»³⁵⁶.

Человек все время судит самого себя, руководствуясь Абсолютом, но сам не может быть источником этого Абсолюта, к нему он только стремится. Для верующего сознания понятно, откуда в человеке это постоянное устремление к добру, к идеалу – оно может быть в нас только от Бога. Наличие в людях нравственного закона называют нравственным доказательством бытия Бога³⁵⁷. Поэтому пребывание в Боге является обязательным «цензом» для лиц, стремящихся творить и применять правовые законы в соответствии с Правом. Юридические законы в отличие от природных держатся только верой людей, укорененной в трансцендентной сфере. Право транслирует людям все умственные и нравственные качества, почерпнутые из изначального Источника. Изначальный же Источник – Бог – является мерилом правомерности всех юридических правил и нравственного инстинкта.

³⁵⁶ История философии права. СПб, 1998. С. 267.

³⁵⁷ Рождественский Д.В. Нравственное Богословие. М., 2001. С. 32; Инговатов В.Ю. Обмирщенный человек: Опыт эсхатологической антропологии. Барнаул, 2003. С. 146; Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 327.

Религия сама по себе не изобретение человека, а проявление его врожденного чувства. Она составляет основу жизни. Жизнь без веры можно уподобить существованию без дыхания, без воздуха. Право без веры вырождается в законничество (юриспруденцию). Существует только одна религия, которая полностью удовлетворяет вопросам веры – это Православие, без которого Право немислимо. Православие вызывает к свободному человеческому сердцу, а не к слепо покорной воле. Православие пытается пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть, а не требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничества). Православие спрашивает человека о самом лучшем и зовет к совершенству. Православие есть религия Любви, Добра и Красоты, что делает его неразрывным с Правом по самой сути и наименованию.

Православному христианину права нужны постольку, поскольку они служат обеспечением исполнения им своего долга, обязанностей. Права нужны ему, чтобы он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к подобию Божию, исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом. Но по мере дальнейшей секуляризации общества акцент делается на неотчуждаемых правах индивида вне его связи с Богом и без учета его поврежденной грехом природы, нуждающейся в исцелении. В результате от правопорядка остается жалкая имитация, а ученые-юристы всерьез пробуют обсуждать разрушительные идеи об отмирании Права, противопоставлении Права и нравственности, верховенстве закона и т.д. Для восстановления подлинного правопорядка придется возвращать в правовую доктрину страны мысль о том, что порождает преступления человеческая греховность; а понятия греха и преступления в российском Праве необходимо максимально приблизить друг к другу на основе священных источников. Понятие греха относится к области Права, т.к.

обозначает беззаконие, отступление от закона, преступное деяние, находящееся за пределами закона.

Одной естественной нравственности человеку оказывается недостаточно, чтобы противостоять искушениям мира, тем более – современного. Поэтому совесть человека должна подкрепляться правильно выбранной верой в Бога – тогда субъект Права оказывается защищен изнутри и извне. Нравственное чувство, не просвещенное благодатью Христовой, обыкновенно бывает замутнено и искажено вследствие первородного греха и личных грехов.

Подлинное Право всегда стремится к пробуждению и воспитанию правовых чувств, которые одновременно являются нравственными и религиозными. Правовое чувство может пробудиться в человеке, если Право будет свидетельствовать о причастности граждан к высшей цели, высшему Абсолюту и Высшей идеи сакрального.

Для признания верховенства и господства Права нужно согласиться с очевидным, что Право – явление, зафиксированное на небе, а закон государства – на бумаге; и без согласования с тем, что на небе, закон в лучшем случае окажется не востребовавшимся обществом. Христианские теологи эту идею выразили в стройном учении, согласно которому мир основан на иерархии форм (Божественной, духовной, материальной). Так, Ф. Аквинский разделил законы на четыре типа:

- Вечный закон – это сам Божественный разум, управляющий миром;
- Божественный закон, изложенный в Библии;
- Естественный закон – это отражение Вечного Закона человеческим разумом (например, закон продолжения рода);
- Человеческий закон – это законодательство, выражающее требования естественного закона и подкрепленное санкциями государства³⁵⁸.

³⁵⁸ Аквинский Ф. Избранные произведения. М., 1995. С. 425.

Православное христианство облагораживает правосознание людей через любовь и совесть. Они вдохновляют и придают человеку неразложимую абсолютную опору. Авторитет Православной Церкви не ведаёт ссылки и костра, а есть авторитет откровения и любви. Православие осмысливает сферу правосознания в неизменном сохранении Божественного образа сотворенного из земли человека и в создании условий для реализации в нем потенциального Богоподобия. В этом состоит цель правопорядка.

Православное правосознание не поработает человека прошлому, а вырывает из-под тотального гнета настоящего. В Православии человек реализует свое право не быть собственным современником, право жить не только сегодняшним днем и не только тревогами дня завтрашнего. Человек открывает как раз свою несводимость к личному прошлому и к нынешней конфигурации общественных отношений. При помощи Права, укрепленного Православием и нравственной Правдой, оказывается возможным распространять высшие духовные ценности на область практических отношений. Такое Право позволяет сочетать общественные структуры правопорядка с «интимностью» правовых переживаний отдельного индивида.

Правопорядок, основанный на православной духовности, на абсолютных заповедях, гармонично содержит в себе понятия гражданского и общественного долга, ответственности и совести, отвечает потребностям развивающегося общества. Объясняется это тем, что каждый человек, искренне принявший духовность подобного типа, равнодушен к любым нравственным и социальным процессам, тонко чувствует их направленность, стремится к святости, подвижнической, праведной и общественно-созидательной жизни. Такой человек живет по Праву и в полицейских мерах сдерживания не нуждается.

И.Л. Солоневич писал: «Российская государственность строилась на Православии, а не на юриспруденции. Все попытки перевода с православного языка на язык «конституций» суть попытки безнадежные»³⁵⁹. При понимании разницы между Правом и юриспруденцией эти слова И.Л. Солоневича можно признать истинными. В них содержится убеждение в том, что юриспруденция не должна быть автономна ни от исторической судьбы нации, ни от вероисповедных форм ее сознания. В противном случае беспочвенность юриспруденции будет только отдалять ее от Права и ослаблять не только государственность, но и народ.

Философия и наука в сравнении со Священной книгой Нового Завета имеют статус вероятностных предположений, не могущих содержать в себе абсолютного, безусловного и цельного знания. Лишь православная вера на сегодняшний день способна дать людям целостную Истину. Православное правосознание, не противопоставляющее Право, Правду и Православие, имеет глубокую и очищающую основу, и на этой только основе российскому обществу удавалось ограждать и растить свою духовную культуру.

Итак, Право имеет внутренний и внешний выход на человека: внутренний через запечатленную в душе человека совесть как часть правосознания, внешний – через Божьи заповеди, традиционную нравственность и правовые законы государства. Право носит духовный, священный и истинный характер, поэтому в отличие от законодательства оно непреложно и неизменяемо, потому что основывается на непреложной и неизменяемой Божьей воле и потому не ограничивается никакими условиями места и времени. Право рассчитано на всеобщее действие, но в современном мире локализуется в пределах небольшого числа стран, прежде всего – России.

³⁵⁹ Солоневич И.Л. Царь и помещики // Наша страна. 1949. № 14. С. 20.

Праву недостаточно одной лишь юридической силы для эффективного действия; нужна еще сакральность, без которой Право теряет свою силу. Эта сакральность и есть религиозное измерение Права. В настоящее время Право переживает кризис целостности, Оно лишено сакральности, священного смысла путем отделения Русской Православной Церкви от государства и утратило фундаментальные нравственные начала из-за противопоставления традиционной нравственности – русской Правде.

В современности религиозная подоплека мировой жизни несколько не утратила своего основополагающего значения. Последнее столетие обозначило особую роль религии в жизни человеческого общества, обнажив все уродство жизни без нее. Любая правовая доктрина или концепция правовой реформы всегда имеет философскую основу, а еще глубже – религиозную, определяющую смысл исторического бытия и определенное видение собственной роли и места в мировой истории. Основой любого общества всегда служила религия. А когда традиционные верования по тем или иным причинам переставали оказывать влияние на общество, государства и даже нации погибали. Ведь по сути дела, все социальные, политические, экономические и культурные процессы представляют собой более низкий план бытия по сравнению с планом метафизическим. В правовой сфере явно присутствует некая глубинная субстанция, проявляющаяся в разных ипостасях и в разные моменты времени, но всегда сохраняющая собственную непознанную до конца суть.

История Права обнаруживает некую цепь преемственности, воспроизведения в действующих юридических положениях элементов Божественной первоформы. Правосознание, утратившее свои религиозные корни, оказывается неспособным поддерживать и отстаивать национальную государственность и культуру.

Многие авторы отмечают, что связи между Правом и религией, существовавшие в ранних обществах, были разрушены в Новое время³⁶⁰. Именно в этот период происходило обмирщение или секуляризация общества, то есть высвобождение от религиозного и церковного влияния всех сфер жизнедеятельности общества и человека. Наблюдалась и интенсивная десакрализация правового бытия и утрата им основополагающих христианских императивов и эйдосов. Удар наносился вполне целенаправленный – по тем абсолютам, которые и составляют центр Права.

Возникнув в западноевропейской культуре процесс секуляризации неотвратимо разрушал универсум христианского Права, обнаруживая свое действие во всех цивилизациях мира. В общетеоретическом плане этот процесс означал замещение сакральных символов и религиозных императивов Права на мирские, земные понятия и нормы. Ш. Монтескье заявил, что у Божественного и у человеческого закона противоположны цели, а не только происхождение и природа³⁶¹. Он не был одинок в подобных оценках, которые в конечном счете обслуживали заказ извлечения из Права атрибутов священности. И. Кант восклицал: «...да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать или же господствовать! Без них все превосходные человеческие задатки остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что хорошо для человеческого рода: она хочет раздора»³⁶². Торжество безнравственности стало возможным после того, как религия была почти полностью исключена из духовной жизни.

³⁶⁰ Например: Берман Г. Дж. Вера и закон. М., 1999. С. 334.

³⁶¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 531.

³⁶² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 1994. С. 211.

Доходившая в своем мировоззрении до безусловного правового нигилизма российская радикальная интеллигенция стремилась восполнить духовный вакуум нигилизма гипертрофированно переживавшимся и казуистически осмыслявшимся морализмом, в котором поколения интеллигенции видели высшую форму духовной жизни мыслящей личности. Отрицателям религиозных оснований Права нелишне напомнить глубокую мысль Аристотеля: «Предполагать в человеке только человека – значит ошибаться в нем».

Современная юридическая практика основывается на приоритете земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозно-нравственными абсолютами (особенно в случаях, когда первые и вторые вступают в конфликт). Показательно, что это уже редко кого удивляет и возмущает. Такой же приоритет закреплен в национальном законодательстве многих стран. Нередко он заложен в принципах регламентации различных форм деятельности органов власти, построения государственной образовательной системы и т.д. Многие влиятельные общественные механизмы используют этот принцип в открытом противостоянии вере и Церкви, нацеленном на их вытеснение из общественной жизни.

Современное западное юридическое сознание и юриспруденция впечатляют своим безрелигиозным скептицизмом и рационализмом, духовным вакуумом. Причина – полная дехристианизация этого сознания. Отрицание Бога и высших Божественных идеалов всегда приводили человека к торжеству самопроизвола, к возникновению религиозности в иных, более низких, искаженных формах. «Гуманность, отрицающая Бога, логически приводит к безчеловечности», – писал Ф.М. Достоевский³⁶³. Весь внутренний правовой опыт человека постепенно и последовательно начал мельчать и искажаться. Общество стало испытывать радость нормирования своей жизни, а выход из накапливающихся кризисов видит в приня-

³⁶³ Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1. М.-Л., 1980. С. 142.

тии все увеличивающегося количества законов. Юридизация общественной жизни означает детальную регламентацию всех сторон жизни, пристрастие к букве закона в ущерб духу. На граждан спускаются сверху нормы, происходящие из конъюнктурных и корыстных соображений.

Основная идея западной юридической мысли о возможности построения правопорядка вне религии и вне национальных традиций оказалась разрушительной. Даже доктрины «естественного права» и «правового государства» создавались в секулярной, безбожной интерпретации, влекущей на практике бездуховное прозябание безнравственных человекоподобных существ, которых используют для наживы меньшинства на погибель всего человечества. Секулярная культура может впечатлять современников лишь апологией чувственности и мифом возвеличивания человека.

Лишившись Божественных начал, Право сократило сферу своего действия в современном мире и стало, главным образом, достоянием сознания людей русской культуры. Главная проблема правовой ситуации в России – не экономические ресурсы, а вера. Народ, имеющий плохое представление о Боге, имеет и плохие законы, и плохое государство, и плохую экономику.

Современный человек со всеми его «неотчуждаемыми правами» претендует на то, чтобы стать сверхчеловеком в ницшеанском смысле и воссесть на место Бога. Благодаря свободе совести, прописанной в основах конституционного строя всех либеральных государств, религия из общего дела превратилась в частное дело индивида. В действительности свобода совести трансформировалась в свободу безсовестности. Если первоначально государство возникло как инструмент утверждения в обществе Божественного Права, то свобода совести окончательно превращает государство в исключительно земной институт, не связывающий себя религиозными обязательствами.

Особое совестливое правочувствие, о котором писал И.А. Ильин, понижено до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма. «Освобождая» человека от «предрассудков» нравственных императивов, деструктивные силы отняли у него защитный иммунитет, который безоговорочно защищал его достоинство, богоподобие и неприкосновенность. Лишенный совести, современный человек оказался игрушкой в руках самых случайных сил. О нем либо заботятся как о полезном животном, либо уничтожают. Без всякого сострадания на планете уничтожаются миллионы людей, лишаются своего имущества, всех прав, ценностей, изгоняются, и только из-за того, что само их существование является препятствием для чьих-то корыстных замыслов и жажды власти. А юриспруденция (международная и внутригосударственная), став автономным по отношению к Праву явлением, ничего не может поделать с фактическим безправием и порабощением миллионов и миллионов людей.

На путях преодоления христианской этики и усвоения новых юридических стандартов поведения в качестве нормальных современный человек делается невротиком. Не веря в Бога как в своего Творца, Спасителя и Заступника, он чувствует непреодолимые страхи и тревоги, от которых не может избавиться в одиночку. Когда в центр юридической системы ставится помраченная грехом человеческая личность, законы государства перестают осуждать половые отклонения, супружескую неверность, внебрачные связи, порнографию, пропаганду насилия, наркоманию и алкоголизм. Эти явления рассматриваются как норма общественной жизни на том основании, что они лежат исключительно в сфере ответственности человека перед самим собой и не затрагивают напрямую интересов физического благополучия других индивидов. А ведь перечисленные явления влекут социально опасные последствия: преступность, разрушение семьи, эпидемии заболеваний, передающихся половым путем. Но главное —

упомянутые пороки противоречат вековым нравственным нормам, которые установлены свыше и потому имеют безусловный авторитет перед любыми человеческими законами и решениями.

Ответы на многие вопросы, поставленные кризисом окружающей природной среды, тоже содержатся в человеческой душе, а не в сферах экономики, биологии, технологии или политики. Выход их экологического и экономического тупиков может быть основан лишь на духовном преображении личности. По мысли преподобного Максима Исповедника, человек может превратить в рай всю землю только тогда, когда он будет носить рай в себе самом.

Право предшествует возникновению новых форм социальной жизни, а не следует им. Так, новые формы экономики, лишённые правовых оснований, стимулируют распад, беззащитность, дезорганизацию. Ключевые для западной философии предпринимательства установки прибыли и выгоды нужно лишить предикатов транскультурной разумности и самодостаточности, показав их подчиненный характер по отношению к идеалу духовной и физической целостности русского народа. Дух и традиции русского народа восходят к православному вероисповеданию, а Право немислимо вне религиозно-нравственной константы.

В секулярной юридической науке все понятия перепутались, что ведет к непрерывным недоразумениям на практике. Теоретики и юристы-практики могут действовать согласованно в случае, когда служат духовно-нравственным ценностям Права. А они остаются аутентичными лишь в неразрывной связи со своим Источником – Богом, вне этой связи они всегда подменяются и превращаются в свою противоположность. Самый наглядный пример – это превращение богоданной свободы в либерализме в рыночные отношения, в которых таится не свобода, а новое сверхзакрепощение.

6 апреля 2006 г. Всемирный Русский Народный Собор принял «Декларацию о правах человека», в которой говорится: «изоляция права от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает. ...Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека – такие как вера, нравственность, святыни, Отечество»³⁶⁴. Европейская индифферентность к духовной основе Права не менее разрушительна в наши дни, чем активное безбожие. Самомнение европейской цивилизации, претендующей стать источником Права и заменить собою Высший Источник, может обернуться очередной катастрофой общечеловеческого масштаба. Сегодня мы констатируем: Божественные христианские основания Права оказались менее всего изученными. Это происходит потому, что современную юриспруденцию правильнее называть не постхристианской, а антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис христианского учения.

Современная юриспруденция противопоставила себя правоведению, а правосознание перестало быть формой общественного сознания. Так называемые правоохранительные органы государства, юридические вузы и факультеты, средства массовой информации не предпринимают серьезных шагов для спасения и укрепления Права, но в известной степени даже способствуют уничтожению великого правового наследия либо безучастны к его исчезновению. Кто захочет выступать в защиту Божественных атрибутов Права, зная наверняка, что его подвергнут публичному осмеянию и остракизму?

Сегодня каждый ученый может веровать во что угодно, и «деидеологизированное» государство будет индифферентно к этому, пока это не мешает сугубо языческим ценностям – комфорту, рынку и совершенно лишеным духовного наполнения правам индивидов. **Право как священное явление,**

³⁶⁴ Всемирный Русский Народный Собор. 2006. Материалы и комментарии. М., 2006. С. 12.

проявление Святого Духа заменено людьми на новоязыческую юриспруденцию. Этот переход готовился долго и тщательно, пока людей окончательно не увлекла идея неотчуждаемых прав, среди которых главное место отводится свободе от нравственных ограничений, свободе от ответственности за других, свободе от Бога. «Прирожденное право только одно-единственное: свобода – право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду»³⁶⁵, – эта мысль И. Канта оказалась незаменимой для антиправового движения, а сам Кант и авторы, придерживающиеся аналогичных взглядов, были вознесены в разряд гениев. В частности, Гегель с его абсолютизацией свободной воли ради нее самой: «Право состоит в том, – писал он, – что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть бытие свободы как идея... Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие самосознательной свободы»³⁶⁶. Признание святости Права этими учеными в действительности представляет собой «освящение» человеческого произвола, при котором царит произвол самой порочной воли. *Свобода из вспомогательного средства обретения Истины, способа добровольного обретения Бога превращена в абсолютную ценность, в идола, которому призывают «молиться» (клясться свободой, мечтать о свободе, бороться за свободу, поступать свободно и т.д.).*

В современном юридизированном западном мышлении прочно укоренилось, еще со времен Ж. Ж. Руссо, представление о том, что достаточно обеспечить свободу и наделить правами личность, а она сама неизбежно выберет добро и полезное для себя. Поэтому никакие внешние авторитеты не должны ей указывать, что есть добро, а что есть зло. Человек сам определяет нравственные нормы поведения. Это называ-

³⁶⁵ Кант И. Метафизика нравов // Соч. в 6-ти тт. Т. 4. М., 1965. С. 147.

³⁶⁶ Гегель Г. Философия права. М., 2000. С. 89-90.

ется нравственной автономией человека. И такая автономия может быть ограничена только автономией другого человека. В этой идеологии отсутствует понятие греха, а есть плюрализм мнений; то есть человек может выбирать любой вариант поведения, но при одном условии, что его поведение не должно ограничивать свободы другого человека. Печальное следствие такого антропоцентричного подхода заключается в том, что сегодня в большинстве стран выстраивается юридическая система, которая потворствует греху и устраняется от задачи нравственного совершенствования личности. Общества столкнулись с циничной подменой – допустимость безнравственности оправдывается учением о достоинстве человека.

Как современный человек будет нравственно использовать свою свободу, если телевидение демонстрирует ему в качестве успешного образа жизни потребление, насилие, разврат, азарт и другие пороки? Порок легко продается и легко воспринимается человеком, склонным к греху. С древних времен такие действия назывались соблазном.

Однако же, перестав верить в Бога и замечать подлинное Право, а в нем – Божественную природу, люди все-таки остаются созданием Бога. И изжить это полностью невозможно. Правовое проявляется в юридическом, как бы юристы-технологи и казуисты ни старались. Душа людей с врожденным нравственным содержанием остается душой-христианкой, хотя и искаженной. Отрешиться от нравственного содержания, которое дано душе человеческой, люди не могут до сих пор. Стремления, создаваемые этим содержанием, требуют себе места и удовлетворения. *И, несмотря на все усилия отречься от своего истинного первоисточника – христианства, отечественное правоведение всем обязано христианству и без него будет похоже на дерево без корней.*

И.С. Аксаков назвал современное ему общество «обществом христианским, но отрекшимся от Христа». П.А. Сорокин

принимал во внимание необыкновенную жизнеспособность некоторых культурных обретений и духовных традиций. Перечисляя основные проявления нарастающего распада «чувственного морального строя» с его прогрессирующей релятивизацией и атомизацией всех этических ценностей и правовых норм, П.А. Сорокин тем не менее заключает свой анализ фиксацией тенденции «воссоздания и нового подтверждения вечных, универсальных и безусловно обязывающих моральных ценностей и норм. Эти ценности и нормы так же хорошо сформулированы в Нагорной проповеди Христа, как и в основных моральных наставлениях всех великих религий, этических систем и всеми великими Апостолами неэгоистической созидательной любви»³⁶⁷.

Православные христиане ближе к тем, кто слабее, к мировым изгоям и неудачникам, чем к сильным и процветающим. «Православный готов вернуть Богу счастливый билет в заветное Царство, если он куплен ценой слезы невинного ребенка», – здесь Ф.М. Достоевский знал, что говорил. Эта нравственно-религиозная впечатлительность и неугомонность по поводу искания Правды очень мешает господам мира сего – по этой причине они принялись за Россию всерьез. Новому глобальному порядку Россия мешает как тип духовной культуры, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора. Для принятия навязываемого сегодня русским американского эталона жизни, наше население, судя по всему, должно пройти путь индейцев по этапам колонизации, резервации и последующей свободы... от своей Отчины. В Генеральном плане «Ост» Гитлер предвосхитил нынешнюю глобализацию мира, указав: «Мы должны избегать того, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают

³⁶⁷ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 16.

негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах России должна заключаться в поощрении любой формы разъединения и раскола»³⁶⁸.

А между тем, если и есть основа европейского единства, то она заключается не в копиях с американской конституции, а в христианстве. Никакие либеральные законы не работают, если уходит Право с его религиозно-нравственными началами. Апостол Павел говорил: «Язычники естеством законное творят». И не нужно старушке, живущей в Смоленской области, знать федеральные законы, ибо она никаких законов не нарушает, потому что христианским, нравственным естеством законное творит.

В ряде стран мира не поддались общему поветрию секуляризации и сохранили для своих традиционных религий статус государственных. Например, в Израиле религия (иудаизм) не отделена от государства. В.П. Воробьев отмечает: «Законы государства Израиль используются как для придания нормативного статуса религиозным институтам, так и для соблюдения религиозных постулатов. Поэтому Израиль нельзя назвать в полном смысле светским государством, поскольку иудейские служители культа играют в нем слишком большую роль, и в стране действует религиозное законодательство»³⁶⁹. Иудаизм охватывает своим воздействием частную и общественную жизнь граждан. Официально закреплена сфера раввинской юрисдикции³⁷⁰.

Конституция Норвегии закрепляет, что Евангелическая лютеранская религия является официальной религией государства (ст. 2). В Конституции Ирландии признается особое положение Католической апостольской Римской Церкви (ч. 2

³⁶⁸ Нюрнбергский процесс: документы и материалы. Т. 1. М., 1988. С. 44.

³⁶⁹ Воробьев В.П. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., 1995. С. 138.

³⁷⁰ Элон М. Еврейское право. СПб, 2002. С. 601.

ст. 44). В Англии, Дании и Швеции глава королевского дома является и официальным главой государственной Церкви. В Конституции Болгарии от 12 июля 1991 г. установлено: «Традиционная религия в республике Болгария – Восточно-православное вероисповедание» (ч. 3 ст. 13)³⁷¹. В немногочисленных странах Православная Церковь имеет статус государственной религии (Греция, Кипр, Финляндия).

И нам необходимо открыто утвердить религиозно-нравственные опоры своей страны и гласно обличить губительную ложь секуляризованной, бездуховной формы либерального строя, в какие бы «цивилизованные» одежды он не рядился. В России пора восстанавливать религиозные начала как важнейшие элементы отечественной духовной культуры. Укрепление Православия в России окажет одухотворяющее действие на юридическую систему страны и обеспечит воспроизводство Права в изначально священном его смысле. Религиозно обновленное правосознание титульной нации позволит сократить государственные репрессии и свести юридические предписания к действительно необходимому минимуму.

Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества, не государство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную духовную сокровищницу народа. Именно религиозная традиция содержит в себе объективный критерий различения добра и зла. С точки зрения этой традиции, не могут признаваться в качестве нормы аборты, гомосексуализм, эвтаназия и другие виды поведения, активно защищаемые сегодня с позиций концепции прав человека. Когда юридическое законодательство допускает подобные формы поведения, они не остаются только уделом пользования небольших групп меньшинств, которые уже определили свой выбор. Такие законодательные акты становятся основанием для безудержной пропаганды порока в обществе.

³⁷¹ Конституции государств Европы. М., 1999. Т. 1. С. 396.

А поскольку грех привлекателен, то он быстро заражает значительные слои общества. Тем более, если в эту пропаганду вкладываются большие деньги и используются передовые способы влияния на сознание человека. Так выходит, например, с гомосексуализмом. Резолюция, принятая в январе 2006 г. Европарламентом, предписывает вести воспитание в школах в духе приятия гомосексуализма и даже фиксирует день в году, посвященный борьбе с гомофобией. Общество не просто призывается к уважению жизни порочного меньшинства, но ему также навязывается пропаганда гомосексуализма как некоей нормы. В результате эта пропаганда соблазняет тех, кто мог бы бороться с этим недугом и создать полноценные семьи.

В условиях затяжного морального кризиса, поразившего сегодня все слои российского общества, но более всего – элиту, государственная власть показала свою неспособность стать мощным фактором нравственного очищения, а наоборот – оказалась лояльной глобалистским проектам нового мирового антихристианского порядка. Политики используют в своих целях толпу как силу стихийную, безправную и разрушительную, а Русская Православная Церковь снова и снова обращает толпу в народ, в настоящих субъектов Права. Современные авторитеты юриспруденции призывают использовать модифицированное законодательство языческого времени (прежде всего, «римское право») и рассчитывают достичь правопорядка при дальнейшей либерализации обществ. Православная Церковь понимает невозможность создания основанной исключительно на Евангелии правовой системы, ибо без воцерковления полноты жизни, то есть без победы миллионов людей над грехом, Божественное Право не может быть правом мира. Однако в Новом Завете утверждает связь таких понятий, как закон, несущий в себе «тьнь будущих благ» (Евр. 10,1), и надежда: «Закон ничего не довел

до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу» (Евр. 7,19).

В настоящих условиях Русская Православная Церковь остается единственной структурой, соединяющей в духовной сфере бывшую единую общность русских людей. Русский народ – это духовно- и государствообразующая нация. В Русской Церкви могут пребывать люди любых национальностей и пребывают ныне представители народов разных стран, но тем не менее наша Церковь называется Русской Православной ввиду историко-духовной основы и ядра – русского православного народа. Православие как прославление Истины, Добра и Красоты – сущностей, исходящих от Бога, оказывается в наше время главной мишенью мировых деструктивных сил. Недостаточная твердость веры русского народа только укрепляет эти силы и ведет русских к гибели. Русским суждено либо спастись в Православии, либо погибнуть как народу.

Должно быть ограничено в правах секулярное мировоззрение, несущее в себе угрозу духовной целостности мира и человека. **Разъятие Права, Православия и Правды гибельно для судьбы русского народа и мира в целом.**

З.С. Байниязова в своих работах справедливо утверждает, что «чем больше будет верующих во власти, а, следовательно, и религиозного начала, тем более эффективной и нужной будет она. Поскольку верующий человек согласовывает свои действия с волей и заповедями Бога, ищет в Боге духовную и жизненную опору, уповает на Него, что предопределяет нравственный характер деятельности»³⁷². Согласно данным Института социологии РАН 2006 г., 89,7 % населения Российской Федерации относят себя к православию, 5,3 % – к исламу, 1 % – к католицизму, 0,4 % – к буддизму, 0,2 % – к

³⁷² Байниязова З.С. XXI век: необходимость формирования новой модели власти // Актуальные проблемы правопедания. 2003. № 3. С. 24.

баптизму³⁷³. Необходимо констатировать, что Россия в полной мере является православной страной.

Христианство способно удержать российскую юриспруденцию от дальнейшего падения. Объективный правовой критерий не является случайным порождением воли людей. Православие отвечает критериям истинной веры и превратилось в русском сознании в традиционную национальную религию. Именно Православие позволяет обеспечивать мирное сосуществование народов, возможность нравственного и духовного совершенствования людей. Н.А. Бердяев писал: «С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России»³⁷⁴. Когда нации утрачивают свою миссию, этот Божий дар, когда они теряют веру, некогда отличавшую их от всех прочих, тогда они погибают как нации, тогда исчезают культура, народ, цивилизация.

По историческому происхождению, по своим природным ресурсам и достижениям во всех сферах человеческой деятельности мы являемся самобытной Православной русской цивилизацией. Русская цивилизация Правовая, ибо породила само понятие «Право» для обозначения высших Божественных заповедей и утвердила целостное видение основ Права – традиционной веры (Православия) и традиционной нравственности (Правды).

Русская православная цивилизация не была ни антропоцентричной, ни социоцентричной, но всегда – Богоцентричной и в периоды отступления от воли Бога на время сходила с мировой авансцены, но неизменно возрождалась благодаря возврату к Православию – прославлению подлинного Права. Альтернативой нравственной деградации российского обще-

³⁷³ Мир религий. М., 2006. С. 111.

³⁷⁴ Бердяев Н.А. Собр. соч. в 3 тт. Т. 2. М., 1992. С. 180.

ства и сейчас является только возврат к Православию, к тем нравственным началам, которые и создали Русь, сформировали удивительно стойкую народную правовую культуру.

Процесс актуализации национально-культурной и религиозной идентичности является условием выживания русской нации в современном мире. Быть русским сейчас означает быть православным человеком. Вера становится главным критерием нашей национальной принадлежности. Православной этике противоречит деление народов на лучшие и худшие, принижение какой-либо этнической или гражданской нации. Тем более несогласны с Православием учения, которые ставят нацию на место Бога или низводят веру до одного из аспектов национального самосознания. Можно вспомнить опыт Российской Империи, когда в правовой системе страны предусматривались юридические «анклавы», например, для финнов и бурят.

Политическое непризнание государствообразующей роли Православия и русского народа нацелено на дальнейший распад России. В преамбуле Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 1 октября 1997 г. содержится унижающее для Православия положение: «Федеральное Собрание Российской Федерации, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры; уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, принимает настоящий закон»³⁷⁵. Получается, что Православию государством отводится место одной из многих разновидностей христианства, наряду с другими, имеющими полное право на существование и даже равноценными. Приносить Православие до одного уровня с религиями нацио-

³⁷⁵ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 1 октября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 31. Ст. 2147.

нальных меньшинств – саморазрушительно для российского государства и оскорбительно для большинства населения России, а также грех перед Богом. Это кощунство и злонамеренное искажение Правды. Ведь Православная Церковь как великая историческая сила формировала русское государство и не раз спасала его в периоды смут; кому как не ей считаться первенствующей среди других исповеданий и занимать публично-правовое положение, подобающее величайшей святыне большинства населения.

Формой культурного геноцида следует признать навязывание русским детям религиозных вероучений, разрушающих их национально-культурную и религиозную идентичность, ведущих к уничтожению национальных традиций. Реализуемое в государственных и муниципальных образовательных учреждениях России принудительное атеистическое обучение и воспитание также вредно для судьбы русского народа и перспектив возрождения Права.

Между тем в международных правовых актах декларируются: право на воспитание в ребенке уважения к его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает (п. «с» ч. 1 ст. 29 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.); право на повышение духовного уровня жизни (абзац 1 ч. 2 Декларации социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 г.); право на национально-культурную и религиозную идентичность, включая право на сохранение национальной культуры, на культурное развитие, на доступ к культурным ценностям и на участие в культурной жизни (ст. 22, ч. 2 ст. 26, ч. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.)³⁷⁶.

³⁷⁶ Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000.

Национальная идея России не может быть измышлена и утверждена на конкурсной основе, она известна со времен зарождения российской государственности – быть Православной Державой, Святой Русью, и всем своим бытием служить Богу. Русская национальная идея вытекает из православной веры, из нашего многовекового опыта и исторического призвания.

Итак, единство Права и Православия обусловлено:

- общим Источником – Господом Богом;**
- едиными абсолютами;**
- единством некоторых ритуалов (вниманию к процедуре, доверии к присяге, торжественности языка и пр.);**
- приверженностью Традиции;**
- нравственной универсальностью.**

Право в его изначальном сакральном смысле означает выражение Божьей воли, благодать Святого Духа, а Православие является религиозным средством воплощения Права в жизни людей, способом стяжания благодати Святого Духа. Поэтому Право и Православие имеют общую судьбу. Право как священное явление поощряет православную веру и святость людей как залог подлинного правопорядка, не нуждающегося в дополнительных юридических и полицейских гарантиях. Утверждение о том, что Право составляет с Православием органическое единство, не требует какого-то широкого определения Права, но требует собственного имманентного определения.

Глава 3.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРАВА: СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

*«Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны»
(Рим. 16,17).*

Общепринятого определения понятия Права в юридической литературе нет и быть не может. Ученые ведут поиск истинного определения Права, обнаружение которого возможно, но вряд ли устроит всех.

Представители различных типов правопонимания рассуждают о Праве, по существу, на разных языках, но при помощи одних и тех же слов. Ввиду того, что множественной истины быть не может, подлинному Праву может соответствовать лишь одно определение; все иные определения понятия Права извращают и подменяют его смысл.

Брожение умов в вопросе правопонимания привело юридическое сообщество к «исправлению имен». Многослойная толща искажений, придавившая правовую культуру, никуда не делась в нынешний период либерализма (а точнее сказать – постмодернизма), но стала чуть прозрачнее.

Например, порок признан сейчас нормой. И что получается со смыслом Права, если в его «рабочем» доминирующем определении мы формулируем: право – это система норм? Ведь мы в этом случае понимаем под правом систему человеческих пороков. В этом состоит одна из чудовищных подмен современной юриспруденции.

В западноевропейской юридической мысли не случайно столь популярно истолкование правовой нормы как средне-статистического варианта, стандарта, то есть отождествление

нормы и норматива. Ведь нормативы могут устанавливаться по субъективному произволу или конвенционально, на основе договора, соглашения. Нормой оказывается нечто общепринятое, чему трудно или невозможно найти объективные оправдания. Отсюда следуют нередкие утверждения о том, что правовые нормы вообще относительноны и фиктивны³⁷⁷. Всякое несоответствие с нормативом рассматривается как крушение Права. К такому релятивизму привела вся логика развития западной юриспруденции.

Придавать формальному закону самодовлеющее значение – гибельная ошибка. Но еще хуже утверждать, что право должно фиксировать существующее положение вещей, «естественные» человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность и легальность страстей, порочных язв, всевозможных грехов, равно губительных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. Настроив правовую систему на обслуживание людских пороков, можно исподволь, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочный строй, растлить здоровый и нравственный народ.

Сила информационного общества как раз и состоит в роковом соединении власти и знака: анонимная власть знакова, знак обладает властью, поскольку он симулирует реальность. *Можно засвидетельствовать тотальную переработку Права в безличную знаковую систему, разрастающуюся в своей демагогии и круговую в своем движении.* Каждое явление существует не само по себе, а лишь постольку, поскольку является знаком, символом, отсылающим к другим явлениям, а в итоге и ко всему вообще. Так, Право как проявление Духа фиксирует в себе волю Первоисточника-Бога в виде религиозно-нравственных абсолютов сознания и поведения.

³⁷⁷ Завадский А.В. К учению о толковании гражданских законов: Новейшие течения по этому вопросу в немецкой литературе (школа свободного права). Казань, 1916. С. 770-772.

Так называемые «школы права» нашего времени как раз и заняты тем, что фактически подменяют смысл Права. Различные концепции правопонимания являются не видами истины в данном вопросе, а системами антиправового характера, которые употребляют понятие «право» и имеют родовое сходство в извращении его смысла. Различные типы правопонимания используют одни и те же термины, но использование одинаковых слов скрывает за собой неодинаковое понимание смысла нравственных принципов и способов организации жизни в соответствии с ними.

Постмодернистская разногласица соревнующихся друг с другом школ юриспруденции не является фактом Права. Такое состояние эпистемологически неизбежно для светской мысли. Надежда деятелей эпохи Просвещения на то, что философия может открыть правила должного поведения людей, так и осталась неосуществленной. Разум не может вернуть моральное единство, разрушенное грехом, и установить, какие нравственные принципы следует взять за основу. Просвещение не учитывало роли, которую призвана сыграть воля к служению Богу, и преувеличивало роль разума в создании истинной нравственности.

По существу, многообразие «школ права» и типов правопонимания обусловлено отпадением правоведения от богословия и насаждением культа человеческого разума. Все известные типы правопонимания, будучи светскими, обосновываются при помощи рациональной аргументации. Запад уверенно шел к выдвиганию разума на роль первооткрывателя самостоятельной этики, всецело независимой от Бога. После Ренессанса и Реформации Европа надеялась, что разум сам по себе может установить, как люди должны жить. Различные концепции правопонимания утверждают, что правовые нормы можно установить при помощи наблюдения за работой самого разума, посредством исследования устройства

человека, изучения человеческих склонностей и симпатий, учета чувств и ощущений. Обратившись либо внутрь, к природе самого разума, либо наружу, к человеческой природе вообще, можно якобы раскрыть правила нормального поведения, не связывая себя религиозно-нравственными заповедями.

Считалось, что успешное осуществление такой программы действий при помощи разума исцелит Западную Европу от раздробленности и создаст самостоятельную светскую этику, объединяющую всех. Такие представления на самом деле породили столько же светских концепций законности, сколько секулярных ересей произвела Реформация из Священного Писания и природы религиозного чувства. Если повнимательней приглядеться к содержанию известных типов правопонимания, становится очевидной их доктринальное родство к средневековым ересям. Разнообразие «школ права», непреодолимое со светских позиций, напоминает разнообразие языческих культов дохристианского мира.

В результате в теоретической юриспруденции даются мнимые ответы на ложно поставленные вопросы. Такова реальная цена исповедуемых ныне типов правопонимания, а в особенности тех, которым удавалось стать господствующими (позитивистского, «естественно-правового», плюралистического). Как мы уже видели, теоретическую юриспруденцию осаждают формальные вопросы: в каком порядке расположить псевдо-духовные ценности, к которым стремятся люди; как расположить в формальном определении права набор его формальных признаков; как приспособить определение понятия права под нужды юридической казуистики, процветающей в судах и т.д.

В процессе приспособления Права к человеческим прихотям и страстям совсем забыли, что этот Божий дар имеет свои исконные и священные основы. В упрощенном подходе к Праву проявляется и разобщенность знаний о человеке и об

ществе. Современная наука культивирует в качестве едва ли не главного своего метода – движение мысли от частного к общему, создание картины общего, но не предполагает доходить до целого. Светская юриспруденция не видит духовные реалии в их цельности, а не в аналитической расчлененности.

Любопытно заметить, что православное Богословие идет от целого к общему, а от общего к частному. Лекции византийских богословов, как и святоотеческие проповеди, носили не аналитический, а синтетический характер. Правоведение, вышедшее из богословия, ныне заменяет эту традицию эклектическим подходом: происходит подмена ценностей, знание становится не подспорьем в труде над собой, а самоцелью, неким аналогом земной силы, которую ценит мир.

Светская юриспруденция осуществила широкомасштабную декомпозицию Права, эпистемологических различий между иллюзорностью и реальностью, наукой и мифологией, между миром и словом. Научные знания стали не результатом открытия объективных закономерностей, а некой социальной конструкцией. Теоретические позиции в такой методологической ситуации являются произвольным набором слов. Работа теоретика теперь заключается не в установлении объективной истины, а в производстве нового смысла.

Юридическая общественность, увлеченная постмодернистскими мифами о правах человека и демократии, не может пока осознать, что подвергается целенаправленному и изощренному разложению. А еще Мишель Фуко заметил незримый процесс расщепления общественного и индивидуального сознания в современном мире³⁷⁸. С детства в школе ребенка учат декомпозиции мира, разделять все на части и противопоставлять эти части друг другу. И совсем не учат целостному восприятию мира, синтетическому мировоззрению. Поддерживается господство анализа, а не синтеза.

³⁷⁸ Дробышевский С.А. История политических и правовых учений. М., 2003. С. 74.

Ряд отечественных авторов призывали к целостному изучению действительности³⁷⁹, но конъюнктура в очередной раз оказалась сильнее. Именно в XIX в. остатки чувства всеобщности растворились в «точечном» чувстве. Такое развитие характеризуется победой изначального страха над изначальным доверием, победой любви к земному над любовью к Богу, экстравертного человека над внутренним, духовным, интровертным, активности над созерцательностью. В земном мире человек видит только многообразие и расколотость. Понятие единства и целостности отдалено от современного человека, и усилия глобализаторов целенаправленно отягощают это состояние. Человек сломал духовные основы мира, и мир, лишенный своего изначального метафизического содержания, распадается на атомы. Право дробится на малосвязанные отрасли, подотрасли, институты и противоречивые нормы. Государство делится на кланы, общество – на социальные группы, группы – на индивидов, индивиды – на душу и тело, душа – на рассудок и чувство, плоть – на отдельные клетки. Наука обслуживает всеразрушающий процесс атомизации. Худшим следствием этого явилось разделение Бога и мира, это нанесло правопорядку в мире и в отдельных странах глубокую рану.

Неправильно, учил Бог, создавать такое древо миров, где Дух утрачивает осознание внешнего и внутреннего как частей себя, единого, и начинает воспринимать внешнее как некое иное себе, Духу, и никаким образом от него не зависимое существование. Ибо, создавая такое древо, Дух делается лишь духом, утрачивает осознание себя как единого. Падшему духу кажется, что он представляет собой лишь «я», а мир внешний, окружающий это «я», – не часть Духа. Но теплится

³⁷⁹ В частности: Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003; Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985; Аскин Я.Ф. Принцип единства мира: многообразие аспектов // Принцип единства. Саратов, 1980.

в нем и смутное осознание ошибочности этого представления. Он чувствует, что разъят, хоть и не в состоянии осознать это чувство. Поэтому существование падшего духа безрадостно и горько. Почему дьявол отказался исполнять волю Божию? Почему он разорвал связь между словом и делом и тем самым согрешил; и согрешив, сделал мир смертным, слово перестало животворить? Слово не доходит до творения полностью и целиком, и поэтому мир стал распадаться – он стал тленным.

Вот как свидетельствует об этом святоотеческая мысль: «Дьявол, прельстивший человека, отделил нашу волю от Бога и друг от друга. Отклонив с прямого пути человека, лукавый разделил образ бытия естества его, расчленив его на множество мнений и представлений, он учредил в качестве закона поиск и нахождение всяческого зла, используя для этого силы нашей души, и для постоянного пребывания зла во всех людях заложил лукавое основание – неуступчивость воли»³⁸⁰.

Новый человек, получивший после Реформации и «Просвещения» «точечное чувство», перестал осознавать целостный мир целостным. Он воспринимает в первую очередь не Бога и Вселенную, а себя, преходящую во времени личность; не целостность, а часть, бранный осколок. Он уже не чувствует себя всего-навсего точкой прохождения вечных сил, а видит себя в центре Вселенной (высшей ценностью или, как минимум, центром правовой системы). Нового человека влечет не самоотречение, а самоутверждение. Он не себя соотносит с миром, а мир соотносит с собой. Его основное чувство – боязнь одиночества, изначальный страх вместо изначального доверия. Страх толкает его на то, чтобы везде добиваться господства. Его обуревают воля к власти, но, достигая ее, чувство благоговения он вытесняет гордостью. Чтобы властвовать, он разделяет. Так мир утрачивает свою целостность сначала в умах человечества, а потом объективно, уступая силам разделения. Людям удалось даже Бога разделить для себя на мно-

³⁸⁰ Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. М., 1999. С. 148.

жество личных божков. Лютер, Руссо, а затем Маркс учили, что религия – есть частное дело каждого³⁸¹. Сначала религию отделили от целого, потом Право «освободили» от духовных религиозно-нравственных оснований, а в итоге подвергли разложению и религию, и нравственность и Право.

Уникальность каждой культуры определяется ее принципами, которые, складываясь исторически, создают сочетание своем базовую формулу культурного организма, его жизненный проект (для России это – «Право, Православие и Правда» в духовно-регулятивном измерении и «Православие, Самодержавие, Народность» – в организационно-государственном). У каждой культуры своя оригинальная формула и своя генерализованная ценность, выражающая самое важное и дорогое для ее представителей. Известные виды культур неодинаково ценны и состоятельны с точки зрения отображения ими Высших Абсолютов.

Возьмем западную культуру. Она никогда не была правовой, она складывалась как юридизированная. Ее принципы – формализм, рационализм, индивидуализм, либерализм, технократизм, прагматизм и меркантилизм. Эта культура развивалась по пути рационализации всей социальной жизни, расчета, регламентации, устройства жизни по законам разума, логики, формальных правил. По определению известных культурологов, эта культура может быть названа «фаустовской» – по имени ученого, продавшего свою душу за обладание знанием, или «сократической» – по имени философа, поставившего на место живой непосредственной жизни умственные формулы, научные каркасы и схемы, или «прометеевской» – по имени героя древнегреческих мифов, восставшего против богов. Эта культура добилась многого: дала невиданный ранее технический прогресс и уровень материального благосостояния, комплекс позитивных наук. Однако именно в

³⁸¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 162.

западной культуре расщепление разума, воли и сердца обезсилило человеческий дух.

Весь мир представлен в западной культуре по типу видеоклипа: мелькающие, дробящиеся на глазах и произвольно объединяемые фрагменты. Словно все в этом мире получило свою автономию и сорвалось со своих мест в броуновском движении.

Раскол некогда целостного мира привел к расколу и в сознании, и в познании, повлек за собой, с одной стороны, чрезмерный акцент на формально-логической стороне познания, с другой – привел к иррационализму, тезису о решающей роли человеческого мышления. В итоге все попытки решить проблему единства знания о Праве оказывались до сих пор неудачными. Наблюдается пестрота и фрагментарность отражения Права. Современные ученые-юристы разделяют примечательный вывод: правовому прогрессу России мешает широкое распространение «неправовых» регуляторов в обществе (моральных, морально-религиозных, традиционных, патриархально-семейных)³⁸².

Древняя и средневековая жизнь и мысль русского народа была достаточно целостной, и это выражалось в слиянии религии, нравственности и Права. Вместе с расчленением наук и нарастанием утилитаризма происходило отчуждение Права от религии и нравственности. Попытки избавиться от нравственных оснований неизбежно расшатывают правовую сферу, ибо Право не может поддерживаться только принуждением, запретами, силой.

Но при утрате видения мира в его целокупности поле правового регулирования сокращается лишь до случаев очевидного ущерба, а рамки последнего уменьшаются вместе с разрушением общественной нравственности и секуляризацией сознания. Например, колдовство, являвшееся тяжким преступлением в древних обществах, ныне рассматривается

³⁸² Ллойд Д. Идея права. М., 2002. С. 310.

юриспруденцией как мнимое действие и потому не наказываются.

Уже Н.М. Коркунов писал: « Между старыми юристами самостоятельное изучение всех отраслей права не было редкостью. Еще в первой половине настоящего столетия можно указать немало писателей, одинаково известных в истории двух или трех юридических наук. Но теперь и в правоведении деятельность отдельных ученых ограничивается все более узкой сферой. Сосредоточение самостоятельного исследования в более ограниченной сфере, требуемое развивающейся специализацией, не обуславливает, однако, необходимым образом узкости и мелочности получаемых от такого специализированного исследования научных результатов»³⁸³.

Юридическое сообщество утратило целостное восприятие правовой действительности и перешло на усеченное понимание тех ценностей, на основе которых оно и формировалось как духовная, творческая сила. Чем меньше субъект считал себя связанным чем-либо или кем-либо, тем беднее духовно становился он и эгоистичнее. Чем больше человек признавал себя единственной и высшей силой мироздания, тем решительнее отбрасывал он мысль о себе как образе и подобии Божиим. Чем более он хотел довериться своему разуму, тем более утрачивал понимание существа окружающего мира. Чем более пытался переделать мир, тем больше губил его, создав экологическую угрозу. Человек стал считать себя всемогущим творцом всего сущего, но он не может отвечать за результаты своей деятельности: они убивают его. *Утрата целостного мировосприятия обусловлена секуляризацией мысли и становлению светской науки.*

Перед властным взором нового человека юридическая сфера распадается на бездушные, враждебные друг другу части, в то время как перед любящим взором ответственного субъекта она соединяется в гармоничное целое. Он обретает

³⁸³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб, 1898. С. 12.

изначальное доверие в своем мире, которое и предопределяет отношение к миру. К господству приходят только через разделение, к целостности – только через самоотдачу. *Сущность современного западного человека – анализ, в этическом – протест и борьба, в правовом – законничество и формализм; сущность человека русской культуры – синтез, в этическом – согласие и примирение, в правовом – неустанный поиск духа Права (стяжание благодати Святого Духа).*

Раздробленность творения и бессильные и разрушительные попытки овладеть им по кускам приводят не к власти человека над миром, а властью продуктов человеческой деятельности над самим человеком. Унитаризация человеческого бытия, концепции «общечеловеческих ценностей», «прав человека» и план глобализации мира являются не только элементами социальной практики, но и значимыми элементами идеологических пластов социальных технологий, позволяющими деконструировать кристаллические решетки ценностей различных традиций. Однако такое воспарение юристов-романтиков над Традицией имеет существенный негативный итог – маргинальность или бесосновность.

Не осознав единства всех граней правового бытия и себя самого в этом единстве, субъект будет ощущать весь мир чуждым себе, а значит, враждебным миром. Психиатры видят в современном цивилизованном мире ристалище шизофренических страстей. Идущая в культуре духовная работа разительно напоминает прогрессирующую болезнь души – движение в сторону шизофренического распада личности. «Культура лишь закрывает истину, таящуюся в народе, – отмечал в своей характеристике мировоззрения либеральной интеллигенции Н.А. Бердяев. – Культура основана на неправде и зле неравенства и порабощения народа. Тот качественный слой, который творит духовную культуру, всегда виновен перед народом. Истина всегда – в простом, а не в сложном. Истина – в цель-

ном, и потеря цельности, характерная для культурного слоя, всегда есть ложь. Мужик знает больше, чем философ»³⁸⁴.

На первых порах даже доктрины античных государств не ставили под сомнение этическую значимость Права. Космологическое умозрение древних греков и римлян отражало господствующий в то время цельный, нерасчлененный способ познания мира. Синкретичность сознания людей первобытного общества, определявшаяся нерасчлененностью бытия, обусловила нерасчлененность тех первичных социальных норм, которыми пользовались на ранних стадиях развития человечества. Эти нормы названы в юридической литературе «мононормами», а целостное восприятие мира древними осмеяно как примитивное. Но не все так просто.

Мировоззрение наших предков в действительности было синтетично, то есть гармонично сочетало тогдашнюю культуру, религию, философию и мир. Исследователи отмечают «синтетизм русского мышления» как стародавнюю традицию³⁸⁵. Заметим, что синтетизм русской интеллектуальной традиции радикально отличен от рационального синтеза западноевропейской традиции, реализуемого в форме, например, диалектического синтеза. Принцип «вещь в вещи» характеризует особенность русского традиционного восприятия мира как сложной системы взаимосвязанных структурированных элементов, включающих человека и природу в единый Мир. В русских народных сказках герой встречает зайца, в котором вложена утка, в утке – яйцо, в яйце – игла или семечко. В данном соединении растительное сочетается с животным и элементом человеческой культуры. Все элементы Целого наделяются общими принципами системной организации, подчиняются общим законам существования.

³⁸⁴ Бердяев Н.А. Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 138.

³⁸⁵ Алексеева В.А., Миняйло А.М., Шардыко С.К. Стратегические приоритеты Отечества: методология русской модернизации. Екатеринбург, 2003. С. 83.

Последующее развитие отечественной культуры, находящееся под влиянием западных стандартов, нарушает первоначальное единство и ставит на его место известное обособление различных сторон общественной жизни. Право, Правда и Православие приобрели в современной России характер независимых друг от друга областей, не имеющих между собой ничего общего. *Даже имея доказательства слияния Права, традиционной нравственности (Правды) и коренной веры русского народа (Православия) до неразличимости, ученые-юристы, эмансипированные от русской Традиции, утверждают ныне их взаимное обособление и самостоятельность. Не одно поколение российских юристов получило подготовку, которая лишает человека русской культуры национального, самобытного правосознания, ориентирует на служение букве закона, закладывает навыки законнического, казуистического отношения к праву.*

Отметим закономерность: чем религиознее человеческое сообщество, тем больше в нем сознания единства, целокупности мира. Люди в таком религиозно целостном обществе рассматривают себя в двух планах: и как уникальные личности, судимые своим Творцом; и как члены единого общественного тела, в котором болезнь одного органа приводит к недомоганию всего организма. Стяжание Святого Духа одним праведником, по слову преподобного Серафима Саровского, приводит к спасению тысяч людей вокруг, а совершение греха одним беззаконником влечет гибель многих ³⁸⁶.

Реальные потребности, по мнению И. Фромма, «выходят далее за пределы животных, инстинктивных потребностей человека. Потребности эти выражаются в настойчивом стремлении и огромном желании человека восстановить единство и равновесие между человеком и остальной природой, достигнуть гармонии во взаимоотношениях с природой во всех про-

³⁸⁶ Мотовилов А.Н. Беседы с преп. Серафимом Саровским. М., 2006. С. 125.

явлениях жизни, во всех сферах»³⁸⁷. В отношениях с людьми эта гармония и есть любовь – сущность ПРАВА, ПРАВОСлавия и подлинной нравственности – ПРАВДЫ.

Невозможно скрыть, что основы современного Права выросли как раз из христианства – религии любви. В античном мире с его многобожием не было ясного сознания целостности бытия, и только христианство с его учением о Боге как о Творце всякого бытия окончательно укрепило учение о единстве бытия. В православном толковании идеи Святой Троицы и всемирного спасения русское сознание выразило свою жажду всеобщности, всеединства. Состоянию разделения Православие противопоставляет цельность как понятие, основополагающее для христианства. Оно выражается не только в единстве, которое подразумевает Христову молитва «Да будут все едино» (Ин. 17,21). Именно это видение богоданной цельности, переданное Церкви и исполняемое ею, является сердцем Традиции. Поскольку Бог един, благое и правильное в конечном счете тоже едины в Нем. Цельность нравственной жизни достигается не просто путем стремления к добродетели и формированию хорошего характера, но обожением посредством таинств Церкви.

Видение мира как совершающегося таинства, ощущение литургического единства творения – где еще это сохранилось, как не в Православии? Православие видит таинство единства. Представая в благоговейном трепете перед Богом любви, Православная Церковь свидетельствует о том, что вера и нравственная жизнь человека – единое целое и что жизнь не должна разделяться на религиозную и нерелигиозную сферы: ведь безконечность Божества нельзя сократить до размеров, удобных в использовании. Христианин призван усовершенствовать всю свою жизнь и весь тварный мир целиком.

Когда Православие говорит о спасении человека, тем самым предполагается, что человек по своей природе является

³⁸⁷ Фромм И. Погружение в истину. М., 1994. С. 426.

обладателем того состояния цельности и духовного здоровья, которое вследствие греха оказалось нарушенным и нуждается в восстановлении. Именно это восстановление изначальной духовной целостности человека и выражает понятие спасения.

Простое перечисление формальных признаков права мало что дает для его адекватного понимания. Право – есть Божественный закон человеческих взаимоотношений в рамках единого целого, как некое связующее начало, абсолютная взаимосвязь всего сущего в обществе на основе Любви (Истины), Добра и Красоты, двигательная сила истории, постоянная цель, синтезирующая в себе Божественные Абсолюты.

В основе общества лежит некое сверхприродное всеединство. Животворным ядром общества выступает соборное единство внутренней духовной жизни. Общество со всей громоздкостью и тяжеловесностью строения и функционирования творится и приводится в движение скрытой силой некоего первичного духовного механизма, лежащего в его основе. Этот первичный духовный механизм есть Право. Тем самым мы приходим к утверждению, что в основе всякого общества как ядро и животворящее начало необходимо лежит Право; но исторически именно в русском обществе Право было востребовано, получило имя собственное и стало национальным достоянием русского народа. Право в русской духовной традиции представляет собой целостность православных (религиозных) и нравственных Абсолютов, призванных служить критериями правомерного поведения и способами целостного восприятия мира.

Правопонимание, соответствующее критериям Истины, предполагает целостное восприятие Права. Такое восприятие не имеет ничего общего с интегративным, синкретическим и плюралистическим подходами к пониманию Права.

Американский юрист Джером Холл, сторонник так называемой интегративной юриспруденции, стремился объединить в ней ценности позитивного права³⁸⁸. Другой американец, историк юриспруденции Г. Берман считает актуальным интегрировать три типа правопонимания – юридический позитивизм, теорию естественного права и историческую школу права³⁸⁹. Их отечественные последователи В.Г. Графский, М.Ю.Варьяс, Е.Л. Поцелуев, А.А. Павлов, А.И. Бобылев также высказываются за достоверность всех основных типов правопонимания при явных симпатиях к либертарному юснатурализму³⁹⁰. По их мнению, поиск единого, всеобъемлющего определения понятия права не предполагает признание неправильными всех других определений права. Напротив, интегрированный подход к определению понятия права вбирает в себя идеи всех основных концепций правопонимания, исключает одностороннее суждение о праве как едином явлении³⁹¹. Действительно, высказываясь за «интегративный подход», данная группа ученых не признает Право единым явлением – в этом основное противоречие их суждений и причина методологической беспомощности «интегративной юриспруденции» как таковой. «Дело не в превосходстве того или иного типа правопонимания, а в их интеграции», – откровенно утверждает Г. Берман³⁹². Получается для интегративистов сам факт объединения подходов

³⁸⁸ Hall G. *Studies in Jurisprudence and Criminal Theory*. New York, 1958. P. 77.

³⁸⁹ Берман Г. *Вера и закон*. М., 1999. С. 340.

³⁹⁰ Графский В.Г. Интегральная юриспруденция // *Правоведение*. 2000. № 3. С. 49-64; Варьяс М.Ю. Правопонимание: опыт интегративного подхода. М., 1999; Поцелуев Е.Л. Интегративное понимание права или «рациональное зерно» в многообразии теорий права // *Правовые категории*. Иваново, 2001. С. 5-19.

³⁹¹ Бобылев А.И. Выступление на круглом столе «Основные типы правопонимания» // *Государство и право*. 2003. № 5. С. 113.

³⁹² Берман Г. *Вера и закон*. М., 1999. С. 340.

важнее истины. То же самое можно сказать о сторонниках плюралистического подхода, которые ради всеохватывающего консенсуса готовы отказаться от истинности выводов. *Синтез Богом данной жизни нужно отличать от плюрализма мнений и конвергенции теорий, за которыми фактически скрывается навязывание декомпозиции, деструктивности и хаоса.*

Иногда в своем стремлении создать обобщенную картину бытия Права ученые перемешивают несоединимое (синкретический подход к правопониманию). «Синкретизм» в точном смысле этого слова, заключается в соединении элементов различной природы, то есть таких, которые не связаны друг с другом на основе единого фундаментального принципа, а собраны вместе чисто внешним способом. Синкретизм представляет собой профаническую концепцию, чуждую истине. Синкретизм предполагает угасание подлинного знания о Праве. Он снижает и вульгаризирует все начала, которые соединяет. Не случайно синкретизм в понимании Права господствовал у ряда племен в первобытном мире: *нынешние сторонники правового синкретизма впадают в неоязычество, то есть имеют дело с областью чистой множественности, образуемой разрозненными и единичными элементами. А синтетический подход к правопониманию, отстаиваемый в настоящей работе, содержит в себе идею внутреннего единства и целостности существования Права.*

В.Г. Графский относит к сторонникам синтетического типа правопонимания Вл.Соловьева, А.С. Яценко и П.А. Сорокина, однако в действительности указанные авторы разделяли именно интегративный подход. Так, А.С. Яценко высказывался против односторонности типов правопонимания, вызванной, по его мнению, исключением всяких других подходов³⁹³. Но подобное положение вполне нормально, ведь

³⁹³ Яценко А.С. Синтетическая теория права в юридических науках // Журнал министерства юстиции. 1912. Январь. С. 3-12; Его же. Опыт синтетической теории права. Юрьев, 1912. С. 263.

истина одна, а не множественна, а потому ошибочные типы правопонимания приходится признавать негодными. А.С. Яценко же видел свою задачу в том, чтобы склонить своих коллег к такому пониманию права, которое охватило бы все существующие концепции «в их односторонней правильности». Идея равновесия приводит, по мнению А.С. Яценко, к признанию относительной справедливости враждующих типов правопонимания. Подобные воззрения нет оснований относить к синтетической теории права.

Синтетический подход обнаруживает единую сущность Православия (традиционной религии русского народа), Правды (традиционной нравственности русского народа) и Права (Божественных Абсолютов человеческих взаимоотношений). Религия, нравственность и правовые законы – отдельные части Права, лишь в своей связи суть то, что они суть.

Разнообразие типов правопонимания – вещь ненормальная для полноценной юридической науки, открывшей Истину. Причина множественности школ права в расчлененном, нецелостном восприятии Права светскими исследователями. Этого противоречия изначально в самом Праве нет. Необходимо восстановить объемную сознательную целостность восприятия Права при помощи синтетической теории Права. Истинное бытие Права неделимо, непрерывно и едино. Право познается разумом, поскольку все, что вечно и неизменно может быть доступно человеческой мысли. Синтетический подход к пониманию Права исходит из христианского сознания, пронизанного единым Логосом, объективно устремленного к целостному постижению бытия. В Логосе гармонично соединяются и вера, и разум, освящая проявлением Духа (Правом) весь массив юридического законодательства.

Целостное познание мира раскрывается христианину в мистической интуиции, для которой характерны не столько

способности ума, сколько близость к Богу. Благодаря чистой и искренней вере в Бога, субъект правильно воспринимает универсальную точку отсчета бытия, предельные основания правопорядка, требования Абсолюта, явленного в конкретном многообразии природной, социальной и духовной жизни.

Эта сущностная черта данного мироотношенческого, синтетического типа выражается в совокупности его содержательных характеристик. К их числу можно отнести:

– представление правопорядка как системной целостности, как заданной Абсолютом упорядоченности, в которой за видимой множественностью скрыто глубинное единство Права, нравственности (Правды) и религии (Православия);

– осознание иерархичности правопорядка, обусловленной степенью приближения к Абсолюту различных элементов правовой реальности, невозможность рядоположенности Божественных заповедей и законов государства;

– способность видеть весьма конкретное место каждого реального объекта в этой иерархии;

– однозначность смыслов различных понятий бытия Права, безусловное неприятие виртуализации Права как процесса его символизации, «означивания означающего», «вторичного моделирования»;

– умение сознательно и интуитивно определить вариант правомерного поведения, соответствующего Божественным заповедям и эталону совести.

Р.С. Байниязов сформулировал перспективное научное положение: «Право в принципе не есть совокупность, пусть даже логически выстроенных, юридических норм. Нельзя сводить право к «чистой форме», это уже будет квазиправо. Любая социальная система, в том числе и система права, существует в рамках базовых принципов и начал. Без них она закономерным образом разлагается и ликвидируется. А дан-

ные идеи и принципы обязательно лежат в плоскости духа»³⁹⁴. Однако нам не все равно о каком духе идет речь. Поведение древнего индийца тоже регулировалось религиозно-нравственными установками, которые со временем срастались с юридическими нормами, но индуизм является одним из мощных языческих верований, входящих в консенсус религий антихриста³⁹⁵. **Право исторически укрепило и обрело свое название именно в православной традиции, на территории расселения русского народа, где веками осуществляется интенсивный, и наиболее успешный в духовном плане, поиск Божьей Правды.**

Правда существует объективно – она записана в Святом Писании и в сердцах людей. Кто найдет Бога, соединит эти правды в одну. Православие представляет в современном мире единственный полноценный путь познания истинного Права и универсальный способ его трансляции. Право как проявление Духа немыслимо именно без этих конкретных религиозно-нравственных оснований.

Даже советская юридическая наука активно использовала термин «Дух права» в паре с термином «Буква Права» (или: «Дух закона» и «Буква закона»). Это само по себе показательно и свидетельствует о том, что секулярной мысли нелегко эмансипироваться от истинного знания. *Дух Права можно понимать как универсальный духовный феномен, олицетворяющий Абсолюты Истины, Добра и Красоты, воспринимаемый правосознанием в качестве основы принятия правовых решений и программирующий все компоненты правовой системы.* Дух Права обнаруживает себя даже в периоды господства юридического формализма. Дух придает Праву качество подлинности и полноценности.

³⁹⁴ Байниязов Р.С. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 46.

³⁹⁵ См.: Крашенинников Н.А. Индусское право: история и современность. М., 1982.

Дух Права имеет всепроникающую силу, что вообще свойственно Божественным стихиям. Дух Права поддерживает существование в правовой сфере Традиции, которая несмотря на революционные скачки, остается незыблемой. Право продолжает свое действие в гущи народа даже в условиях полной отмены действующего законодательства либо при неправомерном характере последнего. Можно заключить, что Право есть проявление Святого Духа (Бога), Его благодатный дар. Поэтому когда Право пытаются сделать безбожным, секулярным, Право сосредотачивается в глубинах правосознания, переходя на некое «катакомбное» положение. Право в светском обществе подменяется законнической юриспруденцией.

Невозможно реформировать правовую систему, изучать ее и оценивать, игнорируя Дух Права. Категория «Дух Права» должна занимать в системе правовых понятий самостоятельное место и не может быть заменена такими понятиями как «правосознание», «правовая культура», «сущность Права», «содержание Права» и др. Без Духа Права нет. Право не познать, не стяжав благодати Святого Духа.

Духовный опыт дается не всем людям в одинаковой мере и в одинаковом виде. Одухотворенные люди, которые, как правило, ведут воцерковленный образ жизни, безошибочно определяют грань правомерного и противоправного, умеют принимать справедливые решения по возникающим спорам. Право, как и талант его толкования, – есть дар Святого Духа (поэтому фраза «Судья от Бога» вполне адекватна).

Право как дар Святого Духа (дар Божий) обретается человеком посредством правосознания в целом и его центрального ядра – совести, в частности. Не случайно пронизательный (и без всякого преувеличения – великий русский теоретик Права) И.А. Ильин определял правосознание «как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим

людям. Правосознание, по его мнению, есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей»³⁹⁶. И.А. Ильин имел все основания считать правосознание источником Права. Он подчеркивал, что государство держится только правосознанием граждан и власти³⁹⁷. Со своей стороны отметим, что правосознание не является первичным источником Права; Первоисточником Права выступает сам Господь Бог.

Правовое сознание представляет собой духовную основу правовой системы. В нем содержатся многовековые религиозно-нравственные установки, которые применительно к российскому обществу изначально представляли собой идеи о приоритете Божьей воли, соборности, взаимной ответственности, совестливости. Именно благодаря такой основе общество даже в эпоху переходного периода способно развиваться относительно устойчиво, не испытывая на себе потрясения от осуществляемых реформ. Правосознание, оторванное от Права как проявления Духа, превращается в безпринципное, самодовлеющее средство социального прожектерства.

Связывая тему правопонимания с вопросами правосознания, нам удастся различить в Праве глубинный и поверхностный уровни. На глубинном уровне в Праве обнаруживаются религиозные и нравственные Абсолюты, которые одновременно являются собственно правовыми. А на поверхностном – юридические положения официальных и неофициальных субъектов (при условии, что они не противоречат Праву первого, глубинного порядка).

По мнению В.И. Иванова, при правильном устройстве государства «вера питает совесть, совесть издает законы госу-

³⁹⁶ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1. М., 1993. С. 92.

³⁹⁷ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. С. 128.

дарства, а принимает их и исполняет – воля»³⁹⁸. Действительно, в правосознании человека мораль находится глубже сведений о законах, а вера в Высшую правоту – еще глубже морали. Человеку, далекому от науки, а тем более от правове-дения, писателю В.М. Шукшину принадлежит методологиче-ски важная для данного исследования мысль: «Нравственность есть Правда. Не просто правда, а Правда. ...Народ всегда знает Правду»³⁹⁹. Ценность этой идеи заклю-чается, во-первых, в констатации того факта, что традицион-ная нравственность русского народа именуется Правдой; а во-вторых, в презумпции знания народом Правды. Высшие, аб-солютные и неизменные нравственные заповеди известны людям от Бога (вписаны в сердца) и редко кому удастся пол-ностью уничтожить в себе зачатки совести.

Русская правовая культура основана не на законода-тельстве, а на совести, не на приобретательстве и потре-бительстве, а на духовном самосовершенствовании, не на индивидуализме, а на соборности, не на конкуренции и конфликте, а на согласии и солидарности. Эта культура главенства духовного над материальным, содержательно-го – над формальным, нравственного – над юридическим. Русская культура – это культура Права, а не законничест-ва; целостного восприятия Права в неразрывном единстве его с Православием и Правдой, а не фрагментарного ана-лиза законоположений; неотделенности чувства и разума в правосознании.

В наше время немалое число авторов пишут о том, что «соединение права, религии и морали характерно лишь для низких ступеней культуры»⁴⁰⁰. Если под культурой и цивили-зованностью понимать юридическую формализацию каждого

³⁹⁸ Православная государственность. СПб, 1999. С. 132.

³⁹⁹ Шукшин В.М. Повести и рассказы. Барнаул, 1986. С. 30.

⁴⁰⁰ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правове-дение в сфере частного права. Т. 1. М., 1995. С. 107.

движения человека, то в этих понятиях нет ничего социально полезного и ценного. Мы должны гордиться тем периодом русской истории, когда Православная Церковь в союзе с государственной властью воспитывала десятки поколений совестливых, великодушных и правопослушных людей, потомки которых до сих пор не изжили в себе даров Святого Духа.

Правовед, ориентированный на поиск истины, не может понимать под Правом внешнее и формальное явление, сводимое к закону. Право суть проявление Духа, указывающее людям на объективно-лучшее поведение, оно предлагает правосознанию людей образцы оптимального общения в мире; общения не субъекта с субъектом, а духа одного человека с духом другого человека. В этом смысле Право проникает в тончайшие измерения человеческих отношений.

Интуитивное чувство без-условности Права (в отличие от условности закона) всегда испытывалось наиболее чуткой частью юридического сообщества, находило свое выражение среди ученых в непрекращающихся попытках нахождения объективного источника Права. Теоретическое правоведение к настоящему времени перестало развиваться. И только *синтетическая теория правопонимания в наибольшей степени может служить основой для дальнейшего развития правовой мысли. В данной теории прослеживается, во-первых, стремление к философскому обобщению результатов других областей знания; во-вторых, идеи единой духовно-материальной природы человека; в-третьих, в синтетической теории ставится задача изучить Право вместе с традиционными для России нравственностью (Правдой) и религией (Православием) как часть единого универсума, в единой системе отношений: Бог – Вселенная природа – общество – человек. Иными словами, в синтетической теории правопонимания дается целостная картина мира с выявлением места Права в ней, вызывает интерес взаимосвязь раз-*

личных сторон и уровней Права в индивидуально-личностном, социальном и духовном бытии человека.

Право как явление Духа является достоянием российского общества, всех людей русской культуры совместно и соборно. Субъекту другой культуры, хотя и проживающему в России, сложно уловить, что такое Право. Нужен особый настрой духа и души, который можно назвать *правонастроением*, чтобы научиться различать Истину от лжи, Добро от зла и Красоту от безобразия посредством совестного акта. Каждый человек русской культуры пользуется этим достоянием, значительное время пребывая в душевных переживаниях, муках совести, поисках смыслов, а не в предпринимательской суете. Это породило устойчивое международное мнение о загадочности русской души. *Показательно, что в рамках англо-саксонской юридической традиции термин «law» употребляется в значении закона и только в русском языке переводится как «право»; в рамках романо-германской юридической традиции пользуются понятиями «lex» и «jus», в которых подчеркивается нормативность и формальная определенность юридического регулятора. И только в русской исконной традиции появилось слово «Право», которое служило обозначением вечной и непреходящей духовной ценности, происходящей непосредственно от Бога и подкрепленной нравственной традицией предков.*

Ф. Савиньи в своей «Системе современного римского права» писал о духовном единстве, в котором коренится право⁴⁰¹, но источником духа Права называл не Бога, а народ. «Если мы отвлечем право от всякого особенного содержания, – писал Ф.Савиньи, – то получим как общее существо всякого

⁴⁰¹ В первоисточниках зарубежной юридической литературы собственно русское слово «Право» не употребляется. Им пользуются отечественные переводчики для перевода на русский язык обозначений иностранных юридических регуляторов. В этом смысле иностранные авторы пишут не о Праве, а о «Law», «Lex» и т.п.

права нормирование определенным образом совместной жизни людей. Но случайный агрегат неопределенного множества людей есть представление произвольное, лишенное всякой реальности. А если бы и действительно имелся такой агрегат, то он был бы не способен, конечно, произвести право. В действительности же везде, где люди живут вместе, мы видим, что они образуют одно духовное целое, и это единство их проявляется и укрепляется в употреблении одного общего языка. В этом единстве духовном и коренится право, так как в общем всех проникающем народном духе представляется сила, способная удовлетворить потребности в урегулировании совместной жизни людей. Но говоря о народе как о целом, мы должны иметь в виду не одних лишь наличных членов его: духовное единство соединяет также и сменяющие друг друга поколения, настоящее с прошлым. Право сохраняется в народе силой предания, обусловленной не внезапной, а совершенно постепенной, незаметной сменой поколений»⁴⁰². По мысли ученика Савиньи Г. Пухты, «право развивается из народного духа, как растение из зерна»⁴⁰³. *Народный дух не порождает, а тонко воспринимает Право, в противном случае народ пришлось бы обожествлять.*

Наличие у Права как проявления Духа глубинных религиозных и нравственных корней подтверждается и состоянием публичного порядка. Дело в том, что в основе последнего лежит не юридическая в собственном смысле слова, а религиозно-нравственная константа. История человечества подтверждает, что отклонение от порядка вещей, данного нам в Законе Божиим, ведет к искажению отношений в обществе, ниспровержению самой идеи Права, утрате верховной властью нравственной меры дозво-

⁴⁰² Цит. по: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896. С. 14.

⁴⁰³ Пухта Г.Ф. История римского права. М., 1864. С. 323.

ленного и дисбалансу сил. Вечные метарегуляторы – мораль, юриспруденция, традиции, здравый смысл – с потерей Бога теряют фундамент, расшатываются и превращаются в антирегуляторы. Это обстоятельство должно найти отражение в определении понятия **Права**.

Настоящего ученого не должен смущать богословский контекст проблемы правопонимания, ибо юриспруденция рассматривает динамику общественных и личных метаморфоз в разрезе юридического регулирования, а богословие изучает его духовную первооснову – собственно Право как проявление Святого Духа. В конце концов этика и юриспруденция в свое время вышли из богословия и представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства.

*Особое значение при определении понятия Права приобретает мысль о том, что содержание того или иного типа правовой культуры обусловлено характером религиозных воззрений, коренящихся в истоках народной традиции. Именно это обстоятельство в значительной степени объясняет, почему именно на Руси возникло «Право», а в Англии, например, «Law». **Все черты русского правосознания предопределены спецификой традиционной нравственности, а еще глубже – традиционной верой (Православием).***

История российской правовой системы показывает, что религиозно-нравственная природа русского сознания находила выражение в разных формах и не в последнюю очередь – в правосознании. Только православное мирозерцание дает наиболее полный ответ на вопросы, которые ставит перед собой русский человек. Общехристианские истины, пришедшие на Русь в X столетии, русский народ органически соединил со своим укладом и образом жизни, ничего при этом существенно не ломая, почему и родилось такое своеобразное и ни на одно из других не похожее религиозное учение – русское Православие. Главнейшей «тайной» Православия является

сокровенная идея *«прославления Права»*, то есть идеалов Любви, Добра и Красоты в их священном понимании.

Национальное сознание – это не цепь умозрительных построений, а приобретшие характер бессознательного начала духовно-нравственные ориентиры народа, выражающиеся в его типических поступках и реакциях, пословицах, во всех проявлениях духовной жизни. А. Тойнби называл в числе двадцати типов цивилизаций и российскую, одухотворенную, как он совершенно справедливо заключил, «религиозной идеей и могучей русской верой в высокое предназначение России»⁴⁰⁴. В вопросе правопонимания многое проясняет православная духовность, предполагающая стремление к жизни согласно Божественной Правде. И сама Правда, в представлении мыслителей Киевской Руси, неотделима от христианской жизни, сама ее суть в реальном воплощении, в следовании христианской Истине.

Право не может определяться случайным мнением законодателя о целесообразности либо нецелесообразности тех или иных запретов или дозволений. Есть общезначимый критерий, который позволяет и законодателю, и всем остальным субъектам Права одинаково судить о том, что по Праву следует и что не следует совершать. Этот критерий содержится в Десяти заповедях Божиих и Блаженствах евангельских. Современному российскому читателю не мешает их напомнить.

ЗАПОВЕДИ БОЖИИ

1. Я Господь, Бог твой, да не будет у тебя других Богов пред лицом Моим.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и на земле внизу, и что в воде ниже земли; и не поклоняйся и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой.

⁴⁰⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 312.

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

4. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, и день седьмой – суббота Господу, Богу твоему; благословил Господь день субботний и оставил его.

5. Почитай отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, и долголетен будешь на земле.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

9. Не лжесвидетельствуй.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.

Суть этих заповедей Господь Иисус Христос изложил так:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя».

БЛАЖЕНСТВА ЕВАНГЕЛЬСКИЕ

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

Перед нами Высший критерий правомерного и противоправного (правонарушающего) поведения. Христианская религия (в своей изначальной чистоте прозванная Православием) обращается к глубочайшим источникам человеческого духа. Она учит человека новому отношению к Богу и к людям. Она призывает его к живому единению с Богом в целостной, беззаветной любви и к живому единению с ближним в искреннем Боголюбивом человеколюбии. И в этом призыве веял Божественный, религиозно-нравственный дух, пребывание в котором сообщает человеку новый подход ко всему миру. В человеческой душе возжигалась неугасимая купина любви, обновлявшая его духовные порывы.

Православие учит, что Божественное выше человеческого и духовное выше материального и земного. Но Божественное не противостоит человеку в недостижимом удалении; оно таинственно вселяется в человеческую душу, одухотворяет ее и заставляет искать подлинного совершенства на всех земных путях. Право как проявление Святого Духа не является минимумом нравственности, как ошибочно считал В.С. Соловьев, оно представляет собой сосредоточие Божественных нравственных абсолютов, требующих от человека постоянного совершенствования, духовного труда над собой, борьбы с пороками за спасение бессмертной души. Что бы ни делал христианин, он ищет совершенной Божьей воли, чтобы осуществить ее как свою собственную. Вот это религиозно-нравственное настроение и вносит в общение людей дух Права.

Разве правопорядок не укрепляется там, где расцветают полнота любви, совестное доброжелательство, жертвенная щедрость? И разве не являются сокрушительными ударами по правовому порядку гордость, сребролюбие, блуд, с неизбежностью толкающие грешников на разнообразные правонарушения? **Значит, признание себя субъектом Права означает пребывание человека в Святом Духе как особое состояние благодати.** А быть субъектом правонарушения, значит – допустить богопротивный поступок, впасть в греховное состояние, духовно заболеть, отвергнуть Божью любовь в обмен на искушение порока.

Православный христианин, стремящийся подавлять в себе честолюбие, жадность, вражду, гнев, плотоугодие и т.д., является субъектом Права в изначальном и исконном смысле этого слова. Своим поведением он, действительно, прославляет Право (пребывает в Православии), то есть чтит Божественную волю как единственно благодатную и полезную для себя. **Правосознание субъекта Права уже квалифицирует определенные влечения как греховные и своевременно сигнализирует о них обостренной совести человека.** Таков подлинный механизм правового регулирования, включающий в себя не норму, юридический факт, юридическое отношение и акты принудительной реализации закона, как считали представители советской юриспруденции, а нечто более сложное и неформальное – совесть как центр правосознания человека, волю Бога, а также Божью благодать для ПРАВедных и Божью кару для неПРАВедных. **И благодаря этому человек сдерживает свои порочные желания, понимает под Правом начало мира и не нуждается в дополнительных юридических нормах и полицейских острастках.**

Можно заметить, что в рамках данного (исконного, синтетического, собственно правового) типа правопонимания известный специалистам понятийный аппарат общей теории

права частично наполняется новым смыслом, частично должен быть отвергнут. С учетом вышеизложенных соображений, если термин *«механизм правового регулирования»* и стоит употреблять, то не для обозначения системы юридических средств упорядочения общественных отношений, но для фиксации духовного процесса, совестного акта, за которым стоит поиск субъектом Права Божьей воли как критерия правомерности его поведения. Под *правоотношением* придется понимать не просто общественное отношение, урегулированное юридическими нормами, а, в первую очередь, духовное отношение, связывающее дух одного человека с духом другого человека в согласии с Божественными заповедями. *Правосудие* можно будет понимать именно как «Право-судие», то есть решение спорных дел по Праву, по Божественным нравственным абсолютам.

Таким образом, **Право не мыслимо автономной субстанцией по отношению к традиционной нравственности русского народа (Правде) и его традиционной вере (Православию). Эти явления не самостоятельные, а образующие неразрывное органическое единство.** Культура, в которой укрепляются религиозно-нравственные основания Права, имеет правильную и жизнеспособную иерархию. Такая культура противостоит контр- и антикультуре. Она направлена на высшие, Божественные ценности.

Область Права занимает не только и не столько сферу социально значимого поведения, но также – пространство души и сознания человека. Это обстоятельство имеет принципиальное значение при формулировании определения понятия Права. Когда закон впечатлен в совесть человека и воспринят им, когда деяния человека в следовании религиозно-нравственным заповедям предполагают добровольный отказ от своеволия, человек пребывает в Праве. Сотворенный со свободной волей, человек истинно свободен лишь тогда, когда живет и действует по Праву, а не по своему

произволу. Потакание похоти в самом широком смысле этого слова погружает человека в рабство греху и отдают его во власть враждебной ему злой силе, законом которой является беззаконие. Соблюдая религиозно-нравственные заповеди, человек является подлинно субъектом Права, а нарушая их – правонарушителем.

Господствующая светская теория правонарушений носит сугубо умозрительный характер. Нередко строгое следование букве закона столь же вредно для общества, как и пренебрежение этой буквой. *Закон требует неукоснительного соблюдения норматива, а Право воспитывает в людях добронравие как главный залог правопорядка.*

На человека, сохраняющего в себе после грехопадения образ Божий, продолжает направляться сообщение Божественной воли, однако часто он сам не может правильно его воспринять. Вот почему так нужна актуализация правовой традиции России с ее господством духа, а не буквы Права. Если мы будем понимать под Правом не только юридические нормативы, но главным образом религиозно-нравственные абсолюты, содержащиеся в христианском учении и имеющие прямое действие в обществе, то результат будет качественно иным. Праву будет возвращена его нравственная основа, живой источник Вечной Истины, готовый правовой идеал, не противоречащий ни справедливости, ни человеческому естеству.

Государство в этом случае получит готовую к употреблению систему правил, куда более действенных для общественного сознания, чем нормы действующего законодательства. В этом случае Россия начнет воспроизводить свою собственную национальную идею, которая органична именно для ее национальной культуры. Вера как главный источник настроений, решений, слов и дел, вдохновит и направит волю человека на правовой путь, облагородит чувства и воспитает мысли. Как верно заметил Н.Н. Алексеев: «Духовная жизнь

как условие здорового права есть не потусторонняя человечеству задача, но, в сущности, единственно правильный способ его существования»⁴⁰⁵.

Ответим на вопрос: почему в государствах, где влияние религии было особенно сильным, дифференциация морали, религии и юриспруденции происходила замедленными темпами? Потому что это было необходимо для поддержания нормального правопорядка. Нормативные системы Древней Греции и Древнего Рима также не были свободны от религиозных влияний, но в этих государствах отсутствовали завершённые религиозные учения. Так, в Древней Греции верования выражались в основном в культовых мифах. Потому-то именно в этих странах Запада возникли традиции атеистического свободомыслия (в трагедиях Эсхила, эпосе Гомера, например) и обожествления человеческой индивидуальности.

На Руси же корпус Права формировался такими абсолютными, в которых юридический закон следовал нравственной оценке религиозного канона. Русская правоведческая традиция, по существу, есть форма поиска религиозных и нравственных оснований Права. Е.Н. Трубецкой писал: «Высшее выражение нравственности – заповедь любви и милосердия, когда она управляет нашей совестью, несомненно, связывает нашу волю по отношению к ближнему»⁴⁰⁶. В этой мысли содержится гимн единству Права, Правды (нравственности) и Православия.

Исторически Право служило средством возвращения людей к Богу, если бы люди захотели проявить послушание Его воле. Единство религиозного, нравственного начал в Праве лежало в основе державного строительства Руси, общественного устройства, государственной идеологии, семейного быта и личного поведения людей. Разъятие же Права, морали и ре-

⁴⁰⁵ История русской философии права. СПб, 1998. С. 599.

⁴⁰⁶ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб, 1998. С. 38.

лигии явилось дезориентирующей фальсификацией и катастрофической акцией, которые угодны противникам правопорядка.

При формулировании определения понятия **Право** важно иметь в виду: **Право, Правда и Православие** – не три самостоятельных социальных регулятора, как утверждается ныне, а три ипостаси одного и того же духовного явления. Юриспруденция немыслима без нравственных абсолютов, а нравственность, в свою очередь, выросла из религиозных истин. Поэтому лишь возвращение к источнику этих истин даст нам верное правопонимание.

Составляющие **Право** компоненты можно представить в следующем схематичном виде с учетом выявленных выше условий правогенеза:

Б О Г
Народ Православная Церковь Государство (священство)
Правда (нравственность) Православная вера законодательство
П р а в о

Таким образом, первоисточником **Право** является Бог. Но люди, наделенные Богом творческой разумной волей и даром совести, также допускаются в процесс правотворчества. Церковь Христова (Православное священство) прославляет **Право** или осуществляет **Православие** путем поддержания в членах Церкви православной веры. Народ адаптирует Божес-

ственные заповеди к потребностям своего быта, тем самым, принимая участие в создании и развитии нравственности. А государство творит юридические законы. При условии соблюдения иерархии этих уровней правотворчества в обществе устанавливается прочный правопорядок, отвечающий Божьему промыслу. На вершине данной иерархии находится Божий Закон, данный непосредственно Господом Богом. Ниже его – религиозные каноны православной веры, полученных от святых подвижников благочестия. Затем по правовой силе следуют нормы традиционной нравственности русского народа, в которых нет ничего произвольного и незаконного. А на последнем месте – законы государства, не противоречащие всем вышеперечисленным уровням единого Права.

Государство, граждане которого имеют искреннюю и деятельную веру в Бога и страх Божий в душе, больше имеет оснований называться правовым, чем современные западные страны. В них человек пытается занять место Бога, но это оборачивается подлинной гуманитарной катастрофой.

В результате полного разрыва Права, нравственности и религии мировоззрение как таковое распадается, действительность представляется личности как множество раздробленных частей, не имеющих смыслового ядра, объединяющего начала. Право, нравственность и религия не воспринимаются больше секуляризованной личностью как содержащие жизненные смыслы формы духовности, перестают объединять эклектичные представления человека о мире и о самом себе. Поэтому и Право, и нравственность, и религия воспринимаются исключительно как внешние, а следовательно, неэффективные силы, навязанные личности обществом и государством для того, чтобы выжить, а не как духовные абсолюты, имеющие целью достижение блага и состояния гармонии в жизни людей.

Именно с дехристианизацией произошло низвержение этики и Права. Поэтому стремление возродить Право потребует адекватного типа правопонимания – синтетического, в рамках которого Право, Правда и Православие рассматриваются как сущностное единство, неразрывный комплекс. При таком типе правопонимания правопорядок не придется внедрять силой, он органично произрастет в душах верующих людей. Такое правопонимание исключает какие бы то ни было пробелы в Праве, поскольку явление Божьей воли безпробельно. Там, где «молчат» законы государства, нравственные заповеди восполняют недостаток законодательного регулирования.

Настала пора отказаться в правовой науке от привычки определять Право как систему норм и конкретных правил поведения. Регулятивный потенциал Права гораздо шире одних только нормативов поведения. Право – не есть корпус правил, оно представляет собой проявление Святого Духа, в котором правила имеют смысл только в контексте Божественных заповедей и соответствующего им образа жизни. Право есть комплекс абсолютных Божественных оснований и религиозно-нравственных принципов для принятия юридических решений (то есть решений по конфликтным ситуациям типичного характера). Предлагаемое в настоящей работе определение понятия Права вполне может считаться «рабочим», поскольку дает правоприменителю надежный и объективный критерий правомерности человеческого поведения – Божественные заповеди.

Формальное законодательство есть лишь инструмент реализации в жизни общества определенного нравственного идеала. Как всякий инструмент, само по себе законодательство государства нейтрально, оно может быть использовано как на пользу, так и во вред. На пользу – когда способствует воплощению в жизнь высших религиозно-нравственных законов праведности, милосердия и любви. Поэтому **юридическое**

законодательство государства занимает низший, инструментальный уровень Права.

Право, как атрибут Духа, является одним из способов проявления Божьей воли, необходимого проявления самого Святого Духа. А, следовательно, Право есть священное явление, призванное одухотворить человека в его повседневной деятельности. Вся духовная жизнь человеческого общества проникнута влиянием Права и правоты (разумеется, не в нормативистском понимании тотального полицейского контроля). И.А. Ильин совершенно точно заметил, что «верное понимание права есть понимание его духовной природы и его духовного предназначения; такое понимание свойственно только тому, кто сам живет этим назначением и кто осознал и утвердил в себе эту духовную природу»⁴⁰⁷. Право немислимо вне сферы духа, ибо субъекты Права нуждаются в критерии и мериле правомерного и неправомерного поведения на сознательно-чувственном уровне. И этот критерий в силу своей непреходящей ценности должен быть достоин духовных ожиданий субъектов Права. Право появилось в среде не просто одушевленных, а одухотворенных субъектов. Люди, как существа разумные, способные к самообладанию, представляют собой духовную личность, различающую добро и зло.

Право живо дыханием Святого Духа и обладает способностью породить Божественную искру таким образом и такими путями, которые соответствуют Божественному замыслу. Это динамическое движение и действие Святого Духа характеризует Традицию. Вне и помимо Права невозможно духовное бытие человека. Право указывает на тот образ жизни, при котором только и возможна на земле духовная жизнь. Право есть священная ценность, одухотворяющая бытие человека при помощи Божественных нравственных абсолют.

⁴⁰⁷ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1999. С. 307.

Право представляет собой духовное достояние русского народа и каждого отдельного представителя русской культуры. Оно имеет не только общесоциальный, публичный аспект, но и субъективное измерение – в душе и духе человека. Не будучи абстрактной условной формулой, Право как проявление Духа проникает в совесть человека, его мысли и чувства, вызывая в нем духовную работу. Напряженность этой работы зависит от степени праведности конкретного субъекта, а потому одним Право помогает совершенствовать свою душу, а другим служит постоянным укором совести.

Духовная роль Права в придании человеческому обществу целостности велика. В силу того, что основным измерением Права является духовное измерение и ощутить на себе воздействие Права человек может, в первую очередь, внутренне, а не внешне, приоритетным правом человека нужно признать право на духовность.

У русского народа с момента его зарождения и поры становления бездушные юридические нормы вытеснялись правовыми ценностями религиозно-нравственного порядка, теплом сердечных человеческих отношений. Отсюда – отношение к Праву как к святыне, ибо наши предки называли «*путь Правы*» предначертанием самого Господа Бога.

Понятию Права необходимо придавать более широкое значение, чем значение только юридического регулятора. Право – категория абсолютная, духовная, священная, присутствует в человеческом мире как принцип существования людей. Люди могут не считаться с Правом, поступать так, как будто его нет. Но это не означает, что Право при этом не имеет силы, хотя бы потому, что совесть довольно трудно изжить даже самым порочным, грешным людям.

Законы природы определяют деятельность сил и существ физического мира и называются иначе законами необходимости, потому что существа природы не имеют свободы воли и необходимо следуют тому направлению, которое указано для

них Богом-Творцом. Право же адресовано разумным существам, которыми являются люди – вершина Божественного творения. Оно определяет деятельность существ нравственно-разумных и обладающих свободной волей, которые обязываются к исполнению не по физическому принуждению, но свободно и с сознанием обязательной их силы.

Согласно «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», «право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере»⁴⁰⁸. Право, таким образом, необходимый элемент человеческого существования, одинаково необходимый как праведникам, так и грешникам. А законы государства в сравнении с Правом несут сугубо техническую, вспомогательную миссию и нужны главным образом именно грешным людям, т.к. их души оказываются «мертвыми» для того, чтобы полноценно воспринимать благотворное правовое влияние. Такие субъекты как раз и нуждаются в низшем по значению инструменте Права – юридическом законодательстве государства (окрике полицейского, детальном регламенте и т.п.). *Большое количество законов государства является симптомом неблагополучия в обществе, «ибо праведнику закон не лежит», и если бы в человеческом сообществе доминировали безгрешные праведники, не было бы почвы для разрастания юридических нормативов.*

Разрабатываемый в настоящей монографии подход к правопониманию несовместим с материалистическими метатеориями позитивизма и юснатурализма, возводящих безнравственность в легализованную форму деятельности (достаточно вспомнить действующий принцип «Разрешено все, что не запрещено законом»).

Предложенное в данной работе определение понятия Права отлично от определений этого явления, даваемых современными учеными-юристами. При востребованности

⁴⁰⁸ Социальная концепция Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 12.

предложенного подхода потребуются коренная переоценка ценностей в сфере Права, смена методологии и пересмотр понятийного аппарата⁴⁰⁹.

Итак, Право представляет собой сложный духовный феномен, пункт органической встречи религии, нравственности и юриспруденции. Право задает праведный образ мышления, чувствования и делания, предъявляя требования не столько к внешнему поведению людей, но главное – к их душенастрою. Точные конкретные правила поведения – не главное в Праве, они вторичны в нем. Право содержит общие метафизические, Божественные ориентиры и принципы, позволяющие людям самим находить ответы на интересующие их вопросы. Право отнюдь не сводится к мелочному регулированию каждого шага субъекта, навязыванию ему жестких и не учитывающих изменяющийся образ жизни правил. Кто видит в нем свод регламентов и нормативов на любой случай, тот не понимает назначения и смысла Права. Ведь его суть заключается не в подчинении

⁴⁰⁹ Употребляемые ныне в юридической литературе термины «телефонное право», «полицейское право», «кулачное право» и т.п. просто несостоятельны в рамках предлагаемого подхода к правопониманию. (См., например: Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002). Подлинное Право лишено негативных атрибутов, ими может обладать неправовой закон государства. По тем же соображениям несостоятельна идея об отмирания Права (см., например: Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980). Только оценивая появление Права со знаком минус, можно дойти до мысли о его отмирании. Праве безсмертно. Даже в условиях глобалистских нападок Право остается сосредоточием главных духовных достижений человечества, средством придания им необратимого характера. Идея о том, что Право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества также не выдерживает критики. В течение всей человеческой истории Право выступает несравнимо более высокой инстанцией, чем экономический строй, обслуживающий, главным образом, корыстные интересы состоятельного меньшинства общества. Право нельзя считать феноменом исключительно человеческой культуры, оно надкультурно в силу своей святости.

человека раз и навсегда установленному порядку, а в том, чтобы научить его оценивать ту или иную ситуацию и поступать в ней ПРАВильно, ПРАВедно, ПРАВОмерно.

Необходимо преодолеть соблазн рассудочного формализма в правоведении. Не следует думать, будто Право есть «книга законов», содержащая систему определенных правил на все жизненные случаи и житейские затруднения, так что субъекту остается только исполнять эти законы. Такое понимание неизбежно приводит человека к буквоедскому, начетническому толкованию Права, но не приводит к живому, полному Духа и Смысла правовому творчеству. Заповедь о любви к ближним, образующая центр Права, и его оснований – Православия и Правды, не указывает, что именно должно делать в силу этой любви, то есть какие определенные внешние действия совершать и от каких воздерживаться. Главное в Праве – Дух Божий, а не нормы и решения, которые умещаются на книжных полках. Как говорил И.А. Ильин, «одно знание положительного права, верное сознание его норм не гарантирует еще наличности нормального правосознания»⁴¹⁰.

В Праве дух владеет буквою, а не наоборот. В каждом нормативном акте следует искать скрытую в нем Правду и ей отдавать первенство над остальным. В каждом законе, если он правовой, можно найти то, что может одобрить правовая совесть человека. Владение логикой юридического анализа в конечном итоге предполагает не что иное, как понимание духа Права. Правильно оценить полноту и степень убедительности собранных доказательств, юридическую обоснованность притязаний и возможных возражений на них позволяет правосознание, одухотворенное религиозно-нравственными ценностями. Навыки освоения взаимосвязи правовых положений, умение находить в самых различных жизненных ситуациях правовые (а не только юридические) решения зависят от философского обобщения тех или иных процессов. Так ставится

⁴¹⁰ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1999. С. 167.

под сомнение самодостаточность знаний текста законов и формально-догматического их истолкования.

Духовное значение Права гораздо серьезнее его эффективности и юридической силы. Значение Права состоит не в том, что людям известны законы и иные юридические акты государства, но в том, что оно хранит в себе некий вечный и Высший масштаб Истины (Любви), Добра и Красоты, который сохраняет свой непреходящий статус даже тогда, когда люди не знают и не хотят его знать.

В понимании Права человечеству предстоит пережить существенное обновление. Должна быть усвоена и изучена духовная сущность Права. Право имеет пространственно-временное измерение, однако сферой его настоящей жизни и действия является человеческая душа, в которой Право выступает силой объективной ценности. Именно человеческая душа является той средою, в которой Праву надлежит обнаруживать свой подлинный эффект. Внешнее поведение может быть неискренним и подневольным, а душевные порывы праведного человека либо грешника, обратившегося с покаянием к Богу, есть главный показатель действительности Права.

Правовое состояние людей есть, прежде всего, и главным образом, их духовное состояние. Полноту своего бытия Право имеет именно в духовной сфере жизни общества. Духовные состояния человека и его душевные переживания по поводу преодоления грехов составляют основу для внешних поступков, а потому являются первичными и центральными для правового воздействия. Предмет правового регулирования заключается не во внешних общественных отношениях, а во внутреннем мире человека. Право обращено к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения, которые затем порождают поступки человека.

Апостол Павел говорит: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7,19,22-23). Потому-то Праву и нужно воспитывать этого, внутреннего человека, то есть дух и душу человеческие, дабы люди обрели «иммунитет» к греховным искушениям.

Только освященное Богом, истинное Право способно проникнуть в глубины человеческого духа и облагородить человека, возвратив его, выражаясь современным языком, в «правовое поле». *Право в его священном значении выступает духовной константой государственного порядка. Право является также основой самоорганизации общества. Религиозная духовность православного народа и его традиционная нравственность обеспечивают доступность Божественного Права людям и питают его жизненные силы на земле.*

Для правильного научного решения вопроса правопонимания требуется стремление к цельности знания и обостренное чувство реальности. Отечественной правовой науке еще предстоит разработать учение о Праве как священном феномене. И именно религиозный опыт даст наиболее важные предпосылки для решения данной задачи. Утрата духовно-религиозной компоненты всегда оборачивалась утратой нравственных ориентиров и распадом Права как такового.

На сегодняшний момент, в отечественной юриспруденции имеются определенные условия для возрождения подлинного Права. Так, несмотря на десятилетия атеистического мракобесия, до сих пор в научных трудах имеют хождение термины «дух и буква закона». Ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит примечательное положение о том, что в случае отсутствия или неясности закона допустимо обращение к общим началам и смыслу законода-

тельства⁴¹¹. Но больше всего косвенных признаний наличия в Праве метафизических оснований ученые-юристы делают в вопросах толкования Права. Сам процесс уяснения смысла правовых положений вынуждает светского ученого обращаться к духу Права⁴¹². В конечном итоге долг судьи заключается в поиске Истины по делу, а не в изложении и истолковании собственных воззрений на обстоятельства спора. А познание Истины предполагает обращение к Высшим абсолютным ценностям, чьи религиозно-нравственные корни несомненны.

Религиозно-нравственный аспект актуализируется сегодня и в проблеме судейского и административного усмотрения. Чтобы такое усмотрение не означало автоматического злоупотребления должностных лиц, соискатели данных должностей должны быть нравственными (а в идеале – православными) людьми. В этом случае православная вера окажется надежным ограничителем чиновничьего произвола. Интересное предложение высказал А.В. Аверин: «о правовом закреплении такого положения, когда в исключительных случаях суд, давая полную правовую характеристику изучаемого конфликта, мог бы воспользоваться правом выйти за рамки правовой регламентации аналогичных отношений для того, чтобы принятое им решение согласовывалось с нормами морали»⁴¹³. Судье, осуществляющему поиск истины по делу, необходимо разбираться в каждой ситуации не только умом, но и сердцем, переживая всякий раз глубокий внутренний советный акт. Например, уголовное право знает институт оценки

⁴¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 21 октября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 49. Ст. 5814.

⁴¹² См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 331; Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1960. С. 106; Закон: создание и толкование. М., 1998. С. 67; Громов Н.А. Толкование и аналогия в уголовном судопроизводстве // Журнал Российского права. 2000. № 5-6. С. 115.

⁴¹³ Аверин А.В. Судебная достоверность. Владимир, 2004. С. 42.

судом конкретных обстоятельств дела в качестве исключительных обстоятельств, которые в итоге позволяют суду выйти за нижние санкции конкретной статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Трудовое право России позволяет при исключительных обстоятельствах взыскать ущерб с причинителя вреда не в полном размере (ст. 250 Трудового кодекса РФ⁴¹⁴).

В.М. Шафиров констатирует: «Единство источников правовых и моральных указаний привело к следующему явлению, исполненному глубокого смысла: сама судебная система в процессе своего функционирования время от времени обращается к моральным императивам»⁴¹⁵. А.В. Цихоцкий пишет по тому же поводу: «Суд ограничен материальными положениями, регулирующими отношения сторон, в том смысле, что они суть основания его решений и заключений. Решения, вынесенные не на основе общих норм, а с учетом конкретных условий, это решения в духе изначального права. Это и есть естественное право как продукт приспособления членов общества друг к другу, естественного развития общества. ...Право, закрепленное в нормах – это минимум права, и оно не охватывает всех общественных отношений»⁴¹⁶.

Правовые нормы не сочиняются, а открываются законодателем, правоприменителем, а равно любым другим субъектом Права и ответственность за правильное восприятие Права на них лежит неодинаковая. За злонамеренное игнорирование абсолютов Права спросится с каждого, но законодатель и правоприменитель, как представители государственной власти, подлежат повышенному спросу, поскольку их власть

⁴¹⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.

⁴¹⁵ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 251.

⁴¹⁶ Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 168.

не столько привилегия, сколько служение. Поэтому судья должен отступать от буквы закона в пользу Божественных заповедей и принципов традиционной нравственности, залогом чего явится спокойная совесть. Правотворческий и правоприменительный процессы, протекающие в человеческом обществе, должны быть чуткими к нравственным абсолютам, которые одновременно имеют религиозный, православный характер. Если традиционная нравственность русского народа считает, что разжигание страсти и эксплуатация полового инстинкта в коммерческих и иных целях неприемлемы, то должны появиться соответствующие нормы юридического законодательства, запрещающие рекламу проводимую в подобном духе.

В процессе толкования Права (так же как в процессе законотворчества) могут быть открыты ранее не сформулированные правовые позиции, правовые принципы, правовые нормы и положения. В этом смысле искусство толкования Права равносильно искусству законотворчества.

Основная масса субъектов Права в России должна воспитываться в Православии, то есть в прославлении Права, что означает обучение самостоятельному преобразению зарождающихся в их собственных душах дурных влечений и обезсиливанию чужих дурных намерений при помощи любви, милосердия, ласкового взгляда и т.п. Право рассчитано как на сферу человеческого общения, сферу общения человека с природой, так и на сферу индивидуального самосовершенствования человека. Даже Робинзону на необитаемом острове Право необходимо для сохранения лучших человеческих качеств и непрерывного общения с Богом. Право предназначено для разрешения споров, но, главным образом, и в первую очередь – для предупреждения споров и конфликтов между людьми. Острая конфликтность в человеческом сообществе свидетельствует о самоотстраненности людей от Права и Бога.

По мнению С.С. Алексеева, право как «регулятор изначально рассчитан на общество, в котором утверждаются «величайшая свобода» и «постоянный антагонизм» и, следовательно, на конфликтную среду и соответственно этому строится так, чтобы регулировать поведение людей в условиях столкновений, противоборств, конфликтных ситуаций»⁴¹⁷. С этим утверждением нельзя согласиться полностью, потому что реальный правопорядок предполагает довольно низкую степень конфликтности в обществе. Значит, Право изначально рассчитано на предупреждение конфликтов, на недопущение их эскалации. **Если бы Высший смысл Права заключался в преодолении споров в конфликтной среде, оно имело бы не Божественный и одухотворенный, а инструментальный и прикладной характер (к которому и стремятся свести Право представители светской юриспруденции). На самом деле: воспитанный в духе Права человек – это субъект, умеющий не начинать конфликтов и не ввязываться в них. Право для такого субъекта ценно задолго и помимо возникновения острых спорных ситуаций. Противоборство не рассматривается таким субъектом Права в качестве нормальной среды своего существования.**

Итак, в Праве кумулируется идеальная духовно-нравственная основа. Особая ответственность законодателей и правоприменителей состоит не столько в создании конкретной, осязаемой материи в виде юридических норм и предписаний, сколько в создании условий для проекции идеальных абсолютов Права на реальные общественные отношения; а также в содействии людям, стремящимся к Богу, верно направить свою духовность навстречу Абсолютной Духовности Бога через акты любви, милосердия, сопереживания.

Господь Иисус Христос заповедал нам идеал безграничного нравственного совершенства: «Будьте совершенны, как со-

⁴¹⁷ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 58.

вершенен Отец Ваш Небесный» (Мф. 5,48). Путь к достижению этого заповедного идеала имеет не только этический, но и правовой характер. Человек не может нравственно измениться, если не увидит прежде умной красоты небесного мира и не будет стремиться к ней как к высшей и царящей в жизни ценности. Тем не менее в светском государстве подобное целожизненное творческое вдохновение остается уделом немногих.

В современном мире узаконенных потребительства и порочности еще жива русская культура, назвавшая в свое время одно из проявлений Святого Духа Правом. И до сих пор, несмотря на внешнее окружение, нет ничего естественнее для человека русской культуры, чем участие в других, отдавание себя ближним, дарение себя, умение делиться собой, отдавать частицу себя, приносить себя в жертву. Человек западной культуры занят другим – он беспощадно осваивает мир посредством явления себя, опредмечивает и размножает гедонистические идеалы. Русский же человек более склонен к внутреннему совершенствованию, нежели к внешнему успеху. Он больше печется о спасении души, нежели о накоплении богатств. *Русский человек ведет поистине правовой образ жизни, принимая юридизированные нормативы поведения лишь по необходимости.*

Те, кому небезразлична судьба России, должны и впредь совершать над собой усилие, преодолевать себя, чтобы делать себя не успешнее и богаче, а светлее и чище. Добиться этого от людей, вкусивших сладость либерального греха, нелегко. Путь православного самосовершенствования довольно узок. Каждый сделает свой выбор. Но люди должны знать, что только благодаря постоянной борьбе с грехами восстанавливается целостность всей природы человека. **Совершенствование личности должно отвечать иерархическому принципу устройства человека – примата духа над душой и телом. Это означает, что дух пронизывает собой все суще-**

ство человека вместе с душой и телом, а значит и всю его жизнь, направляя все его силы и способности на служение Богу с целью спасения души. И достижение указанной цели, какие бы усилия не прилагались для этого, невозможно без помощи Божией, включая такое проявление Святого Духа как Право. Все это требует от ПРАВОСлавного христианина и подлинного субъекта Права не только силы воли, но и чистой совести.

Христианский путь есть путь узкий и нельзя его расширять. Поэтому в основных принципах не может быть сделок или уступок в сторону приспособления. Православный человек, придерживающийся Традиции, – это не тот, кто цепляется за средневековые предрассудки из-за боязни таких вещей, которые уже не понятны и не логичны в наше время. Он – человек, который признает Евангельские истины главными в образе жизни и не боится оставаться верным им, несмотря на насмешки или преследования.

В конце концов Православие требует от нас совершенства не по мере мира сего. Оно призывает нас стать святыми в меру, превосходящую этот мир. Оно не проводит разграничительной линии между обязанностью и мерами, превышающими требования долга, что могло бы облегчить нам жизнь. Оно требует от нас, ни много ни мало, быть святыми.

Соблазнять человека к безвольному падению легче, чем побуждать к усилиям для духовного восхождения. Мы осознаем, что существующие сегодня нормы секулярной юриспруденции настолько укоренены в теории и практике, что любая попытка непосредственного использования Божественных правовых абсолютов покажется невероятной. Но невероятно как раз обратное – бездуховность юридизированного сознания большинства современников. Нынешняя юриспруденция мало что имеет общего с Правом вследствие утраты своих нравственных и духовных оснований. Человечество в целом отвергло величайший Божий дар –

Право. Правосознание общества становилось беспочвенным и превратилось в законосознание. В Праве перестали замечать его священные основы. Не признавая благодати Святого Духа, юристы подчинились духам релятивизма, скептицизма и в конечном счете – правового нигилизма. Законосознание, переставшее быть правовым, разучилось различать добро и зло, Право и безправие; все в юриспруденции стало условным и относительным, и главное – безпринципным.

Россия волею судьбы (древнерусское слово «судь-ба» – означает суд Божий) стала полигоном полиалога национальных культур, а русский народ проявил себя как народ, способный к интеграции культур, их безконфликтному многовековому сосуществованию, причем, отметим особо с их сохранением и развитием отнюдь не на уровне индейских резерваций. Русский народ проявил себя как духовный коммуникатор и интегратор культур, который устремлен к сохранению и внедрению идеалов Права.

Русская история не случайно многие века основывалась на Православии. Именно Православие формулировало важнейшие смысловые и целевые установки Права и бытия русского народа. А это означает, что изучение Права без православного понимания невозможно. Важнейшая задача, которая стоит сегодня перед отечественным правоведением – разработка православного понимания Права.

Как верно заметил А.С. Панарин, «вопрос восстановления духовной власти – высших начал совести, нормы и нравственного убеждения – есть по истине главный вопрос современности»⁴¹⁸. На этом пути российский опыт непрерывного духовного поиска и находок может оказаться неизмеримо более важным и значимым, нежели следование чуждым для людей русской культуры образцам и неизбежным для их осуществления «догоняющим стратегиям».

⁴¹⁸ Панарин А.С. Православная цивилизация в современном мире. М., 2001. С. 244.

Глава 4.

ПРАВО КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

4.1. Традиции и национальный характер русского народа в контексте правогенеза

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, ... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...»

(Из преамбулы Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.)

Найти ответ на вопрос об условиях зарождения Права в России, не реабилитировав русскую историю, невозможно. В других национальных культурах нет не только слова «Право» и термина «Право», но и само это священное явление, обозначаемое словом «Право», вытеснено и замещено юриспруденцией и законничеством.

Об этом косвенным образом говорил С. Хантингтон: «Русская цивилизация вовсе не подверглась или слабо подверглась влиянию основных исторических феноменов, присущих западной цивилизации, среди которых: римское католичество, феодализм, Ренессанс, Реформация, экспансия и колонизация заморских владений, Просвещение и возникновение национальных государств. Семь из восьми перечисленных мною ранее отличительных характеристик западной цивилизации – католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства закона, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти,

индивидуализм – практически полностью отсутствуют в историческом опыте России. Русская цивилизация – это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы»⁴¹⁹.

Развитие поиска в вопросе правопонимания приводят к решению придать комплексу идей по проблеме русской традиции более целостное концептуальное оформление.

В настоящий период немалое количество зарубежных и отечественных авторов убеждены, что правовой нигилизм изначально присущ правосознанию русского народа⁴²⁰. О.В. Мартышин назвал наследственность правовой культуры России неблагоприятной⁴²¹. А.В. Оболонский применительно к отечественной правовой культуре говорит о комплексе социально-государственной неполноценности и боязни перемен, который, по его мнению, выражается в «понимании ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений»⁴²². По словам А.П. Семитко, русская правовая культура отличается слабостью личностного и, следовательно, правового начала в культуре вообще; широким распространением неправовых регуляторов в обществе: моральных, морально-религиозных, корпоративных и т.д.; отрицательным отношением православной религии к фундаментальным устоям правового общества, а тем самым и праву, правовой культуре⁴²³.

⁴¹⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 38.

⁴²⁰ См., например: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX- начала XX вв. // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 25; Ослунд А. Право в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 80.

⁴²¹ Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24.

⁴²² Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 328.

⁴²³ Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108.

Представление о России как о стране правового нигилизма исторически недостоверно и недобросовестно. Активно используя исконно русские слова «Право», «справедливость», «управление», авторы не дают себе труда обнаружить, что эти понятия являются феноменом русской национальной правовой культуры.

Цивилизацию образуют нации. Нация же есть не что иное, как народ, имеющий свою национальную веру, облеченный в собственную национальную государственность, обладающий неповторимой культурой и собственной территориальной экономикой. Русская цивилизация духовно основывается на Православии и собственной культуре, главным носителем которых выступает русский народ.

Без выяснения специфики национального характера русского народа невозможно правильно понимать Право как феномен русской национальной культуры. Божественные истины были проповеданы разным народам, но только у русского народа они получили название «Право» и нашли в нем свое священное выражение. А Православие как традиционная вера русского народа и Правда как традиционная нравственность русского народа послужили основаниями и одновременно – компонентами Права.

Этнос славян, из которого вышла русская нация, заявил о себе в середине I тысячелетия до нашей эры⁴²⁴. Несмотря на обширность занятых славянами территорий (от Эльбы до устья Дуная⁴²⁵), славянские племена сохраняли в древности устойчивые общие черты. Важной особенностью славян стала довольно рано возникшая территориальная (соседская) община. Славяне производили свое название не от существительного «слово», а от глагола «славить». Славяне – это славящие Бога и потому сами славные. «Так мы шли, и не были нахлеб-

⁴²⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 1. М., 1994; Т. 2. М., 1995.

⁴²⁵ Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М., 2005. С. 11.

никами, а были славянами – руссами, которые Богу славу поют и потому – суть славяне, – говорится в древнейшем памятнике отечественной культуры «Книге Велеса». – И так мы пребываем славными, ибо славим Бога нашего и молимся с телами, омытыми чистой водой»⁴²⁶.

Историк России С.М. Соловьев утверждал: «Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами»⁴²⁷. Со временем славянский этнос стал раскалываться и разделяться. Так, боруссы, пруссы и этрусски, отколовшиеся от славян, уже давно перестали существовать, а германские и прибалтийские пруссаки, карпатские русины и поднепровские борусичи, похоже, навсегда забыли о своем славянском происхождении. Нетерпимость разлагает общество изнутри, и разложение идет до тех пор, пока народ окончательно не исчезнет.

Древняя Русь – это результат не разложения, а объединения славянских племен и славянского духа. Собрались поляне, древляне, кривичи, шляхи вместе в Руси и стали русичами. Упомянутые Тацитом в конце I в. нашей эры руги назывались также рутенами и русинами⁴²⁸, иначе говоря, были руссами. Русь может восприниматься как одна из ветвей славянства, имеющая духовное направление.

Исторически была Русская земля, иначе – Русь. Название это более древнее, чем даже возраст русского народа⁴²⁹. Во

⁴²⁶ Книга Велеса. М., 2000. С. 17.

⁴²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1962. С. 53.

⁴²⁸ Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 33.

⁴²⁹ Шамбаров В. Русь: дорога из глубины столетий. М., 2002. С. 12; Гобарев В.М. Предыстория Руси. М., 1994. С. 192; Державин Н.С. Происхождение русского народа. М., 1944. С. 100.

всяком случае, корни того народа, который уже более тысячелетия зовется «русским», прослеживаются с рубежа III-II тыс. до н.э. Исторически мы знаем Малую Русь, Белую Русь, Черную Русь, Залескую Русь, Червонную Русь и даже Литовскую и Угорскую Русь⁴³⁰. В позднем средневековье вместо «Русь» стали писать «Русия», а в семнадцатом веке – «Россия».

Этимологически слово «русские» является прилагательным, то есть первоначально обозначает просто тех, кто живет на Руси и относится к Руси. Но что же означает сам термин «Русь»? Исследователи нередко производят его от названия реки Рось – притока Днепра, протекавшей в земле полян. Был и город Росия в устье Дона⁴³¹. Значение слова «русский» переводят в значении «русый», «светлый», используя традицию иранского языка. И дело тут не столько в оттенке волос или кожи. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля можно найти следующее объяснение: «Русь» означает прежде всего «мир», «бел-свет», а словосочетание «на Руси» значит «на виду». У В. Даля мы находим еще одно удивительное слово – «светорусье», означающее «русский мир», «белый, вольный свет на Руси»⁴³². Здесь не только корневые основы, но и их значения сливаются в одно целое. Понятие «светорусье» встречается в Сборнике былин Кириши Данилова⁴³³. Нетрудно заметить близость слов «светорусье» и «святоторусская земля», «святоторусские богатыри»; в разговорной речи эти слова звучат с одинаковым корнем.

С помощью наследия старославянского языка можно найти сокровенный смысл корня «рус». Оказывается слова «дух» и «рус» были некогда синонимами и означали именно

⁴³⁰ Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 11.

⁴³¹ Шпилевский С. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866. С. 59.

⁴³² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 3. М., 1990. С. 112, 158.

⁴³³ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 77.

«дух», о чем свидетельствует старинное слово «подух», означавшее «парус». Как многие синонимы, слова «рус» и «дух» переводились одно другим в наречиях соседствующих племен. Сам этот перевод закрепился в качестве устойчивого словосочетания «русский дух», представляющего собой, если брать его древний смысл, тавтологию. Подобной тавтологией в наше время является устойчивое словосочетание «народный фольклор». Заметим, что не случайно «русалками» именовались на Руси духи мест и души стихий. Сакральным же словом «Рус» обозначали не духов вообще, а именно Святого Духа, «иже дше, паки хще» – Божие Всеприсутствие, Ипостась Святой Троицы (или исконного Триглава). Такое значение слова «Рус» закрепилось в христианском православном термине «Парусия», означавшем Второе Пришествие как начало эпохи Святого Духа.

Само **Право** рассматривалось на Святой Руси как благодать Святого Духа и народ Святой Руси (русов, русичей, русских) имел сакральное самоназвание по имени Святого Духа. Естественно, что русскому народу самим Божиим Промыслом и судьбой (судом Божиим), а также именем было предначертано быть одухотворенным и вечно устремленным к духовному совершенству. Вот откуда начинается ПРАВОславная традиция русского народа – уже со времени его становления как нации – когда этот народ увидел свое предназначение в том, чтобы славить единого Бога, жить по его абсолютам и путем нравственного совершенствования стяжать благодать Святого Духа.

Выросшие в колыбели русской культуры люди объединяются Высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно – стяжанием Святого Духа, по имени которого получил свое название сам русский народ и проявлением которого является почитаемое русскими **Право**.

Слишком долго нам не говорили правду. Слишком долго русский народ изображался таким беспомощным, непросве-

ценным, недоразвитым, нуждающимся в западном светоче, что теперь истина воспринимается с недоверием. А ведь в этой истине сила нашего духа, наше самосознание, наша национальная гордость.

Историческим фактом является то, что задолго до Крещения на Руси была высокая духовная культура. Ко времени принятия христианства русский народ уже находился на достаточно высокой ступени правовой культуры. Для того, чтобы это подтвердить обратимся к специфике русской культуры, поскольку в каждой культуре воплощается дух народа, его характер. Русской нации и людям русской культуры изначально приходилось вести полиалог различных народов и народностей, но при довольно интенсивном культурном обмене русские не переняли у соседей рабовладельческий строй.

Неоправданность негативных оценок в отношении русской правовой культуры становится очевидной, если мы перечислим те духовные ценности, на которых покоилась русская душа. Истинным содержанием жизненных идеалов является стремление «жить по совести», «жить по Христу», «по-христиански». С этим мотивом связана и та раздражающая западников русская покорность власти, которая на самом деле таковой не является. В самом деле, неужели отсутствие тяги к политиканству и парламентаризму можно квалифицировать только как «рабскую покорность»?

Уже в трудах Н.М. Карамзина можно найти столь произвольные обобщения русской старины, что собранные воедино, они рисуют Россию едва ли не как «ад земной», кипящий беззакониями и жестокостями. Преемники Н.М. Карамзина – Соловьев, Забелин, Костомаров, Ключевский и другие – при всей разнице их личных научных позиций и политических симпатий, значительно усилили этот порочный методологический принцип в своих сочинениях. Проникаясь порой доверием к столь авторитетным выводам и оценкам, разум

читателя оказывается перед неразрешимым противоречием между величественными результатами исторического бытия Руси и беспросветной «отсталостью», столь безоговорочно признаваемой и так ярко описываемой на страницах много-томных исследований и монографий.

Еще М.В. Ломоносов писал: «Однако, противу мнения и чаяния многих, столь довольно предки наши оставили на память, что, применяясь к летописаниям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России той великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою»⁴³⁴. Соблазн современных хулителей русской правовой культуры весьма велик: на средства грантов зарубежных фондов показать русских полностью зависящими от Запада в интеллектуальном отношении.

Однако русская православная цивилизация имеет собственную культурную идентичность. Ее специфику пытаются подать в сугубо отрицательных терминах – как традиционализм, отсталость, нецивилизованность. И это несмотря на то, что общественная наука давно уже не отождествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Китай и Индия отнюдь не варварские страны, хотя они и отличаются от Запада.

А наших соотечественников всегда поражало стойкое стремление западных соседей ко злу, не по невежеству своему, а сознательно, с мефистофельской гордыней. Добро воспринималось людьми так называемой прометеевской культуры в качестве чего-то статичного, а следовательно, скучного, тогда как зло динамично и этой своей особенностью привлекает посттрадиционную личность, боящуюся ока-

⁴³⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история. М., 1991. С. 73.

заться в плену у нравственных ограничений, уклада, традиции, патриархальной дисциплины.

На Руси держались за православную веру и искали Правды. Русский человек сперва строил часовню или храм, а потом избу или терем⁴³⁵. На всяком месте думал, как лучше спасти душу. Все земное считал преходящим и относительным, не имеющим большой ценности, любил благотворить, разумея милость ступенькой к Царству Небесному. Представители всех народных слоев, включая бояр, посадских людей и крестьян, в равной мере чувствовали необходимость подчиняться религиозно-нравственным требованиям Церкви. В Западной Европе поступали иначе: там ценили имущество и капитал, стремились не к небесному, но к удобной земной жизни и превозносили человеческий разум.

Запад обособился в отдельную региональную культуру в девятом веке. Церковное единство еще сохранялось, но христианских культур стало две: восточная и западная. Это обособление, заметим, произошло еще до Крещения Руси. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного человечества и будто любой народ может пройти эти ступени в своей эволюции, ложно фактически. Западную цивилизацию создавали народы с определенным характером. Это их уникальное и неповторимое творение. Это входит в их натуру, в их национальный характер. Другие народы создавали цивилизации иного типа, более соответствовавшие их характеру и условиям их жизни.

Представителям западной культуры свойственны качества, дающие им в современном мире известные преимущества перед другими, например – предприимчивость, коварство,

⁴³⁵ Татищев В.Н. История России с самых древнейших времен. Кн. 1. М., 1994. С. 73; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 54; Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1989. С. 28.

хладнокровие, сребролюбие, тщеславие и т.д. А вот русские и люди русской культуры к торжеству рыночной демократии оказались неприспособленными.

Запад создавался, развивался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Суть этого типа людей в практицизме, деловитости, расчетливости, эмоциональной черствости, склонности к индивидуализму, независимости и конкурентной борьбе, повышенном чувстве собственного достоинства.

Классическая русская сказка о трех братьях – двух умных и третьем дураке – заканчивается моральной победой безсребренника, нестяжателя, простодушного младшего брата-«дурака» над материализмом и практической ловкостью старших братьев. Русские народные сказки исполнены искреннего чувства, и прежде всего сострадания к несчастным и бедным. Русский человек осуждает несправедное богатство, как и любую другую форму паразитизма. «Народ не выдумывал, – писал исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев, – он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном – с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий за должные границы и увлекающий в область страшных, чудовищных представлений»⁴³⁶. Иван-Царевич – образец наивысшего успеха. Однако достигается он вопреки обычному практицизму и с полным пренебрежением к материальным благам.

У русских, как у любого народа, при желании можно найти сколько угодно недостатков. Но в чем критерий достоинств и недостатков? В степени приспособленности к рыночным отношениям? Возможно, у русских она невысока – «экономический человек» из них получается с трудом (даже из многих преуспевающих предпринимателей). Но недостаток

⁴³⁶ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х тт. М., 1985. Т. 1. С. 8.

ли это с позиций постиндустриальной ситуации? Реальность и растущее число западных обществоведов все настойчивее ставят под сомнение адекватность «экономического человека» современному и будущему обществу⁴³⁷.

Как показывает современная ситуация, мир все более явно переходит от борьбы идеологий (как неких рационально-мыслительных форм) к соперничеству различных мировых культурных традиций в их духовной целостности и к борьбе традиций с различными формами антитрадиционализма (маргинальности). Применительно к России разработана тактика западнизации, которая предполагает дискредитировать основные атрибуты общественного уклада. Традицию русской культуры пытаются изменить и заменить, чтобы русская нация навсегда потеряла самоуважение. Удар наносится по самому главному – по не утраченной народом духовной мощи.

Поставлен вопрос о духовно-культурной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, то есть о праве на существование вообще. Пользуясь религиозно-нравственным оскудением России, ее ненавистники прежде всего стремятся разрушить те уникальные, многовековые ценности, которые обеспечивали русскому обществу его феноменальную стойкость и жизнеспособность.

Комплекс жизненных сил русской правовой культуры составляют следующие явления и процессы:

– **единое мировидение и мировосприятие**, в котором основным творцом Права признается Бог;

– **идеалы, смыслы существования, высшие ценности, святыни**, являющиеся конституирующими, вдохновляющими, консолидирующими началами Любви (Истины), Добра и Красоты;

– **нравы, нормы, образцы поведения**, отношения друг к другу, к труду, к семье, государству, правителю и т.д., кото-

⁴³⁷ См., например: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.

рыми воспитывается стремление хранить себя в чистоте помыслов, удаляться от зла, не быть корыстными и властолюбивыми;

– **традиции, обычаи, ритуалы, образование, воспитание** как механизмы трансляции, воспроизводства «живой ткани» всего культурного организма;

– **менталитет** как глубинная структура культуры, пласт народного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей;

– **православная религия как жизненная сила культуры**, содержащая духовные пути прославления Права как проявления Святого Духа;

– **чувство общности, единства**, мощно переживаемое чувство «мы» людей русской культуры, соотнесение и самоназвание русского народа;

– **эпические предания, фольклор, историческая память**, как сознательные и бессознательные культурные «шифры», «коды», в которых запечатлен исторический опыт этно- и культурогенеза русского народа, передающийся на уровне коллективного бессознательного;

– **единая знаково-символическая и знаково-образная среда** – это прежде всего русский язык, мифические и архетипические образы, находящие воплощение в правовых положениях;

– **государство** как этнополитический статус русского народа и форма жизнедеятельности социального тела русской культуры, выполняющее функции организации, консолидации, защиты этнокультурной индивидуальности, стимулятора ее развития и процветания.

Людям русской культуры просто нелегко в наше время получить доступ к своим традиционным духовным ценностям. Так называемая фильтрация знаний достигла в России чудовищных размеров. Значительная часть информации

скрывается от населения, и именно та, которая могла бы быть ему полезной для правильного поведения, выявления своих жизненных возможностей и включения в созидательную работу в обществе.

В целях адекватного правопонимания необходимо обратиться к материальным свидетельствам, сохранившимся с незапамятных времен и характеризующих глубинные основы Права⁴³⁸. Своеобразие правосознания русских людей нельзя понять без исследования текстов, без вникания в смысл понятия Права, употребляемого мыслителями древности. Применение современного понятийного аппарата сталкивается с невозможностью осознать базовые духовные ценности того периода. Поэтому встает необходимость обращения непосредственно к древнерусскому слову, отображающему непосредственно дух Права. Заметим, что для древнерусской правовой мысли характерно использовать не столько категории, сколько образы исследуемых явлений. И философия Права, развивавшаяся в рамках богословия,

⁴³⁸ Речь идет, в частности, о следующих документах и научных трудах, которые легли в основу настоящего исследования: Повесть временных лет. СПб, 1997; Повести Древней Руси X-XII вв. Л., 1983; Летопись по Лаврентьевскому списку под 1176 г. СПб, 1872; Полное собрание русских летописей. М., 1962-1965; Лихачев Д.С. Русские летописи. М., 1947; Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997; Память и похвала князю русскому Владимиру // Там же; Слово Даниила Заточника // Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969; Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951; Златоуструй. Древняя Русь. X-XIII вв. М., 1990; Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991; Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследования, тексты, переводы. СПб, 1992; Памятники литературы Древней Руси. М., 1989; Красноречие Древней Руси. М., 1987; Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999; Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996; Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998; Кускова В.В. Древнерусские предания. М., 1982; Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. М., 2004.

представляется не как категориальная, а как образная. «Понятие-образ» – основа древнерусской правовой мысли. Литература, представленная в виде проповедей, поучений, житий, слов и т.д. подтверждает это.

В последние десятилетия источниковая база по рассматриваемому вопросу обогатилась после обнаружения учеными таких древнерусских памятников, содержащих сокровенные знания по правовым вопросам, как «Велесова книга», «Голубиная книга», «Праведы», «Боянов гимн», недавно обнаруженные части былин, песен и духовных стихов. В перечисленных источниках очень точно передаются дух и события древнерусского периода, что подтвердилось имевшимися на сегодняшний день фрагментарными данными науки.

В фольклоре ничего просто так не бывает. В его мифологемах, сюжетах и образах всегда закодировано некоторое архаичное знание, ключи к пониманию которого, как правило, утрачены. Но не всегда и не во всем. Позднейшие лингвистические трансформации поддаются просвечиванию, и в глубине обнаруживается искомый первичный смысл.

Прямое считывание сакральной информации о Праве возможно сегодня, благодаря сохранившимся от тех стародавних времен традиций, сакральных символов и текстов, устойчивых мифологем и фольклорных образов, впитанных исторической памятью русского народа и его духом и подтверждаемых материальными свидетельствами. По мысли Г.Н. Тавадова, «национальная самобытность – специфические черты человеческой общности, отличающие ее от других подобных общностей. Это, прежде всего, национальные традиции, обычаи, язык, народное творчество, одежда и т.д. В целом национальная самобытность наиболее ярко и рельефно проявляется в национальной культуре и психологии людей»⁴³⁹.

⁴³⁹ Тавадов Г.Н. Этнология. М., 1987. С. 256.

Народное творчество Древней Руси было поистине подлинным духовным богатством народа. Если принять тезис, что в любом фольклорном образе закодирован некоторый сакральный смысл, тогда можно другими глазами взглянуть на русские мифы и сказки, былины и духовные стихи, пословицы и поговорки. В них в закодированном виде заложены сведения о реальных событиях и явлениях далекого прошлого, в том числе исконное понимание русским народом Права.

Мифы как собрания преданий русской старины являются исторически первыми формами реализации сущностных сил народа и, соответственно, формой бытия русской культуры. Это специфический способ духовно-практического освоения действительности. Природа мифа нередко более реальна, чем иные абстракции. Многочисленные мифы, былины и духовные стихи, поражающие удивительной ясностью понимания и глубиной постижения религиозных вопросов, были сложены еще до Крещения Руси, хотя в значительной мере между ними и обретенным впоследствии Русью христианством нет принципиальной духовной сущностной разницы. Герои русских былин – это не искатели приключений и наживы как герои скандинавских саг, это землепашцы, посвятившие все силы защите Родины от внешних врагов и разбойников⁴⁴⁰.

Сакральные, в том числе правовые, знания передавались из поколения в поколение благодаря Традиции. Традиция есть живая нить, связывающая нас с глубочайшим прошлым. Как замечает А. Мод: «Уберите законы и заставьте человека поверить, что не существует никаких установленных юридических норм и судов, и тогда единственными людьми, продолжающими жить достойным образом, будут те, кто подобно кре-

⁴⁴⁰ Мелетинский Е. Скандинавская мифология как система. М., 1973. С. 18; Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991; Белякова Г.С. Славянская мифология. М., 1995; Шепинг Д.О. Мифы славянского язычества. М., 1997; Рыбаков Б.А. Древняя Русь (сказания, былины, летописи). М., 1963.

ствиям в дореволюционной России, просто следуют своему традиционному образу жизни»⁴⁴¹. Бедой всякой культуры, подрывающей ее жизненные силы, является отказ от Традиции и национальное обезличивание.

Проблема Традиции является социокультурной формой проблемы сохранения сущности культуры. Это проблема идентичности, тождественности, самости и самобытности культуры. «Как центральную я буду обосновывать мысль, – пишет В.И. Курашов, – что сущность народа выражается в его традициях-преданиях и что именно традиции-предания раскрывают национальную ментальность»⁴⁴². Таким образом, *традицией* необходимо считать духовно устойчивые, исторически воспроизводящиеся смыслообразующие принципы мировоззрения, нравственности, социальной и личной жизни, которые обеспечивают трансляцию и преемственность прежнего культурного опыта, а также ориентацию жизнедеятельности людей на укрепление и восполнение духовно-исторического наследия творческими силами.

В Традиции отражен объективный смысл и границы развертывания в истории национального духа. Игнорирование данного факта приводит к разрушению национального бытия. Не следует отрекаться от своего национально-духовного лица. Национальное в духовной культуре – это то, что значительно и ценно для нее, это национальный уклад, национальный характер. И тем не менее всегда нужно помнить, что в культуре каждого народа есть то, что ценно и велико не только для него, но и для всего человечества. «В жизни и культуре всякого народа есть Божие и есть земное. Божие надо и можно любить у всех народов»⁴⁴³.

⁴⁴¹ Maude A. Life of Tolstoi. New York, 1999. P. 223.

⁴⁴² Курашов В.И. Нация в общечеловеческом и российском измерениях. Казань, 1999. С. 6.

⁴⁴³ Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. М., 2004. С. 243.

Национальное своеобразие русской культуры обусловлено еще одним важным фактором: Россия – страна, в которой живет множество национальностей, имеющих свой язык, вероисповедание, обычаи, и задача русской культуры – принять их всех, не искоренить, не подавить, не поработить, а дать всем жизнь, оплодотворить своей великой культурой, чтобы каждый народ мог цвести. Когда мир, устав от хаоса межнациональной вражды, обратится к опыту России, он обнаружит в нем образец, форму мирного сотрудничества народов не под гнетом, а под водительством великой нации.

Традиция – не есть сонное повторение одного и того же⁴⁴⁴. Традиция предполагает необходимость для каждого члена сообщества так или иначе признать факт служения всего суперэтноса под эгидой определенной сверхценности. Сила Традиции измеряется прежде всего готовностью осознанно продолжать это служение, творить во имя него, защищать весь социальный механизм, сложившийся под воздействием сверхценности. *Вхождение в Традицию – это удвоение мира, откровение его метафизичности.* Мир не сводится к естественному порядку вещей, в нем есть смысл и доброта, есть идеальное измерение. Вхождение в Традицию – это откровение Смысла. Но Смысл лишь тогда дарует себя, если мы согласны отдать себя самих ему на служение.

Традиция выступает как жизненная сила культуры. Она сохраняет определенную культурную систему, обеспечивает ее качественное своеобразие, самовоспроизводимость, самоидентичность в истории, непрерывность жизни данной культуры вопреки прерывности жизней отдельных ее представителей и смене человеческих поколений. Традиция, понятая как культурное наследование и наследие, предстает как

⁴⁴⁴ См. об этом: Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982; Congar Y. La Tradition et les traditions. Essai historique. Paris, 1960. P. 250; La Tradition. Probleme exegetique, historique, theologique. Paris, 1953. P. 44.

жизненная сила культуры, как механизм сохранения и воспроизведения культурных констант.

Близко к культурным архетипам Традиции по культурной значимости, жизнеопределяющей и жизненаправляющей роли примыкают такие явления как «менталитет», «национальный характер», выражающие идею социальной памяти, механизмов культурного наследия при любых поворотах и перипетиях развития общества. *Менталитет* понимается как система надындивидуальных устойчивых, преемственных неосознанных предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, эмоционально-психических проявлений, установок, ориентаций, стереотипов реакции, шаблонов поведения, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, проявляются в особенностях мышления и поведения, а также накладывают свой отпечаток на все продукты культурной деятельности и тем самым определяют своеобразие той или иной культурной системы. Это некий умственный строй (когнитивный тип) и психический склад (сенсотип) народа, находящие свое выражение в любых проявлениях духовной и иной жизни.

Отдельный человек и народ в целом не могут произвольно изменить менталитет, не могут победить его: подавление определенных сущностных для народа черт, противоречие им может привести лишь к тому, что они проявятся, «вылезут» в другом месте в искривленном виде или отрицательном значении. Менталитет – живая, действующая, функционирующая структура духа определенного народа. Он накладывает свой отпечаток на все сферы человеческой жизни, проявляется и в правовой сфере. Действие этой мощной силы сказывается как на макросоциальном, так и на микросоциальном уровнях. Если какая-то идея или реформа соответствуют менталитету общества, они воплощаются быстро и безболезненно, как бы естественно «врастают» в общественную жизнь или «произрастают» из нее, а не конструируются или насаждаются ис-

кусственно. Если же идея и реформа противоречат ментальным ориентациям общества, то они обречены на провал, искажение и деформацию до неузнаваемости или полной своей противоположности.

Понятие «*национальный характер*», находящееся в этом же смысловом ряду, включает набор духовных, нравственных, социально-психологических характеристик, которые определяют «душу культуры», ее качественные характеристики, особенности развития и функционирования социальных институтов, направленность исторического движения, задают алгоритмы поступкам всем представителям и носителям национальной культуры. От качества черт национального характера зависит в конечном итоге судьба культуры⁴⁴⁵. Характер народа образует определенная совокупность свойств, а не отдельные свойства.

Укажем далее на некоторые черты и ценности национальной Традиции, правовой ментальности и национального характера русского народа, как исконные, стержневые, органичные и естественные для отечественного правосознания. Они отличают русскую культуру от других мировых культур и цивилизаций. Эти базовые ценности позволили нашим предкам открыть явление Права и дать ему соответствующее обоснование.

Итак, наши предки, по имеющимся в распоряжении науки данным, состояли в неразрывном единстве (родстве) с природой (слова «народ», «род», «родина», «природа» в русском языке родственные, однокоренные), считали себя ее частью и познавали естественные законы мироздания, главным образом, изнутри, через себя. Именно тогда, когда человек начинает ощущать себя частью природы, Божьего мира, когда он начинает сознавать свою ответственность за судьбу этого ми-

⁴⁴⁵ Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 42.

ра, именно тогда он становится личностью, духовным существом.

Добродушие было одной национальной чертой наших пращуров. Оно соответствует моральному принципу – терпимости. Эта черта помогла русским объединить многие народности на территории Европы, Азии и Америки. Русский общинный характер отличается открытостью, что само по себе является показателем духовной зрелости человека. Вера в единого главного Бога сопровождалась поклонением именно добрым началам жизни; русские верили в неизбежность победы добра, закладывались основы добротолубия. Известна во всем мире так называемая русская душевность. Этот архетип первичнее других качеств души и духа русского народа, а также смены любых идеологий и форм общественно-политической жизни. С древнейших времен одним из главных понятий в жизни русского человека была душа. Представление о ней глубоко разработано русскими мыслителями и мудрецами, святыми и подвижниками. В понятиях Святой Руси душа – божественная основа человека, его жизненное начало, вместилище духовной потенции и способности к духовно-нравственному совершенствованию. Душа бессмертна и не умирает вместе с телом. Душа есть личность человека, но эта личность может быть бессмертна, только если душа будет спасена. Забота о спасении души – главное в жизни человека. Оттого как человек прожил свою жизнь, душа либо спасается, либо обрекается на вечную погибель. Метафизическая первичность души (душевности, а на уровне мировоззрения – духовности) – ключ к постижению таинственной русской души. «Запад, – пишет В. Шубарт, – подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе»⁴⁴⁶. «Душа-человек» – высшая архетипическая похвала у

⁴⁴⁶ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 33.

русских. Поэтому они легко отказываются от права собственности, политики, юридических законов, и так великодушны к побежденным врагам. Душе-христианке все это не нужно; соборному счастью, душевному покою, гармонии – тоже. Уместно вспомнить, что Н. Бердяев сравнивал внутреннюю свободу русского народа с внутренней несвободой западных народов, их порабощенностью внешним. «В русском народе, – писал он, – поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой материального благополучия»⁴⁴⁷. Уже у истоков русской мысли в «Поучении Владимира Мономаха», выразившего морально-духовную основу нашего национального характера, читаем: «Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. Не хочу я зла, но хочу я добра братии и Русской земле, но душа своя дороже всего света сего»⁴⁴⁸.

Русский народ всегда отличался особенным одухотворенным смыслом и образом жизни. Душевность и *духовность* русских, усиленные Православием, предполагают приоритет духовно-нравственных мотивов поведения по сравнению с мотивами материальными, экономическими, политическими и т.д. Мы ошибемся, если скажем, что духовность доступна только людям образованным. История России показывает, что именно интеллигенция, увлекаясь игрой сознания и отвлеченностями ума, легко утрачивала навыки подлинно духовной жизни. Ум, порвавший с глубиной чувства, совестью и нравственными абсолютами, начинает обливаться все ядом сомнения и нигилизма и поэтому оказывается в отношении духовной культуры не строящим, а разрушающим началом. Человек малообразованный, напротив, более способен прислушиваться к показаниям внутреннего опыта, прежде всего сердца, совести, чувства справедливости, милосердия, любви.

⁴⁴⁷ Бердяев Н.А. Избранные труды. М., 1993. С. 54.

⁴⁴⁸ Изборник. М., 1969. С. 165.

Простая душа наивна, но зато имеет дар веры, который мало-доступен рационалистическому уму.

Русским присущи врожденные *общинные* качества: сострадание, доброта, незлобивость, радушие, сердечность, со-вестливость, чувство справедливости, взаимопомощь, самоуправление⁴⁴⁹. Но явным упрощением было бы именов-вать данное явление просто коллективизмом русских. Термин «коллективизм» не выражает фактического положения и но-сит социально-экономический характер. На Руси же укореня-лась *соборность*, а не коллективизм. Климатические условия и занятие земледелием веками диктовали необходимость объ-единения совместной деятельности, но она при этом была еще освящена нравственным идеалом, столь важным для русского человека. Идея же соборности стала таким нравственным идеалом, праобразом будущего Царства Божьего. Настоящая соборность – это духовное единство народа в служении выс-шей Истине, Добру и Красоте, а не механическое соединение разнородных общественных сил. Стремление к соборности означало стремление к единению русского человека и приро-ды, всего мира в Боге. В соборном единстве признается цен-ность не только коллектива, но и отдельной личности (история доказала нежизнеспособность абсолютизации инди-видуалистского и коллективистского начал). Выступая как форма общения через любовь, соборность снимает два край-них варианта аксиологических установок индивида: эгоизма (примата личности над обществом) и социоцентризма (прима-та общества над личностью). Главная тайна русского право-славного мирозерцания состоит в том, что каждый молится и просит за всех, как за себя. По выражению В. Шубарта, идеалом личности на Западе является сверхчеловек, на Руси –

⁴⁴⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005; Забелин М. Русские: народ, обычаи, обряды, предания, суеверия, М., 1996; Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992; Платонов О. Русская цивилизация. М., 1995.

всечеловек⁴⁵⁰. Русская соборность – это сознание духовной общности народа, коренящейся в общем служении вечной Правде. Это осмысленность жизни как служения и самопожертвования, имеющих конкретную цель – посылно приблизиться к Богу и воплотить в себе Высший нравственный идеал. С дохристианских времен соборность означает для русского народа целостное единство людей на основе любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому понятию «лад» и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа. Само древнерусское понятие «совесть» предполагало соотнесение личного и соборного чувства, – то, что тревожит душу человека, когда он совершает недобрый поступок по отношению к Богу или ближнему. Слово «Совесть» составлено из двух основ: СО-ВЕСТЬ – Соборная весть. Русский человек – издревле соборный, все происходящее с ним, его поступки и отношения на духовном уровне согласовываются с Собором всего русского народа, во главе которого сам Господь Бог. Если человек совершает дурное дело, это таинственным образом отражается болью в его душе («Если совесть твоя осуждает тебя, то тем паче Бог...»). **Русская культура, в отличие от западной, построена не на самоутверждении личности, конкурентной борьбе индивидов и внешнем (юридизированном) согласовании интересов, а на моральном сознании со-бытия с другими. Русский человек был ответственен перед Абсолютом (Богом) и его ипостасью (Правом), а не перед юридическими нормами.** Отпавшая от ответственности перед Богом и людьми жизнь принципиально случайна и неукоренима. Со времени принятия Русью христианства соборность русского народа только окрепла – добавилось стремление к христианской святине, «собранности» вокруг Церкви. Сознание духовной общности русского народа, коренящейся в общем служении, в общем долге обо-

⁴⁵⁰ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 177.

гатилось пониманием того, что это долг по существу христианский; и предполагает он самопожертвование, стремление посылно приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия. Соборность есть высшая форма общинности, поскольку предполагает единение людей не только на основе подчинения целому, но и посредством полноты личного самораскрытия духовного мира, сущностных сил человека перед Богом и Отечеством.

Русские с древности не были склонны к накопительству, к стяжанию богатств, закладывались основы *нестяжательства*. С сердечно-созерцательным строем русской души связана христианская вера русских, утвердившая примат души и духа над всеми другими сторонами жизнедеятельности человека. Материалистическое, рационалистическое и рассудочное отношение к жизни чуждо русским. Русская душа – не позитивистка. Русский человек не может полюбить жизнь прежде ее смысла. Когда утрачивается смысл, выходящий за пределы материального бытия, человек русской культуры не хочет трудиться над общественным и личным благоустройством. Литературные памятники России отражают безраздельную поглощенность русской души вопросами религиозно-нравственного самосовершенствования.

Таковы базовые метафизические принципы организации духа русского народа. Они обнаруживают себя в русском национальном характере до сих пор. Характеризуя мещанские ценности средних городских слоев XIX-начала XX вв., исследователи относят к их числу «личную ответственность, чувство долга, уважение к труду, почитание старших, религиозность. Труд ценился не только как источник средств к существованию, но и как возможность помочь ближним. Усыновление сирот, раздача милостыни были обычными в мещанской среде»⁴⁵¹. «Если русский купец давал слово, уже

⁴⁵¹ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2004. С. 23.

не требовалось подписывать какие бы то ни было договоры, меморандумы, соглашения, обязательства. Если слово нарушалось, купец попросту переставал быть купцом. Пускал пулю в лоб, либо шел в монахи – грех замаливать. Либо становился изгоем»⁴⁵². Интересны некоторые детали, присущие рыночным отношениям в России в конце XIX-XX в. Например, в Саратове при продаже пшеницы купцы держали на поясе притороченный мешочек, в котором находилось два фунта (814 г) пшеницы в качестве образца. Сама пшеница, к примеру 20 000 пудов в лабазе, была точно такой, как в мешочке (и никому не приходило в голову усомниться в этом)⁴⁵³. Отметим в дополнение, что без контроля со стороны морали русский человек может представлять безудержным гулякой, безшабашным удалцом, часто ленивым и беспорядочным, но даже в такие времена падения традиционной нравственности он все же не несет в массе своей подлости и алчности, циничной жестокости и мстительности.

Общепринято называть дохристианскую Русь языческой. На самом деле за три тысячи лет до христианизации на Руси была стройная, высокоморальная монотеистическая религия⁴⁵⁴. Если деревья, например, старые дубы, являлись центрами, около которых совершались религиозные обряды, то это не означало, что русы поклонялись самому дубу – поклонялись той силе, которая создала этот дуб. Религия древних руссов была религией радости, восхищения перед силой и красотой природы. Критикуя мировоззрение древних русов, отцы Русской Православной Церкви в то же время уважи-

⁴⁵² Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 94.

⁴⁵³ Ефименко А. Исследования народной жизни. Обычное право. Вып. 1. М., 1884. С. 322.

⁴⁵⁴ Нечволодов А. Сказание о Русской Земле. СПб, 1913. С. 390; Домников С.Д. Мать-земля и царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 245; Трофимов В.К. Сущностные силы души русского народа. Ижевск, 1998. С. 52/

тельно относились к древней мудрости и выявили многочисленные элементы, которые могли бы найти место и в христианстве.

Древних русов нельзя в полной мере считать язычниками. Настоящее язычество – это политеистические верования и обряды. Но древние русы верили в одного единого Бога («Триглава»)⁴⁵⁵. На самом деле «язычниками» наши предки называли чужестранцев, иноплеменников, говоривших на иных языках и веривших в иных богов, имеющих чуждые верования, традиции и культуру⁴⁵⁶. Язычниками древние русы могут условно быть признаны до момента Крещения Руси, как люди, не оглашенные евангельской проповедью спасения и не принявшие христианства. Здесь уместно привести слова апостола Павла о язычниках: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их» (Рим. 2,14-15).

Русские были христианами до того, как приняли христианство. Поэтому на русской почве христианское учение привилось без сопротивления и распространилось без массового насилия, как если бы христианство здесь давно ждали. Именно духу Нового, а не Ветхого Завета русский человек был открыт самым идеальным образом. Христианское учение распространялось очень успешно потому, что оно соответствовало традиционному русскому мировосприятию.

Окончательный и сознательный выбор веры становится для Руси самой серьезной и насущной потребностью, определяющей историческую неизбежность такого выбора. Внутренне, духовно, этот выбор был предрешен в пользу христианства, т.к. народ, в душе которого совесть и Правда

⁴⁵⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 176; Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб, 1914. С. 90.

⁴⁵⁶ Старославянский словарь. М., 1894. С. 224.

поставлялись выше всех жизненных благ, выше всего на свете, не мог удовлетвориться другой религией. Должен был осуществиться закон бытия, выраженный в словах Иисуса Христа: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5,6).

Выбор христианской веры для наших предков не был случаен, ибо Православие наиболее близко отвечало их духовным и моральным потребностям. Если бы тысячелетие назад князь Владимир решил загнать русский народ в некую чужеродную, по сути, веру, потребовалось бы, как минимум, по одному воину с копьём на каждого, кого желал князь видеть вошедшим в воду для крещения. Владимир знал, что для признания христианства господствующей верой все было уже подготовлено и в сознании и в настроении народа. Крещение Руси породило сплоченность и подъем духа именно потому, что было справедливо воспринято людьми как новая ступень посвящения в единую и Высшую мудрость, от века ведомую лучшим из их отцов. Настало время сделать эту Мудрость доступной не только одним князьям и лучшим боярам.

*Более того, после обнаружения археологами «Велесовой книги», содержащей предания древнерусской старины, можно утверждать, что сам термин «Православие» был известен русичам за несколько веков до принятия Русью христианства. После Крещения Руси христианскую веру стали именовать **православной**, подчеркивая ее Божественную истинность. Христианство пришло на русскую землю как родная, кровная вера русских людей. Можно свидетельствовать о врожденной приверженности Руси к Православию и органическом неприятии всего, что чуждо ему. Историческим фактом является то, что православно-христианские религиозно-философские основы были усвоены русским сознанием на своем, русском языке через кирилло-мефодиевское наследие без латыни и греческого.*

Святой Августин Блаженный высказал такую пронизательную мысль: «То, что теперь называется христианской религией, существовало у древних и было присуще некоторым человеческим родам от самого начала веков до пришествия Христа, с которого времени истинная вера, уже существовавшая, стала называться христианство»⁴⁵⁷. *Введение христианской веры не сломало в корне, а усовершенствовало духовную жизнь на Руси, не изменило некоторых базовых самооощущений русского народа. Традиция при этом не прерывалась. Русь внутренне, духовно, всей своей сутью, была готова к принятию христианства, и семя христианства упало на благодатную почву и принесло обильные плоды.*

Вячеслав Иванов в работе «О русской идее», написанной в 1909 г., писал: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу»⁴⁵⁸. Князь Владимир в X в. не вводил абсолютно нового. Напротив, он обратился к наиболее глубоким духовным корням. До сих пор в своих молитвах православный человек использует древнерусскую фразу: «Будь благословен, Господь, и ныне, и присно, и во веки веков», которая встречается в литературных памятниках дохристианской Руси, так же как фразы: «Бог в помощь!», «Слава Богу!» и др. Подвиг терпения – подвиг по преимуществу русский и, оказалось, он вполне соответствует христианским заповедям. Даже отмечание русскими сроков сельскохозяйственных работ органично смыкается с отмечанием событий христианской истории»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Блаженный Августин. О Граде Божием. М., 1994. Т. 4. С. 319.

⁴⁵⁸ Иванов В.И. Собр. соч. М., 1999. Т. 3. С. 323.

⁴⁵⁹ Прот. Лев Лебедев. Крещение Руси. М., 2003. С. 117; Мтрп. Иоанн (Снычев). Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб, 1995. С. 69; Новиков М.П. Христианизация Киевской Руси. М., 1991. С. 54; Тихомиров М.Н. Русская культура X-XVIII вв. М., 1966. С. 78; Приселков Н.Д. Очерки по истории церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб, 1913. С. 112; Трофимов В.К. Душа русского народа. Екатеринбург, 1998. С. 102.

По словам мтрп. Иоанна (Снычева), «в конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – единый русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету»⁴⁶⁰. *Принятие христианской веры являлось логическим завершением развития духовно-нравственных ценностей русского народа – добротолубия и миролюбия, нестяжательства и безкорыстия. Христианство венчало духовно-нравственное мировоззрение русского народа, придавая ему возвышенный характер.*

Итак, православная цивилизация имеет глубокие корни, уходящие еще в дохристианскую эру, являясь, таким образом, одной из самых древних по своему происхождению. Эта цивилизация укоренилась в России и выработала особый тип человека, обладающего только ему присущим индивидуальным и общественным мировосприятием и миропониманием – своеобразный культурно-исторический тип. К нему принадлежат не только те, кто сознательно исповедует Православие как веру, но и те, кто унаследовал характерные черты этого типа от поколений верующих предков. Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей, а известный им издревле православный идеал прославления священного Права – ипостаси Господа Бога, основанный на Высшей Правде и жертвенном служении Истине (Любви), Добру и Красоте.

Крещение Руси преобразило русский народ. Добротолубие, духовно-нравственные ценности, поиск Правды, которым с древности поклонялись наши предки, всегда имели правовой смысл и нашли в Православии идеальное воплоще-

⁴⁶⁰ Мтрп. Иоанн (Снычев). Русь самодержавная. СПб, 2001. С. 8.

ние. Только в христианстве русский народ получил настоящее религиозное сознание. В свою очередь, русские святые и подвижники подняли христианство до огромных духовных высот. Ни в одной другой стране мира не было такого количества святых, которые своей жизнью подтвердили торжество Православия. В то время как на Западе вера умирала, в России совершался религиозный подъем.

Римскую цивилизацию, которая кичилась своими дворцами, роскошью, рабством и развратом, ныне относят к прогрессивным, передовым. К счастью, Россия Западу не ученица. *Закрепившись в древности в виде одной из основных форм русского национального самосознания, Православие уже само активно формировало своеобразные черты русской духовности, национального характера и, соответственно, русского правопонимания, вплоть до сегодняшнего дня. Больше того, именно благодаря Православию и возник тот русский народ, который создал великое русское государство и освоил огромные пространства Евразии.*

Принятие христианства укрепило православную традицию русского народа и изменило в лучшую сторону саму ментальность русских людей. Их нравы стали более мягкими, религиозная мораль глубже укоренилась в сознании. *Отечественная правовая культура стала еще более Богоцентричной.*

Если какая страна чем хвалится, то Русская земля хвалится именно святостью. Говорят: «Прекрасная Франция», «Солнечная Италия», но Русская земля называется Святой Русью. Никто из других стран, никто из других народов не принимает этого звания. Для Руси самое главное – это святость. Это идеал, это предел стремления русского народа. Свято-Русь-земля, Русь святая, Православная, богатырская, мать святорусская земля – таков образ Родины в сознании русского человека. Святая Русь есть место, понимаемое не узкогеографически, но духовно, где совершается таинство человеческого спасения. Такова ее промыслительная роль, и на-

род русский есть народ-богоносец в той мере, в которой он соответствует этому высокому призванию. *Святой Русь называется не потому, что в других странах нет святости, не потому, что на Руси нет греха и порока, а потому, что в ней живет глубокая и неистощимая жажда праведности, желание приблизиться и прикоснуться к ней. И в этой жажде праведности заключается правовой смысл.*

Русь выбрала себе святость как высшее задание своей истории и культуры. Развитие русской цивилизации определялось прежде всего духовно-нравственными ценностями русского народа, ядром которого является Православная Святая Русь. Однако выбор христианской веры для русского народа не был случаен, ибо Православие наиболее полно отвечало духовным и моральным потребностям наших предков.

Русское Православие, воплощавшее ценности Святой Руси, было не только религиозной системой, но и состоянием души – духовно-нравственным движением к Богу, включающим все стороны жизни русского человека – общественную, государственную и личную. Русское Православие издревле развивалось вместе с национальным сознанием и национальным духом русского человека. По мере возвышения национального духа возвышалось Православие, особенно явно и значительно это произошло после принятия Русью христианской веры.

Православие как явление было известно русским племенам и в древний, дохристианский период, но после Крещения Руси русское Православие обрело наконец свои завершенные черты и стало душой русской национальной культуры, просвещения и в целом всего народного самосознания. Русь стала первым, а со временем и единственным государством, имеющим духовную основу своего бытия.

Русская национальная идея, поиск которой интенсивно ведется отечественными учеными и политиками, в России сложилась давно и органично – это Православие. *Национальная идея* есть существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа глубинные правила и традиции, которые порождают ряд его особенностей. В самом предназначении идеи нации как комплекса эталонно-идеальных представлений сосредоточено стремление народа к национальному идеалу. Для русских и людей русской культуры таким идеалом является Православный идеал. Как писал В.С. Соловьев, «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности»⁴⁶¹.

Православие воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех врагов и не построила бы своей державы. По мнению И.Б. Чубайса, «русское Православие характеризуют глубина, целостность, органичность, одновременно естественность, жизненность и живость, гибкость и, следовательно, живучесть»⁴⁶². Православие дало русскому народу живое и глубокое чувство совести, справедливости и святости, верное осознание греха, дар покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство Правды, а, следовательно – дар различения правомерного и противоправного.

Мысль о неразделимости понятий «русский» и «православный» стала достоянием народного сознания. К русскому народу вполне подходит выражение о том, что душа человеческая по природе – христианка. Именно русскому народу удалось сохранить в наименее искаженном виде то, что называется заповедями Божьими. Ф.М. Достоевский писал в своем дневнике: «Русский народ весь в Православии. Более в нем

⁴⁶¹ Русская идея. М., 2000. С. 92.

⁴⁶² Чубайс И.Б. Разгаданная история. М., 2005. С. 129.

ничего нет, да и не надо, потому что Православие все... Кто не понимает Православия, тот никогда и ничего не поймет в русском народе. Мало того, тот не может любить и русского народа»⁴⁶³.

Понятие «Право» («Правь») было достоянием русского сознания задолго до принятия христианства. В X веке Русь приняла христианство, а Православие, понимаемое нашими предками как прославление Права (то есть «правое славление» самого Бога и его истины), к тому времени уже было известно русским и имело на русской земле глубокие корни. В X веке православная Русь стала христианским государством – такое соединение было весьма органичным и позволило впредь русскому народу правильно славить Бога, правильно мыслить, жить по Праву.

Называя себя православными, христиане подчеркивают правильность своей веры, точное соблюдение учения Христа и апостольских традиций, что в немалой степени было присуще русскому менталитету и национальному характеру задолго до Крещения Руси. Именно здесь кроется важнейшая характеристика Права: Право – явление, предельно близкое менталитету русского народа, родное для него. «Право» является древнерусским словом, образом которому послужила благодать Святого Духа.

Древние русичи, судя по их литературному наследию и другим материальным свидетельствам, верили, что Господь, воплотивший Себя в мире и придавший миру собственную законосообразность, существует по одним с ним законам. Не случайно древнерусская транскрипция «Годь» совпадает с церковнославянским обозначением Господа «Гдь». Следовать «пути Прави» означало для наших предков следовать заповедям Бога, воплощенным в мире, Им созданном. История русского народа древнейших времен доказывает, что русичам удавалось правильно угадывать Божьи истины, пока, наконец,

⁴⁶³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 55.

они не были обретыены в материальном виде после Крещения Руси. На Руси героями считались люди, «стяжавшие Дух Святой» – православные святые и подвижники, воины и труженики. Это была модель жизни, устроенной на основе духовных ценностей Нового Завета. И жить по этой модели русские начали задолго до распространения Евангелия в мире. Поэтому в христианском учении православный русский народ узнал целый ряд своих коренных ценностей. Русские являлись христианами до прихода христианства.

Русский народ совершал Православие (славил Право), то есть в различных жизненных ситуациях стремился не изменять христианским идеалам Истины, Добра и Красоты, сохранял любовь к Богу и его творениям – природе и людям. Само Право, осознаваемое русским народом как проявление Святого Духа, ипостась Бога живого, отождествлялось с Божественными заповедями и принципами традиционной нравственности (Правды). Правда же как традиционная нравственность русских представляла собой Другое Права и сущностно, как и Православие, было неотделимо от него.

Таким образом, без Православия, без христианской веры и сложившейся на их основе русской культуры Права как такового просто не существовало бы на русской земле. И если страна наша стала Русью-Россией, лишь приняв православное христианство, то точно также она перестанет быть ею, как только откажется от веры своих отцов.

4.2. Становление православного понимания Права на Руси

Закон был основной святыней всего античного мира, а законничество – основным принципом дохристианской и внехристианской этики. Кир, спрошенный, кого он назовет несправедливым, отвечал: не применяющего закон. Солон,

спрошенный, как наилучшим образом живут в государствах, ответил: если граждане повинуются властям, а власти – законам. Демосфен говорил, что законы – душа государства. Демадий учил, что для рабов необходимость есть закон, а для свободных – закон есть необходимость. Сократ был мучеником закона: лучше умереть, соблюдая закон, чем жить, нарушив закон. Сократ в темнице видит, как приходят к нему «Законы» и говорят: мы вскормили тебя и вспоили, мы дали тебе жизнь, отечество и все ценности, которыми ты жил; неужели ты можешь помыслить о том, чтобы нас попрасть? Вот обожание закона, как живой святыни, апофеоз самой формы закона даже тогда, когда она облекает собой несправедливость.

Античный мир был носителем и выразителем культа закона. Закон был основной стихией, в которой вращались все его понятия и представления. Законнический тип мировосприятия порождал соответствующую юриспруденцию. Не так обстояло дело на Руси. *В русской традиции нет и следа рационалистического формализма в правовой сфере, здесь разум и чувство не враждебны.* Западные общества, являющиеся преемниками античного мира, проникнуты духом юридикализма, концепцией так называемого «римского права», воспитывали своих граждан на принципах законничества. **Западная культура является юридизированной, она никогда не была правовой; в ней делается ставка на юридическую властную волю и рационалистское выражение нормативов поведения. Стихия любви и милосердия западной культуре чужда и непонятна, ей ближе стихия контракта, авторитета, покорения, конкуренции, лишенная совести и Бога. Западная юридическая (неправовая) культура запрограммирована на расчет и пользу, выгоду и кару, сделки и формализм.**

Русская культура является правовой, потому что она открыла Право – абсолютные духовные ценности, возвышаю-

щияся над законами, ибо их творец Господь Бог, а выше Бога русские никого не чтили. Вспомним, как писал Прокопий Кесарийский: «У русичей долгое время не было государства, все законы у них были в голове»⁴⁶⁴. Отношения в древнем русском обществе регулировались духовно-нравственными принципами. Руководствуясь этими принципами, человек избегал ошибок и мог действовать воистину правомерно.

Отношения в древнем русском обществе регулировались принципами *кона*, от которого произошли древнерусские слова «канон» (изначально – конон), «покон», «испокон» и «закон». Руководствуясь духовно-нравственными принципами *кона*, русский человек избегал ошибок, ведь принцип всегда выше закона, поскольку вмещает в себя больше возможностей, чем закон. Само слово «закон» означает «за пределами *кона*», то есть за пределами традиции, духовно-нравственных принципов. Если общество живет по принципам *кона*, а не по предписаниям законов либо постановлений, оно более жизненно.

Русский человек не понимал, что нового люди могут добавить к сказанному Богом. Только интерпретации. Или гиперинтерпретации. По этой причине в России не было перепроизводства политико-правовых учений, как на Западе. Все теории, противоречащие Священному Писанию и Священному Преданию, русский народ квалифицировал как ересь с вытекающими отсюда последствиями. Современный европеец, как и античный римлянин, живет в культуре норм, русский же – без норм, в культуре Божественных принципов. Созвучье с русским правосознанием заметно в таких высказываниях Лао-цзы: «Самое высшее благо – когда не упорядочивают... Люди трудноуправляемы, поскольку их начальники делают слишком много. Чем больше законов и приказов, тем больше воров и разбойников»⁴⁶⁵. *В зависимости от того, что*

⁴⁶⁴ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1999. С. 87.

⁴⁶⁵ Мудрость тысячелетий. М., 2004. С. 514.

преобладает в культуре – изначальный страх или изначальное доверие, – народ создает себе большие или меньшие законов. Маниакальная приверженность западного человека к нормативности свидетельствует о тревожно высокой степени его греховности.

Утилитаризм, особенно его развитая форма, нуждается в законничестве как форме защиты утилитарной деятельности, стимулирует формализацию правовой сферы. Соборная и вечевая государственность, свойственная российской традиции, не нуждается в обширном законодательстве. Она строится на Праве, то есть Божественных абсолютах духовно-нравственного характера. И те, кто думает, что другого Права помимо закона просто не существует, отвергают великую традицию нашей страны, а главное – Бога.

Правовой порядок в древнерусском обществе не был юридизированным, законническим, как в античном мире или в Иудее, он держался не на детализованных нормах, а на внутренней нравственной силе человеческого духа. А сами русские люди стремились стяжать не богатства, а благодать Святого Духа. Вот почему русское Право в отличие от римских законов представляет собой прежде всего духовное, священное явление, проявление Духа. Словом «Право» русичи обозначали благодать Святого Духа, тем самым отождествляя правовую сферу с Божественной, а само Право – с ипостасью Господа Бога (Святым Духом).

В недавно опубликованной книге «Праведы», содержащей сокровенные сведения, издревле хранящиеся на севере России, сказано: «Право – это сила не следовать ни Закону, ни Системе»⁴⁶⁶. Это давало основание Прокопию Кесарийскому в VI веке сказать, что у русичей «вся жизнь и законы одинаковы»⁴⁶⁷. До современных исследователей не дошло не только

⁴⁶⁶ Праведы. Древнее священное знание северных славян. М., 2005. С. 58.

⁴⁶⁷ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1999. С. 89.

какого-либо писаного русского закона, но даже и упоминания о каком-нибудь конкретном формально-определенном законе до X века. Американский правовед Д. Кайзер высказал своеобразную точку зрения по этому поводу: по его мнению, до XIII-XV вв. на Руси «действовали горизонтальные правовые связи, то есть все уголовные и гражданские дела решались заинтересованными лицами без участия государства»⁴⁶⁸. И только после XIII века постепенно устанавливаются вертикальные правоотношения, когда споры начинают решать государственные органы и должностные лица. Наибольший эффект в России имели не писанные законы, а правовые духовные традиции народа, приведенные в соответствие с Божественными нравственными абсолютами. До тех пор, пока отечественный законодатель не захочет считаться с этими вековыми устоями, он будет обречен на бессилие.

За последние столетия проведена титаническая целенаправленная работа к тому, чтобы общественное сознание в России трансформировалось настолько, что русские люди забыли изначальный смысл понятия и образа «Права». Фактом является то, что основы своей жизни русское сознание усваивало в древности на своем славянском языке без латыни и греческого. Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом весь духовный уклад нации. Не случайно один из самых сильных разрушительных ударов был нанесен по русскому языку.

По точному выражению А. Витгенштейна, «границы моего языка – это границы моего мира»⁴⁶⁹. Человек не видит того, обозначения чего нет в его лексиконе. Так что язык – это орган, которым человек смотрит на мир. То, для чего в моем языке нет слов, для меня не существует. Человек не видит того, что не может поименовать.

⁴⁶⁸ Kaiser D. The Irowth of Law in Medieval Russie. Prinnton, 1980. P. 77.

⁴⁶⁹ Философские дискурсы. М., 1991. С. 40.

Начиная с XVIII века, Слово в России начинает утрачивать свой Божественный смысл в народном сознании (сначала это произошло в слоях правящей элиты). Затем Слово стало стремительно превращаться всего лишь в форму общения или в предмет изучения. Слово стали препарировать, его разложили на части, внесли в сравнительные таблицы, разнесли по каталогам. И вроде бы все в Слове познали, поняли механизм его образования, его структуру и морфологию. Только вот собрать расчлененное Слово обратно, вернуть Слову его единственный и великий духовный смысл не смогли.

И распалась связь времен, Слово оказалось бессильным. Оно перестало быть действием. И русские люди стали участниками этой дьявольской лжи. Только отцу лжи нужно, чтобы люди говорили слова и не подтверждали их делами, опрокидывали саму суть и животворящую силу Слова. Известно, что дьявол – мастер подмены понятий, и его цель – все в мире запутать и перепутать. Современные слова, которые мы производим, в большинстве своем не имеют никакой силы, потому что мы утратили их подлинное значение. То же произошло с понятием «Право». В наши дни даже в России под Правом понимают что угодно, только не Право в его изначальном, священном смысле.

Постмодернистский «знак» – это прежде всего отсутствие объекта, этим знаком заменяемого. Место означаемой реальности здесь принадлежит гипотетическому «культурному пространству», произвольно смодулированному постмодернистским сознанием и порой оборачивающемуся полным «ничто». Духовная сущность Права современными исследователями полностью выхолощена, а «знак» Права используется для утилитарных целей в качестве синонима закона либо для прикрытия антиправовых идеологий вроде юснатурализма.

Можно говорить о появлении «симулякров» – знаков-обманок, утративших какую бы то ни было реальность и лишь

ее симулирующих. Мир, таким образом, делается собранием кажимостей, мнимостей, фантомов сознания. В лучшем случае оно оперирует знаками, намекающими на какие-то узнаваемые идеи. Знаковыми становятся слово, речь, искусство, и даже отдельные люди.

В Международных Конвенциях, согласно межгосударственным договоренностям, перевод на русский язык терминов «law» и «loi» осуществляется как «право», но такой перевод, мягко говоря, не удачен. **Зарубежные термины типа «law», «jus», «lex» и им подобные не могут отождествляться с русским Правом ввиду существенной разницы в их духовной, собственно правовой, природе.** Применительно к западной культуре понятия «law» и «lex» выражают разные уровни юридического по сути регулятора, а **Право на Руси изначально не сводимо к юриспруденции, ибо высшее не уподобляется низшему.** Правом на Руси наши предки именовали особое духовное явление – **благодать святого Духа, которую можно стяжать добротой и любовью к Богу и ближнему.**

Мы является печальными свидетелями того, как на наших глазах продолжает меняться языковой код Русской цивилизации, которую «освобождают» от ценностей и святынь христианского мира и едва ли не главного ее достояния – Права. Западнизация (или американизация) русской культуры растворяет ее в житейской банальности среднего человека, обывателя и потребителя.

Носителями понятий являются люди, воспитанные на определенных культурных традициях либо стандартах. Одним из факторов, объединяющих людей в обществе, является взаимопонимание, а одним из факторов разобщения – отсутствие взаимопонимания. Взаимопонимание между людьми означает, что одни и те же языковые средства у разных людей вызывают сходные образы, а образам одних и тех же явлений в объективной реальности разные люди сопоставляют сход-

ные конструкции одного и того же языка. Соответственно взаимопонимание затруднено или исключено, если одни и те же языковые средства у разных людей вызывают разные образы или никаких образов не вызывают. *В наши дни употребление понятия «Право» вызывает хаос и неопределенность в сознании соотечественников, потому что сокровенный смысл Права утрачен, а новые смыслы не «приживляются», не адаптируются нашим правосознанием.*

Всякая культурная общность характеризуется общностью языковых средств, общностью образов и общностью установления разными субъектами взаимосвязей между языковыми и образными составляющими миропонимания. В процессе взросления человек осваивает эту тройную общность языковых средств, образов и связей между ними в том виде, в каком она сложилась в культуре данного общества ко времени его прихода в этот мир. Если в прошлом русский человек воспринимал Право как нечто священное и требующее одухотворенности и от него самого для гармонического общения с другими людьми, Землей (Природой) и Богом, то современный наш соотечественник Право вообще ясно себе не представляет, в лучшем случае воспринимает его как систему обязательных норм. В таких условиях духовного распада нередко звучат предложения, подобные тем, что высказаны В.Д. Катковым еще в начале XX века. Пытаясь реформировать юриспруденцию «с помощью общего языковедения», он предлагал вовсе отказаться от слова «право» и пользоваться вместо него словом «закон», поскольку, как утверждал В.Д. Катков, в реальности нет особого явления «право»⁴⁷⁰.

Научный термин «Право», пожалуй, сам по себе ничто: сила его в том Слове, концепте, величайшем духовном смысле, которые он собою во всей полноте воплощает. Русский народ в древности ввел в свой язык слово «Пра-

⁴⁷⁰ Катков В.Д. Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция. Одесса, 1913. С. 391.

во» в результате Богообщения, добролюбивого своего характера и традиционного следования Божественным заповедям. Право – одно из немногих явлений, которое мы имеем все основания признать национальным достоянием Святой Руси-России. У других народов Права не было, они пользовались юридическими регуляторами (законами и прочими нормативами). Сегодня нас хотят лишить вместе с единым языком Большой православной традиции и Права, иными словами: хотят уничтожить главное наше духовное достояние – Право, питаемое традиционной верой (Православием) и традиционной нравственностью русского народа (Правдой).

Разрыв знака и значения, обозначающего и обозначаемого, достиг применительно к понятию Права губительного рубежа. Силы хаоса желают существовать не по абсолютам реальной действительности, а по законам виртуального мира, которые они пытаются выдать за настоящие. «Многие вещи нам не понятны не потому, что понятия наши слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий», – этот афоризм принадлежит Козьме Пруткову. Так вот, в наши дни Право в его изначальном, сокровенном смысле не входит в круг наших понятий. Российские юристы умудрились так увлечься иностранными школами юриспруденции, что понизили исторический и культурный статус отечественного правоведения до уровня архаичного и беспомощного примитивизма.

Если принять православную истину, свидетельствующую о том, что Слово энергетично, что оно повелевает, то нужно будет признать, что юридические словари насыщаются энергетично пустыми, неподлинными словами, не способными будить в человеке ничего доброго, одухотворенного и возвышенного. Нынешние определения понятия Права иначе как богопротивными назвать нельзя. В них высочайший духовно-нравственный статус Права полностью игнорируется. Обмирщение и десакрализация Права, совершенные по общев-

ропейским рецептам, привели Право к гибели и оно не умерло в России окончательно только благодаря глубинным основам русского национального менталитета.

Древнерусское слово «Право» имеет тот же корень, что и слова «исПРАВность», «ПРАВота», «ПРАВОсудие», «ПРАВОславие», «ПРАВОверие», «ПРАВда», «сПРАВедливость», «ПРАВедность», «ПРАВление», «уПРАВление», «ПРАВильный», «ПРАВый». Причем и в так называемых объективном и в субъективном смыслах используется одно понятие «Право», в то время как в английском языке для этого существуют специальные термины «law» и «right», а во французском – «loi» и «droit» соответственно. Это обусловлено тем, что в иностранных языках обозначается всего лишь юридические регуляторы, множественность которых предполагает языковые вариации, а русское Право обладает нерасчленимым священным статусом и потому терминологических вольностей не приемлет. Слово «Право» исходит из Высшего духовного источника и принято русским народом для обозначения абсолютных нравственных истин. Право на Руси напрямую связывалось с Божьим промыслом, а значит, имело Высший, сакральный смысл и статус святости.

Право в русском правосознании образует неразрывное единство с Правдой, одним из его духовных оснований, составляющих коренную, традиционную нравственность русского народа. В сочинениях Федора Карпова, Ивана Пересветова, Ивана Посошкова и других русских мыслителей Правда не отделялась от веры, то есть Православия. Понятие «Правда» употреблялось ими для обозначения нравственных ориентиров, в соответствии с которыми следует жить, совершать различные поступки, судить и наказывать, чтобы «жить по Праву». А «Православие» выражает религиозные ориентиры самосовершенствования человека, каноны истинной веры, соблюдение которых позволяет

стяжать благодать Святого Духа и правильно славить Правду, то есть в конечном итоге самого Господа Бога. При этом и Правда, и Православие, в понимании русских людей и в трудах отечественных мыслителей, выступают как системы определенных представлений о мире. И Правда, и Православие содержат один и тот же набор нравственных ценностей, которые одновременно являются Божьими заповедями. В таком смысле и Правда, и Православие выражают одну и ту же Высшую Божественную Истину, которую русский народ назвал «Правом».

Самым главным богатством любого государства И.Т. Посошков считал твердые нравственные устои в нем и незыблемый правопорядок, которые он в соответствии с русской традицией обозначал словом «Правда». В своем труде «Книга о скудости и богатстве» в начале XVIII века он писал: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам обще пешися о невестественном богатстве, то есть о истинной правде. Правде отец – Бог, и правда велми богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец – диавол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отончевает и в нищету приводит и смерть наводит»⁴⁷¹. В этой ключевой идее И.Т.Посошкова Правда выступает не просто синонимом честности, а широкомасштабным духовным явлением, вбирающим в себя Высшие нравственные принципы.

А.П. Семитко в своих работах дает правовой культуре России уничтожающую характеристику: «В русской мифологии мы не найдем весов – важного и необходимого для внедрения в жизнь правовых начал символа предправа, свидетельствующего об осознании людьми таких понятий, как мера, мерность, соразмерность деяния и воздаяния за него и т.д.»⁴⁷². Нетрудно заметить, что А.П. Семитко выдает за

⁴⁷¹ История философии права. СПб, 1999. С. 74.

⁴⁷² Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 215.

подлинно правовые начала светский принцип неуклонного возмездия, который в действительности противоречит Праву. Если бы Бог судил мир по этому принципу, Он давно бы его наказал Концом Света, но Бог милосерден и того же ожидает от людей.

Русская Правда противопоставляется кривде, причем «Правда» – есть следование прямой линии, а «кривда» – уклонение от прямой, отвержение от Бога и его заповедей. Название антагониста Правды засвидетельствовано во всех славянских языках, что говорит о праславянском происхождении этого термина: церк.-слав. «кривьда» – зло, подлость, несправедливость; болг. «кривда» – несправедливость, неправда, вина; словен. «krivda» – несправедливость, вина; чеш. «krivda» – несправедливость; в.-луж. kriwda – несправедливость, неприятность, проступок; ст. польск. krzywda – ущерб, урон, неправда, ложь, клевета, а также южнославянские правовые термины: крив – виноватый, кривац – преступник, кривина – вина, преступление, криво – несправедливо⁴⁷³. В праславянском языке слово «кривда» первоначально означало искривление, неправильное и преступное поведение, несправедливость. Противопоставление Правды и кривды фиксируется на Руси весьма рано, свидетельствуя о его существовании в дохристианскую эпоху⁴⁷⁴.

Прославляя князя Изяслава (1024-1078 гг.), старшего сына Ярослава Мудрого, летописец Нестор особо подчеркивает: «Бъ же Изяслав криваго ненавиждь, любя правду»⁴⁷⁵. В грамоте рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300г. читаем: «Кто правду любит, а кривду ненавидит»⁴⁷⁶. В «Поучении Владимира Мономаха» сказано: «Ни права, ни

⁴⁷³ Славянское языкознание. Загреб, Люблина, М., 1978. С. 58.

⁴⁷⁴ Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М., 2001. С. 339.

⁴⁷⁵ Повесть временных лет. СПб, 1996. С. 57.

⁴⁷⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997. С. 225.

крива (ни правого, ни виноватого – авт.) не убивайте, ни повелевайте убить его: аще будеть повинень смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны»⁴⁷⁷. Неправда, кривда воспринимается русскими родственной злу, а Правда – добру и радости.

А.Н. Афанасьев, известный собиратель народных русских сказок, писал: «Всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды. Она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою, например, сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить – правдою или кривдою?»⁴⁷⁸. В этой сказке выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения. Правдивый и криводушный. Правдивый – терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастью, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести, и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственной правоты требует для своего успокоения полного торжества Правды – и криводушный погибает жертвою собственных расчетов.

В русских народных духовных стихах, передаваемых испокон веков в русских семьях и собранных под общим названием «Голубиная книга» в конце XIX века, тоже имеется предание о столкновении Правды и кривды. А.Н. Афанасьев, со своей стороны, так отозвался об этом редчайшем документе: «Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит стиху о

⁴⁷⁷ Там же. С. 457.

⁴⁷⁸ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 3-х тт. М., 1985. Т. 1. С. 9.

Голубиной книге, в котором что ни строка – то драгоценный намек на древнее мифическое представление»⁴⁷⁹.

Обратимся к первоисточнику:

«В Голубиной книге есть написано:
Не два заюшка вместе сходилися,
Сходилася Правда с Кривдою;
Кой гди бел заяц, тут Правда была,
Кой гди сер заяц, тут Кривда была.
Кабы Правда Кривду преодолела:
При последнем будет при времени,
При восьмой будет при тысящи,
Правда будет взята Богом с земли на небо,
А Кривда пойдет она по всей земли...»⁴⁸⁰.

Как видим, сюжет «Голубиной книги» явно перекликается со Священным Писанием Книг Ветхого и Нового Завета и соответствует древней русской поговорке о том, что «Правда живет у Бога, а кривда на земле».

«Ище правда-та с кривдой заборолисе;
Кривда-та правду изобидела.
Оставаитьце кривда на съвятой Руси
У тово-ли у народа православного,
Да уходит-то правда как на небо,
К самому Христу она, к царю небесному»⁴⁸¹.

В этом варианте «Голубиной книги» библейский сюжет дается без всяких аллегорий как произошедшее событие. Ко-

⁴⁷⁹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 56.

⁴⁸⁰ Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. М., 1991. С. 35.

⁴⁸¹ Серяков М. Рождение Вселенной. Голубиная книга. М., 2005. С. 332.

нечный исход противостояния Правды и кривды отходит в грядущее – Правда возносится на небо (небеса, по древнерусски обозначают место, где нет бесов, отсюда не-беса), а Кривда остается с людьми на земле. Но Правда не умирает, а живет в сознании праведных людей как Абсолютный православный идеал.

«Нонче кривда правду приобидела:
Пошла правда она на вышния небеса,
А кривда оставалась на сырой земли,
По всему народу православному.
Она пала нам всем на ретиво сердце:
Оттого у нас в мире стало правды нет;
Стали беззакония великия»⁴⁸².

Далее конкретизируются последствия торжества кривды:

«От кривды земля восколебалася.
От того народ весь возмущается;
От кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят;
Друг друга поесть хотят.
Кто будет кривдой жить,
Тот отчаянный от Господа;
Та душа да не наследует
Себе Царства Небесного;
А кто буде правдой жить,
Тот причаянный ко Господу;
Та душа и наследует
Себе Царство небесное»⁴⁸³.

⁴⁸² Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. М., 1991. С. 36.

⁴⁸³ Серяков М. Рождение Вселенной. Голубиная книга. М., 2005. С. 333.

Очевидно, что Правда ассоциируется в этом древнем источнике со Вселенским законом – с Правом, которое исходит от Бога и являет людям Высшую истину. Стихи из «Голубиной книги» читали наизусть сказители и калики перехожие, приходя в крестьянские избы и дворянские хоромы. «Голубиная книга» получила свое название от легендарного обретения Русью содержащихся в ней духовных стихов: по преданию эту книгу принес на Русь Святой Дух, который, как известно, является в образе голубя. В «Голубиной книге» содержится духовная глубина русского национального восприятия вселенской борьбы Добра со злом. Наши предки почитали Правду как часть Богом данного Вселенского закона. Правда являлась одним из основополагающих принципов наших пращуров. Они считали, что человеческий закон должен быть следствием Вселенского закона, который основан на Правде. *Правда, таким образом, понятие Божественное, восходящее к Богу.*

Русские духовные стихи, собранные в «Голубиной книге», поражают удивительной ясностью понимания и глубиной постижения религиозных вопросов. Чуткая народная совесть безошибочно определяет грех как искажение, искривление Божественного порядка (Права), как первопричину мирских неустройств. *Жизнь по кривде воспринималась в древнерусском обществе как преступление, то есть такому поведению одновременно давалась и нравственная, и правовая оценка, которая едина и не допускает внутреннего разрыва. «Правдивая жизнь» – означает «правовая», ей противостоит искривление Божественного порядка, антиправовые – безнравственные, греховные поступки, они же – преступления. Право, Правда и Православие образуют в этих оценках неразрывный духовный синтез, имеющий единое происхождение – Божий промысел.*

Понятие Правды относилось к сфере упорядоченного Богом бытия, определяющего по Высшим абсолютам ха-

раक्टर отношений в человеческом обществе. У наших предков слова «Право» и «Правда» нередко использовались как синонимы, оба эти духовные явления ассоциировались с Богом, в них видели единственно справедливую защиту, но все-таки в изначальном смысле Правда означала санкционированную Богом извечную нравственность русского народа, а Право – вершину Божественного порядка, торжество Истины (Любви), Добра и Красоты в межличностных отношениях и в обращении людей к природе и самому Господу Богу.

Русские имели не только высокоморальную религию и адекватную Божественным заповедям нравственность, но и освященное Божественной истиной Право, в котором эта религия и эта нравственность органически сочетались. Их общим источником является любовь. Такой духовный синтез, будучи национальным достоянием русского народа, одухотворял все сферы его жизнедеятельности и позволял ему воспроизводить в земной жизни неземные идеалы и ценности.

Истории известны случаи, когда русичи, заняв земли соседей-агрессоров, не только жили с этими народами мирно, но и платили побежденному народу дань⁴⁸⁴. Это было по Праву, по совести, они платили как будто за аренду земли, хотя никто не мог силой заставить их делать это. Когда правящая верхушка русского общества со временем стала терять свое духовное достояние, начала утрачиваться мораль, совесть, вера и само Право. Аморальное поведение становилось нормой, и кривда вытеснила Правду в душах многих людей. Так реальные события истории Руси были запечатлены в мифологическом сюжете о столкновении Правды и кривды, основанном на национальном мировидении и правопонимании русского народа.

⁴⁸⁴ Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 71.

Известны русские пословицы: «Бог – в правде, а неправда – от лукаваго», «Без правды житье – вставши да за вытье», «Дело знай, а правду помни!», «Правда суда не боится», «На правду нет суда», «Не в силе Бог, а в правде», «Без веры господь не избавит, без правды Господь не исправит», «Делай не ложью – все выйдет по Божью», «И Мамай правды не съел». То есть, если человек живет «по Правде», «по совести», значит, он не утратил связь с Богом. Его дух обращается к Святому Духу.

Правда служила русскому обществу в качестве нравственного оценочного критерия при оценке дозволенного и запрещенного. Правда имела под собой глубокое религиозное обоснование и в полном своем виде называлась «Божьей правдой». В международном договоре с Ригой 1284 г. мы читаем: «Аже иметь жялобитися вась кто на Рижяны или Гълмино или кто иныи, и вышлите к намъ, а мы правду дамы по Божьи правдъ»⁴⁸⁵. В «Велесовой книге» говорится: «...лишь моля Бога да имея чистые души и тела наши, будем иметь жизнь с праотцами нашими, с Богом слившись в единую Правду»⁴⁸⁶.

Полноценное изучение Правды возможно лишь во взаимосвязи с таким понятием как «Истина». В западноевропейских языках есть термин, эквивалентный понятию «истина», но только в русском языке есть термин «Правда», который объединяет истинное и нравственное воедино. А в китайском языке есть даже древний иероглиф, обозначающий единство трех начал – истинного, нравственного и прекрасного. В русском Праве эти начала представлены православными идеалами Любви (Истины), Добра и Красоты.

В русском правосознании подразумевается, что Истину невозможно обрести вне праведной нравственности, вне лада с богом, ибо Бог у русских нередко упоминается с эпитетом

⁴⁸⁵ История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877. С. 59.

⁴⁸⁶ Книга Велеса. М., 2000. С. 111.

«Боже правый», указующим на всеобъемлющую безукоризненность Правды Божией. Не случайно первые формально определенные правовые памятники на Руси называли «Правдами» – «Русская Правда», «Правда Ярослава», «Правда Ярославичей». В более поздние времена «Правду» заменили в России законоуложениями, сводами законов и кодексами. **Но изначально в русском миропонимании Истина (Любовь) не может быть несправедливой, а добро не может быть обретоно вне Правды-Истины и соответственно – всякая ложь несправедлива и безобразна, поскольку искажает образ Божий в душе человека. В единении Правды-Истины-Красоты состоит изначально своеобразие русского правопонимания.**

Грамматически слова «Право», «Правда» и «Православие» – однокоренные, вследствие чего праведность и Право связываются друг с другом неразрывными смысловыми средствами. Эти слова обозначают глубоко религиозные, сакральные понятия, обладающие Божественным смыслом. Человек может выйти за пределы ограничивающих его субъективных представлений о Правде, но невозможно выйти за пределы Правды-Истины, хотя и возможно уклониться от нее в какой-то ошибочный субъективизм. И. Пересветов писал по этому поводу: «В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на это царство»⁴⁸⁷. Собственно, и Константинополь пал потому, что жители его, внешне соблюдая «веру христианскую», забыли о «правде». Смысл понятия «Правда» для И. Пересветова широк – это и Любовь, и Добро и Истина, то есть идеалы, имманентные Православию. **По своим идеалам и набору духовных принципов Право, Правда и Православие неразличимы.**

В понимании И. Пересветова борьба за правду – это не только утверждение в земной жизни Божиих заповедей, но и часть всемирной борьбы добра и зла, поэтому утверждение

⁴⁸⁷ История философии права. СПб, 1998. С. 177.

правды на земле доставляет «сердечную радость самому Богу»⁴⁸⁸. Земная правда воспринималась русскими как неразрывно связанная с небесной, Божественной Правдой, как ее непосредственное продолжение или проекция на человеческом уровне. Очень русский феномен «Правда» вошел в сознание русского народа так, что стал основной духовной ценностью, главным критерием оценки человеческой деятельности.

Древнерусские мыслители все политические действия рассматривали с позиции присутствия в них Правды. Правда – отражение свободы русского народа от формальных ограничений и законнических предписаний, его стремление жить праведно на основе традиций и нравственных принципов, полагаясь на знание Божественных заповедей. Это понятие существенно повлияло на развитие правовой мысли в России и на правосознание ее жителей.

На этой основе **правовое регулирование** – это воздействие на дух, душу и поведение человека на основе Правды. Если юридический закон не соответствует Правде, то это неправедный, негодный закон, нуждающийся в отмене или исправлении. *Поступать по Правде, судить и рядить по Правде, жить по Правде способен человек, чья совесть не помрачена грехом и, следовательно, восприимчива к Божественным заповедям. Если в выражении «жить по Правде» слово «Правда» заменить словом «совесть», то смысл не изменится. Таким образом, нравственным центром всех законов и моральных установлений Руси оказывается совесть.*

В историко-правовой науке получила распространение некорректная тенденция называть «правдами» сборники юридической норм, возникшие в западноевропейских странах в эпоху раннего феодализма; утвердилось даже такое словосо-

⁴⁸⁸ Там же. С. 178.

четание «варварские правды»⁴⁸⁹ («Салическая правда» в действительности – «Lex Salica», «Бургундская правда» – «Lex Burgundionum», «Англосаксонские правды» на самом деле – «AngloSaxon Laws» и т.п.). Все эти официальные сборники законов королей и обычаев западноевропейских племен называть «правдами» могли только неквалифицированные переводчики, ибо между этими документами и Русской Правдой нет ничего общего. Такое же извращение смысла допускают авторы, употребляющие следующие термины: «телефонное право», «теневое право», «кулачное право» и т.п. Некоторые исследователи до сих пор одну из средневековых феодальных повинностей Западной Европы «*jus primal noctis*» переводят как «право первой ночи» – серьезным ученым-правоведам это делать непозволительно. Это П.И.Пестель политическую программу тайного общества декабристов мог назвать «Русской правдой» для профанации вечных русских ценностей.

Употребляя термин «Правда» применительно к юридическим памятникам Западной Европы, необходимо понимать, что он является термином сугубо русского происхождения, выражающим представление о Праве, которое было присуще русскому правосознанию. Изначально Русская Правда была феноменом народного правосознания на Руси и только в XIII в. под этим названием был издан первый отечественный свод писаных правовых положений. Известны три редакции «Русской Правды» – Краткая, Пространная и Сокращенная⁴⁹⁰. Свод «Русской Правды» соединял, по мнению многих авторитетных специалистов, исконные представления народа о Праве, народные традиции и обычаи с юридическими нормами

⁴⁸⁹ Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 263.

⁴⁹⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941. С. 103.

того времени⁴⁹¹. И.Ф. Эверс видел в «Русской Правде» «самый древний законодательный памятник, каким только могут хвалиться народы», ее постановления «восходят к глубочайшей древности, о происхождении коих в других государствах едва можно делать весьма слабые гадания»⁴⁹².

Как видно из прочтения экономических статей «Русской Правды», нажива, погоня за прибылью не является целью древнерусского общества. Главная экономическая мысль «Русской Правды» – стремление к обеспечению справедливой компенсации, вознаграждения за нанесенный ущерб в условиях самоуправляемых коллективов. Сама Правда гарантируется общиной, артелью и другими самоуправляемыми коллективами⁴⁹³. Главная задача «Русской Правды» – обеспечить справедливое, с точки зрения традиционной нравственности, решение проблем, возникавших в жизни, обеспечить баланс между общинами и государством, осуществить регулирование оплаты труда по выполнению общественных функций (сбор виры, строительство укреплений, дорог и мостов). Смертная казнь заменялась денежным штрафом, пытки вообще не применялись. Так называемое «Береговое право», господствовавшее во всей Западной Европе, согласно которому потерпевшие крушение становились со всем своим имуществом собственностью владельца берега (старавшегося, к слову сказать, подчас ложными сигналами вызвать кораблекрушение), заменялось в «Русской Правде» противоположным: потерпевшим должна была оказываться всякая помощь,

⁴⁹¹ Например: Калачев Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 14; Филиппов А.Н. Учебник по истории русского права. Юрьев, 1912. С. 89; Самоквасов Д.Я. Древнее русское право. М., 1903. С. 112; Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Вып. 1-2. М., 1881. С. 73; Свердлов М.Б. Русская Правда. СПб, 1992. С. 31.

⁴⁹² Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб, 1835. С. 337, 338.

⁴⁹³ Правда Русская в 3-х тт. М.-Л., 1940-1963.

имущество их не конфисковалось. Существовали даже статьи о покровительстве в отношении домашних животных (лошади, вола, собаки), до чего законодательство Запада той поры не дошло. «Русская Правда» различает несостоятельность злостную от несчастной с разными правовыми последствиями.

«Русская Правда» имела огромное значение в дальнейшем развитии русского Права. Она подкрепила традиционное правосознание русского народа и легла в основу ряда последующих правовых памятников России – международного договора Новгорода и Смоленска (XII в.), Новгородской и Псковской судных грамот, Судебника 1497 г. и др.

В своих «Беседах о законах» М.М. Сперанский писал: «Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, по толику есть право, поколику оно основано на правде. Там, где кончится правда и где начнется неправда, кончится право и начнется самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому, но во всех случаях он подлежит, однако же, суду совести и суду Божию»⁴⁹⁴. Этот фрагмент показывает, что М.М. Сперанский как человек русской культуры к концу своей жизни глубоко впитал традиционные ценности русского народа.

Показательно назывался и Манифест от 29 апреля 1881 г. – «О призыве всех верных подданных к служению верою и *правдою* Его Императорскому Величеству и государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и *правды* в действии учреждений России»⁴⁹⁵.

Обращение к этимологии древнерусского слова «Право» показывает, что его смысловое значение характерно именно для русской духовной культуры, поскольку в

⁴⁹⁴ Беседы о законах Сперанского М.М. СПб, 1837. С. 208.

⁴⁹⁵ Свод законов Российской Империи. Т. 3. СПб, 1892. Ст. 314.

языке откладывается исторически наиболее устойчивое значение слов. Этимология позволяет нам понять, какой исходный смысл вкладывался русским народом в понятие «Право». В семантическом ряду значений слова «Право» имеется антоним «левого», обозначение правой и левой стороны. К концу XX века термин «левый» сведен в сознании людей лишь к стороне местоположения. Немногие отдадут себе отчет в том, насколько курьезно перепутано содержание понятий «правый» и «левый» в современной России. В главе 25 Евангелия от Матфея читаем: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей... И соберутся пред ним все народы; Он отделит одних от других как пастырь отделяет овец от козлов; И поставит овец по *правую* Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...» (Мф. 25,31-34). Таким образом, православное учение вытекает не из «левого», но из «правого» духа – христианского.

Что касается «левых», то таковыми называли тех, кто противится Богу, которым сказано: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его...» (Мф. 25,41). Отсюда понятен тот богоборческий мотив идеологов русских революций начала XX в., которые сами себя называли «левым движением». На Руси слово «левый» обрело значение «нечестный, лукавый, противозаконный», а слово «правый» – «правильный, праведный, правомерный, справедливый, прямой». Термин «левый» употреблялся как символ вызова Богу. В философском плане и либерализм, и марксизм – левые течения, сосредоточенные на земной жизни и исходящие из автономности личности по отношению к Богу.

В правосознании русского народа обозначение сторон обретает значение противостояния двух антагонистических начал – добра и зла, света и тьмы, с оппозицией правомерного и противоправного, Божественного и сатанинского. В старину,

перед самым выходом войска в поход, князю выводили коня и если конь спотыкался на левую ногу, в этом видели несчастливое знамение. Согласно народному поверию за правым плечом православного человека стоит ангел-хранитель, за левым – бес. Традиция эта во многом сохраняется по сей день: мы и сегодня соотносим слово «левое» со всем несправедливым, несправедливым и недобрым – в таких фразеологических оборотах, как «левый заработок», «пойти налево», «встать с левой ноги». Все это еще раз подтверждает, что те силы, которые склонны отрицать или решительно деформировать Право (правое, правильное и праведное) являются левыми. Право же есть незыблемая основа Божественного порядка, и такое правопонимание восходит к христианскому противопоставлению правого и левого.

В древнерусских рукописях зафиксировано использование сорока трех слов с корнем «прав», которые Л.П. Якубинский подразделил на пять групп:

- 1) «прямой, ровный», «выпрямить, разровнять»;
- 2) «направить по прямому, правильному пути», «проводник, наставник, руководитель»;
- 3) «правильный, правдивый, справедливый», «то, что правильно, правда, справедливость»;
- 4) «правильное установление, правильный, справедливый порядок, правило»;
- 5) «православный, отвечающий православию, исполняющий предписания православия»⁴⁹⁶.

Во всех указанных случаях специфика русской традиции заключается в синтезе Права, Правды и Православия. Они имеют Божественное происхождение, исходят от Бога и содержат однородный набор духовных ценностей.

Семантически слову «Право» в русском языке противостоят слова «кривь», «левь», «не-правь», которые обозначают искривление Божественной истины, уклонение от Божествен-

⁴⁹⁶ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 112.

ного порядка, несправедность и несправедливость. Недавно обнаруженная и опубликованная «Книга Велеса» проливает свет на сокровенный смысл понятия Права в миропонимании древних русов. «Книга Велеса» (или «Велесова книга») вырезана на буквых дощечках новгородцами в IX в. нашей эры и содержит описание истории русского народа от времен пра-родителей (от I тысячелетия до нашей эры). Ученые признали достоверность «Велесовой книги» по целому ряду показателей, включая полное совпадение ее сюжета с данными, которыми уже располагает современная историческая наука.

В «Книге Велеса» мы читаем: «Мы почитаем Дажьбога отцом нашим, а матерью – Славу, которые учили нас чтить богов наших, и вели за руку по стезе *Прави*. Так мы шли и не были нахлебниками, а только славянами, русами, которые богам славу поют и потому суть – славяне»⁴⁹⁷. Что представляет собой этот «путь *Прави*»? Оказывается древние русы различали три основные субстанции мира: Явь, Навь и Правь. «Явь» – это видимый, материальный, реальный мир. «Навь» – это мир нематериальный, потусторонний, астральный, загробный. А «Правь» – это духовный мир, Истина или законы Сварога, управляющие всем миром и Явью и Навью. Сварогом в «Велесовой книге» назван Всевышний единый Бог, Творец (тот, кто сварганил мир, отсюда имя – «Сварог») и владыка над всеми. Явь – это белый свет. Навь – это «тот свет», куда уходят после смерти. Правь – основной закон мироздания, это нравственные и мировоззренческие принципы, которыми руководствовались наши предки. Правь воспринималась как Истина, знание которой давала возможность одо-левать темные силы и вела ко благу.

Время от времени Всевышний, согласно «Книге Велеса», посылает на землю своих сыновей. Точнее, в их лице сам Бог нисходит к нам. Сыны Бога являются проявлением самого Бога в этом мире. Каждый раз Бог нисходит к людям в образе

⁴⁹⁷ Книга Велеса. М., 2000. С. 23.

Сына Бога для того, чтобы явить нам Свою волю. Таким путем Всевышний дает людям Законы Прави. Такими сынами Бога названы Крышень, Дажьбог, Коляда и другие. Но каждое из этих имен это только отдельное качество Бога. Поэтому Бога следует называть Богом. Человек не в состоянии определить все черты и качества Бога и не следует этого делать. Для полноценной жизни достаточно знать Законы Прави. Людям дана Правь именно в единстве и многообразии ликов Бога. Правь – это Высшее Правило, Закон законов, которому подчинены как мир явленный (Явь), так и мир помертный (Навь). По этому Закону Прави развивается и эволюционирует вся Вселенная. По Законам Прави все происходит на Земле и в жизни людей. Прави, таким образом, подчинено все.

«Путем Прави ходят прямо, а не криво» – этот образ понятен. Правь, согласно «Велесовой книге», это Всеобщий закон, управляющий миром, закон Бытия мира и закон развития – взаимодействия и взаимопроникновения, коловращения, смены Яви и Нави. Его также называют законом Триглава. *Из содержания «Книги Велеса» становится очевидным, что Правь – это сам Бог, Тот, кто породил мир, кто является его причиной, истоком и целью.* И это та ипостась Бога, которую человеку дано постигнуть, ибо в полноте своей Он непознаваем ограниченным человеческим разумом. Человеку дано познать лишь Его лики и ипостаси. Правь – одна из познаваемых ипостасей Бога. Эта информация, почерпнутая из сокровенных знаний древних русов, является тем недостающим до сих пор звеном в цепи информации, который был необходим для точного и правильного понимания Права.

Оказывается, Правь (Право) действительно воспринималась нашими предками как одна из ипостасей Бога, путь Прави (правовой или правый путь), следовательно, как Божий путь, а Законы Прави (Права) как Высшие абсолюты Господа Бога, от которых могут отступиться

только несправедливые люди. Человеку Богом дана свобода выбора между добром и злом. Добро – это когда человек поступает по Праву. Всякое отклонение от пути Праву – есть зло. Оно мешает всем людям и даже Вселенной гармонично развиваться. У каждого человека есть обязанности перед Богом, природой и другими людьми. Уход от них – тяжкий грех, обезценивающий все усилия, направленные на достижение духовного совершенства. Следовать «пути Праву» для древних русов (россов, русичей) – значит жить по Правде и быть православными (то есть славить Праву праведными поступками). Вот откуда происходит традиционный синтез Праву, Правды и Православия.

«Путь Праву» позволял нашим далеким пращурам жить в мире друг с другом, в гармонии с природой, не противопоставлять себя ей и Высшим законам мироздания, осуществлять вечное самоуправление, жить по совести и, пользуясь самобытной духовной культурой, побеждать бесчисленных врагов-завоевателей.

«Путь Праву» был открыт для всех. Правь как Истина есть в сердце каждого человека. Сам Бог вложил в сердца людей знание об Истине, знание о том, что правильно и что есть Правь. Бог присутствует в сердце как совесть (со-весть – то, что пришло в сердце «с вестью» от Бога). Восходящий по пути Праву, кем бы он ни был, восходит к Всевышнему. После Крещения Руси и принятия христианства восхождение к Богу русского народа не прекратилось, а стало более целенаправленным, освободившись от всего ошибочного, лишнего. «И когда впервые Правь была изречена отцам нашим от праотцов, охраняющих нас от Нави, кои в великой борьбе силы дают нам отражать врагов Божьих», – читаем мы в «Велесовой книге»⁴⁹⁸.

⁴⁹⁸ Книга Велеса. М., 2000. С. 45.

Небезынтересны поучения, изложенные в этом правовом памятнике: «Люди русские, русичи, слушайте! Почитайте друг друга, сын – мать, отца, муж с женою живите в согласии. На едину жену должен муж посягать, а жена – на единого мужа. Убегайте от Кривды и следуйте Правде, чтите род свой и Бога небесного! Знайте, внуки Дажьбога, что русские боги не приемлют людских и животных жертв. Лишь плоды и цветы, зерна, овощи, сурью. Сохраняйте в посты от съедения чрево. Берегите всегда от сграбления руки и уста охраняйте свои от хулы. Если кто в воскресенье работает – то не будет ему прибытка, ни по жребию, ни по таланту во другие шесть дней без изъяна. День седьмой человекам и скотам – на покой дан, на отдых телесный. Друг ко другу ходите, друга дружку любите, будет радостно вам – пойте песни богам»⁴⁹⁹.

«Путь Прави» – это путь к Богу, путь в согласии со своим человеческим предназначением на земле. Если отдельная личность и общество в целом идет по пути Прави, живет по Правде – выполняется воля Господа Бога. Следовать пути Прави – значит исполнять обязанности перед Богом, природой, обществом и перед самим собой. Это значит заботиться о своей бессмертной душе.

Итак, Правь – есть важнейшее понятие в истории древних русов, означавшее Высший принцип, Божественный порядок, образ благодатного мира, в котором все должно быть прекрасно и соответствовать Божественному замыслу. В древнерусском обществе царили правовые принципы – безкорыстной любви, помощи ближнему, долга перед детьми и родителями, защиты Отечества, трудолюбия, сохранения заветов предков, миролюбия, доброты, почитания Бога. При всех отклонениях от «Прави» начинались перекосы в душевном состоянии людей и в самой организации русского общества. Когда в обществе искажались понятия о Праве и шла трансформация духовных традиций, русский народ не хотел

⁴⁹⁹ Там же. С. 31.

принимать такого исхода. Возникали бунты, волнения, смуты, либо тихий саботаж чужеземного влияния (как говорили на Руси «чужебесия»). Но при этом сохранялось живущее в сердцах русских людей стремление к настоящей Правде, а передаваемые от поколения к поколению духовные ценности имели подлинно правовой смысл.

В другом памятнике сокровенных древнерусских знаний под названием «Праведы» говорится:

«Нет ничего выше Права.

Право славь!

Право – это Знание и Умение и Сила

Как соблюсти прерывность-непрерывность действий

Так, чтоб не распалась связь времен»⁵⁰⁰.

Здесь Право непосредственным образом уподобляется Богу и содержится объяснение понятию «Православие» (прославление Права, Правы). Право, по этим представлениям, это сам Бог. И в «Велесовой книге» *Правь* олицетворяет Дух Божий, одну из ипостасей Господа Бога. Русские *славяне* славили Бога, не ставя никого выше Его. Значит, совершая Православие, они славили того же Бога, только в одной из Его ипостасей. Таким образом, в изначальных представлениях русского народа Право – одно из имен Бога, дух Вседержителя, Абсолют и Принцип, приводящий в движение человеческий мир на основе Любви, Добра и Красоты. Эти представления были в дохристианском правосознании русских людей, а с принятием Русью христианства были усовершенствованы.

В этом состоит та величайшая духовная ценность Права, которая оставалась тайной для его современных исследователей. Имея знание об изначальном сокровенном смысле Права, в наше время можно оценить, насколько выхолощенным и искаженным пониманием Права пользуется современная

⁵⁰⁰ Праведы. Древнее священное знание северных славян. М., 2005. С. 3.

юриспруденция. Приходится констатировать, что юристы наших дней служат не Правде, а кривде, будучи неправедными, «кривыми» и «левыми». Сознать это духовное отступление от Права совестливые юристы могут неудовлетворенностью от работы, ощущением безысходности перед лицом тотальной коррупции и несправедливости, чувством стыда от суесловия и суетливости своей профессии, переживаниями по поводу допускаемой лжи и неправды. Это будет происходить даже в самые неправедные времена, ибо Право действует в душах людей, особенно не нуждаясь в формальном закреплении.

Все русские цари, по возложении на них короны и вручении скипетра и державы, читали молитву, которая выражала суть их будущего правления. В частности, произносили следующее: «Да будет со мной приседящая Престолу Твоему Премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да уразумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть *Право в Заповедях Твоих*»⁵⁰¹. В тексте этой молитвы Право также ассоциируется с Богом-Творцом, а за основной критерий (эталон) Права берутся Божьи заповеди. В Высочайшем манифесте от 14 июня 1853 г. читаем: «Защита Православия была искони обетом блаженных предков наших. С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить нам наследственный престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они всегда направлены были к обеспечению прав Церкви Православной. Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного»⁵⁰². В этой цитате из правового документа выражены все главные идеалы Права: и *Любовь* к Богу, предкам и Отечеству, и *Добролюбие* во

⁵⁰¹ Цит. по: Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 2004. С. 110.

⁵⁰² Свод законов Российской Империи. Т. 3. СПб, 1892. Ст. 102.

внешней и внутренней политике, и поразительная *Красота* изложения правового текста.

Изложенные выше в настоящей монографии соображения и свидетельства позволяют сделать вывод о том, что **правовой нигилизм никогда не был свойственен традиционному сознанию русского народа. Нигилизм касался законов государства, а тяга общества к живой Правде и справедливости всегда носила подлинно правовой характер.** Известные слова А.И. Герцена: «Правовая необеспеченность тяготела над народом. Несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую: он подчиняется им как силе. Полнейшее неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого звания он ни был, либо обходит, либо нарушает законы всюду, где это можно сделать безнаказанно. Причем совершенно также поступает правительство»⁵⁰³ только подтверждают нигилизм русского народа по отношению к неправовым законам. Закон государства, действительно, никогда не играл в русской жизни роли Высшего абсолюта, поскольку человеческие законы не могут выситься над Божественными, низшее никогда не должно возвышаться над высшим.

Духовные и социальные явления необходимо называть своими именами. Слова «юридический», «законный» и «правовой» обозначают разные понятия. Далеко не все юридические регуляторы могут называться Правом. Именовать английское Law Правом столь же некорректно, сколь неправомерно отождествлять русское Право с законом. Юридические регуляторы стран, никогда не входящих в отечественную правовую систему, переводятся на русский язык как «право», но такой перевод не соответствует духовному статусу иностранных юридических регуляторов. Ибо по своему содержанию они лишены такой духовно-нравственной основы, какая есть у русского Права.

⁵⁰³ Герцен А.И. Соч. СПб, 1905. Т. 3. С. 457.

В ближайшей перспективе необходимо реабилитировать историю русского народа, что благотворно скажется на понимании Права и состоянии отечественного правосознания. Нужно также утвердить приоритеты в отношении русского языка, национальной системы образования, воспитания и защиты Православной веры, иначе мы как народ духовно погибнем и растворимся в масс-культуре, рвущейся с Запада.

Древнерусское общество имело достаточно действенную правовую систему, непосредственно выражающую Высшие духовные ценности и свидетельствующую о высоком уровне нравственного развития русского народа. Русское правовое сознание формировалось как православное, христианское. Обретение древними русами Права было сакральным событием, во многом предопределившим дальнейшую его судьбу.

Право исторически явилось достоянием русского народа, поэтому он исконно является традиционным носителем идеи Права. Русский народ с момента своего зарождения славил Право, то есть совершал прославление Права или Православие. Уже в дохристианскую эпоху на Руси знали неписанное, но общепризнанное Право. Но именно христианство, подтвердив основные духовные ценности русского народа, очистило русское Православие от примитивных представлений и заблуждений и подняло Право на новую духовную высоту.

Впоследствии традиционализм в правовой сфере играл только положительную роль. Несмотря на значительное давление из-за рубежа, Право выполняло роль фактора сохранения самобытной русской культуры. Право синтезировало в себе традиционную нравственность, каноны православной веры и непротиворечащие им юридические установления государства в единое целое. Корпус русского Права формировался такими принципами, в которых

юридический закон следовал нравственной оценке религиозного канона.

Право, Правду и Православие русский народ не импортировал из-за рубежа, а открыл и взрастил на своей национальной почве в качестве однородных феноменов с единой духовной сущностью. С точки зрения своего генезиса, Право, Правда и Православие представляют собой единую духовно-регулятивную субстанцию. Разъятие этой субстанции, а тем более противопоставление нравственности Праву, а им Православной веры оборачивается ослаблением регулятивных возможностей всей системы регулирования и каждого ее компонента в отдельности.

Правда как традиционная нравственность русского народа выступает пределом, границей и эталоном Права, согласованным с Божественными заповедями. Православие (прославление Права или, другими словами, правильное прославление Бога) указывает православному христианину путь жизни по Божьей Правде, путь стяжания Святого Духа. Прославлять Бога нужно не только молитвенно, но и деятельно – праведным образом жизни, несовершением грехов. Праведной жизнью можно стяжать благодать Святого Духа. А благодать Святого Духа (третьей ипостаси Господа Бога) именовалась древними русами «Правом». В древнерусском правовом памятнике «Праведах» об этом сказано прямо: «Господь имеет имя – Вседержитель, Право»⁵⁰⁴. Таким образом, Право суть проявление Святого Духа, запечатленное в традиционной нравственности русского народа (Правде) и стяжаемое путем Православия.

Право – есть важнейший фундамент развития русской культуры, на основе которого человеческий дух обретает совершенство и слияние с Богом. Право, понимаемое как святыня, священное духовное явление, присуще духовно-

⁵⁰⁴ Праведы. Древнее священное знание северных славян. М., 2005. С. 55.

сти русского народа, имманентно ей. Основные отличительные черты духовного облика русского человека или человека русской культуры, представления о которых позволяет составить изучение истории русского народа, его литературного наследия и творчества, в совокупности дают почти идеальный образ человека – общерусский православный идеал.

Забыв об органической связи Права, Правды и Православия, свойственной российской правовой системе изначально, российские юристы утратили традиционные корни отечественного правосознания и вынуждены оперировать неадаптируемыми для наших условий теориями. И в этих искусственных теоретических построениях нет ничего соответствующего духу русского Права, кроме самого термина «Право», полностью выхолощенного. Разрушая жизненные силы и духовные основы русского Права, зарубежные идеологи культивируют миф о слабом русском правосознании и о правовом нигилизме русского народа. Отечественным юристам, особенно тем, кто не отделяет себя от русской духовной культуры, еще предстоит возвращение к первоначальному пониманию смысла Права. Право как наша национальная драгоценность, как основа отечественного правосознания и полноценного бытия нашего народа, должно обрести подобающее место в российской жизни.

Стремительное ухудшение качества ценностей нашего общества не имеет пока характера необратимости. Еще возможно восстановление истинного состояния духа и души русского народа, возврат к живущим в нас веками приоритетам. При достаточных усилиях духа даже из глубокого падения ценностных ориентаций возможно достаточно быстрое возрождение русских национальных ценностей в сознании народа. Даже на сильном пожарище в лесу вскоре вырастает зеленая мощная трава.

Российским правоведам необходимо духовно и религиозно осмыслить историю русского Права. И тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь сберегал Право в подлинном и собственном значении этого слова. В сложившихся условиях культурного многообразия и духовного плюрализма становится необходимым раскрытие гармоничных и цельных базовых оснований бытия нашего народа, что требует внимания к духовно-нравственным основаниям его культуры. Подобное онтологическое самовозвращение в пространство Традиции возможно только на путях охранительной стратегии, подразумевающей приоритет духовных ценностей русского народа, который имеет священный опыт Православия – правильного прославления Права, то есть правильного и истинного прославления Бога.

Все живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры, должны объединиться еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно – священным Правом, а, следовательно, преданностью Божественной Истине и нравственным Абсолютам. В идеальном смысле, это и станет высшей духовной связью между людьми. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской духовной культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единству и общению не формально-юридическому, но духовному. Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве.

Хороший пример в этом показывает государство Израиль. В официальных доктринах этого государства записано, что было бы «трагическим разрывом со всем прошлым еврейского народа, если бы Израиль провозгласил себя антирелигиоз-

ным государством и отказался от иудейского закона, так как будущее еврейского государства во многом зависит от способности сохранения им культурной самобытности и от непрерываемой религиозности евреев»⁵⁰⁵. Точно также культурологически относят себя к Православию большинство русских, к исламу – татар и башкир и т.д. То есть религия, ставшая культурообразующей основой народа, тесно связанная с национальным сознанием и национальной самобытностью этого народа, нуждается в защите от проводимой по атлантическому проекту глобализации.

Говоря о возрождении России, нельзя упустить важнейший для России вопрос: восстановления и укрепления Права. А это, в свою очередь, предполагает реставрацию исторических духовно-нравственных основ Права – Православной веры и традиционной нравственности русского народа (Правды). Тогда будет реанимирован человеческий дух. Но не через закон государства, а поддержкой традиционных духовных ценностей русской культуры, созданием условий, когда духовные традиции народа не тормозятся действующими юридическими нормативами. В итоге подлинное Право само будет воспитывать и воспроизводить в российском обществе соответствующую ему духовную культуру на абсолютных началах Любви, Добра и Красоты.

⁵⁰⁵ Цит. по: Элон М. Еврейское право. СПб, 2003. С. 146.

Глава 5.

ПРАВО КАК АТТРИБУТ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

5.1. История Права в призме духовной эволюции России и Запада

«Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6,45).

Сторонники цивилизационного подхода пользовались разными определениями той общности, за которой в настоящее время утвердилось единое понятие «цивилизация». Н.Я. Данилевский писал о «культурно-исторических типах», О.Шпенглер – о «высоких культурах», Л.Н. Гумилев – о «суперэтносах» и т.д. Но при этом не все авторы различали понятия «цивилизация» и «культура», то есть видели разницу между накоплением мертвых предметов устроения быта и духовным творчеством. По мнению И.А. Ильина, цивилизация усваивается внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия, а культура есть явление внутреннее и органическое, которое захватывает самую глубину человеческой души. «Поэтому народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т.д.) являть картину отсталости и первобытности»⁵⁰⁶. И, наоборот, народ, обладающий высокими технологиями и всеми новинками цивилизации, в вопросах духовной культуры нередко переживает эпоху упадка.

⁵⁰⁶ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1993. Т. 1. С. 300.

Русская цивилизация отличается именно доминантой духовной культуры. Она представляет собой совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившую его историческую судьбу и сформировавшую его национальное сознание. Главная определяющая характеристика русской цивилизации состоит в том, что она является православной.

Приняв Святое Крещение, Русь обрела целостное духовное основание своей будущности – православную христианскую веру. Эта вера столетиями создала нравственный облик и правовой порядок русского общества, укрепляла российскую государственность и все общество в целом, формировала его национальную культуру. Благодаря Православию Русская земля стала также одним из ведущих центров мировой цивилизации. В прошлом русский народ сделал должный выбор. Он выбрал духовный идеал, который был им усвоен через православную веру. Этот идеал был назван Святой Русью⁵⁰⁷.

«Стремление к идеалу представляет собой вековую особенность русского характера», – отмечал мтрп. Иоанн (Снычев)⁵⁰⁸. Крещение Руси и кропотливое, многолетнее церковное воспитание, следовавшее за ним, придали этому стремлению осмысленность, ясность и великую, надмирную цель: воплотить в своей жизни чистоту и праведность Божественных истин настолько, насколько это вообще доступно падшей и оскверненной грехом человеческой природе. Когда стремление к чистоте и святости овладевает целым народом, он становится носителем и хранителем идеи столь высокой, что это неизбежно сказывается на всем мироустройстве.

⁵⁰⁷ Подробнее об этом: Троицкий Е.С. Историко-методологические аспекты изучения русской (православно-славянской) цивилизации // Русская цивилизация и соборность. М., 1994; Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001; Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000.

⁵⁰⁸ Мтрп. Иоанн (Снычев). Русская симфония. М., 2005. С. 92.

«Скажите любому иностранцу, что в России ежедневно происходит тридцать-сорок тысяч сходов совершенно свободно и без всякого полицейского комиссара: мы имеем в виду наши сельские миры и вече. Он ахнет от такого «либерализма», не подозревая, что тут-то и сидит самая консервативная сила; он заметит, конечно, что таких порядков не разрешают многие самые демократические конституции», – писал в XIX в. И.С. Аксаков⁵⁰⁹. Становление русской духовной цивилизации проходило в тяжелейших испытаниях, в ходе которых неоднократно ставился вопрос о самом ее существовании. По мнению В. Шубарта, «в нынешнем своем виде проблема Восток-Запад предстает как грандиозная проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада Востоком, как призыв к восстановлению первоначального единства расколотого человека, как задача созидания совершенного человека»⁵¹⁰.

В наше время русская православная цивилизация подвергается массированным атакам извне. Еще недавно могло казаться, что идет борьба демократии с тоталитаризмом, но когда СССР был демонтирован, Запад отнюдь не ослабил свой натиск на Россию и страны, сохраняющие свою православную идентичность (например, Сербию). Стала обнажаться другая, не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного. Истинная цель реформ 1990-х гг. в России – не экономические преобразования, а именно – смена типа цивилизации в стране, слом остатков русской православной культуры.

В своей книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон писал об обострении цивилизационного противостояния Запада с Россией как о свершившемся факте⁵¹¹. Беспощадный приговор России выносится в откровенном виде: «Главное

⁵⁰⁹ Аксаков И.С. Об уездном самоуправлении. СПб, 1890. С. 424.

⁵¹⁰ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 44.

⁵¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 216.

конкретное содержание этого «тектонического» сдвига заключается в замене традиционно российских форм жизни, на протяжении многих столетий базирующихся на феодальном холопстве и рабстве, некими качественно новыми формами, фундамент которых – свободная личность и которые в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации. Это означает, что, имея в виду данные процессы, мы должны говорить о разрыве России не только с идеологией и практикой коммунизма, но и русизмом вообще, русизмом как таковым»⁵¹². Перед нами откровенно расистский приговор России и русскому народу, основанный на платформе глобализма.

Уничижительный тон по поводу русской правовой культуры основан на якобы полном отсутствии в России правовых учений. А.В. Оболонский так и пишет в своих работах 1980–1990-х гг.: «...поражает почти полное отсутствие интереса к социально-политическим вопросам, к проблемам справедливого общественного устройства. Что можно вспомнить? Четыре письма Курбского да два Грозного? Замечания летописцев на тему о вреде усобиц и пользе сильной власти? Пожалуй, с большой натяжкой можно подвести еще под эту рубрику полемику между иосифлянами и нестяжателями. Согласитесь, негусто»⁵¹³. В отечественной юридической науке со временем утвердилось убеждение в том, что в Древней Руси не было самостоятельной правовой и философской мысли⁵¹⁴.

Подобное убеждение было связано с методологическим подходом, определяющим сам предмет философии исходя из тез определений, которые утвердились в западноевропейской

⁵¹² Американская русистика. Самара, 2003. С. 59.

⁵¹³ Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 32.

⁵¹⁴ Например: Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.

науке, то есть исключительно как рационального знания. Так, К.Д. Кавелин в очерке «Философия и наука в Европе и у нас», появившемся в 1884 г., отрицая наличие философии не только в Древней Руси, но и в России XIX века, отмечал: «Философия никогда не была у нас предметом серьезного интереса. Мы, русские, до сих пор не имели философии и очень мало о ней заботимся»⁵¹⁵. Радикалистски эту идею проводил Г.Г. Шпет: «Я, действительно, сторонник философии как знания, а не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения», – писал он в двадцатые годы XX века. – А древние русские поучения и слова говорят лишь о низком культурном уровне, о дикости нравов и об отсутствии умственных вдохновений у тех, к кому они обращались, они свидетельствуют об отсутствии понимания задач истинной умственной культуры у тех, от кого они исходили»⁵¹⁶. По мнению историка В.О. Ключевского, древнерусская мысль, при всей ее формальной напряженности и силе, так и не выходила никогда за пределы «церковно-нравственной казуистики»⁵¹⁷. Другой ученый М.О. Гершензон полагал, что русское сознание не выработало «своих жизненных ценностей и не переоценивало их постоянно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли»⁵¹⁸.

Не нужно забывать, во что веруют православные христиане. Источником православного вероучения были не человеческие рассуждения или творческие поиски, а Божественное откровение, превышающее пределы человеческого разума. Поэтому рациональный, рассудочный подход к Праву не позволяет осмыслить суть этого духовного явления даже в малой степени. На Руси были восприняты слова апостола Павла:

⁵¹⁵ История философии права. СПб, 1998. С. 223.

⁵¹⁶ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. М., 1922. С. 37.

⁵¹⁷ Ключевский В.О. Русская история. М., 2005. С. 15.

⁵¹⁸ Гершензон М.О. Традиционное сознание русского общества. М., 1978. С. 85.

«Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь, ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими» (Евр. 13,9). *Православное понимание Права постигается через опыт веры, покаяния и очищения сердца от грехов. Абстрактное философствование обычно не приближает к смыслу Права, а отдаляет от него. К тому же, авторы игнорируют общепринятое понимание философии как любви к мудрости («фило-София»), а Мудрость заложена в Божественных истинах – применительно к ним человек не может сам ничего прибавить или убавить.*

Устоять в вере – просто устоять – во все века было делом самым сложным, глубинным содержанием всякого христианского подвижничества. Стояние в истинах веры («под куполом и крестом») было содержанием мучительного, изнуряющего подвига для тех русских людей, которые в Православной России видели единственно возможную форму существования своего народа и не позволяли себе увлечься новизной всякого рода «переосмыслений» русского служения, требовавшими в обмен на подаваемую ими иллюзорную историческую перспективу отречения от коренных начал русского национального самосознания.

Кто не желал и не желает признавать Бога, тот с неукротимым упорством трудится над развитием нового миро- и правопонимания. Верующие философы и ученые-правоведы смиренно приходят к Абсолютной истине православного христианства и делают ее незыблемой основой своего мировоззрения. Русские люди имели убеждение: зачем блуждать вдали от веры в Господа Бога, зачем разменивать свою бессмертную душу на какие-то жалкие лохмотья человеческого лжемудрствования? Всякое мировоззрение, не берущее основу в Священном Писании, они рассматривали как ересь, ведущую в духовный тупик.

Русскому народу не свойственно было облекать свои взгляды, основанные на Божественном откровении и собственном живом опыте, в мертвые формулы отвлеченного рассуждения. Ход истории и свое место в ней здоровое самосознание народа воспринимает как нечто очевидное, естественно вплетающееся в общее мироощущение.

В своих исканиях абсолютного добра и смысла жизни русский народ в течение веков удовлетворялся теми ответами, которые дает православное христианство. Ответ на вопрос об абсолютном добре, получаемый в православной религии, имеет характер Истины, выраженной в конкретной форме, то есть в полнокровной жизни. Такой ответ стоит выше философии, потому что она дает знание лишь в отвлеченной форме. Многовековое сосредоточенное молчание России, так удивлявшее исследователей, стремившихся мерить ее привычными мерками «просвещенной» и многоречивой Европы, есть благоговейное молитвенное молчание тщательного монаха. Такое молчание происходит не от невежества или лени, а от благодатной полноты религиозного чувства, от сосредоточенной ревности в Богоугождении, от изумления перед величием Божиим. Это состояние не нуждается в словесном выражении. Оно вообще не передается словами – оно постигается лишь любящим сердцем.

На Руси просвещение христианством шло чисто в религиозной форме. Главная цель человечества виделась в небесном спасении и приобщении к Богу. И цель просветительства также рассматривалась в рамках данного направления. В Древней Руси интерес к православной истине привел к отсутствию потребности в ином нерелигиозном знании и образовании⁵¹⁹. Важнее для русского в те времена было *быть, чем знать*.

⁵¹⁹ См. об этом: Степнов П.П. Древняя Русь: государство и власть. Проблемы морально-этического сознания. М., 2001. С. 59; Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901. С. 177; Древняя Русь в свете зарубежных источ-

В конечном счете европейская и русская философия Права говорят о разном, даже употребляя близкие термины. Однако на Западе вместо религиозно-нравственного канона, указывающего, что хорошо и плохо, устанавливался закон, который измеряет вину и определяет наказание, постепенно отрываясь от понятия греха. Проблема долга перед Богом и людьми в отношении добра и зла после Мартина Лютера трансформируется в долговое обязательство, вексель, который обменивается. Пути России, пытавшейся жить «как долг велит», а не потому, что угрожает закон, и Европы, ставшей на путь рационализма и развития позитивного законодательства, разошлись.

Будучи огромной евроазиатской державой, Россия, заключая в себе многоцветие различных национальных культур и одновременно являясь главной хранительницей святынь Православия, не могла позволить себе западного плюрализма, грозившего ей ужасами неминуемого распада. На Руси сравнительно хорошо были известны юридические и политические идеи и концепции, выработанные в Византии, Германии, Франции и других странах. Однако, распространяясь в русской среде, они не могли подчинить национального сознания и деформировать тем самым русскую правовую и политическую мысль. Наоборот, скажем византийская и французская политико-юридическая мысль сама неизбежно реформировалась на русской почве, приспособлялась к реалиям русской общественно-политической жизни⁵²⁰.

Итак, в России перепроизводству учений о Праве препятствовало знание об Абсолюте, то есть единое, универсальное

ников. М., 1999. С. 51; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX-XX вв. Л., 1989. С. 216.

⁵²⁰ Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X-XVIII вв. М., 2003. С. 44; Сапронов П. А. Русская философия. Опыт типологической характеристики. СПб, 2000. С. 58; Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI-XVI вв). Л., 1987. С. 90-92; Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X-XVII вв. М., 1990. С. 81.

православное понимание Права, исключаящее, делающее не только не нужными, но даже вредными все другие типы правопонимания. Смысл философии Права заключалась в русском сознании в познании Бога и Божественных оснований Права, в изучении Права как проявления Святого Духа, как священного духовного явления, как сущности, исходящей от Бога, в постижении начал Любви, Добра и Красоты как Высшего правового идеала.

Русская идея Права как христианское учение о Праве, как основа философии русского Права – есть объективное явление, обладающее как совокупность истинных знаний о началах Любви, Добра и Красоты, признаками единственно возможного пути духовного и социального развития. Все остальные известные нам по истории «правовых» и политических учений и современным событиям учения о Праве и юриспруденции представляют собой лишь отклонения от Истины. Особенно эта оценка применима к юридическим учениям Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Распространение ересей, то есть уклонение от Истины, имело своей почвой невежество, как общинтеллектуальное, так и в части незнания основ христианской веры. В частности, представители школы глоссаторов (XII-XIII вв.) единственным ориентиром юриспруденции считали не высшие ценности вроде добра и справедливости, а так называемое «римское право», и в соответствии с этим, признавали доминанту официального законодательства, его незыблемость вне зависимости от добродетельности его норм. Это были сугубые «практики», ориентированные исключительно на позитивное законодательство.

Любопытно, как культуролог XX века Ортега-и-Гассет различал идеи и верования, последние он определял как неотъемлемые, органически выросшие из традиционной почвы «живые идеи», которыми живет нация. Он их не производит, не формулирует, не дискутирует, не пропагандирует, не под-

держивает, то есть он ни в коей мере не участвует в их рационализации и рефлексии над ними. «С верованиями ничего нельзя делать, как просто пребывать в них»⁵²¹. Значит, пока человек находится в церковном лоне, внутри Традиции, то есть в состоянии «верования», он не нуждается в идеях об этом предмете. Но когда верование начинает разлагаться сомнениями и многочисленными ересями, человек начинает искусственно конструировать новые модели мира, создавая секулярные идеи. Идеи возникают, по мнению Ортеги-и-Гассета, в пустотах между верованиями. И если человек в состоянии верования и даже сомнения стоит лицом к лицу с реальностью, то сконструированные идеи (псевдоидеи) уведут его от этой реальности в мир собственных домыслов.

Отпадение общества от Церкви и ценностей христианской культуры, утрата истинной веры и порожденных ею традиционных верований привели, таким образом, к возникновению множественных пустот в современном сознании, которые и стали заполняться искусственно создаваемыми моделями и теоретическими конструкциями – псевдоидеями, которые претендуют на статус Истины с ее исчерпывающим объяснением мироздания. Но поскольку эти идеи не обладают ценностью реального и заполняют собой те сферы человеческой жизни, где, по замыслу Божию, должна животворить вера, то и культура, возникшая из этих псевдоидей, первым делом объявляет самоубийственную войну реальности и уводит человека в пустыни виртуальности. *Перепроизводство теорий правопонимания напрямую связано с этим антикультурным и антидуховным процессом.*

По мере духовного размежевания России и стран Запада направленность западной юридической науки шла на активное преобразование социальных связей, восприятие мира как чуждой и внешней силы. Российская правовая мысль была направлена на постижение единой сущности Права. Западные

⁵²¹ Ортега-и-Гассет. Идеи и верования. М., 1991. С. 464.

учения о юриспруденции разделяли и противопоставляли познание и нравственность. А русские мыслители не рассматривали познание как самоцель, но видели в познании путь нравственного совершенствования.

В учениях о Праве русских мыслителей идеи иностранных философов-«просветителей» вплоть до конца XIX века не имели самостоятельного значения, но использовались в качестве связующих звеньев или аргументов при обосновании собственных выводов⁵²². Авторами древнерусских правовых памятников были яркие личности, своеобразные и глубокие мыслители митрополит Илларион, преподобный Феодосий Печерский, великий князь Владимир Мономах, Даниил Заточник, преподобные Сергей Радонежский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, митрополит Даниил Рязанец, дьяк Федор Карпов, старец Филофей, царь Иван Грозный, Авраам Палицын, Иван Тимофеев, Симеон Полоцкий, Афанасий Холмогорский, Епифаний Славинецкий, протопоп Аввакум и др. **Фактом является то, что правовая мысль в Древней Руси возникла и существовала в дальнейшем именно как религиозно-философская мысль, точнее как православная мысль. Суть русского правоведения заключается в том, что все мировоззренческие, философско-правовые и сугубо юридические проблемы решаются в русле православного христианского вероучения. В более поздний период правовая наука обязана трудам таких выдающихся мыслителей как И.А. Ильин, Л.А. Тихомиров, Н.Н.Алексеев, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.В. Михайловский, Н.А. Захаров, А.С.Яценко и др.**

Существенное отличие России от Запада и от Востока выражалось в том, что на Руси издревле сложилась свое-

⁵²² Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X-XVIII вв. М., 2003. С. 255; Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI-XII вв. Киев, 1988. С. 77; Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб, 1998. С. 191.

образная форма христианства, получившая название русского Православия. Господствовавший вплоть до XIX столетия тип правопонимания тоже можно именовать православным.

Первые известные нам учения о Праве в России были оформлены в тексты правовых памятников уже после принятия христианства и развивались в русле христианской религиозно-философской традиции. Однако христианское правовое знание пришло не на пустое место. Его утверждению предшествовал этап существования русского правосознания в традиционной форме. Этот этап в историческом смысле был очень продолжительным, ибо он уходил в самые глубины истории славян. Пришедшему на Русь в X веке христианству не пришлось вытеснять основы дохристианской духовной культуры, поскольку она, по сути, была христианской. Традиционное дохристианское правовое сознание русского народа в определенной степени повлияло на само христианство, результатом чего стало своеобразное христианское вероучение – русское Православие или православное христианство.

Важнейшим фактором, определявшим содержание и характер правовой мысли Киевской Руси, был фактор духовно-культурный. Киевская Русь представляла собой общество и государство с высокоразвитой духовной культурой. Чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к древнерусским правовым памятникам. «Появление русской литературы в конце X-начале XI века «дивлению подобно», – писал академик Д.С. Лихачев. – Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании»⁵²³.

По степени развитости духовной культуры Киевская Русь значительно превосходила современные ей государства За-

⁵²³ Лихачев Д.С. Избранное. М., 2003. С. 120.

падной Европы. Последние не имели такого распространения грамотности и письменности среди населения. Какое было в Киевской Руси, такой совершенной по своему стилю и содержанию литературы, как литература Киевской Руси⁵²⁴.

Собственно наше современное деление на геополитические ареалы Запада и Востока уходит в далекое прошлое, но явно его можно вести от раскола Церкви на католицизм и Православие. Еще апостол Павел прямо вопрошал сторонникам разделений: «Разве разделился Христос?» (1 Кор. 1,13). *В настоящем исследовании одной из важных причин отпадения Западной церкви от Православной необходимо назвать ее рационализм и усвоенный ею римский юрицизм. Юрицизованная и высокотехнологичная культура античного Рима не тяготела к духовно-нравственным ценностям и распространяла нормативные конструкции во все сферы духа.*

Римский юрицизм оказал наибольшее влияние на постготическую эпоху в Европе через рецепцию «римского права». Наряду с Реформацией и Ренессансом рецепция «римского права» была, пожалуй, третьим значительным фактором своеобразия Запада. Католическая Церковь поощряла распространение «римского права» в XVI веке в качестве удобного инструмента для ее властных целей. В. Шубарт так объясняет эти процессы: «Римское право вытеснило товарищеские права готики не потому, что оно юридически превосходило их, а потому, что это было право материально сильного, это было властное право. Именно одновременность Реформации и рецепции римского права говорит о том, что оба эти явления, независимо друг от друга, имели общую более глубокую причину, а именно – зарождение нового энического архетипа, которому, в качестве родственных по своей сути элементов, соответствовали основные черты римского юридического

⁵²⁴ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Древняя Русь: Быт и культура. М., 1977.

мышления и законническая религия. Они были переняты только потому, что подходили; а поскольку они стали подходить лишь около 1500 года – только тогда их и переняли»⁵²⁵.

Оторванность римских законов от веры, от нравственного Абсолюта негативно сказались на известном формализме и рационализме «римского права». Законосознание древнеримского общества не было правовым, оно не имело религиозных оснований и оказалось неспособным поддерживать и отстаивать монументальную государственность и культуру Рима, а история произнесла над римской юридической системой свой приговор. *Юриспруденция западноевропейских стран Нового и Новейшего времен взяла от «римского права» самое худшее – его языческую бездуховность, господство формальных принципов и формального закона, превращение юристов в новое духовенство общества, забвение нравственных Абсолютов. Западные юридические системы деградировали до уровня «римского права» и поведали об этом миру как о последнем достижении цивилизации. После прихода в мир Иисуса Христа неадекватность «римского права» сообществу нравственных людей стало очевидным.*

Законодательство Древнего Рима строилось на началах формальной логики, рационализма, баланса интересов жесткой государственной власти и интенсивного экономического оборота. Но в условиях кризиса Римской империи римское «право» только отягощало бездуховность римского общества, его служение исключительно прагматическим и эгоистическим интересам. Стяжание материальных благ и безграничной власти над окружающими народами привело римлян к неизбежному пресыщению и отсутствию новых стимулов для развития. Римское судопроизводство предполагало совершение идолопоклоннической церемонии – воскурение фимиама богине «правосудия» Фемиде. *В целом так называемое «римское право» носило откровенно языческий характер и там,*

⁵²⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 71-72.

где оно было рецепировано в юридической и духовной сферах утвердились новоязыческие черты.

История христианства ясно свидетельствует о том, что в действительности никакого разделения церквей никогда не происходило, в действительности имело место постепенное отпадение западных народов и западноевропейских конфессий от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви⁵²⁶. Церковь же эта неповрежденно существует и поныне, приняв наименование Православной. Любое непредвзятое историческое исследование покажет, что Православие вовсе не есть «одно из» многочисленных исповеданий. Оно есть именно то первохристианское, апостольское исповедание, от которого впоследствии отпали все остальные христианские конфессии, впавшие в ереси.

Несмотря на серьезное давление из-за рубежа, Русь сохраняла в чистоте Божественные заповеди, представления о добре и зле. Различного рода социальные бедствия лишней раз доказывали торжество Православия на Руси. Так, нашествие татаро-монголов на русские земли нанесло огромный урон русской культуре. Во время осады городов горели церковные храмы, а с ними и различные произведения искусства, в том числе и книги. Специалисты высказывают предположение, что дошло до наших дней из литературного наследия Киевской Руси чуть более 1 % от того, что было⁵²⁷. Однако даже это великое бедствие не могло сдержать поступательного развития русской духовной культуры. Русская правовая мысль в условиях Московского государства имела значительно более солидный культурный фундамент для своей эволюции, чем тот, на котором она развивалась в Киевской Руси.

⁵²⁶ Мтрп. Иоанн (Снычев). Русская симфония. М., 2005. С. 170; Малков Ю.Г. Русь святая: очерк истории Православия в России. М., 2002. С. 9.

⁵²⁷ Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли Х-ХVIII вв. М., 2003. С. 61.

Русский народ перед тьмой навалившегося монголо-татарского ига, сначала языческого, а потом мусульманского, сразу же осознал себя носителем света Христовой веры, защитником ее от неверных, а свою землю острее почувствовал как «Святую Русь». Святую в противоположность иным землям, оскверненным ересями, иноверием и неверием. В этот момент русский народ духовно вырос в великую нацию⁵²⁸. *Русь одолела татаро-монголов, лишь поднявшись на защиту святынь Православия, а не политических или земельных интересов.* Татарское нашествие сыграло значительную роль в том, что в древнерусском сознании значительно укрепилось христианское мирозерцание. Идея защиты Православия крепко и непосредственно связывалась в сознании людей с идеей национально-государственной независимости. Причину же монголо-татарского нашествия отечественные мыслители видели в одном – это Божия кара за нарушение Его заповедей, за то, что русские люди предали забвению христианские Истины.

История христианской Руси богата невероятными испытаниями духа русского народа. Материальные катастрофы были огромны, и их объем увеличивался, чем сильнее была твердость русских в вере. Отрекшись от нее, русские могли бы сохранить себя в большей степени материально и численно, но ценой утраты духовной и национальной идентичности. Однако после небывалых войн и разрушений Русское государство и нация, сохранившие дух и веру, в кратчайшее время удивляли мир колоссальным ростом территориального и державного могущества.

В эпоху феодальной раздробленности лишь Православие явилось единственным неколебимым оплотом общенационального единства. И во время татаро-монгольского ига, и в

⁵²⁸ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб, 1991. Т. 1. С. 51; Перевезенцев С.В. Тайны русской веры: от язычества к империи. М., 2001. С. 80.

период смутного времени, и в годы наполеоновского нашествия и в Великую Отечественную войну... Смута вообще означает утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования. Крушение русской государственности в период «Смуты» превратило жизнь русских людей в сплошное бедствие. В результате в русском общественном сознании появилось понимание православного Русского государства как величайшей святыни, как жизненно необходимого условия существования русского общества.

Выход русского общества из «Смуты», восстановление исконно русской государственности были обусловлены во многом прочностью традиционной русской политико-правовой идеологии. Крушение Русского государства в начале XVIIв. не сопровождалось крахом русского идеала Права, русской Правды и русского Православия. Именно поэтому данное крушение было вовремя осознано русским народом. Сохранив свои идеалы Права, Правды и Православия, русские люди воссоздали затем по ним свою традиционную государственность. Периоды агрессивных походов на Руси и внутренние Смуты показывали, какое жизненно важное значение для русского народа имеют его традиционные представления о Праве, нравственности (Правде) и Православии.

К эпохе так называемого средневековья Русь подошла как мощная держава, укрепившаяся в идеалах Православия и закалившая народный дух. В это время на Западе распространялось идейное течение, получившее название «гуманизм». Гуманизм в период «Ренессанса» предполагал ориентацию от Бога к человеку, к возвышению его автономного значения (в буквальном переводе «гуманизм» означает отнюдь не человеколюбие, а человечизм). В период «Просвещения» гуманизм уже предполагал превознесение человеческого над Божественным, а затем и отрицание Бога. Зараженная гуманизмом Реформация разожгла первые общеевропейские войны.

Основа гуманизма, по сути, исходит из базовой идеи Нового времени: рационализированного культа самообожествленного человека. Начиная со времени Ренессанса гуманизм главным своим противником объявляет воцерковленность бытия личности и общества, а также безконфликтную симфонию государства и Церкви. Бог как творец человека, источник Права, природы и разума гуманизмом отвергается. Однако гуманизм не смог возвысить человека, он его сокрушил. И это крушение явилось исторически закономерным итогом развития западноевропейской культуры, ибо отрывая личность от Божественного начала гуманизм способен порождать отнюдь не титанов человеческого духа.

Человек, как «великое чудо», должен, по мнению идеологов гуманизма, обладать такой же свободой, как и Сам Бог⁵²⁹. *На основе смешения элементов античной философии, восточной магии и оккультизма идеология гуманизма рождала западноевропейскую культуру. Гуманизм изначально создавался как новая религия, которая должна была заменить собой христианство. Главными постулатами этой ереси были: вера в Божественную сущность природы, вера в свободного человека, вера в человеческий разум и в безграничные возможности науки и, наконец, вера в силу магии и оккультной мистики.* В этом смысле ошибочно считать, что гуманизм имел безрелигиозный характер, он имеет завуалированный сатанинский характер, как впрочем, многие оригинальные ереси Нового и Новейшего времени.

Гуманизм – есть псевдорелигия человекобожия (обожествления человека), призванная разрушить истинную христианскую веру в Бога и обслуживающая индустриально-технологическую цивилизацию Запада. Впоследствии высшей

⁵²⁹ См., например: Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 52.

формой гуманизма в области веры стал атеизм, который представляет собой веру в то, что Бога нет.

Гуманизм и на своей родине – Западе, и в России выступал только в качестве орудия разрушения. Именно либерально-гуманистические идеалы стали идеологической базой разрушения многих традиционных обществ, в том числе Российской Империи в начале XX века. Сейчас при помощи этих же идеалов сотрясают нынешнюю Россию, опасаясь ее возрождения на началах традиционной духовности.

В современном светском гуманистическом понимании прав человека человек как «образ Божий» практически полностью замещен человеком как самодостаточной и самодовлеющей монадой. Но вне Бога существует, да и то в относительном плане, лишь эмпирически нам известный, падший и глубоко растрепанный субъект, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе («се – Человек»), а потому и права этого обезбоженного индивидуума на деле превращаются в ничего не значащую декларацию. Безчеловечные и богоборческие режимы в полной мере явили образ такого превращенного в «бес-правие», лишенного своих Божественных оснований «права-законодательства» – в «мерзость запустения, стоящую на святом месте».

Гуманизм, как будто бы призванный утвердить достоинство и свободу человека, на самом деле опозорил его. Он отнес демонизм к числу врожденных и естественных свойств самого человека, а душу его, получившую научное наименование «подсознание», представил обиталищем каких-то скрытых чудовищ, которые терзают ее, извергая пламень гордыни, похоти и зла. Гуманизм подарил западному сознанию языческий антропоцентризм с дохристианским и даже до-античным толкованием человека.

В XVI-XIX вв. идейные установки гуманизма стали методологической базой всех основных юридических учений за-

падной цивилизации, и прежде всего «теории естественного права» и теории позитивизма. Именно поиски условий для максимальной свободы человека лежали в основе философии Г. Гроция, И. Канта, Г.Гегеля, Г. Кельзена и др. *Каждый крупный мыслитель, воспитанный в гуманистическом духе, стремился творить новое законченное юридическое учение, которое должно было полностью заменить собой христианское правопонимание.*

Таким образом, именно гуманизм стал, с одной стороны, орудием идеологического разрушения традиционного христианского общества Западной Европы, а с другой – средством создания юридизированного «правового государства». В отличие от Православия, светская юриспруденция встречает противоречие в обосновании нравственных принципов и мотивации нравственного поведения. Утилитаризм может оправдывать существование норм нравственности как средства для достижения наибольшего блага для наибольшего числа людей, но вряд ли сможет ответить на вопрос, почему для отдельного индивида иногда оказывается разумно действовать вопреки своей собственной пользе для достижения Высшего блага. Даже деонтологическая концепция И. Канта не может убедительно показать, какая мотивация может заставить человека действовать вопреки своему собственному счастью (например, пожертвовать своей жизнью) для того, чтобы избежать такой санкции разума, как осуждение. Единство подлинного блага индивида и Высшего блага можно ощутить только в истинном служении Богу; оно неизвестно рациональному дискурсивному мышлению.

Православное правопонимание не руководствуется комплексом человеческих обычаев, не выводится из рациональных аргументов и не выражается на языке логики. Скорее, согласно Священному Преданию, оно является выражением особых живых взаимоотношений с любящим Богом. Развитие западноевропейской юриспруденции и светской этики

привело к смещению в соотношении главных нравственных задач от литургического общения с Богом к дискурсивному рациональному осмыслению реальности и погружению в нее. Произошло смещение от таинства евхаристической общности к академическому интеллектуализму. Православие в отличие от идеологии гуманизма считает, что человеческий разум был затемнен грехопадением Адама и Евы. Оно по-другому представляет себе познание нравственных, собственно правовых, законов. Оно обращается к Богу в служении и подвижничестве, чтобы получить звание Божественных установлений свыше. Вследствие этого православное право-ведение было сосредоточено в первую очередь на живом молитвенном взаимоотношении человека с Богом, на совестных актах и изучении Божественных заповедей, а не на рационалистическом и утилитарном исследовании детерминизма в природе и обществе.

Вместо того, чтобы искать Высший закон – Божественное Право в литургическом взаимоотношении человека с Богом, западноевропейская юриспруденция обратилась к рациональному исследованию природы, которое достигло кульминации в юснатурализме, либертарной юриспруденции и теории «естественного права». Русскую и западную цивилизацию долгое время разобщало различное правопонимание. Понимание Права в России было православным, одухотворенным, видевшим в Праве благодать Святого Духа. А на Западе вместе с отрицанием Бога ушло и видение Права, на его место было вознесено человеческое законодательство, обслуживающее агрессивнo-потребительскую цивилизацию. Приоритет главных жизненных ценностей и радостей русского человека был не на экономической стороне жизни, не в стяжании материальных благ, а в духовно-нравственной сфере, в стяжании Святого Духа (Права), воплощаясь в православном (Право прославляющем) правопонимании.

На Руси не было принято ставить человека в центр мира и молиться на него вместо Бога, потому что это приравнялось к идолопоклонству. Формирование в период так называемого Возрождения (возрождения язычества) культа человека как самодостаточного и совершенного существа, заслуживающего поклонения, противоречило духу и смыслу православного христианства. В период расцвета на Западе идеологии гуманизма на Руси появлялись литературно-художественные и публицистические по форме правовые памятники в виде «Слов», Поучений, Посланий, сказаний, притч, повестей и т.д.⁵³⁰, в которых Право неразрывно связывалось с Правдой и Православием. Подобная форма изложения позволяла древнерусским авторам сочетать глубину мысли с образностью и художественностью повествования.

Особое место в их ряду занимают «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона XI в., «Слово о полку Игореве», «Изборник» 1076 г., «Слово святого Феодосия, игумена Печерского монастыря» 1069 г., «Закон судный людем» (или «Кормчая книга») X в., «Русская Правда» XI в., «Поучение Владимира Мономаха» XI в.⁵³¹. Показательно, в частности, что великий князь Владимир Мономах в своем «Поучении» обращался к своим детям прежде всего как к «христианским детям». Мономах утверждал, что нравственные качества властвующих приобретают первостепенное по-

⁵³⁰ См.: Грибовский В.М. Древнерусское право: краткий обзор чтений по истории русского права. Вып. 1. Петроград, 1915; Сергеевич В. Древности русского права. Т. 1-3. СПб, 1903; Эверс И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб, 1835; Блунчли И. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. СПб, 1874.

⁵³¹ Владимирский-Буданов А. Хрестоматия по истории русского права. СПб, 1915. Т. 1; Памятники древне-русского канонического права (памятники XI-XV вв.). Т. 4-6. СПб, 1906; Малиновский И. Сборник памятников древнего русского права. Ростов-на-Дону, 1917; Калачов Н. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850.

литическое значение, что судьба Русского государства, его будущее стало в огромной мере зависеть от того, насколько нравственными окажутся в своем поведении люди, держащие в своих руках государственную власть. В «Поучении Владимира Мономаха» раскрывается мировоззрение русской цивилизации: любовь к Богу, добротолубие, трудолюбие. Труд – высшее мерило богоугодности человека. А вот в сочинениях Н. Макиавелли, одного из просветителей эпохи Возрождения, тщетно искать нравственные побуждения и высший смысл власти. Народ у Макиавелли цинично упоминается как толпа, не связанная с государем никакими духовными узами.

Если Кирилл Белозерский призывает великого князя иметь «непреложный благочестивый помысел», «возненавидеть всякую власть, влекущую ко греху» и «не величаться временной славой в суетном высокомерии»⁵³², то Н. Макиавелли учит, что чуждую власти толпу целесообразнее заставить бояться, нежели любить, «ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно»⁵³³. Язык Макиавелли абсолютно секулярен, имя Бога им не упоминается вообще.

Упор на букву закона, провозглашенный идеологами секуляризма, на практике приводит к ослаблению законопослушности, следующей за утратой понимания, что закон лишь следует моральному суждению религиозного канона, ибо подлинно правовая система изначально основана на концепции тождества греха и преступления. При искажении духовного единства между истинной верой, нравственностью и юриспруденцией закон заменяет собой мораль, хотя ею не является. В правосознание постепенно проникает принцип англосаксонской традиции (что не запрещено – дозволено).

⁵³² Библиотека литературы Древней Руси. СПб, 1999. С. 427.

⁵³³ Макиавелли Н. Государь. СПб, 1997. С. 63-65.

При анализе памятников Права Руси в древний и средневековый периоды практически все исследователи, включая критически настроенных, отмечают, что они являются продуктом религиозного сознания и традиционной для русского народа нравственности⁵³⁴. Авторы русских памятников Права были людьми искренней веры, живущими в мире православного мирозерцания.

Правовая мысль Руси отлична от западноевропейской по ряду качественных характеристик. Прежде всего ей не свойственно западноевропейское разделение религии, нравственности и юриспруденции и противопоставление их друг другу. Русская правовая мысль нацелена на целостное духовное восприятие Права без рационалистической рассеченности знания, видения и понимания. Ей чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой, главным образом, внутреннее, интуитивное познание Права, его глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а начала в образе, посредством внутренней работы духа. Религиозно-нравственная основа Права, слитность, недифференцированность целостного знания о Праве, ярко выраженная христианская доминанта, поиск абсолютных, высших оснований Права – суть качественные характеристики русской правовой мысли. Русская правовая ментальность

⁵³⁴ Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестник Московского государственного университета. Серия 7. 1996. № 9; Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб, 1895; Лешков В. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М., 1858; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888; Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб, 1910; Числов П.И. Курс истории русского права. Вып. 1-2. М., 1914; Леонтович Ф.И. История русского права. Вып. 1. Варшава, 1902; Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М., 1908; Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858.

чужда плюрализму именно потому, что доминирующее положение в ней занимают религиозность, вера в Абсолют, а Абсолют – Бог может получить отражение только во всех сферах жизни, но в одном–едином учении.

Примечательно, что законотворчество было для русского князя не правом, возвышавшим его над своим народом, а обязанностью, возложенной на него Богом. Не случайно княжеские уставы начинаются, как правило, со слов: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Содержание издаваемого князем закона должно было соответствовать духу христианской православной религии, то есть быть проникнуто милосердием и любовью. В «Повести временных лет» приводится текст Договора Руси с Византией, заключенный в правление великого князя Олега: «Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи въре и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа душа и изволения, и не владим, елико наше изволение, бытии от сущих подь рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винъ; но потщимся, елико по силь, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, грекы, исповеданием и написанием со клятвою извещаемую любовь непревратну и непостыжну. Тако же и вы, грекы, да храните таку же любовь ко княземъ нашим свѣтлым рускым и, ко всем, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну и всегда и во вся лѣта»⁵³⁵. В данных положениях основаниями Права выступают православная вера и традиционная нравственность.

Показательно, что смертная казнь в русском Праве носила исключительный характер. В «Русской Правде» смертная казнь как наказание отсутствует, вместо нее с виновного взималась тяжелая вира (штраф). Вопрос о недопустимости смертной казни был впервые поднят именно в России еще князем Владимиром Святым, который считал ее грехом перед Богом. Та же мысль проводится в «Поучении Владимира Мо-

⁵³⁵ Повесть временных лет. СПб, 1997. С. 38.

номаха», который считал, что каждый человек имеет право на тот срок жизни, который отпущен Богом, казнь же человека – грех перед Богом. Отмена смертной казни при императрице Елизавете Петровне была вполне в духе русской правовой традиции, как и редкое ее применение в XIX-начале XX в. (кроме государственных преступников). В России массовые казни известны только в правление Ивана Грозного, в течение которого погибло около 5 тыс. человек. Для сравнения следует заметить, что в Западной Европе современником Ивана Грозного французским королем Карлом IX только заживо сожжено 28 540 человек, а по велению английского короля Генриха VIII вдоль дорог было повешено более 72 тысяч нищих и бродяг. Только по приговорам католической инквизиции были казнены сотни тысяч человек. По приговору католической церкви были осуждены на смерть все жители Голландии, которых герцог Альба вырезал целыми городами. В XVIII в. один только судья Карпцоф казнил 20 тыс. человек, а Елизавета Английская приговорила к смерти 90 тыс. человек, Робеспьер за один год своего властвования подписал 17 тыс. смертных приговоров. Можно привести массу других примеров поистине варварской (по русским меркам) западноевропейской жестокости: уничтожение индейской цивилизации Америки, уничтожение негров в эпоху рабовладения, массовое уничтожение индусов, полное уничтожение северноевропейских славян. В XX в. странами Запада совершались попытки тотального уничтожения евреев, восточных славян, японцев, массовые убийства вьетнамцев, корейцев, арабов, югославов, сербов, иракцев. Про Россию никогда нельзя сказать того, что сказал Вольтер про Англию: «Ее историю должен писать палач»⁵³⁶. Вся «просвещенная» Европа была возмущена повешением пяти государственных преступников-декабристов, а немного позднее, когда в Европе в 1848 г. бы-

⁵³⁶ Вольтер. Сочинения. Т. 2. М., 1959. С. 73.

ло расстреляно 11 тыс. участников парижского восстания – европейское «общественное мнение» промолчало.

Развитие идеала милосердия в русском правосознании было связано с распространением на Руси православной христианской веры, которой соответствовал духовный уклад русского народа и его традиционная нравственность (Правда). Предписывая кары за нарушение правовых установлений, русский законодатель исходил из идеи святости человеческой жизни. При этом термины «казнь», «казнить» довольно часто употреблялись в правовых памятниках, но подразумевали они не лишение жизни, а простое телесное наказание⁵³⁷. Мигрополит Иоанн II (1080-189 гг.) в одном из наставлений разъяснил суть кары, называвшейся на Руси словом «казнь». Он рекомендовал людей, занимающихся волхованием, сначала отвращать от греха словесным увещанием, а затем, если они не послушаются, «яро казнити, но не до смерти убивати, ни обрезать сих телес»⁵³⁸.

Даже конкретное, казуистичное содержание русских памятников Права таит в себе совершенно определенное – православное – представление о Праве, законе, законности, преступлении и наказании, представление, которое вполне можно выразить в виде идей русского Права. Под Правом русский народ понимал Божественную Истину, путь к которой указывает Православие, а критериями являются Священное Писание и народная Правда (традиционная нравственность).

В Русской правовой мысли мы не найдем признаков отделения государства от церкви. Русский церковный деятель часто выступал в своих произведениях с позиций

⁵³⁷ Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли Х-ХVIII вв. М., 2003. С. 55.

⁵³⁸ Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно Русской Церкви до эпохи Петра Великого. Вып. 1-2. /Сост. Бенешевич В.Н. Петроград, 1915. С. 151-152.

государственного деятеля, отстаивая интересы великокняжеской власти, возвышая государство над церковью. На Руси христианская церковь в отличие от церкви на Западе, выступала за усиление центральной государственной власти и всячески стремилась сохранить единство государственной организации, т.к. видела в этом залог единства Руси. Государственный же деятель нередко предстал в своих трудах как церковный проповедник и смотрел на государственную власть так, как смотрит на нее священнослужитель. В этом плане примечательна беседа киевского князя Владимира с епископами. Епископы спрашивали князя, почему он не казнит разбойников, и князь ответил, что боится греха. Как видим, церковные деятели и князь здесь как бы поменялись саном – епископы говорят то, что должен был бы говорить князь, а князь изрекает то, что приличествовало бы изречь епископам. Не случайно многие русские князья получали от Русской Православной Церкви персональные звания святых, блаженных, боголюбивых, благочестивых или благоверных. Так, одним из державных первооткрывателей архетипа святой Руси – вселенского прибежища слабых – является Андрей Боголюбский. Он строил в Москве град-Церковь – прибежище тех самых нищих духом, людей не от мира сего, которые в граде-крепости типа Петербурга и в других городах рыночников-западников непременно чувствовали свое изгойство.

По мере «модернизации» Руси религиозно-нравственные основы Права трансформировались, но не исчезали совсем. Так, некоторые законодательные акты Екатерины II выливаются в настоящие проповеди христианской морали. Например, в «Уставе благочиния или полицейском», изданном 8 апреля 1782 г. «для споспешества доброму порядку» говорится: «Не чини ближнему чего сам терпеть не хочешь», «не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь», «дай кровлю неимеющему, напои жаждущего», «с

пути сошедшему указывая путь»⁵³⁹. Такого рода наказ императрица давала административному органу под названием «управа благочиния или полицейская», состоявшему из городничего, пристава уголовных дел, пристава гражданских дел и двух ратманов (членов городского совета). В статье 12 «Генерал-прокурорского Наказа при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать» Екатерина писала: «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствовании и уменьшении зла и в отвращении той беспечности, коя последует во всем правительстве от привычки и нерадения»⁵⁴⁰.

Приведем оценку историка В. Андерсона: «Россия была глубоко проникнута принципом теократического устройства государственности. Исстари государственный интерес сливался в одно нераздельное целое с интересами церкви. Самое гражданское законодательство сложилось под влиянием канонических постановлений. Государство строилось во вкусе церкви, и вопросы гражданского устройства рассматривались с точки зрения церковных приоритетов. Правовое понятие о правде и преступлении сплошь и рядом выяснялись местами Святого Писания и Правилами вселенских соборов. Сам царь смотрел на свой сан с чисто религиозной стороны, представляя себя наместником Божиим, охраняющим в подвластном ему народе веру и благочестие. Преследуя одни и те же цели, направляясь к одним и тем же идеалам, власть духовная и светская постоянно шли рука об руку, вполне искренно сочувствуя взаимным начинаниям»⁵⁴¹. Такое непонятное западноевропейскому сознанию сотрудничество духовной и

⁵³⁹ Грибовский В.М. Памятники русского законодательства XVIII столетия: Пособие при изучении истории русского права Императорского периода. 1907. С. 208.

⁵⁴⁰ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX столетий). СПб, 1909. С. 355.

⁵⁴¹ Андерсон В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения русского права. СПб, 1880. С. 278-279.

светской властей на Руси называли «симфонией Церкви и государства».

В то время как на Руси крепла симфония властей, в Европе интенсивно велась борьба за права, о которой писал Р. Йерринг. Это плотность миграционных потоков на небольшой территории Западной Европы придала западной культуре характер борьбы за права. Юрицизм западных обществ, не в последнюю очередь, явился следствием борьбы разных групп мигрантов друг с другом при невозможности их дальнейшего переселения. В это время в жизни Московского государства все строилось на идее ответственности, обязанности лица отдавать все силы во славу Божию, для пользы Отечества и нести соответствующие повинности и обязанности. Так, например, «в праве царя на распоряжение никто не сомневался, но столь же мало сомнения было и в том, что истинный, православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих. Тем более обязанным по отношению к подданным должен был считать себя не грозный, а милостивый царь, подобный милостивому Богу»⁵⁴². Деятельность органов власти на Руси, служилых людей различных сословий, боярства и крестьянства строилась на началах обязанности лиц перед Богом и Отечеством. Поэтому принадлежность к различным социальным группам не приводила к выделению сословного интереса из общегосударственного. А в странах Западной Европы, напротив, сословия видели в едином централизованном государстве препятствие в их борьбе за права и политическую свободу.

Ю. Крижанич в своем труде «Политика», написанном еще в 1663-1665 гг., так объяснял своеобразие русского правосознания: «Ведь никто не живет для себя, как говорит апостол, то есть никто не рожден для того, чтобы жить только для себя и заботиться только о своих удовольствиях. Но каждый человек

⁵⁴² Алексеев Н.Н. Право и обязанность // Русский народ и государство. М., 2000. С. 165.

должен знать какое-нибудь дело, которое будет полезным также и для всех людей. А дело, которое кто-либо делает для общего блага и с помощью которого зарабатывает или заслуживает свой хлеб называется обязанностью»⁵⁴³. Следовательно, *русское Право оберегало духовность русского народа не путем предоставления безграничной свободы, оторванной от ответственности перед Богом, государством и другими людьми, а посредством обязанностей, согласованных с Божественными заповедями. В результате русская община развилась в духовную общность.*

А вот германская община не развилась в свое время в духовную общность. То, что германские племена сложились путем завоевания, исключало действительно братскую, органическую общность, было зародышем развития, чреватого внутренней борьбой, что вело к постоянному возрастанию роли произвола и юридической условности в общественной жизни. Отсюда – необходимость усвоения «римского права» и искаженного латинского христианства в римской церкви. В конечном счете община исчезла, народ превратился в легион безправных завоевателей. Города имели больше свободы, но были чужды и враждебны деревне; в них тоже не было народа, потому что идея народа не могла никогда развиваться из «римского права», для которого существовали искони только лицо и государство.

Период «Возрождения» (Ренессанса) в Европе сменился периодом «Просвещения» – идеологией рационализма, подготовившей так называемые буржуазные (антихристианские, а не просто антимонархические) революции типа Французской. Мыслители периода «Просвещения» (Локк в Англии, Вольтер, Руссо, Монтескье, Гольбах и другие «энциклопедисты» во Франции, Лессинг, Кант в Германии и др.) брались одним разумом решить извечные духовные вопросы, но так, будто

⁵⁴³ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 278.

эти вопросы появились впервые. Христианская традиция была объявлена ими предрассудком.

Культ разума, стремление к рассудочной упорядоченности, регламентации, соразмерности породили на Западе рационалистическую юриспруденцию, в которой разум становится главным законодателем. Принцип рациональности, воплощающийся в инструменталистском подходе к правовой сфере, повлек разрастание нормативного массива и административного бюрократического аппарата при торжестве ценностей прагматизма и утилитарности. Человек тут же превратился в средство осуществления социальных экспериментов, результатом которых стало «освобождение» человека от образа Божьего и навязывание ему образа зверя.

Рационализм открывал порядок внешних отношений, не доверяя душе человека и идеалам духовности. Природа в механической картине мира приобрела облик мертвой материи, которую человек решил полностью подчинить утилитарно-паразитическим потребностям. Для Гегеля история – единый, закономерный, внутренне необходимый процесс саморазвития Идеи. Он, подобно Платону, был идеалистом, для которого «идея» являлась большей реальностью, чем мир физических ощущений. «Идеей» Гегеля, направляющей развитие человеческой истории, был разум⁵⁴⁴.

Б.Н. Чичерин воспроизводил данную позицию: «разум составляет для нас единственное орудие познания, поэтому мы во внешнем мире можем познавать только то, что соответствует внутренним его свойствам и определениям⁵⁴⁵, – писал он, – Только светская наука, основанная на разуме, свободная от религиозных пристрастий, даст объективный ответ на самые насущные проблемы бытия»⁵⁴⁶. Апостол Павел предупреж-

⁵⁴⁴ Гегель Г. Философия права. М., 2000. С. 69.

⁵⁴⁵ Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5-ти тт. Т. 4. М., 1877. С. 607-608.

⁵⁴⁶ Чичерин Б.Н. Философия права // Философия права. СПб, 1998. С. 140.

дал: «И так они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства. Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1,28-32).

Благодаря новому подходу сложилось научное объяснение законов как незыблемых принципов, управляющих физическим миром. Вопрос об их источнике или происхождении был отделен от вопроса об их существовании и действии. В результате произошло отделение науки от теологии, и природа была определена как объект беспощадной эксплуатации. Познавший все законы мира человек рассчитывал управлять этим миром по собственному желанию. Именно поэтому, начиная с XVII в., одними из важнейших тенденций в развитии западной юридической мысли стали рационализм и эмпиризм, объединенные уже в XVIII в. в русле «просветительской» идеологии, которая, в свою очередь, породила материализм и атеизм.

Антидуховным процессам, протекающим в Европе и Америке в XVIII в., потребовалось, чтобы среди человеческих ценностей была возвышена юриспруденция, удобная для новой, либеральной эпохи. Господства юснатуралистской юриспруденции «требуется сам разум», притом «чистый, а *prigori* законодательный разум», не принимающий в соображение ни одной из религиозно-нравственных целей⁵⁴⁷. Рассудочность взяла верх над целостностью духа. При рассудочности же

⁵⁴⁷ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М., 1994. С. 283.

обостренный анализ подавляет активность синтеза, единственного живого и действенного начала.

Православные мыслители обращали внимание прежде всего на религиозно-мистические способы постижения Права, ибо в Православии считается, что понимание Божественных истин доступно «чистому сердцу», но не разуму. Главным понятием русской философии Права с древних времен является душа и связанные с ней духовно-нравственные категории. Русская правовая мысль – это прежде всего духовная философия, наука о духовном, о связи человеческого духа с духом Божиим.

Западные юристы утверждали, что их дело может делаться помимо какой бы то ни было религии вообще, значит, и помимо христианства. Гуго Гроций уверял, что так называемое «естественное право» существует и может существовать, если даже сделать преступное предположение, что Бога нет. Лейбниц утверждал, что как атеист может быть геометром, так он может быть и юристом. И. Бентам учил, что религиозный авторитет вообще не может считаться достаточным основанием для юриспруденции. Современные западные юристы уже гордятся тем, что они освободились не только от религии, но и от полноценной этики, которой не суждено быть безрелигиозной.

Организация общества в эпоху «Просвещения» достигалась уже не верой, а, наоборот, выходом государства из религиозной сферы. Это отход от христианской веры к «объективному разуму». Пропаганда «просветителями» научного знания, открытое воспевание человеческой свободы чрезвычайно раскрепостили человеческую личность. Результатом такого мировосприятия стало все более ширящееся убеждение людей в их способности жить без Бога, более того, устраивать жизнь лучше Бога. Отказ от понимания мира как Божественного Творения означал и отказ от вечных и Выс-

ших истин. Если нет Бога с Его законами, то человек должен сам устанавливать свои законы, сам решать, как ему жить.

Исторический же опыт свидетельствует, что отказ от Высших, Божественных истин, всегда приводит человека не к счастью, но к торжеству самопроизвола, росту преступных деяний в обществе, культу пороков и идолопоклонству. Рационалистическое мышление заставляло в XVIII в. искать в любом деле прежде всего «пользу», удовольствий, наслаждений. Из одухотворенного и воцерковленного человека, обладающего живой связью с Богом-Творцом и Спасителем, целенаправленно делали низшее существо, которым можно легко манипулировать, разжигая его пороки.

Юридическая мысль Нового времени поняла свободу как индивидуализм, как формальное право каждого человека на самоопределение. Сама эпоха Нового времени была понята как освобождение. Но освобождение от чего? Н.А. Бердяев писал: «Нельзя освободить человека во имя свободы человека, не может быть сам человек целью человека. Так упираемся мы в совершенную пустоту. Человек лишается всякого содержания, ему не к чему восходить»⁵⁴⁸. Свобода человека оказывается совершенно формальной и безсодержательной свободой. Освобождение людей происходило, по сути, от Бога. Это становилось возможным благодаря гуманистическому индивидуализму, означавшему буржуазный эгоизм итальянских, французских, немецких и английских горожан. *Возрождение античных и языческих идеалов давало приемлемую базу для атеистической пропаганды и подмены правоправления законоведением. Стремление самостоятельно контролировать воспроизводство вечных абсолютов и управлять «матрицей» культуры приводит человека к замещению Божественных истин вполне человеческим нормативным знанием.*

⁵⁴⁸ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1991. С. 15-16.

В наши дни можно определенно констатировать, что после ниспровержения Божьих заповедей и религиозно-нравственных святынь человеку так и не удалось устроиться на земле без Бога одною лишь силой ограниченного человеческого рассудка. Действительным идеалом общественной жизни является соборное единство, пронизанное началом христианской любви и стремлением к Богу, ибо только через путь к Богу в человеке открывается путь к ближнему. Таково условие подлинного правового порядка в человеческом обществе. Внутреннего преображения личности на началах Любви, Добра и Красоты можно ожидать не от сотен и тысяч юридических актов, а от осознания ею Высших религиозно-нравственных абсолютов.

Не политическое или хозяйственное единение является основой государственного единства, но правовая культура, идеалы Любви, Добра и Красоты, духовные святыни. Путь автономизации личности и атеизма привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь, включая Право. «Правовое государство» высшей своей целью ставит свободу, но признать это люди могут только глубоко осознав отношение свободы к высшим ценностям жизни, осознав свободу как проводник благодатных сил.

Юснатурализм и юридический позитивизм объясняли правовые явления и процессы без Бога. С.Н. Булгаков восторженно писал об этом: «Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, т.е. просветительство, материализм, атеизм»⁵⁴⁹. И только Русская Православная Церковь в эти богоборческие годы была не только собирательницей русских земель, вдохновительницей державного могущества России перед лицом многочисленных агрессоров, но и хранительницей духовных устоев русского народа. Именно благотворным влиянием Церкви в нашей стране поддерживалось действие

⁵⁴⁹ Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 41.

Права, в то время как рационалистическая юриспруденция уже господствовала во всех странах Запада.

Новгородская и Псковская Судные грамоты, «Судебник» 1497 г. и «Стоглав» 1551г., «Домострой», «Соборное Уложение» 1649 г. и другие правовые памятники России рассматриваемого периода имели религиозно-мистическое обоснование и целостность. В них затрагивались вопросы не только государственные, общественные, но и церковные. *Государственная поддержка Церкви в виде издания верховной властью соответствующих правовых актов являлось естественным следствием воцерковления Русского государства и пребывания русского правосознания в своей нравственной купели – Православии.*

Кодекс правил семейной жизни, домашних обычаев, традиций русского хозяйствования «Домострой» был составлен известным церковным и государственным деятелем священником Сильвестром. Этот памятник Права был завершен в XVI столетии и уже в XIX в. подвергся остракизму со стороны отечественной юридической интеллигенции за христианские категории греховности и праведности семейной и хозяйственной жизни. Понятие «домострой» получило нарицательную окраску, он стал синонимом жестокости семейных устоев. Благодаря невежеству тех, кто не читал «Домостроя», этот миф со временем прочно укрепился в массовом сознании. Критики «Домостроя» ставили перед собой, как минимум, две задачи – разрушить Традицию и институт семьи как духовную общность любящих людей.

В ныне доступном для широкого читателя тексте «Домостроя» можно прочесть такие наставления: «берегись от пустозвонных бесед, воровства и блуда, и лжи, и клеветы, и зависти, и всякого несправедного собрания и ростовщичества, и корчмы, и мыта, и всякого лукавства не любить, и не гневаться ни на кого, и не помнить зла, и разбоя, и грабления, и всякого

насилия и несправедного суда не творить»⁵⁵⁰. «Домострой» состоит из трех частей: об отношении русского человека к Церкви и царской власти; о внутрисемейном устройении; об организации и ведении домашнего хозяйства. В «Домострое» отразилось благодатное состояние русского общества. Этот свод советов и правил поражает почти неправдоподобной одухотворенностью даже мельчайших бытовых деталей. «Домострой» не просто сборник наставлений – перед читателями разворачивается грандиозная картина идеально воцерковленного семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, любовь к царю, Отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения.

«Если Бог пошлет на кого болезнь или какую скорбь, то врачеваться Божьей милостью да слезами и молитвою, и постом, и милостынею нищим да истинным покаянием; да благодарение и прощение иметь, и милосердие, и нелицемерную любовь ко всякому. Ежели кого чем обидел, отдать вдвойне и впредь не обижать», – говорится в «Домострое»⁵⁵¹.

Положение женщины в русском обществе было не приниженым, а соответствующим христианскому пониманию ее как домодержницы и хранительницы семейного очага. Для младших членов большого семейного коллектива она – мать, что имело священное значение в русском сознании. Приниженное положение женщины характерно для Запада, где с эпохи так называемого Возрождения осуществляется эстетизация чувственного начала женщины и всего того, что в понятиях Святой Руси считалось греховным. Запад отказывается от христианского отношения к женщине и начинает видеть в ней преимущественно любовницу или своего рода механизм для получения удовольствия, имеющий денежную ценность.

⁵⁵⁰ Домострой. СПб, 1992. С. 26.

⁵⁵¹ Домострой. СПб, 1992. С. 14.

Выпадение женщины из христианского правопорядка, освобождение ее от заповедей Бога в корне изменило всю человеческую жизнь, сделав ее игрой мелких страстей и гедонистических увлечений.

За грехи колдунов и чародеев в Европе сжигали на кострах инквизиции, а на Руси на них лишь налагали епитимьи. Пока в XVI в. в Европе пылали костры, на которых горели живьем сотни ведьм, православные пастыри заставляли своих грешников только бить покаянные поклоны. Многие подлинно духовные факторы свидетельствовали о том, что в России был действительный рост просвещения. Так, «Азбука» Василия Бурцева, напечатанная в 1651 г. тиражом в 2400 экземпляров была распродана в Москве за один день⁵⁵².

Православная вера неизменно оказывала самое непосредственное и всестороннее влияние на многие стороны исторического бытия русского и других народов, издавна населявших огромные пространства России. Православие представляло собой суть и движущую силу русской национальной, в том числе правовой, культуры. Столь великая роль Православной церкви в формировании русской державы вызвала безудержное сопротивление со стороны все более набиравших силу богоборческих идей и движений. Христианские общества Европы, отрекшиеся от Христа, не имели иной перспективы кроме революции.

Функционирование антитрадиционалистских и антисистемных движений представляет собой главный способ воздействия древнейшего мятежа дьявола против Бога на всемирный исторический процесс. Два основных мотива борьбы с Традицией – искажение и разрушение. Право выбора даровано любому народу Творцом. Антисистемы неизменно работают в направлении сужения диапазона, в котором

⁵⁵² Сахаров А.М. Развитие Русского централизованного государства. М., 1969. С. 207.

можно выбирать, а то и уничтожения самой возможности выбора в пользу «единственно полезного» социального рецепта.

Культура освобождалась от опеки духовенства и становилась секуляризованной. Корни веры, нравственности и правосознания стали слабеть и отмирать. Люди охладели к духовному опыту и переставали ощущать Божественное в себе и в мире и укреплялись в доверии к рассудку, к естествознанию и технике. Человеческий горизонт все меньше захватывал глубину души и духа, а значит, утратил истинное правопонимание.

Размывание сверхценностей и борьба с Традицией велись по всему фронту в XVIII и особенно в XIX столетиях и их пафос был прежде всего антиправовым, богоборческим. Наносился массированный удар по иерархическому устройству традиционных обществ, подвергались травле религия и нравственность, которые составляют духовные основания Права. Светская философия создала необходимый концептуальный багаж для либерализма с его учением об «общественном договоре» «суверенных личностей», теорией «правового государства» и «естественных прав человека», подменяющих богоданную иерархию ценностей и общественных связей. Все это стало мировоззренческим фундаментом французской революции, выступившей под идейным заклинанием «свобода, равенство, братство». Но главными задачами были отделение церкви от государства, секуляризация общественного сознания, свобода экономического демонизма, примат материального над духовным.

Если устремлениями христиан были Бог и святость Божественной истины, то либеральные мыслители ставили на их место абстрактного человека. Христиане ищут того, что благо; либералы – того, что удобно. Стремясь к благу, христиане отвечают вечной истине, поэтому их нравственность истинна. Стремясь к более удобному, либералы удовлетворяют «Я» и эгоизм. Поэтому их нравственность эвдемонистична. Соглас-

но их учению, счастье – цель деятельности человека. Творцы революционных катастроф вооружаются укоренившимися в человеческом сознании духовными ценностями и последовательно лишают их духовного содержания. Именно так был подменен духовный, священный смысл Права на законническую трактовку – «система общеобязательных норм поведения». И многие нынешние принципы «права», хотя формально вроде бы «правильны», вроде бы провозглашают самые богоугодные идеи, тем не менее остаются в отрыве от своего Источника.

«Когда формулу «свобода, равенство, братство» захотели обратить в обязательный закон для общественного быта, когда из нее захотели сделать формальное право, связующее народ внутри себя и с правительством во внешних отношениях, когда ее возвели в какую-то новую религию для народов и правителей – она оказалась роковой ложью, и идеальный закон любви, мира и терпимости, сведенный на почву внешней законности, явился законом насилия, раздора и фанатизма», – писал выдающийся русский правовед К.П. Победоносцев⁵⁵³. Лукавство данного либерального лозунга легко распознать: в природе нет равенства – она бесконечно разнообразна и строго иерархична; нет и абсолютной свободы, ограниченной взаимозависимостью и закономерной упорядоченностью явлений; нет бесодержательного братства – ибо нравственное чувство человека всегда избирательно.

За эти лукавые лозунги человечество принесло гигантские жертвы. В ходе Английской буржуазной революции в 1648-1689 гг. из 5 млн населения погибло примерно двадцать процентов, в Ирландии – каждый третий. В ходе Великой французской революции 1789-1794 гг. погибло 4 млн человек или 40 процентов населения Франции. В 1861-1864 гг. в ходе Гражданской войны в США погибло 1,5 млн человек или 5 процентов населения. За период Октябрьской революции и

⁵⁵³ Победоносцев К.П. Избранные труды. СПб, 2004. С. 254.

гражданской войны в России 1917-1922 гг. погибло 13 млн человек или 8 процентов населения.

В юридической науке XVIII в. преобладало формальное направление с сильным антропологическим акцентом. В Пове видели внешний порядок человеческих отношений. Функцией Пова признавалось отмежевание каждому индивиду неприкосновенной сферы, где бы свободно могла проявляться его автономная воля⁵⁵⁴. Ученые-юристы интенсивно освобождали Пво от ореола божественности. В XVIII в. к юснатуралистам присоединилась школа И. Бентама, получившая название «юридического позитивизма» – их объединяло формалистичное отношение к правовой сфере, отрицание религиозно-нравственных христианских Абсолютов, поверхность подходов.

Американская ученая-юрист Д. Бербанк в недавней публикации указывает: «правовая культура не может возникнуть из одних только нормативов: она зарождается лишь на основе длительного опыта взаимодействия с институтом суда, посредством которого люди узнают, что право может служить их интересам – как личным, так и общественным»⁵⁵⁵. Отметим, что у русских никогда не было правовой культуры, Д. Бербанк совершила еще одну существенную ошибку – уподобила Пво средству обслуживания человеческих интересов и повторила идею социологической юриспруденции о том, что Пво может возникнуть только в процессе судопроизводства. Подобные наставления западных коллег несостоятельны по существу и чреваты вредными последствиями при практическом воплощении. Юриспруденция Запада развивалась как

⁵⁵⁴ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб, 1895. С. 89; Коркунов Н.М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Ч. 1. СПб, 1906. С. 372.

⁵⁵⁵ Бербанк Д. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика. Самара, 2000. С. 298.

торжество закона и законнической идеологии, а не как Право благодати Святого Духа.

Поддавшись давлению западной юриспруденции, отечественные правоведы превратились в законоведов и редко уже выходили из узких рамок трактовки положений существующих законодательных и судебных актов. Немногие из них брались за создание философии Права, но подражательное и зависимое от западных юридических идей «мифотворчество» мешало им осмыслить и удержать понимание религиозно-нравственных основ русского Права – духовного явления, явившегося самым крупным опытом человечества в построении социального порядка, совершенствования человеческой личности и полноценного Богообщения.

Русская идея Права – это, прежде всего, идея Любви. Главное в жизни есть любовь и именно любовью строится совместная жизнь на земле. Эту идею русская душа издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и милосердию, восприняла в незапамятные времена и укрепила в православном христианстве; она отозвалась на Божие благовестие, на Божьи заповеди и уверовала, что «Бог есть любовь». В лице православной России Запад имеет неудобное доказательство того, что Просвещению не обязательно быть высокомерным и нетерпимым – выразить безчеловечную неумолимость закона – оно может вмещать в себя идеалы Любви, Добра и Красоты. В лице России Запад имеет и доказательство того, что Просвещению не обязательно воплощать формализм нормативного порядка; оно может вмещать в себя неформальную отзывчивость на непредусмотренные случаи, явочным порядком о себе заявляющие.

Богоборческие по сути начала, на которых строилась юриспруденция Нового и Новейшего времен, привели правосознание человеческого общества к кризису. Эти начала – господство формальных принципов и формального закона;

превращение юристов в новое «духовенство» общества; секуляризация правовой сферы, утрата религиозно-нравственных оснований Права; забвение духовных святынь и традиций. В настоящее время среди ведущих стран мира нет ни одной, которая полностью находилась бы в русле духовной Традиции, а те немногие, которые находят в себе силы Традицию защищать, находятся на обочине мирового цивилизационного процесса.

А к началу XVIII века исторический путь России определялся именно духовной Традицией – Православием. Казалось, Россия уже нашла ответы на все коренные вопросы, которые предложила ей история. России было ясно, куда она должна двигаться и главное, зачем она существует на земле – во имя духовного спасения мира. Но оказалось, что миру не нужно духовное спасение, ведь земная жизнь, наполненная неисчислимыми удовольствиями, намного «прелестнее». А вот в овладении материальными благами Россия за Европой не поспевала и отстала от общего европейского технического прогресса. Без развитых экономических отношений и сильной армии Россия могла погибнуть от натиска новых завоевателей. Поэтому стремление правителей России к земному благополучию державы вступило в некоторое противоречие с вековым устремлением народа в Вечность, в душу русского народа был посеян великий раскол между земным и небесным.

Через переводные работы иностранных мыслителей и труды Феофана Прокоповича, В.Н. Татищева, А.Д. Кантемира рационализм и теория «естественного права» проникали в русскую правовую мысль. С этого момента светское правовопонимание начало активно вытеснять исконное православное понимание Права и саму русскую религиозность. Светская культура взяла на себя право заявить о себе, как о единственно истинной культуре, ибо она строилась на естественнонаучных и материалистических основаниях. Настоящие рос-

сийские правоведы этого периода использовали лишь формы светской юриспруденции, но смысловое содержание их произведений было глубоко традиционным и православным. Подлинными охранителями Права с помощью новых форм пытались нести в мир вечные христианские истины, причем в том преломлении, как их понимала и осмысливала русская душа. И в этом выражалась их борьба, их стояние за Православную истину, которую вела Россия в продолжение всей своей истории.

В глубинах русского национального самосознания зрело все более ясное понимание грядущих опасностей. Это понимание вызывало к жизни сопротивление, которым народ пытался воспрепятствовать эрозии традиционных ценностей своей жизни. Патриарх Иосиф говорил: «У каждой страны свои законы и отчина. Не приходит одна к другой, но всякая своих обычаев держится; а мы осквернились в беззакониях разных стран, перенявши у них злые обычаи»⁵⁵⁶. Россия оказалась перед необходимостью освоения нового пласта культуры, до этого времени практически не развитой – светской культуры. Попытки распространения светского знания и образования были в России столь радикальными, что вызвали резкое неприятие во многих кругах русского общества, ибо в этом не без оснований виделось проникновение «латинства», а значит и еретичества в единственную в мире сохранившуюся православную страну. Ведь задача сохранения истинного Православия продолжала оставаться, как самая главная целевая и смысловая установка существования России.

Традиционное общество рассматривает историю как последовательно разворачивающееся отпадение человека от Божественных истин, как процесс апостасии и грехопадения, движение к Страшному суду. Антисистемные, богоборческие силы отстаивают нечто противоположное, а именно – прогрессивное движение вперед, эволюционное, а лучше всего –

⁵⁵⁶ Россия перед вторым пришествием. М., 2004. Т. 1. С. 131.

революционное, что, в сущности, ведет к одному и тому же длительному отпадению от Вечного Бога и апостасии. Став пленником материального мира и окружающих апостасийных сил, агент влияния темных сил вынужден быть скорее поборником безудержного развития, чем консерватором и сторонником Традиции.

Адепты прогресса создали профаническую философию и профаническую науку, которые господствуют ныне, основанные на полном отрицании подлинного интеллекта, на сведении знания к его самым низшим уровням – эмпирическому и аналитическому изучению фактов, не связанных с Принципом, на растворении в бесконечном количестве малозначительных деталей, на накоплении необоснованных гипотез, разрушающих друг друга, и на фрагментарных точках зрения, не способных привести ни к чему иному, кроме как к узко практическому использованию. Исключительная озабоченность практической стороной дела в ущерб всем другим придала современной юриспруденции примитивный характер, сделав ее воистину чудовищной. Поверхностный подход, игнорирование целостного восприятия и ментальности народа, простое незнание предмета – все это делает множество монографий о Праве решительно бесполезными. Нередко в них исподволь, незаметно, авторы проводят идеи контртрадиции, духовности наизнанку. А в это время силы дезорганизации занимаются демонтажем все тех институтов, которые всегда служили опорами духа: семьи, церкви, школы, государства.

Начиная с М.М. Щербатова и А.Н. Радищева, в XVIII в. в России закладывается тенденция возведения вольности в ранг самого ценного общественного достояния и неприятия православной системы воспитания, религиозно-нравственных основ семейной и хозяйственной жизни, самодержавной власти. Служение Богу как высшая ценность, обеспечивающая спасение, было по существу заменено служением царю и Отечеству

при Петре Великом (соответственно спасение как главная цель жизни была потеснена стремлением к мирскому благу). Царь Петр привил православному русскому народу протестантизма, имевший в себе самом огромный соблазн, но этому соблазну поддавалась, как показала история, в основном правящая верхушка и нарождающаяся интеллигенция.

Протестантизм привлекателен тем, что будто бы возвышает человеческую личность, т.к. дает перевес разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал. Поэтому протестантизм сделался основой, на которой всюду стали распространяться тайные сатанинские общества типа масонства, сектантство, гуманизм, социализм, нигилизм и т.п. Именно с Петра I и начинается великий и подлинный русский раскол. Не требуя формального отречения от Православия, петровская реформа нанесла серьезный удар по всецелому и всеобщему церковному сознанию русских людей и тем самым толкала их на путь неверности Православию. Люди петровской формации в целом были чужды идеалов Святой Руси, включая идею Права. Именно по этой причине царь Петр лично взялся за составление необозримого количества законов и указов, игнорируя религиозно-нравственную доминанту Права. Законодательство той поры отражало стремление царя-реформатора урегулировать все стороны общественной жизни. Он устанавливал своими указами правила ношения одежды, строительства и ремонта домов, способы ткания полотна, обработки шерсти, сбора урожая, строительства кораблей и т.д.

Петру Великому удалось повредить некоторые защитные механизмы православной России, но разрушить их полностью не удалось ни тогда, ни позднее. С тех пор в России сосуществуют две культуры – традиционная, соборная православного народа и модернистская, индивидуалистическая «просвещенной» безбожной «элиты» из числа коррумпированных чиновников и беспочвенной интеллигенции. У Рус-

ского государства была отнята великая мессианская идея, у Православной Церкви – имущество, но у русского народа остались идеалы Права – православные идеалы Истины (Любви), Добра и Красоты. В глубинах русского правосознания сохранилось традиционное правопонимание и основанное на нем отношение к Праву и закону, ПРАВОсудию и уПРАВлению, ПРАВОмерному и противопРАВному поведению.

Впрочем, и самому Петру I с его пристрастием к букве закона (законодательство петровской эпохи носило избыточный и всеобъемлющий характер) не удалось порвать с традиционной основой самоорганизации русского общества. Глава 1 «Воинских артикулов» Петра начинается со слов: «Хотя всем вообще и каждому Христианину без изъятия надлежит христиански и честно жить, и не в лицемерном страхе Божии содержать себя: однако же сие солдаты и воинские люди с вящшею ревностию уважать и внимать имеют; понеже оных Бог в такое состояние определил, в котором оные часто бывають, что ни единого часа обнадежены суть, чтоб они наивыщим опасностям живота в службе Государя своего подвержены не были. И понеже всякое благословение, победа и благополучие, от единого Бога всемогущаго, яко от истиннаго. Начала всего блага, и праведнаго Победодавца происходит, и Оному токмо молитися и на Него надежду полагати надлежит, и тако сие наипаче всего иметь во всех делах и предприятиях, и всегда благо содержать»⁵⁵⁷.

Русская правовая культура и в XVIII в. продолжала сохранять свою самобытность⁵⁵⁸. По словам Д.А. Хомякова, «к счастью, простой народ спас Россию от заражения чужеродными идеями. Если бы народ оценил Петра и пошел за ним, то Рос-

⁵⁵⁷ Воинские артикулы Петра I. М., 1960. С. 8-9.

⁵⁵⁸ См. об этом: Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб, 1896; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX столетий). СПб, 1909.

сии–русской и православной наступил бы давно конец»⁵⁵⁹. В этом смысле особенно примечательным явлением выступают произведения И.Т. Посошкова. Их содержание показывает, что правоведение развивалось в рассматриваемый период главным образом на основе усвоения богатейшего исторического опыта Руси. В трудах отечественных правоведов идеи иностранных философов-«просветителей» еще не имели самостоятельного значения и использовались в качестве аргументов при обосновании собственных выводов.

Хотя деление на века представляет собой нечто условное, однако каждый век носит на себе яркую печать индивидуальности, отличающую его от других. Такую же печать носит и век XIX, который в религиозно-нравственном отношении резко отличается от предшествовавшего ему века и притом в благоприятном для Права и Православия смысле. Восемнадцатый век в сущности был веком бурного отрицания подлинно правовых начал общественной жизни и своими идеями, выработанными на почве поверхностного «Просвещения», потрясал все основы и духовной, и материальной жизни. Действительность показала, что основы человеческой жизни, укрепленные Традицией, не так легко разрушимы и поэтому неизбежно должна была наступить реакция, которая началась в самом начале XIX века и придала основной тон всей его истории.

В 1832 г. в России было провозглашено официально (сформулировано царем Николаем I при назначении С.С. Уварова министром народного просвещения), что основы русского государственного строя состоят из трех элементов: Православия, Самодержавия и Народности. Эта формула констатировала тот исторический и духовный факт, что русский народ в области веры живет Православием, в области государственной – держится самодержавия, а в области быта кре-

⁵⁵⁹ Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. Минск, 1997. С. 126.

пок своей народностью. Наши предки издревле, идя на войну, сражались за Веру, Царя и Отечество. В понятной форме была выражена некая внутренняя основа, которая всеми чувствовалась, ощущалась и не нуждалась в специальном обосновании.

Непосредственные юридические последствия данной тройственной формулы были таковы. Царь, будучи самодержцем, тем не менее, никогда не вмешивался в дела крестьянской общины, которые регулировались крестьянской Правдой, он воздерживался от вторжения в дела окраинных городов, если только они не приобретали угрожающего характера⁵⁶⁰. Самодержавие в России не имело ничего общего с западноевропейским абсолютизмом, поскольку было ограничено традицией и народным преданием. Царь был связан пределами народного понимания Права и рамками отечественного правосознания, при которых он опасался нарушать традиционный государственный порядок и гневить Бога и народ.

Формулой «Православие–Самодержавие–Народность» была впервые официально выражена так называемая Русская идея как явление русского национального сознания, результат осознания русским обществом своей культурной идентичности и реакция отечественной общественной мысли России на вызовы западноевропейской, индустриально-технологической цивилизации. В этом смысле «Русская идея» олицетворяла собой процесс самосознания русского народа в новых исторических условиях.

Последующая история Права в России свидетельствует о громадной значимости русской национальной идеи;

⁵⁶⁰ Подробнее об этом: Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 101; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 130-134; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 243-291; Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2005. С. 17-19; Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 19-28; Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 71-82.

именно ослабление чувства национальной идеи приводило к ниспровержению вековых устоев народной жизни, разрушению российской государственности и отрицанию подлинно правовых начал. В 1837 г. в отчете о деятельности вверенного ему министерства народного просвещения С.С. Уваров раскрывал сущность «Русской идеи»: «При оживлении всех умственных сил охранять их течение в границах безопасного благоустройства, внушить юношеству, что на всех степенях общественной жизни умственное совершенствование без совершенствования нравственного – мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого и необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому; потом обнять верным взглядом огромное поприще, открытое перед любезным Отечеством, оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав Империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии «Православия, Самодержавия и Народности»⁵⁶¹.

Этот идеал восстановил духовную связь России с собственным прошлым, утерянным было в XVIII в., и связал настоящее и будущее России с ее духовно-историческими корнями. К XIX столетию русский народ сумел одолеть все смуты и сохранить идеалы нестяжательства и милосердия, смирения и жертвенности. Вплоть до последней четверти де-

⁵⁶¹ Цит. по: Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. СПб. 1992. С. 12.

вятнадцатого века западноевропейская теория юриспруденции оставалась в целом чуждой для русского общества. *Духовные механизмы самозащиты христианской государственности, включавшие русское правосознание, соборность, православную веру и др., несмотря ни на что обеспечивали регенерацию Святой Руси, сохранение всенародного общенационального единства, мировоззренческой целостности общества и его нравственно-религиозного здоровья.*

Наполеоновское нашествие Отцы Русской Церкви трактовали, как наказание Руси Западом за преклонение русской знати перед всем западным, отчего «презрели даже свой родной русский язык. Зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог ее помиловал. И если не опомнимся окончательно, может быть, опять пошлет на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему»⁵⁶².

В XIX в. в Европе расцвела абстрактная и формальная юриспруденция, которая считалась только с позитивным законодательством, и не хотела слышать о «естественном». Расцвету формальной юриспруденции предшествовали хаос буржуазных революций и разлагающееся правосознание. В России высший класс жил по типу западного образа жизни, крестьянство же жило в условиях предшествующей эпохи⁵⁶³. *Если ранее специфика русского менталитета строилась по принципу нравственно-религиозной, то есть правовой, обязанности, то после предоставления вольностей дворянству оно выпало из этого правового единства. Освобождая помещиков от служилой повинности, Верховная власть должна была ради соблюдения правовой меры освободить и крестьян*

⁵⁶² Свт. Феофан Затворник. О вере и спасении. М., 2002. С. 90.

⁵⁶³ Леонтьев А. А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб, 1914. С. 134.

из их крепостного состояния, на которое их обрекла политика Петра I. В результате катастрофически разрасталось отчуждение между двумя основными общественными сословиями, росла пропасть взаимного недоверия и непонимания, углублялись различия в культуре, мировоззрении, быте и правосознании. С этих пор уровень правовой культуры низов общества оказывается выше правовой культуры элиты российского общества. Зараженность правящей верхушки прозападными идеями дошла до того, что среди дворянства и аристократической знати, включая великих князей династии Романовых, было много лиц, симпатизирующих революции. По вышеизложенным причинам в России происходит разрастание ставшей «притчей во языцех» российской бюрократии, основные черты которой не идут ни в какое сравнение с характером деятельности администрации Киевской и Московской Руси.

«С Петра I, – писал видный русский социолог П.Л. Лавров, – московское служивое сословие преобразовалось в чиновничество по внешнему европейскому образцу. Для русского крестьянства этот служивый класс все решительнее закрывался с дальнейшим ходом истории. Крестьянство все более отделялось от господствующего класса не только экономическими интересами, но самыми формами культуры»⁵⁶⁴. Как и в начальный период европеизации Руси западному влиянию противостоял патриархальный церковно-православный уклад, пронизывающий всю жизнь русского народа.

В XIX столетии поворот от духовного к материальному, от религиозного к техническому продолжался благодаря промышленной революции. Многоликий процесс культурного творчества, приведший к возникновению множества уникальных культурно-исторических типов, с наступлением про-

⁵⁶⁴ Лавров П.Л. Историческое обозрение источников законодательства о крестьянстве. СПб, 1906. С. 112.

мышленной революции унифицируется, человечество выходит на единую «столбовую дорожку» прогресса, теперь уже прогресса научно-технического. С этого времени ожесточается преимущественная реализация воли к могуществу, к власти над природой и социумом, воли к комфортному существованию, к собственности. От самосовершенствования и преобразования себя человек переходит к активному совершенствованию и преобразованию окружающего. Люди не хотели слышать, что все имеющее отношение к духу находится исключительно выше рассудочного сознания. Стяжание Права как благодати Святого Духа, совестливое переживание происходящего, нелегкая духовная работа над собой стали уделом отнюдь не большинства.

Пропаганда тут же объявила эпоху подъема христианской духовной культуры периодом упадка и мракобесия. Материальные запросы становились все более значимым и определяющим фактором поведения. *Погоня за материальным успехом предполагала большего динамизма и безграничной свободы. Увеличение социальной мобильности требовало избавляться от всего, что этому мешало, от всяких сдерживающих незыблемых Абсолютов, а значит, от религии, нравственности и, конечно, Права. На их место пришла лояльная к конъюнктуре прогресса юриспруденция, готовая обслужить любой расклад сил и любой социальный заказ.*

Нельзя называть христианской цивилизацию, в основе которой лежит исключительно материальная ориентация. Промышленная революция сопровождалась спекулятивно-ростовщическими технологиями, ставящими в центр экономической жизни уже не предприятие, а банк⁵⁶⁵. Оппонентами спекуляций с ценными бумагами, способных в считанные часы экспроприировать сбережения сотен миллионов людей в самых отдаленных уголках мира, со времен Средневековья были христианская мораль, национальный суверенитет и со-

⁵⁶⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1993. С. 80.

циальное государство. Вот почему банковский капитал выступил в авангарде борьбы с христианством и его «пережитками в сознании людей».

Н.С. Трубецкой отмечает: «европейская цивилизация производит небывалое опустошение в душах европеизированных народов, в то же время непомерное пробуждение жадности к земным благам и греховной гордыни являются верными спутниками этой цивилизации»⁵⁶⁶. Верящий в истинного Бога человек имеет надежные духовно-нравственные механизмы, с помощью которых он держал безсознательные глубины в повиновении. Как только протестантизм и нигилизм расшатали веру в эти спасительные механизмы, началась эра подлинного мракобесия. Такого количества душевнобольных людей мир еще не знал. Неожиданно поднявшийся в сознание безсознательный архетип мгновенно разрушает личность и подавляет ее остатки, превращая человека в игрушку в руках невидимых сил. Уникальные религиозно-нравственные механизмы, отделяющие людей от адских бездн, не «срабатывают» в отношении богоборцев, атеистов и им подобных заблудших людей. Тогда эти люди обретают поистине звериные повадки, которые в полной мере раскрываются в условиях либеральной рыночной экономики, когда на смену религии, нравственности и Праву приходят клише, отворяющие адские врата коллективной психики и самые темные инстинкты выпускаются на свободу. Распространение на современном Западе института семейных психотерапевтов и количество обращений за психиатрической помощью свидетельствуют о духовном распаде западного образа жизни.

Утилитарный интерес, основанный на автономной этике, напрочь убивает духовный облик человека и гарантирует свободу в грехопадении. Все становится подверженным сиюминутной выгоде, личному интересу. «Нам говорят, – пишет А.Д.Градовский, – что торговля должна объединить мир, что

⁵⁶⁶ История философии права. СПб, 1998. С. 224.

промышленные интересы свяжут человечество сильнее всяких нравственных уз. Средневековый человек постыдился бы говорить это. Он сознавал, что он связан с другими нациями духовными узами, и связь эта едва ли не крепче, чем все торговые контракты, которыми так гордится наше время»⁵⁶⁷. *Снятие запрета с противоборства людей, нещадно конкурирующих друг с другом, характерно для далеко зашедшей стадии разложения общества. Тогда постоянно требуется государственное насилие, в котором ищут спасения от хаоса. Так западное «правовое государство», по сути, оказывается полицейским.*

Государство, отказавшееся от божественно-нравственного достоинства, утрачивает духовное отношение к жизни и не может признаваться правовым. Западное «правовое государство» не заглушает индивидуальный эгоизм, а развивает его до высших пределов, не объединяет людей, а обезличивает их. Вера в прогресс порождает в обществе разрушительный регресс, когда люди рушат все органичные формы социальной жизни и создают ничто. И само понимание прогресса, как и многих других явлений, извращено. Ведь сама сущность человека как главного элемента истории предполагает приоритет духовных ценностей. И если говорить о прогрессе, то таковым нужно признать прежде всего духовное совершенствование общества и человека, выраженное в укреплении религиозных и нравственных основ бытия.

Правосознание русского народа в XIX в. еще обладало духовной цельностью – неразрывностью веры, нравственности и юриспруденции; добротолубием – критерием правомерного образа жизни; нестяжательством – преобладанием духовно-нравственных мотивов жизни; соборностью – любовью к Традиции; богоцентричностью – устремленностью к Божественным идеалам Любви, Добра

⁵⁶⁷ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб, 1895. С. 67.

и Красоты. Неустроенность православной русской души в мире утилитарных ценностей уже давно не вызывает ни у кого сомнений. Ученые расходятся лишь в объяснении причин этого факта. Так, В.В. Ильин и А.С. Ахиезер полагают, что «среда современной европейской государственности развивалась на основе диалога рынка, средневекового корпоративизма, принятия абстрактности денег, права, рациональной логики и т.д., а в России этот процесс проходит на основе мощных пластов синкретизма, архаичных ценностей»⁵⁶⁸. Помимо необоснованного признания идеалов Святой Руси архаичными, названные авторы не видят разницы между духовным синтезом Права, Правды и Православия и синкретизмом первобытных регуляторов человеческого поведения.

При императоре Александре II снова решили преобразовать «косную» российскую действительность по «просвещенному» западноевропейскому образцу. Итоги оказались печальными – общественная стабильность была подорвана, а долгожданные свободы явились питательной средой для политического терроризма. Культура русского народа вытеснялась как якобы отсталая и отжившая. Для Н.Я.Данилевского лучшим доказательством подражательности и несамостоятельности российского нигилизма явилось то, что он родился на свет как раз во времена реформ императора Александра II, во время наиширочайших гражданских свобод и государственных перемен. «Какое, – вопрошал Н.Я. Данилевский, – доказательство подражательности, несамобытности, беспочвенности нашего нигилизма может сравниться с этим совпадением?»⁵⁶⁹ В те годы западничество выступило с сознательным требованием подражания Европе, вытравляя понемногу все самобытные начала.

⁵⁶⁸ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М, 1997. С. 361.

⁵⁶⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 344.

И более всех остальных слоев российского общества подражательностью была заражена интеллигенция. Подражательность всегда имела у российской интеллигенции характер социальной эпидемии. Научный поиск в правовой сфере был сориентирован на западную юридическую культуру и инородные государственные формы с игнорированием национальных традиций и особенностей. Все это позволило Б.А. Кистяковскому заключить: «Русская интеллигенция никогда не уважала право, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»⁵⁷⁰.

Нигилизм как форма самосознания российской интеллигенции есть идея тотального отрицания. Сформировавшись как слой безродный, безкорневой, лишенный понимания подлинной духовной жизни, но наделенный безмерной интеллектуальной гордыней, интеллигенция стала главным разрушителем традиционных ценностей русской жизни. Нигилизм явился закономерным итогом отречения «образованного слоя» России от основ русского православного мировоззрения. Возрастая в лоне западничества, нигилизм воспринял в себя худшие черты. Безграничное доверие к знаниям светской науки приводило интеллигенцию к увлечению самыми фантастическими теориями типа марксизма.

«У нас более чем где-нибудь, – отмечал В.И. Даль, – просвещение сделалось гонителем всего родного и народного. Ревнителю готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось им на чужой почве, где оно было выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоскутами»⁵⁷¹. Еще Ю. Крижанич называл подобные увлечения «чужебесием»: «Ничто не может быть более губительным для страны и народа, – писал он, – нежели пренебрежение

⁵⁷⁰ Кистяковский Б.А. Философия, социология и право. СПб, 1998. С. 361.

⁵⁷¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 8.

своими благими порядками, обычаями, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка и желание стать другим народом»⁵⁷². К концу девятнадцатого столетия в России требовалось немалое мужество для того, чтобы пренебрегая вердиктами «передового общественного мнения», следовать традиции служения Вечным истинам, национальным интересам и народному благу.

Интеллигенция разрушала русскую ментальность и тем, что сообщала в качестве догматов для жизненного руководства положения, являвшиеся продуктом западного философского и культурного развития. Едва ли себе можно представить, какой вред причиняло сообщение простому человеку, не выходявшему из своей деревни или за пределы своей фабрики, результатов работы мысли Юма или Вольтера, энциклопедистов и «просветителей», Фейербаха и Ницше. Морально-психологическими последствиями этого явились разложение личности, глубокий паралич воли и нравственного чувства. Интеллигенция «просвещала» русский народ, разлагая его нравственный облик.

Отрицательное отношение интеллигенции и правящего слоя к ценностям русской цивилизации стало одной из главных причин трагедии России в начале XX в. В силу разных исторических обстоятельств значительная часть российского правящего слоя и интеллигенции, призванная служить развитию и совершенствованию народной жизни, освоению духовного наследия страны, изменила своему предназначению и стала орудием отторжения национального наследия, навязывания народу чуждых идей и форм жизни, заимствованных преимущественно у Запада. Развитие западноевропейского «просвещения» в России – это последовательный процесс отторжения и уничтожения национальной культуры, разрушения русской цивилизации, моральное и физическое

⁵⁷² История философии права. СПб, 1998. С. 111.

уничтожение ее носителей, попытки построить в стране утопические формы жизни.

Отторжение ценностей русской цивилизации деформировало русское правосознание, создавало почву для непрерывных социальных конфликтов, разрушало механизмы правовой самоорганизации общества. Западники впервые открыто отказались от традиционного для России духовного наследия Православия. Деятельность западнического кружка положила начало появлению в России либерализма как особого политического течения, оппозиционного властям и отстаивающего необходимость проведения в России либерально-буржуазных преобразований по западному образцу. Из западничества же выросла и вся будущая российская революционная демократия, проповедовавшая социализм. В наши дни западничество объясняет современные проблемы России не деструктивной деятельностью своих адептов, а тем, что мы отклонились от «общечеловеческого пути» – демократии американского образца.

Главным препятствием для реализации задуманных преобразований западники считали духовность русского народа, которую они трактовали как отсталость и невежество. Зато идеалы материального прогресса почитались западнической интеллигенцией за огромное благо. Прогресс стал настоящим идолом российской интеллигенции в XIX веке. Естественным бастионом, за которым русский крестьянин пытался сохранить свою национальную культуру, были границы русской общины. «Элита» же российского общества по формам своей культуры была ближе к европейскому обывателю, чем к русскому народу. Понятие «европейски образованный человек» эта элита воспринимала как похвалу, как критерий личного достоинства. Воспитанная на понятиях западноевропейской культуры, она в значительной степени не понимала духовной ценности русской культуры, оставалась глуха к национальным нуждам народа. Трудно назвать другую страну, где раз-

рыв между великой народной культурой и культурой значительной части интеллигенции был так резок и глубок, как в России.

К.Н. Леонтьев в 1880 г. в статье «Чем и как либерализм наш вреден?» восклицал: «В наше время все роды преступлений наказываются строго кроме антигосударственных преступлений... Веру Засулич оправдали в Петербурге потому, что она стреляла в заслуженного царского слугу как в какого-нибудь пса!; Гартмана не выдали именно оттого, что он хотел убить не частное лицо, а Государя. Итак, жизнь обеспечена всем гражданам, исключая царей и ближайших помощников их. Только монархи и верные слуги их поставлены вне закона, по понятиям новейшего права, которое так нравится либеральным деятелям»⁵⁷³.

В середине XIX в. произошло сближение либеральной идеологии интеллигенции и корпоративных норм босячества, ибо те и другие стояли на основах отрицания народной культуры. Именно в нетрудовой и босяцкой среде рождалась и развивалась «босяцкая» анти-культура со своим языком и фольклором и неистребимым презрением к труду. «Работа не волк – в лес не убежит», «Всех дел не переделаешь», – характерный пример их фольклора. Если носители идеалов Святой Руси хранили в чистоте Православие и боялись сойти с «правого» пути, то идеология босячества придерживалась обратных устремлений: «Эх, куда кривая выведет!»

Но порвать с ценностями православной цивилизации всякому русскому человеку или человеку русской культуры невозможно хотя бы в силу генетической заданности, которую нельзя свести на нет даже в течение нескольких поколений нигилизма. Подспудно многие русские люди при всем западном восприятии не ощущали себя внутренне людьми западной культуры, ибо на уровне бессознательного обладали другим психологическим стереотипом. Этот стереотип вклю-

⁵⁷³ Леонтьев К.Н. Варшавский дневник. СПб, 1880. С. 156-157.

чал в себя такие характеристики, как обостренное восприятие добра и зла, Правды и Права, высших целей бытия. Но то, что для национально мыслящего человека было органично и естественно, выражаясь в стройном православном мировоззрении добротолубия и соборности, у интеллигента, лишённого национального сознания, выражалось максималистски, абстрактно, с жадой разрушения Традиции, не соразмеряясь с действительностью. Лишённый национальной почвы, он делил людей на хороших и плохих, исходя из западного критерия материального прогресса. Это предопределяло фрагментарность и незащищённость его позиции, внутреннюю раздвоенность, отсутствие цельности и определённости жизненных принципов, его постоянную внутреннюю неудовлетворённость своей жизнью и всем окружающим, ибо нравственный душенстрой заглушить чужеродными идеями нельзя.

Право непостижимым образом продолжает программировать поведение людей русской культуры, даже в условиях существенной деформации их правосознания. Например, в среде беглых из российских тюрем существовало понятие «варнацкого слова», нарушать которое было недопустимо. Основание его лежит на тех обещаниях, какими руководствовались кушцы, вверяя под честное слово свой товар возчикам. В исторической литературе описываются многочисленные случаи, когда заключённые «варнаки» под варнацкое честное слово уходили на некоторое время из тюрьмы или этапа, чтобы побывать на важном семейном событии, отдать долг или даже помочь администрации тюрьмы отыскать беглого. Начальники российских тюрем или конвойные брали «варнацкое слово» как самый надёжный залог-гарантию⁵⁷⁴.

Во второй половине девятнадцатого столетия европейский континент охватывает нарастающее безпокойство, которое неизменно сопутствует чувству гордости за свою культуру. С

⁵⁷⁴ См. об этом: Максимов С. Каторга Империи. М., 2002. С. 50.

одной стороны, это вылилось в ренессанс теории «естественного права», а с другой – появляется целый ряд пессимистических трудов таких авторов как Шопенгауэр, Клагес, Ницше, Шпенглер. Последний назвал свою основную работу весьма показательно – «Закат Европы»⁵⁷⁵. Ф.М. Достоевский дал диагноз западноевропейской болезни – «болезнь прометеевской гордыни», ведущая к отпадению от Бога и смерти человека. В.И. Киреевский в 1852 г. открыто высказал мысль о закате культуры Запада: «Духовное развитие Европы уже перешагнуло свою высшую точку. Достигнув атеизма и материализма, она исчерпала те единственные силы, которыми она обладала, силы абстрактного рационализма, и идет навстречу своему банкротству»⁵⁷⁶.

Бытийные начала буржуазного общества (индивидуализм, абсолютизация частной собственности и рыночной конкуренции, духовное отчуждение человека) вызывали у российских мыслителей чувство отвращения. «На Западе, – писал К. Аксаков, – душа убывает»⁵⁷⁷. Д.А. Хомяков писал о «пустодушии» европейской культуры⁵⁷⁸. Даже западник А.И. Герцен в конце жизни ужасался духовным бесплодием западного человека: «С каким-то ясновидением заглянул я в душу буржуа, в душу рабочего и ужаснулся... Куда ни посмотришь – отовсюду веет варварством. Современное поколение имеет одного Бога – капитал»⁵⁷⁹. Глава московской школы философии права П.И. Новгородцев отмечал: «И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого,

⁵⁷⁵ Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000.

⁵⁷⁶ История философии права. СПб, 1998. С. 204.

⁵⁷⁷ Там же. С. 268.

⁵⁷⁸ Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 55.

⁵⁷⁹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. М., 1950. С. 251.

отказавшегося от родства с законом Божеским»⁵⁸⁰. Б.А. Кистяковский, цитировал стихи, автор которых тонко понимал специфику русского правосознания в сравнении с западноевропейским: «По причинам органическим мы совсем не снабжены здравым смыслом юридическим, сим исчадьем сатаны. Широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал»⁵⁸¹. П.Я. Чаадаев, который начинал свой творческий путь с убеждения: «Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей политических, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума»⁵⁸², на склоне своей жизни замечал, что благоустроенная жизнь, научные открытия и формальное право, в целом сосредоточенные на развитии внешних форм и благ жизни достигаются на западе ценой нравственных издержек, главные из которых – всеобщий эгоизм и жизнь по расчету, а не по совести и любви как на Руси. В отличие от католичества и протестанства, плодами Православия на Руси, по мнению П.Я. Чаадаева, являются не наука и благоустроенная жизнь, а особое духовное и душевное устройство человека. К последним он относил безкорыстность сердца и скорость ума, терпение и надежду, совестливость и самоотречение. «Мы пришли после других для того, – писал он, – чтобы делать лучше их... Более того, у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в западных обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»⁵⁸³. Авторитетный историк А. Тойнби признавал, что Россия чужда Западу не из-за ее мнимых экспансионистских

⁵⁸⁰ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 577.

⁵⁸¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб, 1998. С. 363-364.

⁵⁸² Чаадаев П.Я. Философские работы. М., 1988. С. 99.

⁵⁸³ Там же. С. 159.

устремлений: «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Русская цивилизация восточно-православного христианства»⁵⁸⁴.

И все же в конце XIX–начале XX вв. в российской правовой мысли наблюдается крен в пользу западнической теории «естественного права», а разочарования в западной юриспруденции такие правоведы как П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, Е.В. Спекторский, Е.Н. Трубецкой, А.С. Яценко и др. высказали уже в последний период своего творчества. *Неистинность западной юридической культуры они в конечном итоге видели в утрате ею религиозно-нравственных начал и тотальной несправедливости. Эта человекоцентристская культура на практике превращает человека в средство для окружающих, а главной целью утверждает наживу и удовлетворение порока.* К сожалению, эти авторы так и не сделали решающего вывода о том, что **секуляризованным Правом быть не может, ибо основами этого духовного явления являются религиозно-нравственные ценности -- Божественные нравственные заповеди. Право в собственном смысле слова осуществляет Божественный замысел и идеалы (Истины) Любви, Добра и Красоты, предъявляя человеку высокий смысл жизни как моральное задание, которое надо выполнять для спасения души.**

Идейный контекст всей духовной жизни в России конца XIX–начала XX в. составляла антитеза западничества и славянофильства, что наиболее полно реализовалось в двух идейных течениях – либерально-демократическом и русском религиозном. Первое главными ценностями избрало прогресс и свободу, а идеалом – построение демократического общества, какое уже имеется в западноевропейских странах. Ценностно-смысловая ориентация представителей русской

⁵⁸⁴ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106-107.

Традиции была прямо противоположная: не материально-технический прогресс, а духовное совершенствование общества. В рамках русского религиозного ренессанса была разоблачена западная материалистическая безбожная цивилизация (особенно благодаря И.А. Ильину, который, в частности, писал: «Весь внутренний правовой опыт человека начал постепенно мельчать и искажаться. Новое правосознание становилось все менее христианским, все менее религиозным, все более безбожным; религиозный дух и смысл начал все более и более покидать правовую и политическую жизнь. Отношение человека к человеку стало утрачивать христианскую окраску и санкцию; брат терял брата, и вследствие этого волк шел навстречу волку. Правосознание становилось беспочвенным... Правосознание разучилось видеть добро и зло, право и бесправие; все стало условным и относительным, водворилась буржуазная беспринципность и социальное безразличие; надвигалась эпоха духовного нигилизма и публичной продажности. Словом, расцвету формальной юриспруденции соответствовало пренебреженное и разлагающееся правосознание»⁵⁸⁵).

Православно мыслящие правоведы выступали за то, чтобы «мозаический» характер жизни был преодолен органическим характером и устройством жизни. Не власть, а любовь, не принуждение, а свободное согласие одухотворенных людей должны быть стержнем социальной организации. И соединяться в общество люди должны не во имя уравнивания своих интересов и получения материальной выгоды, а на основе духовного союза в устремлении к Богу.

Носители идеалов Святой Руси не приняли антихристианских идей западноевропейского рационализма, ориентированного на жадное стяжание материальных благ и гедонистических удовольствий. Благодаря их подвижничеству вся Россия в конечном счете отвергла западноевропейское

⁵⁸⁵ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.1. М., 1993. С. 432.

понимание развития как преимущественно научно-технического, материального прогресса, обладания все большим количеством вещей, перерастающего в настоящую гонку потребления. Этой идеологии русское миропонимание противопоставляло идею совершенствования души, преобразования жизни через преодоление греховной природы человека.

Если для русского человека вера была главным элементом бытия, то для западного человека – «надстройкой» над материальным базисом. Св. архимандрит Илларион (Троицкий) писал: «Идеал Православия есть не прогресс, но преобразование. Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый завет говорит о преобразении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх, к небу, к Богу»⁵⁸⁶. Единственный путь преобразования – в искоренении греха в самом себе. Не вне человека Правда, а в человеке самом, найти себя в себе, овладеть собой – вот что нужно для торжества Правды. **Не в вещах Правда, не вне человека, а прежде всего в собственном труде над собой. Это многое проясняет в природе Права: оно посредством религиозно-нравственного влияния совершенствует дух и душу человека и настраивает их на восприятие Божественных заповедей. Узреть дух Права может тот, кто стяжал благодать Святого Духа. Усердно работая над собой, избегая греховных поступков и мыслей, пребывая в литургическом единстве с Богом и под его отеческой защитой, человек пребывает в духе Права.** Такое благодатное состояние доступно даже не всякому ученому-юристу, автору сотен работ о правопонимании. Духовная практика показывает, что человеку с наивной и искренней душой легче воспринимать дух Права, чем отягощенному гордыней тщеславия интеллектуалу («тщеславие» означает тщетное прославление человеком самого себя; сравните с «Православием»), то есть прославлением

⁵⁸⁶ Св. Илларион (Троицкий). Идеал Православия. М., 1998. С. 130.

Права как святыни, Права как ипостаси Всемогущего Бога, Права как благодати Святого Духа).

Можно заключить, что стремление к истинному одухотворению, освящению на основе евангельских понятий Любви, Добра и Красоты остается единственной непреходящей целью всего исторического пути России, несмотря на антисистемное давление извне. Противоречия между Русью и западными странами было не простым межгосударственным конфликтом, а борьбой двух противоположных цивилизаций – русской духовной христианской и западной потребительской антихристианской. Накануне XX столетия православная Россия при всей расколотости мировоззрения элиты и народа так и не вписывалась в либеральную философию прогресса, все еще сохраняла дух Права и жила по Правде, а не по закону; российское Право еще следовало за нравственными абсолютами религиозного канона.

5.2. Русское Право и глобализация мира

До 1917 г. каждый компонент реальности имел относительно Русской цивилизации как системы свой смысл и свое объяснение. Стержнем этой системы, сверхценностью было Православие, имеющее непосредственную сущностную связь с Правом и традиционной русской нравственностью – Правдой. Этот духовный синтез предопределял организацию власти, общественные идеалы, определенную этику, эстетику и юриспруденцию, так или иначе служившие Русской цивилизации в целом. Но в 1917 г. была совершена революция, несколько вооруженных переворотов и началась гражданская война, сопровождающаяся интервенцией западных государств; все это в совокупности разрушило официальный правопорядок и в конечном итоге разлагающе подействовало на отечественное правосознание.

30 ноября 1917 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин издал декрет, отменяющий и запрещающий употребление всего формировавшегося тысячу лет корпуса российских законов. Страна перешла к так называемой революционной законности. Для доминирования правомерного поведения в стране революционные события не имели предопределяющего значения, ибо правопорядок в России издревле поддерживался не законами, а православным, высоконравственным правосознанием. И в этот раз, несмотря на полный обвал действующего законодательства, русский народ автоматически не превратился в грабителей, мошенников и убийц – правовые отношения возникали вне и помимо законов как духовные связи между правопослушными людьми, живущими «по Правде». Духовно-нравственные ценности, образующие ядро Права и одновременно основу русской ментальности, продолжали оказывать регулирующее воздействие даже при нормативном вакууме. Русское Право в который раз обнаруживало свою универсальную действенность, актуализуя фактически свои православные и нравственные основания.

Материальное, военное, морально-психологическое и иное содействие Запада революции в России объясняется прежде всего духовными причинами. То, что рядом распложена великая держава, оставшаяся на начало XX века христианской, да еще и православной, не променявшей христианство на блага цивилизации, для Запада было мучительно. Ведь не случайно бывший христианский мир давно называет себя «цивилизованным», то есть сообществом, где место религии заняла цивилизация.

В 1917 г. большевики, обладавшие западнической идеологией марксизма, иноплеменным кадровым составом и неизмеримой ненавистью ко всему русскому в России, насильственно прервали историческую преемственность русской жизни. Самые кровавые гонения они обрушили именно

на духовное достояние русской нации – традиционную религию русского народа – Православие, традиционную нравственность русского народа – Правду, а само Право было объявлено отмирающим явлением. Двадцатое столетие в России – это время невиданных гонений за веру, по своим масштабам, циничности и жестокости превосходящих все, что когда-либо выпадало на долю последователей Христа. И Святая Русь снова явила миру пример массового и величайшего духовного подвига. Вожди большевизма обнаружили, что христианские основы русского самосознания живы, несмотря на чудовищные репрессии.

Для создания социальной базы, коммунистическая доктрина спекулировала на некоторых традиционных ценностях и чертах русского национального характера (живой тяге к справедливости, веротерпимости, добрососедских чувствах к другим нациям и народам и др.), на практике извращая и разрушая до основания духовные опоры Русской цивилизации. Безбожный коммунизм паразитировал на многовековых русских духовных традициях. Советско-партийная идеология представляла в советский период курьезную эклектическую смесь марксистских постулатов и выхолощенных ценностей православной России. В статье 133 Конституции СССР 1936г. было записано: «Защита отечества есть *священный* долг каждого гражданина СССР»⁵⁸⁷, а в 1961 г. на съезде КПСС был принят «Моральный кодекс строителя коммунизма». Величайшую русскую национальную культуру большевики попытались заместить интернационализмом, отрицающем Родину и лучшие национальные чувства, включая патриотизм. Но вера в Бога, семья, иконы, народная Правда и само понятие о «матушке-России» значили для русских куда больше, нежели международная солидарность трудящихся. В большевистский период духовное понятие соборности было подменено чисто материальным термином «коллективизм», который в народе

⁵⁸⁷ Конституция СССР 1936 г. М., 1937. С. 8.

переводили как «все вокруг ничье». Духовный синтез Права, Правды и Православия идеологи большевизма вытесняли законнической идеологией, опирающейся на многочисленные законы, указы, постановления и декреты. Но русский народ хранил в своих душах священный образ Права, основанный на традиционных нравственных принципах и укоренившихся в русском менталитете христианских истинах.

Очевидно, что коммунистический проект в России, осуществляемый большевиками-радикалами с 1917 по 1936 гг., представлял собой одну из мондиалистских утопий, к которым можно приравнять нынешнюю глобализацию мира по американскому образцу. Советская юриспруденция и историография по понятным причинам были в значительной степени сконцентрированы на задаче доказать, что Россия накануне Первой мировой войны и революции была глубоко отсталой, находилась на грани системного краха. Безусловно убедительным остается лишь тезис о кризисе общественного сознания (правосознания в том числе), охватившем преимущественно правящие круги и либеральную интеллигенцию. В остальном духовный и материальный статус Российской Империи свидетельствовал о всестороннем подъеме страны, остановить который могли только революция и война. Как выразился непосредственный участник тех событий У. Черчилль: «Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую тиранию. Но разбор 30 месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Держа победу уже в руках, Россия пала на землю заживо, пожираемая революционными червями»⁵⁸⁸.

Мощное инстинктивное стремление сохранить «надмирные» идеалы народной жизни столь сильно деформировало коммунистическую идеологию, что даже она приобрела в России «идеационный» характер религиозной веры, выдвинув

⁵⁸⁸ Черчилль У. Мировой кризис. М., 1938. С. 154.

на первый план одну из абсолютных ценностей – справедливость. И с чисто экономических позиций СССР, по мнению аналитиков, вполне мог существовать еще долго; система не выдержала прежде всего духовно-нравственного кризиса⁵⁸⁹. Лишившись нравственной легитимации, могучее государство стало беспомощным и рассыпалось на многочисленные республики. *В России не вышло построить антирелигиозное государство, но этот факт пока не осознан в достаточной мере. Нет понимания и того обстоятельства, что Право безрелигиозным быть не может, а русское Право может иметь только православно-христианские духовные основания.*

В XX столетии Западная Европа продемонстрировала потрясающие примеры варварства и жестокости – из ее недр вышел фашистский тоталитаризм. Этот позор остается для Запада неизгладимым. Очевидно, что воспитывался фашизм западной культурой, а реальной силой отпора фашизму стала именно русская духовная культура, возродившая в годы Второй Мировой войны традицию Православия. Многие страны Запада не нашли в себе духа сопротивления фашистской агрессии и сдавались завоевателю в несколько дней или недель, а Россия делала то, что должна была сделать сама Европа, расплачиваясь кровью за ее грехи. СССР одержал победу в этой войне только благодаря актуализации традиционных ценностей русской культуры и воспитанных в ней народов. Ставку на православные основы народного духа вовремя сделали правители России того периода.

Однако после войны Запад не прекратил апостасийного движения в небытие, только центр апостасийных сил переместился из Западной Европы в США (и это не последняя их стоянка). Востребованными стали работы Эко и им подобные, в которых общество, не признающее «благодетельную» роль

⁵⁸⁹ Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 89-95.

хаоса и цепляющееся за «устаревшие» традиции, является примитивным и неспособным адаптироваться к изменяющимся реалиям мира. Нетрудно заметить, что под определение «примитивных» при такой постановке проблемы подпадают достаточно консервативные общества, ориентированные на религиозные, сакральные истины, наследие предков и нравственные ценности, то есть прежде всего традиционные общества. *Пространство традиционного общества организовано и структурировано довольно органично и, разумеется, беспорядочности (хаосу) в них просто нет места. Хаос может ворваться туда только извне. Например, в виде двойных стандартов свободы, прав человека и либеральной демократии.*

Традиция во второй половине XX столетия продолжала терять своих сторонников. Демократия и либеральные лозунги оказались более притягательными для широких масс. Либеральная демократия делает акцент на «человеке», на индивидууме, на нарциссическом субъекте, абсолютизируя его экономические и животные потребности; требует подчинить всю структуру общества эгоистическим интересам свободного и неограниченного потребления. Поскольку материальные потребности среднего человека доминируют над его духовными запросами, никакой проблемы выбора для него не возникает. Однако, выполняя древний социальный заказ среднего человека – «хлеба и зрелищ» – либеральная демократия делает необязательным его духовное самосовершенствование. И это преступление либерального проекта против человечества стало привлекательным для значительной массы людей.

На Западе в настоящий момент нет никакой цивилизации – ни католической, ни протестантской, есть только этнографический материал, условно именуемый «западной цивилизацией», т.к. сверхценности на Западе вытеснены. Западная анти-культура обращает перемены против стабильности и

преимущества; новые принципы рациональности против культурного достояния наций и народов; свободу против ответственности перед Богом, Отечеством и людьми.

Концепцией прав человека прикрывают ложь, неправду, оскорбление религиозных и национальных ценностей. Кроме того, в каталог прав и свобод человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но и вообще традиционным нравственным представлениям о человеке. Последнее вызывает особое опасение, т.к. за правами человека стоит организованное насилие либеральных государств, которое может заставлять человека совершать грех, сочувствовать или попустительствовать греху по причине банального конформизма.

Античеловечным является то общество, в котором человек презирается, а характер провозглашенных прав и свобод способствует раскрепощению инстинкта и дальнейшему духовному распаду личности, а понятия добра и зла смешиваются и вытесняются идеями автономии и плюрализма. Такое общество не пользуется рычагами нравственного, а значит правового по сути, воздействия на личность. В подлинном правовом обществе исходят из непреходящей ценности каждого человека, и в то же время из того, что каждый человек призван возрастать в духовном своем совершенстве и нести нравственную и юридическую ответственность за свои поступки.

В «цивилизованных» странах Запада через введение всеобщего равного избирательного права установлено безраздельное господство манипулирующего меньшинства над большинством. Через абсолютизацию автономии личности происходит целенаправленное уничтожение института семьи и ее воспитательной силы. Критериями отбора претендентов на важные, а порой и ключевые посты в государственных организациях служат, в соответствии с принципом «политкорректности», не способные и талантливые, а принадлежащие к

национальным или сексуальным меньшинствам. Так, можно сделать успешную административную карьеру в США, благодаря принадлежности к «политкорректным» национальностям и членству в сомнительных, с точки зрения традиционной нравственности, закрытых клубах.

Доминирующая парадигма всего западного мировоззрения сводится к формуле: если ты постоянно не улучшаешь свою жизнь материально, это означает, что ты деградируешь. Атомизированной биомассой легко управлять посредством денег. Реализуемость многих прав и свобод современный человек измеряет не уровнем их нормативного закрепления, а уровнем своего материального благополучия, поскольку свобода передвижения, право на жилище, право на образование, право избираться и быть избранным на высшие государственные должности и др. обеспечиваются только размером капитала конкретного субъекта. Деньги в этом случае становятся не место абсолютных ценностей и становятся абсолютным средством контроля над людьми, особенно в глобальном электронном мире. Владельцы электронных денег становятся подлинными властителями мира.

Как только утрачивается христианское понимание идеи общественного служения, так сразу же возникает идея «личных и неотчуждаемых прав», как неких «священных свобод», за которые следует бороться. Вследствие этого, неизменно повышается значение закона, как рационального регулятора, гарантирующего эти права и свободы и индифферентного национальным традициям и основам бытия. Но такой закон совершенно чужд православному правопониманию, и требования «подняться до закона», «вернуться в правовое поле» выглядят нелепо в отношении русских духовных традиций. Пока Запад расширяет господство законнической идеологии, России необходимо утверждать на своей территории концепцию прав личности на принадлежность к отечественной культуре с вытекающим отсюда правом

следовать той культурной традиции, к которой человек себя относит.

Западный мир породил развитие индустрии, специально направленной на пропаганду порока и греха, удовлетворение пагубных страстей и привычек, таких как пьянство, наркомафия, блуд, содомия и прелюбодеяние. Девиз современного западного потребительского общества: «Живи для себя и наслаждайся жизнью»⁵⁹⁰. Вся эротическая и детективно-садистская зрелищность западной «индустрии знака» основана на этом производстве сенсорных заменителей, призванных дать нашим подавленным инстинктам несравненно большее удовлетворение, чем сенсорика любого реального чувственного опыта.

Не случайно вся новейшая модернизация и либерализация сопровождается ощутимым отступлением от уже достигнутых человечеством завоеваний духа и интеллекта, моральной и интеллектуальной деградацией общества, игнорирующего священные заветы и заповеди Господа Бога. Дискуссии о положении сексуальных меньшинств в современном обществе клонятся к признанию гомосексуализма не половым извращением, противодействующим созданию полноценных семей и рождению детей, но лишь одной из «сексуальных ориентаций», имеющих равное право на публичное выражение и уважение. Освобождая мужей, жен и детей от семейных обязанностей, либералы устранили общественную потребность в семье. Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начало отмирать и западное общество.

Упразднив из правовой сферы понятие греха, раскрепостив падшего человека, Запад высвободил страшный разрушительный потенциал человеческих страстей и инстинктов, которые в условиях либеральных свобод способны уничтожить человечество. Идеи «прав человека» и «рыночной экономики» являются лишь видимой, а зна-

⁵⁹⁰ Зиновьев А.А. Запад. М., 2000. С. 440.

чит – малой частью общего «айсберга» западного либертарного юснатурализма. На самом деле в основе всей западной цивилизации лежат гораздо более глубинные религиозные тенденции, которые точнее всего можно определить понятием «сатанизм». Для самой философской, политической и юридической практики Запада мотив погубления человеческого в человеке всегда был ведущим. В наше апостасийное время сатанинский характер западного образа жизни, идеалов Запада и муссируемой Западом глобализации уже невозможно скрыть.

Чем безцеремоннее утверждаются в мире ценности зла, неправды и безобразия, тем выше становится значение христианских идеалов Любви, Добра и Красоты для спасения человеческих душ от окончательного распада. Современные люди становятся все производительнее, динамичнее, предприимчивее, и вместе с тем – банальнее, развратнее, злее. Ослабевающая духовность делает человека беззащитным перед сатанинскими технологиями вытеснения из него образа Божия и убийства души.

В качестве стратегических ориентиров на место целей Западом поставлены средства и, как следствие, сформировался культ безудержного и агрессивного потребления. Научно-техническая, либерально-демократическая, сексуальная и т.п. революции, переживаемые современным миром, максимально снизили смысл бытия. Теперь в качестве общественных смысловых идеалов предложены идеалы потребительского общества. В итоге жизнь каждого человека оказалась сведенной на уровень физических, животных потребностей – много добывать, для того, чтобы есть, пить и наслаждаться всеми проявлениями жизни. Во что верит апостасийное общество? «В механистическую материю, в телесные потребности человека, в бездуховную и аморальную природу людей, в силу ненависти, в творческую природу зависти, в силу страха и голода»⁵⁹¹.

⁵⁹¹ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1994. Т. 3. С. 348.

Человек с космической скоростью утрачивает архетипические черты. Апостасийное время увеличивает ритм и скорость течения жизни людей.

Современная западная цивилизация как нельзя лучше воплощает шпенглеровский «Закат Европы», смерть духовной культуры и перерождение ее в цивилизацию, в которой бездушный интеллект концентрируется на техническом и материальном прогрессе. Это «мертвая протяженность», переход от истинного творчества к бесплодию и «массовому обществу»⁵⁹². От такого развития предостерегал А. де Токвиль, опасавшийся, «как бы человеческое сознание не стало вечно свертываться и разворачиваться, сосредоточившись на самом себе и не порождая здоровых идей; как бы человек не изнурил себя заурядной, обособленной и бесплодной активностью и как бы человечество, несмотря на всю непрерывную суету, не перестало продвигаться вперед»⁵⁹³. Но именно эта цивилизация претендует на лидерство в создании единого «постхристианского» мирового сообщества.

Идеалы и реальная жизнь Запада становится не просто чуждой природе человека, но опасной для человечества. При этом критерии нормальности и эффективности государств намеренно искажаются: общество считается успешным, если в нем ведется интенсивная «модернизация» традиционных структур, а люди отреклись от Божьих заповедей и перестали считать преступление грехом.

Причем западная культура является абсолютно нетерпимой и не приемлет противодействия. Согласно первой поправке к Конституции США, граждане имеют право на свободу вероисповедания, однако не все веры там равноправны. Формально терпимое отношение западной культуры к религии, не устраняет ее богоборческой ориентации.

⁵⁹² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992. С. 107.

⁵⁹³ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 466.

Идеологическая обработка человека на Западе предполагает его духовное опустошение.

В мире активизированы антисистемные, разрушительные доктрины. Прогресс, отрицающий Бога, в конце концов становится регрессом; свобода – деспотизмом и изощренным рабством. Примат человеческой личности над всем в доктрине «естественного права» носит очевидно богоборческий характер. Навязываемая Западом модель «правового государства» имеет антихристианскую установку, поскольку признать ее соответствие истинным христианским канонам нельзя. В таком «правовом государстве» хозяйничают безчестные рыночники, безпринципные менеджеры, бюрократы-коррупционеры, преступники всех мастей, которые ненавидят неприспособленных к «безпределу» неудачников. Нас призывают построить «гражданское общество» (*civil society*), которое на Западе возникало в результате уничтожения традиционного общества в ходе трех революций: религиозной, промышленной и социально-политической. В Германии и Англии при формировании «гражданского общества» сгоняли людей с земли, лишая их средств к пропитанию. И были приняты законы, согласно которым за бродяжничество и попрошайничество вешали, не задумываясь о том, как иначе могли прокормиться люди, лишенные возможности жить так, как жили их предки. Представление о роли человека и о Праве в традиционном и «гражданском» обществе различаются кардинально. Либерализму был нужен человек, свободно передвигающийся, как атом (в действительности – свободно передвигаемый). При возникновении «гражданского общества» возникло представление о человеке как существе, свободном от связывающих его солидарных человеческих связей. «Антихристов соблазн, – подчеркивал Н.А. Бердяев, – основан на том, что последнее зло является в обличье добра, что этого последнего зла нельзя различить по внешности, что злая сила действует во имя блага человечества, во имя равенства и

братства, во имя всеобщего счастья и благополучия. На этом основана вся соблазнительная диалектика антихристового духа. Дух этот принимает все эти искушения, отвергнутые Христом в пустыне»⁵⁹⁴.

В США ежегодно выходит сотня томов судебной практики – стремление тотального регулирования набирает невиданные обороты оттого, что общественная жизнь не являет собой образец нравственности, соборности и всеединства. Поэтому вместо правового порядка, основанного на религиозных и нравственных абсолютах, воспринимаемых обостренной совестью человека, там процветает формализм необозримого числа юридических актов и полицейский контроль. Юридическая система Запада сама не справляется с колоссальным законодательством, разбухшей административно-полицейской системой, растущей численностью юристов с дифференцированной специализацией. В условиях культивируемого духовного распада людей западная юриспруденция вынуждена, с одной стороны, обслуживать это процесс, с другой – устанавливать по сути тоталитарную систему контроля над обществом, т.к. органичных, естественных, религиозно-нравственных механизмов преодоления общественных конфликтов на Западе давно нет.

Некоторые отечественные ученые, из числа настоящих правоведов, подлинных теоретиков Права, отмечали в своих работах тупик западной юриспруденции, вызванный бездуховностью общества и зависимостью от искусственных, формальных и карательных допингов⁵⁹⁵. **Юриспруденция**

⁵⁹⁴ Бердяев Н.А. Собр. соч. М., 1990. Т. 4. С. 32-33.

⁵⁹⁵ Например: Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 241; Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб, 2002. С. 124; Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004. С. 218; Честнов И.Л. Кризис современной юриспруденции // Труды Санкт-Петербургского юридического института Ген. прокуратуры РФ. № 1. СПб, 1999. С. 23-25; Perevalov V.D. and others. Mining and environmental Law in Russia. Yekaterinburg, 2003. P. 18;

Запада, изжившая в себе все начала Права, ведет к тоталитарному государству, которое предполагает тотальность нормирования общественной жизни. Этим закономерно завершаются столетия секуляризации правовой сферы. Норма, насильственно навязанная сверху, не согласованная с религиозно-нравственными абсолютами, имеет безбожную природу. Для Запада тотальность нормы оказывается важнее, нежели нравственная одухотворенность человека. Вся культура становится лишь регулирующим понятием. Таков плачевный конец юридизированных обществ. Механизмы преодоления общественных противоречий из органичных, правовых становятся автономными, сугубо юридическими, соответствующими не Божественной, а демонической природе.

Можно утверждать, что современная юридизированная культура не укоренена в глубинах человеческого духа, не произрастает в нем, не выращена в подвиге духовного делания, а является для человека чем-то искусственным, внешним, навязанным и чужим, а главное – намеренно неадекватным. Ее можно квалифицировать как культуру чужеродную, привнесенную извне – даже не в том смысле, что ее истоки надо искать в лоне западной цивилизации, а в том, что она проистекает из среды демонических сил. Юриспруденция перестала быть системой живых и вечных Абсолютов, формой национального самосознания и памяти. Она перестала быть формой экзистенциального служения сверхличным ценностям. Она окультуривает абсурд и расчищает пространство для разрушения человеческих душ.

Гюстав Лебон писал: «Верить, что формы правления и конституции имеют определяющее значение в судьбе народа

Байниязов Р.С. Духовно-культурологический подход к правосознанию и праву // Вестник Самарской академии экономики и права. 2004. № 2. С. 2-6.

– значит предаваться детским мечтам. Только в нем самом находится его судьба, но не во внешних обстоятельствах. Все, что можно требовать от правительства – это то, чтобы оно было выразителем чувств и идей народа, управлять которым оно призвано»⁵⁹⁶. Почему-то основанность правовых положений на религиозно-нравственных ценностях современные юристы считают движением назад, а почти полное базирование юриспруденции на языческом в своей основе «римском праве» признают весьма прогрессивным. Дух законов современности ведет социум к новейшей первобытности, новому язычеству, технически оснащенной дикости, атомизации, хаосу.

Ж. Эллюль с тревогой отмечает, что логика западного модерна неуклонно ведет к вытеснению христианской духовности языческим тяготением к земному успеху любой ценой, к опасному торжеству бездуховной одномерности. «Парадокса Запада не существует более. Восторжествовала логика структур, игра механических сил, диктат виртуальных систем»⁵⁹⁷. В этой квазиреальности вместо Права начинают действовать законы, не укорененные в человеческом духе, а навязанные ему «правилами игры», которые предполагают упразднение всех религиозных, нравственных и даже эстетических категорий. В этом смысле социум становится неким полигоном для испытания и формирования «нового человека». «Гуманизм» третьего тысячелетия на деле есть торжество дехристианизации человека, ибо человек только там, где дух выше плоти. Происходит не только дехристианизация, но и полная дегуманизация и бестилизация человека. В действительности же человек не сам по себе является высшей ценностью, а лишь высший смысл его жизни.

Весьма многочисленная группа отечественных ученых-юристов пребывает в состоянии, которое в понятиях Право-

⁵⁹⁶ Западная философия. М., 1990. С. 117.

⁵⁹⁷ Eiiui J. Trahision de L, Onest. Paris, 1965. P. 68.

славной Церкви именуется «прелестью» – это состояние духовного прельщения, когда человек ложь принимает за Истину. В качестве примера приведем следующее утверждение: «если право как явление цивилизации и культуры обретает свое собственное содержание лишь в условиях демократического режима, то можем ли мы утверждать, что оно существовало в прошлом, например в рабовладельческом и феодальном обществах, да и в настоящем – при урезанных демократических режимах или, более того, при режимах тоталитарной власти?»⁵⁹⁸ Речь идет не о недалёковидности исследователей Права, которое во все эпохи существования человечества является Высшим выразителем абсолютных идеалов Любви, Добра и Красоты, а о потере учеными духовного равновесия. За потерей Бога (и, следовательно, вообще духовной жизни) самоощущение человека становится уродливым. Потеряв меру сравнения, не ощущая над собой никакого авторитета, он начинает считать себя верхом совершенства и духовной самостоятельности.

«Нужно твердо знать, – писал С.С. Алексеев, – что за «сборностью», «общинной», «каноническим православием» грядет лишь одно – возврат к натуральным формам хозяйствования, феодальной сословности, неконтролируемому самодержавию, средневековому мракобесию. Самобытная ветвь христианства, выраженная в православии, не содержит этико-духовных начал, которые бы в достаточной степени соответствовали (как протестантская этика) требованиям новой цивилизованной эпохи, – и далее он предупреждает «об отсутствии в современной России необходимых мировоззренческих, духовных, этических предпосылок, которые соответствуют потребностям современного рынка и либе-

⁵⁹⁸ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 6.

ральной демократии»⁵⁹⁹. Оказывается, православное понимание Права не угодило современной конъюнктуре потому, что противоречит «потребностям рынка». Более саморазоблачительного и самообличающего суждения либеральной юризированной мысли трудно отыскать. С.С. Алексееву выход видится в том, чтобы утилизировать русское правосознание, встроить его в либертарное мировоззрение, предварительно выхолостив, лишив важнейших исторически сформировавшихся черт – православности, соборности, праведности.

К счастью, в российской науке есть плеяда правоведов, которые убеждены, что Россия не есть неудачник универсальной (западной) истории, а мощная альтернатива ей, причем совсем не обреченная. Таких ученых не много, но «тот, с кем Бог – уже большинство». А «если Бог за нас, кто против нас?»

«Одной из явных и неоспоримых тенденций развития права в современном мире и России является глобализация, – отмечает В.В. Бойцова, – что закономерно в свете глобализации всех социально-политических явлений. Борьба противоречивых тенденций глобализма и локализма правовых систем и культур, по всей видимости, завершится победой первой. Россия находится на пути от юридического провинциализма к глобализации. ...Но что могут предложить юридическому миру российская правовая наука, российское юридическое образование и российская юридическая практика в условиях всемирной конкуренции правовых систем и юристов?»⁶⁰⁰ Б.Н. Топорнин указывал: «Сегодня глобализация обуславливает необходимость и обязательность сближения различных правовых систем, а следовательно, и необходимость сближения

⁵⁹⁹ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 39-40.

⁶⁰⁰ Бойцова В.В. Перспективы развития российского права // Государство и право на рубеже веков. М., 2002. С. 21, 26.

источников права, и поиска новых регуляторов общественных отношений»⁶⁰¹. По мнению С.С. Алексеева, «есть основания утверждать о существовании в мире общего правового состояния, своего рода уровня права, планки и порога правосознания, задаваемых общепризнанными правовыми ценностями, правовой культурой наиболее развитых, продвинутых по путям прогресса стран. Вполне понятно поэтому, что в странах, особенно – тех, которые только вступили на путь формирования права современного гражданского общества, опорными точками для такого правового развития должны стать не столько внутренние, существующие в данном обществе условия и импульсы, но та планка правовых ценностей, которая характерна для человеческого сообщества в целом»⁶⁰². Во всех этих и подобным им тиражируемых ныне суждениях граждане России представлены как люди, стиснутые ограниченностью своей «провинциальной» культуры, унаследованных «нецивилизованных» программ воспроизводства, закрытостью бесплодного общества, которое ничего не дало мировому прогрессу. В таком неприглядном и беспросветном положении России предлагается либо развиваться вместе с со всем «цивилизованным» миром и вписаться в общие тенденции мирового апокалипсического развития, либо «фетишизировать свою самобытность». Первый путь ассоциируется с рыночной экономикой, демократией и «гражданским обществом», второй – с «феодализмом».

А между тем сравнительно-правовые исследования подтверждают, что ни одна юридическая система не может претендовать на универсальность⁶⁰³, а критериям исконного и

⁶⁰¹ Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (из материалов «круглого стола») // Государство и право. 2004. № 11. С. 102.

⁶⁰² Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 260-261.

⁶⁰³ Armstrong D. Law, Justice and the Idea of World Society // International Affairs. Vol. 75. 1999. № 3. P. 75-78.

сокровенного Права отвечала только российская правовая система, существовавшая в целостном виде вплоть до конца XIX в., а фрагментарно – существующая до настоящего времени.

Даже наиболее распространенные юридические семьи (англо-саксонская и романо-германская) не являются всеобщими. Следовательно, основная цель юридической глобалистики – формирование нового глобального юридического консенсуса. Этот «консенсус» не имеет под собой реальных оснований, поскольку унифицировать правосознание одной части человечества с законосознанием другой и беззаконием третьей – невозможно. Значит, новоявленные глобализаторы делают ставку на обман и насилие, ибо другими средствами им не упразднить национально-государственных суверенитетов и самобытности национальных культур.

Сейчас российская юриспруденция занята «переосмыслением» и перестройкой своего нормотворческого процесса в связи с требованиями Европейского Союза (100 000 Директив на 80 000 страницах), но перспектива вступления России в ЕС все еще оценивается как весьма отдаленная. В Государственной Думе действуют рабочие группы по проверке соответствия проектов российского законодательства законодательству Евросоюза. «Европейское право» выступает характерным свидетельством глобалистских тенденций современности.

В самой Европе происходит объединение двух западноевропейских юридизированных семей – романо-германской и англосаксонской, которые в истории юриспруденции демонстрируют два принципиально родственных способа формирования позитивного закона (первичный – основанный на прецеденте и вторичный – связанный с формулированием абстрактных нормативных предписаний). Продолжается усиленное продвижение глобалистских концепций «международного права», под-

рывающих суверенитет, главным образом, сохранившихся традиционных обществ.

По мысли идеологов глобализации, на смену национальным правопорядкам должно прийти так называемое международное право. «Международное право» не знает традиций различных народов, национальных границ, не носит в себе следов Высших абсолютов, оно революционно по своей сути⁶⁰⁴. По точному замечанию А.С.Панарина, «если на заре модерна, в эпоху формирования великих европейских наций, феодальному местничеству противостояло единое суперэтническое пространство государства-нации, то теперь само государство третируется как носитель местничества»⁶⁰⁵. Очевидно, что суверенные государства и национальные правопорядки не нужны формируемому глобалистами Мировому правительству. Идеологически эта разрушительная работа обосновывается потребностями международной борьбы с терроризмом и тоталитарными государствами. Но вместо локальных диктатур, существующих в нескольких странах мира, глобалисты фактически выстраивают новую «Вавилонскую башню» – сверхдиктатуру мирового масштаба. Неприятие и негативное отношение к тоталитарному государству было распространено на государственность вообще, чтобы ослабить страны современного мира, а когда народы утратят полноценное управление, подчинить их Мировому правительству. К настоящему моменту достигнуто ослабление большинства национальных государств; осталось только использовать какие-нибудь вооруженные конфликты либо

⁶⁰⁴ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах // Международное публичное право. Сб. документов. Т. 1. М., 1996. С. 470-482; Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁶⁰⁵ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 232.

террористические акты для того, чтобы народы земли сами попросили лже-Мессию навести порядок на планете.

Глобализация осуществляет не просто экуменизацию культур, а стерилизацию всех культурных типов под эгидой анти-культурных и анти-человеческих ценностей. Все чаще ссылаются на некую «общечеловеческую культуру» как совокупность «общечеловеческих» ценностей. Экуменизм как способ разрешения всех цивилизационных проблем должен быть, по версии глобалистов, задействован во всех сферах: в экономике, политике, объединении религиозных конфессий, языке и т.д. Реальность же такова, что никаких «общечеловеческих ценностей» нет, то есть конкретных, качественно определенных ценностей, одинаково присущих всем культурам и народам. Это абстракция, предназначенная для протаскивания на мировой уровень идеологии глобализма⁶⁰⁶. Человечество в целом знало только один тип общечеловеческой культуры – язычество, в котором примитивные представления о мире тесно соседствовали с поклонением нечистым духам.

Процесс разгосударствления и денационализации человеческих сообществ сопровождается в процессе глобализации и другими негативными явлениями, столь же массовыми и распространёнными. Это тенденции разложения семьи, как естественного человеческого союза, разрушение национальных систем образования и воспитания и вытеснение языковой самобытности народов. Стандартные нормативные требования вступления стран в международные экономические и социально-политические организации категорически запрещают прибегать к каким-либо протекционистским мерам и квотам,

⁶⁰⁶ Наемные и добровольные сторонники глобализации рекрутируются преимущественно в кругах правящих элит, дельцов крупного и среднего бизнеса, беспочвенной интеллигенции. Например, в 1920-е гг. академик М.Н. Покровский требовал запретить понятие «русская история» как реакционное (Покровский М.Н. Борьба классов и русская классическая литература. М., 1926. С. 31).

защищающим свою промышленность, свою, науку, свою культуру, свою землю. Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственных странах.

Министерство образования Франции официально заявило в 2001 г., что «будущее французской нации невозможно без сохранения национально-культурных, в том числе религиозных, традиций. Французское общество сегодня уже далеко отстало от гарантированного духовного минимума. Богатейшая национальная культура Франции, складывающаяся из культуры народов, ее населяющих, сегодня подменяется контр-культурой»⁶⁰⁷. По мнению председателя Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России, раввина З.Л. Когана, навязывание еврейским детям разрушительных религиозных вероучений есть «скрытая форма их духовно-культурного геноцида и проявление антисемитизма»⁶⁰⁸. Геноцид заключается в том, что в результате совершения составляющих это преступление действий полностью или частично прекращает или может прекратить существование определенная национальная, этническая или религиозная группа людей, характеризующаяся самобытностью культуры, образа жизни и традиций. В статье 47 Концепции национальной безопасности Монголии в качестве путей и средств обеспечения безопасности монгольской цивилизации определены следующие необходимые мероприятия: «Монголия должна: 1) Сформулировать и осуществлять активную политику по укреплению и обогащению основных особенностей кочевой цивилизации; сохранять все ценные и прогрессивные элементы монгольской культуры и традиций в экономике, государственности, материальной и интеллектуальной жизни и развивать их в гармоничном сочетании с ценностями мировой цивилизации; 3) Создать систему образования в соответствии

⁶⁰⁷ Цит. по: Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003. С. 344.

⁶⁰⁸ Элон М. Еврейское право. СПб, 2003. С. 130.

с традициями монгольского Просвещения и современными мировыми стандартами; защищать и расширять национальный интеллектуальный потенциал; 4) Создать условия для изучения и понимания истории, культуры и менталитета народа, а также природы отечества; внушить каждому гражданину, особенно молодому поколению, сильное чувство патриотизма и стремление нежно любить имя страны; сделать изучение, обучение и популяризацию монгольской истории, религии и культуры особым объектом постоянной заботы и поддержки правительства; 6) Тщательно сохранять и полагаться на внутренне присущую способность монголов жить в гармонии с природой, их традиционную приверженность уважению к государственности, знания и талант, проявляемые в мысли и деле, их обостренное чувство общности»⁶⁰⁹. Очевидно, что, несмотря на признание расхожих штампов о «прогрессе» и «мировых стандартах жизни», страны и народы нелегко расстаются со своей национальной спецификой.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отметил, что в настоящее время идет «ускоренное строительство общемировой системы зла. Население целенаправленно организуется на сатанинских принципах лжи, подлога, обмана, поклонения внешней, грубой силе. Внедряются как начала «нормальной» жизни жадность, эгоизм, амбиции, разврат, наркотики, любовь к удовольствиям и развлечениям любой ценой. Кровавым культом насилия, жестокости, предательства пронизывается вся наша жизнь. Понятие долга, чести, стыда, совести, целомудрия – в поругании и уничтожении. Размывается православное сознание и мирочувствие. Пропагандируется жизнь по страстям, всячески преуменьшается ответственность за пороки, соблюдение моральных норм»⁶¹⁰.

⁶⁰⁹ Национальная безопасность. Сб. международных документов. М., 1999. С. 325-327.

⁶¹⁰ Православие и духовное возрождение России. М., 2003. С. 417.

Глобалистский проект, обоснованный в «Цивилизации» Ф. Хайека и «Открытом обществе» К. Поппера, в своей страсти к эгалитаризму уничтожает национальные культуры народов и бросает вызов всем великим духовным и национальным традициям человечества, чтобы обеспечить псевдобытие. Еще Гегель, венчая западноевропейскую философскую мысль, наделял лишь Запад правом «свободно творить в мире на основе субъективного сознания», не найдя, кроме него, «всемирно-исторических народов»⁶¹¹. Но современный мир отнюдь не однороден и пока движется отнюдь не в одном направлении. Поэтому *глобализация неизбежно становится вызовом национальным культурам.*

Каждая национальная культура имеет свои доминанты, как те направления, грани или «планы» культурного бытия, на развитие которых прилагается максимум усилий и которые определяют качественное своеобразие того или иного народа и, соответственно, способствуют максимуму достижений в этих сферах, невозможных для систем с другими приоритетами. Так, *для русской духовной культуры характерно Православие как прославление Права – Вечных и Высших религиозно-нравственных абсолютов, выражающих идеалы (Истины) Любви, Добра и Красоты.*

Размышляя о претензиях западной цивилизации, А. Тойнби еще несколько десятилетий назад заметил: «Очевидно, что это часть более крупного и честолюбивого замысла, где западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями – православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным. Таким образом, современное

⁶¹¹ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. С. 181, 188.

столкновение глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних»⁶¹².

Запад, пытаясь скрыть свою низшую безнравственную основу, постулирует полную уникальность своей истории и предлагает свой образ жизни как образец для остальных народов. Однако православная культура русского народа вызывает наибольшее неприятие и даже ненависть Запада. З. Бжезинский открыто заявил, что «Россия стала главной разменной картой американской геополитики. Новый Мировой Порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России»⁶¹³.

Со стороны Запада отмечается устойчивое неприятие России как равновеликой ему геополитической державы и русского народа с его историческим правдоискательством и обретением универсальных смыслов бытия. С. Хантингтон признает цель Запада – не допустить национального духовного возрождения России: «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом между идеологиями, которые, несмотря на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию, и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»⁶¹⁴.

Быстрая и практически насильственная глобализация общественной жизни в России требует от ее граждан ради-

⁶¹² Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 116.

⁶¹³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 213.

⁶¹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? М., 1993. С. 108.

кального изменения отечественного сознания в пользу западных стандартов. Для России это неприемлемый вариант, т.к. менталитет ее народа не соответствует доктрине глобализации. К тому же, высшая духовность не должна преклоняться перед бездуховностью. Проповедникам идей «естественного права» в западном либеральном их истолковании приходится готовить основу для мондиализма, мировоззренческий фундамент Нового Мирового Порядка. Именно эта ложная теория должна с юридических позиций обосновать необходимость разрушения суверенных национальных государств и объединение всего человечества в супердиктатуру с Мировым правительством во главе. После развала СССР Запад во главе с Соединенными Штатами Америки откровенно претендует на планетарное господство. В рамках ООН вырисовываются отдельные структуры грядущего Мирового правительства, опирающегося в своей деятельности на колоссальную военную мощь НАТО. При этом «международное право» вполне приемлет разгром Ирака, удушение Югославии, адресные бомбардировки православных сербов, вмешательство во внутренние дела Украины, Грузии, Киргизии, России и др.

Русский народ выжил и сохранил до сих пор свою духовную традицию в чуждых ему социально-культурных условиях. Главная угроза русской культуре сегодня – опасность утраты собственных духовно-культурных оснований, подчинение чужим, инородным принципам организации, аккультурация, ассимиляция, модернизация по западному (преимущественно американскому) образцу. Но там мы имеем дело с законодательностью разума, у нас – совести; там диктат рассудочности – здесь духа; там приобретательность – здесь самосовершенствование; там индивидуализм – здесь соборность; там конфликт – здесь солидарность и согласие.

В своем докладе «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» руководитель Цетрального разведовательного управления США Ален Дал-

лес поставил в 1945 г. задачи, которые к концу XX века были успешно выполнены. Судите сами: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство и вражду народов, прежде всего вражду к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы

народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением»⁶¹⁵.

Послание Соединенных Штатов остальному миру состоит в том, что их социальная и идеологическая реальность – это единственная реальность, имеющая какое-то значение. Но вместе с тем, «я не знаю ни одной страны, – отмечает Алекс де Токвиль, – где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке»⁶¹⁶. Процесс глобализации в современном мире маскирует попытку установления господства богатой элиты над остальными людьми, псевдокультуры над культурами. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную идеологию, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации христианами сопоставляется с предсказанным в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова пришествием Антихриста, сигнализирующем о скором конце времен и Страшном Суде.

Глобализаторский проект основан на идее расового избранничества и третирует окружающий мир как недочеловеческий, предполагая вымирание «недемократического большинства». В глобализованном мире не будет места не только Праву, но и юриспруденции, будет сформирована одна тоталитарная схема приказов, столь огромная и всеобъемлющая, что потребует моря крови и мук в оплату «всемирного братства». Идея «консенсуса» между будущим Мировым правительством и национальными государствами предлагает последним отказаться от своего суверенитета в пользу унифицированных международных законов, которые будут диктовать всем жителям земли общие верования, ценности, стандарты, образ жизни. Речь идет об анти-духовной и анти-

⁶¹⁵ Цит. по: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя зла. М., 2001. С. 167-168.

⁶¹⁶ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1995. С. 257.

культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией и «мерзостью запустения».

Корень слова «информация» – форма, которая сверху налагается на человеческое существо и бытие, формируя их по своему образу и подобию. Информация может поработать, но может и освободить, пробуждать, очищать. Человек просветлен, пока он верит, что в центре и глубине духа человеческого живет Господь Бог как Слово (Логос), зачавшее наше существование, как Высший закон, написанный в сердцах людей, как свет, просветивший людей изначала. Когда же человек отвергается истинной веры в Бога, отвергает образ Божий в себе, охотно питается секулярной информацией о пользе порочной жизни, в его телесной оболочке происходит смерть человеческой души; таким существом легко манипулировать, ибо оно не чувствует и не понимает факта и характера манипуляции.

Не случайно молитва и Литургия служат пробуждению в нас Слова, внесения его в мир, освящения его. Например, в Псалме 50-м покаянном, который включен в ежедневное утреннее правило каждого православного христианина, употреблены слова «дух прав» и «правда»: «Отврати лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего, и духа твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычним утверди мя. Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего; возрадуется язык мой правде Твоей»⁶¹⁷. Русское правосознание, давшее истинам Божьего откровения русские названия «Право», «Правда», «Православие», изначально трепетно обращалось со Словом, видя в нем сакральный залог праведной жизни человека. В приведенном отрывке

⁶¹⁷ Полный православный молитвослов. М., 2004. С. 18.

из Псалма слово «дух прав», с одной стороны, употребляется для обозначения благодати Высшей правоты, которая руководит человеком против всех наваждений неправоты духа злобы, а с другой – «дух прав» назван в одном ряду с его иными именами «Дух Святой», «Дух Владычный»; получается, что дух правый, дух Права и Святой Дух – одна и та же субстанция. Русский народ перевел Псалтырь на свой русский язык и нашел в нем подтверждение истинности своего правопонимания: Дух Права есть Святой Дух, который даром особой благодати господствует над страстями человеческими, направляет человека на правый путь и руководит его к лучшему. Под даром благодати подразумеваются различные дарования, сообщаемые нашей душе Святым Духом.

Глобализму не нужна священная сила Слова, он нуждается в низменных инстинктах, которые превращают человека в удобный объект манипулирования. Глобальная электроника позволит обеспечить не только всеобщий контроль над поведением людей, но, в первую очередь, – индивидуальное манипулирование каждым человеком. Совмещение возможностей мобильной беспроводной связи, компьютерных технологий и достижений нейролингвистического программирования создают идеальные условия для порабощения людей. Тотальный информационный контроль предполагает вживление под кожу человека микрочипов, которые будут содержать всю информацию о человеке, включая его местонахождение, историю болезни, наиболее посещаемых знакомых⁶¹⁸. В отсутствие собственно правовых ограничений такая информационная диктатура станет апеллировать к мотивам противодействия терроризму и отказа от многочисленных документов. Без вживленного под кожу микроустройства нельзя будет ни получить заработную плату, ни приобрести продук-

⁶¹⁸ Иеродиакон Авель (Семенов), Дроздов А. Знамение пререкаемо: глобализм и цифровая кодификация личности. М., 2003. С. 312-317.

ты в магазине. Пока микрочипы вживляются в «пилотном» порядке домашним животным.

Все это следствия радикального обезбоживания мира, его рассудочного дробления, направленного на овладение каждым из его фрагментов (природы, живой клетки, человеческого зародыша и т.д.), жесткой рационализации с целью подчинения их человеческой воле. Человек оказался беззащитен перед лицом собственных изобретений, проектов, расчетов и симулякров. Он стал жертвой своей свободы и той власти над миром, которую тщился приобрести.

Итак, глобализация – есть закономерный этап развития западной цивилизации, давно ставшей эгоистической конструкцией, в которой не актуализированы понятия Права, Правды, Православия, совести, милосердия и забыты понятия чести, порядочности, альтруизма. Сама идея «глобального общества» есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов, а стремление апостасийных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих корыстных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Глобализация нашего времени – это новый передел мира в пользу богоборческих, откровенно сатанинских сил, «просвещенных» в оккультном смысле и готовых принять на себя верховную заботу о мироздании. Но наверху этой тоталитарной иерархии не может быть коллектива. Наверху останется один. Глобальный мир призовет глобального лидера. «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не записаны в книге у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13,8). Имя глобального лидера, известно – лжепророк Антихрист, который будет подготовлен дьяволом для последней схватки. Таково Священное Предание и пока история человечества с поразительной точностью следует ему.

Глобализация является порождением исключительно религиозного характера, пусть и не всегда осознанного некоторыми ее проводниками.

Ф. Фукуяма заявлял о «конце истории»⁶¹⁹. Действительно, положить конец миру, устроить жизнь людей по своим меркам – предел метаний для той «гуманитарной» идеологии, которая зародилась из слияния либертарного натурализма, позитивизма и оккультизма. Пока что этот альянс и есть основа раскручиваемого процесса глобализации. Глобалистский проект бросает вызов всем великим национальным и духовным традициям человечества и требует устранить эти традиции для продолжения истории без нравственного целеполагания. На этом пути не только Россия и традиционные общества Востока и Азии, но уже и сама Европа вытесняются на обочину «мирового прогресса». Даже «цивилизованная» Европа по отношению к США рассматривается в качестве провинции, не имеющей права на историческую перспективу. Окончательная дехристианизация Европы в ходе интенсивной глобализации означает не просто «закат», но гибель Европы как явления мировой истории и культуры.

Глобалисты работают над созданием единой лже-религии, с помощью которой можно будет окончательно низвергнуть христианство, разрушить национальные государства и подготовить таким образом «добровольное» объединение народов в рамках единой международной политической структуры под властью Мирового правительства. Его глава (Антихрист) и должен воплотить в жизнь многовековую мечту о господстве демонических сил над миром. Те же, кто не пожелает отречься, кто постарается последовать Закону Божьему, столкнутся с гонениями, злобой и изощренной травлей. «Будете ненавидимы всеми народами за имя Мое», – предрек Господь (Мф. 24,9).

⁶¹⁹ Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1991.

На нынешнем этапе глобализации ведется перестройка самых основ жизни традиционных обществ, включая Россию, их системы управления, менталитета населения, национального образа жизни. Запад навязывает традиционным обществам режимы «колониальной демократии», которые не являются результатами естественной эволюции данных стран и закономерностей их исторически сложившегося уклада. Над колонизируемыми странами властвуют против воли, против жизненных ценностей подавляющего большинства народа. «Колониальная демократия» представляет собой суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны власти, неразберихи в управлении, отсутствия моральных ограничений. Колонизируемая страна во всех отношениях (экономическом, политическом, военном, идеологическом, морально-нравственном, правовом) доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование.

Нынешняя тактика глобализации предполагает осуществление следующих мер:

1) дискредитацию духовных ценностей коренных и государствообразующих наций и народов;

2) дестабилизацию обстановки в зоне колонизации, включая создание экономического и политического кризисов, организацию всемирной сети террористических организаций и провокацию вооруженных конфликтов;

3) пропагандистскую обработку колонизируемого населения по поводу «ущербности» их традиционного пути развития и привлекательности западного дегенерирующего образа жизни;

4) укрупнение международных организаций, вытесняющих из юридического пространства местные органы власти и служащих прообразом будущего Мирового правительства, а также широкое использование механизмов делегирования

важнейших национальных функций управления международным организациям;

5) формирование на экуменической основе единой общечеловеческой псевдо-религии, пригодной для обоснования Нового Мирового Порядка, и создание единой унитарной церкви;

6) целенаправленное разрушение устоев традиционных обществ: семьи, церкви, национального государства, национальных систем воспитания и образования;

7) уничтожение всех признаков, идентифицирующих национально-культурную самобытность, в том числе языковой культуры;

8) сокращение населения планеты посредством войн, эпидемий, использования бактериологического и психотропного оружия.

В России же в 1990-е гг. была создана чудовищная по своему цинизму система компрадорской власти, коррумпированной и безконтрольной, скрывающей за либеральной риторикой полное презрение к Праву. Российское общество деморализовано вследствие массовой безработицы, алкоголизации и наркотизации, свертывания национального промышленного производства, подавления традиционных нравственных черт национального характера. Народ, чье национальное наследие подвергнуто изращению и осмеянию, перестает ощущать себя единой культурно-языковой общностью, наделенной исторической памятью и национальным самосознанием, и, соответственно, перестает существовать как нечто целостное и поглощается, подвергается ассимиляции или истреблению. Так уже исчезли австрийцы-славяне, пруссы-славяне, которые вообще не знали немецкого языка, ныне пытаются отторгнуть от великорусской культуры малороссов (украинцев). Дошло до того, что русскому человеку публично объявлять свою национальность стало предосудительно.

В религиозном плане миру навязывается эпоха неоязычества, отличающаяся полной эмансипацией личности от Божних заповедей, вытеснением Традиции, искажением смысла Права, виртуализацией жизнедеятельности людей и сверхрентабельностью индустрии порока. За процессом глобализации в действительности скрывается борьба богоборческих сил с одухотворенной культурой, в которой русский народ может сохранить себя, опираясь на Право. После долгого перерыва необходимо в самое ближайшее время сделать исконный смысл Права достоянием общественного сознания в России. В глубинах души людей русской культуры образ Права сохраняется и сейчас, но нужно укреплять и развивать русское правосознание как неперемный фактор выполнения Россией своей миссии в этом мире. Тем более, что нынешнюю отечественную юриспруденцию русское правосознание воспринять и уважать не может, ибо юридическая теория пребывает в стагнации, юридическая практика – в рутине. Утилитаризм и эмпиризм в правовой сфере выглядят абсурдно, поскольку для подлинных правовых отношений нужны не многочисленные нормативы, а души людей, нетерпимые к греху. Увеличение числа нормативных предписаний не переходит в качество правовой культуры граждан. Поверхностное, эклектичное законодательство, не понятное обществу, лишённое «гибкости», не может называться Правом. Право есть прежде всего духовное явление, выражающее религиозно-нравственные абсолюты Любви, Добра и Красоты посредством Божественных заповедей, традиционной нравственности, совестных актов и соответствующих им юридических правил.

Противостояние России и Запада неустранимо, как неустранима борьба добра и зла. Данное противостояние издревле зародилось помимо воли русского народа и усугубилось после отпадения Западной церкви от Православного христиан-

ства и последующих завоевательных походов Запада на Святую Русь. Это положение должно служить отправной точкой для выстраивания стратегии России по отношению к Западу. Надо воспитать в нашем народе утраченное чувство уважения к своим национальным традициям и научить его защищать традиции, не допуская ни малейших посягательств на свою самобытность. Пробуждение национального сознания в русском народе – не означает примитивного шовинизма. Миссия России не заикливается на ее собственном благополучии – это общеизвестно; ее задача – быть последним прибежищем благочестия, хранить в чистоте Божьи заповеди посреди всеобщей апостасии, вероотступничества и «мерзости запустения» последних времен. Нужно разъяснять, насколько опасно подражательство западному плюрализму во всем – многопартийности, идеологии, правопонимании и т.д. Национальное самосознание каждой страны должно по-своему распоряжаться своим духовным достоянием и по-своему формировать отношение к культурной преемственности. «Каждый народ свободно обеспечивает свое культурное развитие», – закреплено в ч. 1 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.⁶²⁰

В ответ на американскую миссию, о которой откровенно заявляют адепты глобализации, Россия должна вспомнить о своей миссии – быть «удерживающей державой» в апостасийном мире, то есть удерживать мир от окончательного губительного увлечения злом, давая аскетический образец праведной жизни на земле, посвященной Богу и согласованной с Божьими заповедями. Глобальный проект сатанизма требует столь же глобально сформулированной альтернативы. Мир в отсутствие России становится однополярным владычеством вселенского зла. Для выживания нравственно здоровой части человечества необходима духовная цивилизация, осно-

⁶²⁰ Международное публичное право. Сб. документов. Т. 1. М., 1996. С. 470.

ванная на православной христианской вере, сохранившей Божественные истины в непосредственной чистоте.

Именно Россия может взяться за восстановление Божественных начал в мире, поэтому давление на нее особенно жаростно. Это будет не столько реконструкция, сколько очищение, великое «возвращение смыслов и имен». Тогда и Праву как святыне и духовному достоянию русского народа будет возвращено его подлинное, изначальное значение.

Еще монах Филофей в своих произведениях отмечал, что Русское царство есть единственное Православное государство во всем мире; оно и есть единственный хранитель Православия, то есть призвано до конца веков сохранить в чистоте веру Христову и вручить ее, как неизменную святыню, Богу в пору наступления вечного царства Божия. **Сохранить Православие буквально означает: сознавать правильный путь прославления Права – стяжать благодать Святого Духа, указующей человеку единственно справедливый выход из трудной жизненной ситуации. Право немислимо без своих религиозно-нравственных основ – Правды (традиционной нравственности русского народа) и Православия (традиционной веры русского народа). Следовательно, сохранение и укрепление Православия есть путь возрождения народной нравственности и Права во всей его духовной полноте.**

Призвание России, таким образом, заключается в том, чтобы, отстаивая приоритет духовной культуры, возвышать Право как свое историческое национальное достояние, содержащее дары Благодати для всего человечества (если человечество пожелает их востребовать). Немецкий философ В. Шубарт заметил: «Вопрос: в чем предназначение русских на Земле, тут же оборачивается другим вопросом: в чем предназначение человека на Земле? Русские произвольно связывают политические проблемы и задачи с последними вопросами человеческого бытия. В судьбе своего собственно-

го народа они не увидели бы никакого смысла, если бы этим одновременно не раскрывался для них смысл судеб всего мира. Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую, по сути, и всеобъемлющую национальную идею – идею спасения человечества»⁶²¹.

Удерживающую роль Российской Империи прекрасно понимали идеологи мировой революции К. Маркс и Ф. Энгельс, сказавшие: «Ни одна революция в Европе и во всем мире не сможет достичь окончательной победы, пока существует теперешнее Русское государство»⁶²². Поэтому их рассуждения о России наполнены столь очевидным русофобским пафосом. Постоянные попытки Запада завоевать Россию, с одной стороны, выдают его стремление уничтожить центр Вечной духовности, культуру духа, а с другой – выражают намерение восполнить в себе образовавшуюся духовную пустоту, устранить пробел в духовной жизни. Если Запад вынашивал по отношению к России захватнические и истребительные планы, то Россия никогда не стремилась завоевать страны Запада, она хотела их спасти. Самоотдача и жертвенность русской души в полной мере обнаружилась в Русской идее о мессианском призвании быть державой, удерживающей христианские истины.

Россия не желала строить «рай на земле», сознавая его эсхатологическую невозможность. Она старалась спасти всех людей, показав им перед всем миром истинные критерии Любви, Добра и Красоты, истинную веру в Бога и истинный путь к спасению. Вокруг этой жертвенной миссии Святой Руси и формировался уникальный по своему многообразию, полиэтнический, поликонфессиональный сплав наций и племен, который как нельзя лучше свидетельствует о ее просветительской, объединительной и миротворческой роли. Русское госу-

⁶²¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 250.

⁶²² Цит. по: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 341.

дарство спасло многие народы от уничтожения, предоставив им равные с русскими людьми права и возможности развития. Русский центр проводил политику гармонизации отношений между отдельными нациями, начисто отрицая типично имперскую, колониальную политику «разделяй и властвуй», которая была бы бессмысленна в отношении с народами, имевшими права, равные с русскими. Русское государство не уничтожало правящей иерархии малых народов и их древних обычаев, освобождало представителей этих народов от обязанностей уплаты налогов и рекрутской повинности⁶²³. Российское государство строилось не на насилии, а на духовных, подлинно правовых началах, величие которых сознательно и бессознательно понималось многими малыми народами.

Русский народ, по мысли И.А. Ильина, «ценил свободу духа выше формальной юридической свободы – и если бы другие народы и инородцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними»⁶²⁴. Коренное отличие Российского государства от всех существовавших ранее империй: Римской, Британской, Германской и др. – состояло в том, что оно не эксплуатировало нерусские народы, входившие в его состав, более того – предоставляло им значительную помощь и поддержку, создавая равные для всех экономические условия существования. Ислам и буддизм имели полную свободу на правах культурно-духовной автономии. Только при наличии мощного православного стержня другие вероисповедания национальных меньшинств могли мирно сосуществовать, получая от государства защиту от любых врагов, но не навязывая государству и государствообразующему русскому народу своих религиоз-

⁶²³ См. об этом: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Киев, 1886. Т. 1. С. 262-265; Ячменев Ю.В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. 2001. № 3. С. 45.

⁶²⁴ Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1994. Т. 5. С. 298.

ных воззрений и не требуя от государства понижения статуса Православия до общего уровня. Они понимали всю выгоду для себя такого автономного положения и верно служили Государю: достаточно привести в пример самый воинственный народ – покоренных кавказских горцев, которые составили одну из самых храбрых и верных Царю воинских частей в годы Первой мировой войны (Кавказскую туземную Конную («Дикую») дивизию).

Итак, перед лицом осуществляемой по западническому проекту глобализации России жизненно необходимо актуализировать основы Православия, признать православную веру главным делом и отличительной особенностью своей самобытности. В противном случае России грозит дальнейший распад и утрата культурной идентичности русского народа как государствообразующей нации российского государства. Русская государственность всегда мыслила себя как государственность христианская, которая черпала в православном вероучении идеалы и смысл своего существования. Поскольку Русская Православная Церковь осталась на сегодняшний момент последним оплотом истинной, неискаженной духовности, последним бастионом нравственного здоровья народа, последним выразителем русского самосознания, необходимо всемерно ее поддерживать.

Право и Православие имеют общее начало, единую сущность и общую судьбу. Укрепляя в себе православную веру, мы обретаем абсолютные нравственные критерии правомерных и противоправных поступков и сохраняем себя как народ, как людей русской культуры.

Заключение

В начале XXI века для России важными по-прежнему остаются вопросы научно-технического, экономического и социального развития. Однако энергию для любого вида человеческой деятельности возможно почерпнуть только в духовной сфере. К сожалению, интересы значительной части общества ныне полностью ограничиваются удовлетворением безпрестанно возрастающих материальных потребностей. Потенциал духовности не используется в формировании общественного сознания, стабилизации состояния общества, в процессе социализации личности и легитимации государственных юридических предписаний.

Право как явление духовности юридической наукой изучено слабо, что еще раз подтверждает оценки современного общества как антидуховного, антиисторичного и антикультурного.

Взгляд на западную культуру как на безусловную вершину мировой истории, а на западные ценности как на ценности общечеловеческого характера, не выдерживает критики. Западная культура является довольно поверхностной, растерявшей духовную глубину, что весьма заметно в вопросах правопонимания.

Употребляемое в современной отечественной юриспруденции понятие «Право» под длительным западным влиянием утратило свой изначальный священный языковой и смысловой ореол и растворилось в хаосе других виртуальных терминов. Сводя Право к системе общеобязательных нормативов, юриспруденция игнорирует духовное содержание данного явления, чем наносит правовому порядку разрушительный урон.

Шанс на достойное выживание человечеству дают именно духовные цивилизации, главной из которых выступает русская цивилизация, ориентированная не на агрессивное потре-

бительство и войну всех против всех, а на духовное совершенствование и взаимную ответственность. В России веками складывалась самобытная культура, высокие духовно-нравственные ценности которой открываются в православной вере, традиционной народной нравственности (Правде) и особом типе правопонимания, предопределившем всю структуру бытия русского народа. Здесь духовные мотивы жизни преобладают над материальными, а целью земного существования человека признается не потребление, а совершенствование, преобразование и спасение души.

Духовная доминанта обнаруживается на всем протяжении развития русского Права, отчетливо прослеживается по первоисточникам, правовым памятникам в течение более чем двух тысяч лет, проявляясь неодинаково в разные периоды и в разных территориальных областях России. Отечественный тип правопонимания можно определить как «православный», поскольку в исконном смысле Православие означает прославление Права как высшей святыни, вечных религиозно-нравственных абсолютов и даже – как проявления благодати Святого Духа.

Право как целостный феномен духа определило историческую судьбу русского народа и сформировало его национальное сознание. Опираясь на идеалы Истины (Любви), Добра и Красоты, выражаемые Правом, русский народ сумел создать величайшую в мировой истории культуру, ставшую духовным богатством всего человечества и объединившую в гармонической связи многие другие народы и нации.

Русский народ в продолжении своей многовековой истории пребывал в лоне христианской православной традиции, имел основания считать ее высшей. Цивилизация, которая была построена на основе православной традиции, оказалась самой приближенной к цели духовного совершенствования человеческого общества. Остальные же теоретически равны в своей тупиковости и апостасийности. Русская цивилизация

является цивилизацией Духа, цивилизацией духа Права, соответствующей нравственным принципам религиозного канона, сверяющей свой путь с Божественными истинами Священного Писания и христианского предания.

Русская правовая культура вообще выпадает из перечней классификаций юридических семей. И.Г. Блунчли ее не упоминает вовсе, рассматривая четыре юридические системы современности – европейскую, китайскую, магометанскую и индусскую⁶²⁵. Р. Давид добавил к ним юридические системы Африки, Японии и Мадагаскара и отнес дореволюционное русское право к романо-германской семье, указав на «слабости юридических традиций в России»⁶²⁶. К. Цвайгерт и Х. Кетц, указывающие на необходимость отнесения русского права к особой группе семей, обходят его при составлении своей классификации, где указаны 8 юридических семей, включая скандинавскую и индусскую⁶²⁷. Затруднения исследователей станут понятными, если вспомнить, что они действительно дают классификацию именно *юридических* семей, то есть систем регулирования общественной жизни, основанных на рациональных нормативах поведения. Русская же правовая система по своей природе не является юридизированной, она *правовая* в собственном смысле этого слова. Тем более что слова «Право» и «правовой» являются исключительно русскими, и феноменами других языковых культур никогда не были.

Право есть национальное достояние России. Оно было открыто в качестве Высших Божественных абсолютов русским национальным сознанием. Исторически Право – феномен русской национальной культуры. В иных странах у

⁶²⁵ Блунчли И.Г. Понятие о праве. М., 2005. С. 140.

⁶²⁶ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 2000. С. 164-169.

⁶²⁷ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1995. Т. 1. С. 110, 117.

других народов в правовой сфере использовались сугубо юридические (нормативные), идеологические регуляторы и др. А в России для налаживания Высшего порядка в обществе и в человеке использовалось Право, представляющее духовный синтез традиционной веры русского народа (Православия), традиционной нравственности (Правды) и непротиворечащих им немногочисленных законов государства.

Право, Правду и Православие Россия не импортировала из-за рубежа, а взрастила на своей национальной почве в качестве однородного феномена с единой духовной сущностью. С точки зрения генезиса, действия и цели Право, Правда и Православие представляют собой единую духовно-регулятивную общность. Разъятие данной общности (синтеза), а тем более противопоставление Права нравственности, а им православной религии приводит к ослаблению регулятивных возможностей всей отечественной системы регулирования. Игнорирование глубинных религиозно-нравственных оснований Права разрушительно влияет на состояние правопорядка в России.

Право, обращенное не столько к внешнему поведению человека, сколько к его внутреннему миру – глубинам души, совести, правосознания – выступает особым даром Благодати Святого Духа, благодаря которому человек обретает абсолютные нравственные критерии правомерного и противоправного поведения без обращения к нормативному массиву (букве закона). Условием осознания духа Права является Православная вера как путь правильного прославления Права людьми. Право обеспечивает не внешнюю лояльность Высшему порядку человеческих взаимоотношений, но внутреннее духовное преображение человеческой души, которая под таким благодатным влиянием отвращается от греха, то есть преступления. Миссия Права, таким образом, заключается в сохранении самотождества человека и спасении его души.

Такое понимание Права не умозрительно, а соответствует духовной традиции русского народа и может способствовать возрождению его культуры в настоящем. Ответить на вызовы глобализации, не восстановив изначальный сокровенный смысл и целостность Права, невозможно. Все включенное в понятие Права (и нравственные, и религиозные абсолюты) будут восприниматься сознанием, как часть, в то время как в последнее столетие оно ошибочно воспринималось как нечто отдельное – религия сама по себе, мораль сама по себе, Право само по себе. Предлагаемое в монографии расширение границы понятия Права есть процесс приближения к истине, процесс развертывания единой сущности Права, наглядно демонстрирующий то общее, что изначально присуще Праву и его органическим основаниям – Правде (нравственности) и Православию (религии).

В наши дни в отечественном правоведении юриспруденции существует немало научных школ, которые заняты обоснованием перехода российской правовой культуры к ценностям западной юриспруденции. Но возрождение России будет связано не с укоренением инородных юридизированных моделей, а с восстановлением самобытной правовой культуры, для чего необходимо вспомнить, что такое Право в его исконном и сущностном смысле.

Пока же мы наблюдаем неуклонный распад органической идеи Права. Целенаправленный удар наносится по высшим духовным сферам. Части теряют понимание принадлежности к целому, отпадают от животворного центра, отмирают, вырождаются. Подмена понятия Права разного рода законническими формулами зашла так далеко, что подлинное Право перестает быть феноменом общественного сознания в России, даже у представителей юридического сообщества. Понимание истинных правовых начал общественной жизни сохраняется, главным образом, в низах русского народа и представителей

русской культуры, чья правовая культура оказывается сейчас выше, нежели культура правящей элиты и интеллигенции.

На фоне многовекового богоборчества, оставившего свой губительный след на восприятии Права как формального средства нормирования внешнего поведения, трудно не видеть жизненную необходимость возвращения в Право тех составляющих его смысл констант, которые названы в настоящем исследовании. Жизнь современного российского общества требует создания особой *синтетической теории права*, ценностный аппарат которой уходит корнями в глубокую древность, но к настоящему времени искажен и требует восстановления в общественном сознании.

На страницах представленной монографии изложена именно синтетическая теория Права, содержащая единую методологию познания религиозных, нравственных и юридических оснований Права. Название «синтетической» эта теория может иметь постольку, поскольку является научным обоснованием неразрывного духовного синтеза Права, Правды и Православия. А ввиду того, что итоги проведенного мной исследования сопрягались с канонами христианской истины, предлагаемую теорию можно именовать также «православной теорией Права», если, конечно, на то будет благословление Русской Православной Церкви⁶²⁸.

Теоретическое правоведение может развиваться, лишь опираясь на духовный опыт народа, сконцентрированный в его вере, нравственных ценностях, особенностях правосознания. Этот опыт находит свое отражение в синтетическом, православном осмыслении Права. Не в сводах законов черпал

⁶²⁸ Недоверчивое и даже скептическое отношение многих современных православных церковнослужителей к Праву и всему правовому вообще можно отнести на счет появившейся в Новое и Новейшее время традиции отождествления Права и закона. Этой традиции не стоит поддаваться священникам Православной церкви, едва ли не в первую очередь, ибо Православие и Право – не просто однокоренные, а сущностно однородные понятия, обладающие духовной глубиной и некой неземной вечностью.

житель Святой Руси Истину Божию, а в самом воплощенном Слове, в нем надежда на нравственное преображение наших сердец, которое Господь производит в нас Своею благодатью. И мы веруем в это, зная, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14,6).

В условиях бедственного состояния коллективное сознание России ищет точки опоры для противостояния чуждому и чуждому разуму. Первой и главной из них является вера. Другой, с нею связанной, – традиция. Выход видится в возврате к духовно-историческим традициям нашего народа, к Православию как основе мировоззрения, образу жизни и деятельности. Верность православной традиции является важнейшим условием возрождения и укрепления самого Права, русской культуры, соборной государственности.

Такой подход позволяет приблизиться к пониманию того, что России сейчас нужна не новая национальная идея, а простое осознание исконных оснований духа своего народа. Русская идея – это Православие и другой национальной идеи у русского народа нет, пока он остается русским. Наш народ должен творить новую жизнь, новый совершенный социальный строй, а не новые духовные ценности.

«Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну, – признавался П.Б. Струве. – Мы более чем недостаточно бережно относились к ее достоинству, ее историческому прошлому. Мы потерпели крушение государства от недостатка национального самосознания в интеллигенции и народе. Единственное спасение для нас – восстановление государства через возрождение национального самосознания. Россию погубила безнациональность интеллигенции. Единственный в мире исторический случай забвения национальной идеи мозгом нации»⁶²⁹. Нашему народу нужно научиться отстаивать свое право на собственную национально-культурную и религиозную идентичность,

⁶²⁹ Письма из эмиграции. М., 1989. С. 44.

включая право на мировоззренческую самоидентификацию и самобытность, на доступ к своим культурным ценностям, на свободное установление и осуществление своего духовно-культурного развития.

Для этого юридической общественности нужно вести постоянную работу по очищению и укреплению отечественного правосознания, на чем настаивал еще И.А.Ильин, так и не услышанный в первой половине XX века. Российское правосознание нужно оберегать от западного формализма, самодовлеющей юридической догматики, безпринципности, релятивизма. России необходимо национальное по своим корням, христиански православное по своему духу правосознание. Развивать нужно не только рациональный компонент правосознания, но и чувственно-иррациональный, а также те его компоненты, которые невозможно однозначно отнести ни к идеям, ни к чувствам субъектов Права – совесть, духовный смысл, национальный стиль и др.

Возникают серьезные сомнения в оправданности ухода государства от защиты общественных интересов в духовной сфере. Следует признать ошибочным положение, ставшее нормой Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 13), о недопустимости существования государственной идеологии. Государство не может не участвовать наряду с обществом в определении базовых, жизненно важных ценностей развития и не может не нести за это ответственность, в том числе в воспитании и образовании, в сфере правовых ограничений деятельности средств массовой информации, поддержки традиционной религии и запрете деструктивных сект.

Российскому государству нужна ясная и понятная национально-государственная идеология, которая должна содержать в себе фундаментальные нравственные ценности и идеалы традиционного народного бытия. Эти идеалы коренятся в религиозной сфере человеческого сознания, ибо именно религия претендует на то, что хранит в себе абсолют-

ную Истину. Государственной идеологией в России должно быть признано Православие, тогда Православная христианская вера станет государственной религией, а Русская Православная Церковь получит статус главенствующей со всеми вытекающими юридическими последствиями. Православие будет восприниматься и Церковью, и государством как общая цель, определяющая единство стремлений и «симфонию» взаимодействия.

В этом случае абсолютные нравственные ценности будут максимально учитываться в процессе принятия важнейших общегосударственных решений. Преодолеется разрыв в передаче духовного наследия России, которым раньше занимались церковь, семья, государство, обычай, воспитательные и образовательные учреждения. Православие послужит твердым основанием для общественно значимых деяний. Это позволит вернуть в нашу жизнь Истину, привнесенную когда-то Словом, закономерно откроет людям понимание главного, что должен понимать человек — смысла жизни.

Изменение формы правления в России на более религиозно укорененную предполагает одухотворение самого российского общества, иначе все выродится в ложь и лицемерие, обезсилит эту форму и обезценит ее в глазах людей. Но такое духовное возрождение общества нельзя исключать вовсе, и тогда религиозно более высокая форма государства станет естественной.

Таким образом, защита Права как национального достоинства русского народа, охрана его нравственности есть защита традиционной религии — Православия. Положение Православия в России является точным барометром состояния русской культуры и подлинной правовой защищенности ее граждан. Осмыслить Право во всей его духовной полноте дано не утилитарному юридическому мышлению, а собственно правовому сознанию, которое вне православной традиции не возникает. В западной юриспруденции сложно найти эквива-

лент отечественной философии Права, потому что духовный опыт стран Запада был иным.

Возвышение теории Права в России было обусловлено традиционным приоритетом Благодати над Законом, присущим православному мировосприятию. При этом Право олицетворялось русским сознанием с Благодатью Святого Духа, а Закон – с Ветхозаветным сводом нормативных правил. Благодать (Право) выше Закона, поскольку являет живое участие живого Бога в судьбе конкретного человека. Русские издревле считали, что закон может быть безблагодатным (неправовым), если он формально подходит к человеческим нуждам и не обнаруживает спасительного милосердия и любви к заблудшим.

Западная юридическая наука не достигла таких границ понимания Права, потому что ее отличает прагматическая направленность юридических знаний, их непосредственная включенность в «рыночный оборот» потребительского общества. Отсюда – известное пренебрежение в западной юриспруденции к общетеоретической правовой проблематике, оценка ее как не очень-то нужной современному обществу. В конечном счете, этим объясняется поверхностность понимания Права на Западе при перепроизводстве соответствующих научных школ и подходов. Проблема правопонимания относится к числу фундаментальных, поэтому ею должна заниматься фундаментальная наука. Иное оборачивается формированием в научной среде юристов-комментаторов, не способных к самостоятельному мышлению, действию и поиску истинных закономерностей.

Очевидно, что современных юристов готовят осваивать упрощенные «производственно-технические» задачи и обслуживать не всегда правомерные и законные интересы бизнес-структур. Показательно, что специальность юристов в российских вузах теперь называется «Юриспруденция», а не «Правоведение» как раньше. Новые технологии и методики учебного процесса «натаскивают» студента-юриста на тести-

ровании и решении описанных в учебниках ситуаций, и когда ему на практике попадает живой собеседник с конкретной, не описанной в учебнике, проблемой, такой специалист сразу теряется. Коммерциализация высшего юридического образования диктует готовить именно таких «специалистов» для заполнения узкопрофильных рыночных позиций. В результате практикующий юрист не способен уяснить смысл и дух Права и не может оказать действенную юридическую помощь нуждающимся в ней при пробельности, противоречивости писанных юридических актов либо их явно неправовом характере.

Вместо строгой системы знаний сегодня студентам юридических факультетов предлагается поверхностная, клочья пестрота отраслевых сведений, обрывки цельной информации о Праве, не требующей связного, целостного видения Права. Это неизбежно влечет невежество будущих специалистов, самоуверенность оценок, капризную субъективность, а главное – формализм и начетничество. Происходит это оттого, что современным российским юристам не даются знания о традиционном русском правопонимании. Юристы, не разобравшись в том, что есть Право, предпочитают в наши дни вести дела по довольно узкой специализации, превращаясь в «буквоедов» и трансляторов чужих комментариев к законам. Отсюда – торжество несправедливости, неправосудности, неправедности. Рассмотрение студентами-юристами вопроса правопонимания сквозь призму «осведомленного безразличия» обходится обществу ценой беззакония.

Православный, синтетический тип правопонимания сможет реально помочь практикующим юристам разрешить конкретное дело непосредственно, а также обосновать принятое решение на началах высших нравственных абсолютов. Такое правопонимание нисколько не противоречит прагматической ориентации современного правоведения, наоборот, подкрепляет ее нравственно. Выработанное под влиянием Правосла-

вия целостное духовное мировоззрение прозволит отечественному юристу уверенно чувствовать себя даже при существенных пробелах и противоречиях в писаном законодательстве.

Еще римская юриспруденция была ориентирована на изучение юридических казусов, а не понятия Права или выражаемых им духовно-нравственных ценностей. Не случайно в античном мире возник термин «юриспруденс» (jurisprudens), которым обозначали знатока закона. А отыскание и понимание Права – стало исконно русским уделом, причем не узкой группы специалистов, а всего народа, понимавшим благодаря Православию категории «Правда», «совесть», «праведность» и др. Там, где римский юрист опирался на возможности формальной логики, православный человек действовал по совести, жил по Правде. И что удивительно: такой тип правопонимания позволял русскому народу иметь немногочисленное законодательство, не переполненные суды, низкий уровень преступности, а главное – крепить свой национальный дух и создавать величайшую духовную культуру.

Прочитанное в этой книге требует осмысления. Правильно усвоенное знание позволяет многое изменить в окружающей действительности. Автору бы хотелось, чтобы изложенные в книге идеи были возвращены в систему ценностных ориентаций современных российских юристов и всего российского общества. Тогда благодатный смысл Права будет снова освящать духовную культуру России.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1.	
Понятие и сущность права: опыт демифологизации.....	26
1.1. Критика основных типов правопонимания.....	26
1.2. Критика подходов к сущности права.....	83
Глава 2.	
Религиозно-нравственное обоснование Российского права.....	146
2.1. Право и Правда (нравственная основа права России).....	146
2.2. Право и Православие (религиозная основа права России).....	220
Глава 3.	
Определение понятия Права.....	307
Глава 4.	
Право как национальное достояние России	358
4.1. Традиции и национальный характер русского народа в контексте Правогенеза.....	358
4.2. Становление православного понимания Права на Руси.....	391
Глава 5.	
Право как атрибут духовности человека и общества.....	428
5.1. История Права в призме духовной эволюции России и Запада.....	428
5.2. Русское Право и глобализация мира.....	495
Заключение.....	535

Научное издание

Виталий Викторович Сорокин

Право и православие

Монография

ISBN 5-93957-148-5

Корректор *Р.С. Розенфельд*.

Сдано в набор 08.03.2007. Подписано в печать 22.03.2007.
Формат 60 × 90/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 34,2. Тираж 500 экз.
Заказ № 1843.

Отпечатано в типографии Бийского педагогического государственного университета
имени В.М. Шукшина – г. Бийск, ул. Короленко, 55/1.

